29869
9(44)4
П 49

3/58

ИСТОРІЯ
НАПОЛЕОНА.
III.

ИСТОРІЯ НАПОЛЕОНА.

СОЧИНЕНІЕ

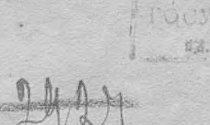
НИКОЛАЯ ПОЛЕВАГО.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1846.



ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 17 Октября 1844.

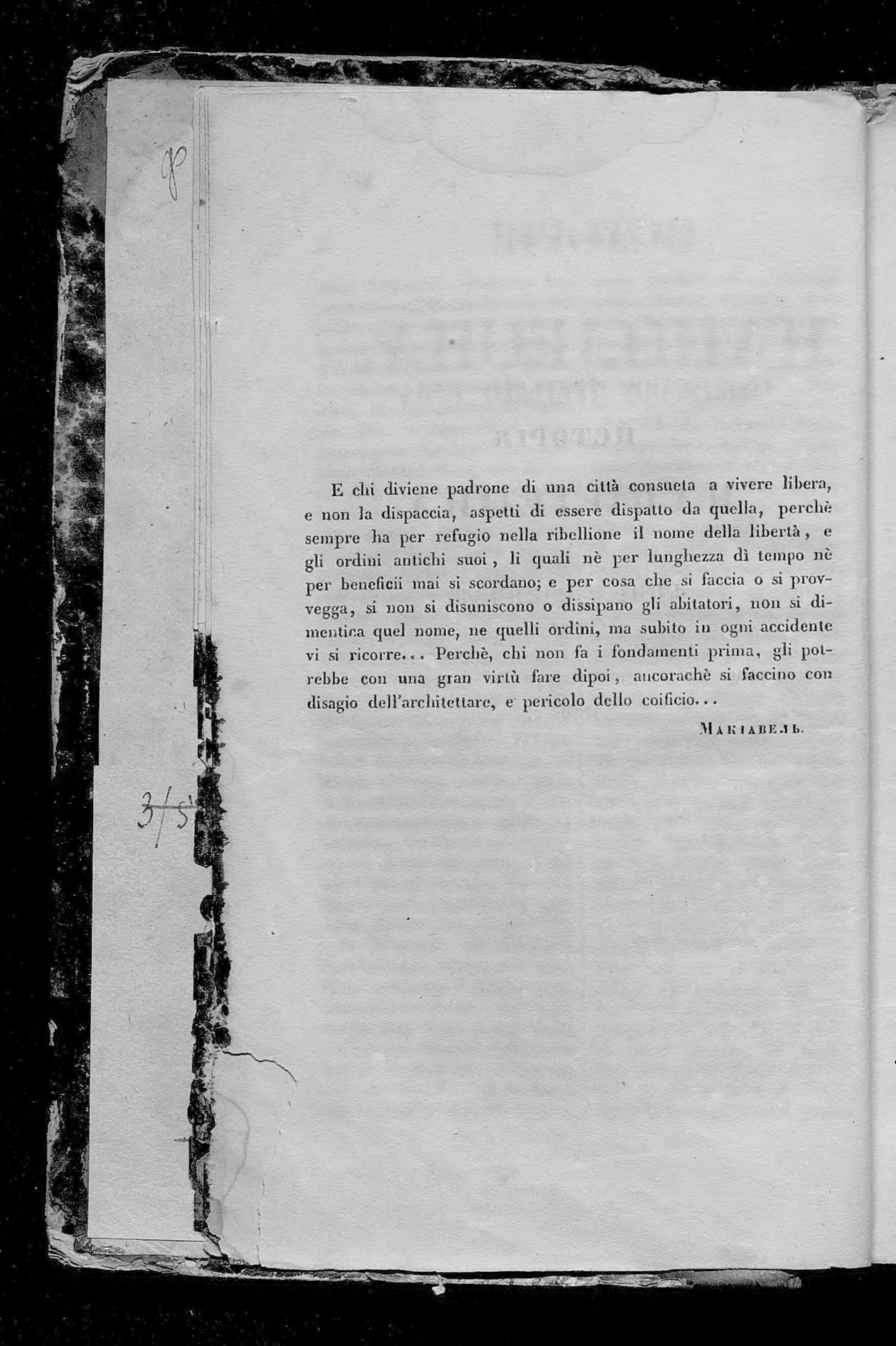
Ценсоръ *А. Очкинъ.*

ИСТОРІЯ
НАПОЛЕОНА.

КНИГА ВОСЬМАЯ.

ВОЙНА ВЪ ГЕРМАНІИ. ІЕНА И АУЭРШТЕТЪ.

1806 г.



E chi diviene padrone di una città consueta a vivere libera, e non la dispaccia, aspetti di essere dispatto da quella, perchè sempre ha per refugio nella ribellione il nome della libertà, e gli ordini antichi suoi, li quali nè per lunghezza dì tempo nè per beneficii mai si scordano; e per cosa che si faccia o si provvegga, si non si disuniscono o dissipano gli abitatori, non si dimentica quel nome, ne quelli ordini, ma subito in ogni accidente vi si ricorre... Perchè, chi non fa i fondamenti prima, gli potrebbe con una gran virtù fare dipoi, ancorachè si faccino con disagio dell'architettare, e pericolo dello coificio...

Макіавель.

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

Исторія Наполеона.

Замѣтили большую перемѣну въ рѣчахъ, поступкахъ, во всемъ что говорилъ и дѣлалъ Наполеонъ, даже во всемъ что окружало его послѣ возвращенія изъ Германіи. Перемѣна состояла въ томъ, что въ немъ, казалось, исчезла всякая недовѣрчивость къ самому себѣ, судьбѣ своей и жребію Франціи. Прежде говорилъ онъ *условно*, оказывалъ *сомнѣніе*— теперь рѣчи и поступки его показывали какого-то *рѣшителя судебъ и событій*. Прежде онъ *надѣялся* на побѣду — теперь онъ *былъ увѣренъ* въ ней. Прежде онъ показывалъ, что повинуясь ему, Франція вознаграждается за пожертвованіе благодѣяніями его власти—теперь Франція должна была почитать себя

счастливою, что онъ, избранникъ судебъ, владѣетъ ею. «*Франція* и я,» говорилъ онъ прежде — «Я и Франція,» говорилъ теперь. Такъ въ политикѣ его исчезли прежняя условность, колебаніе, уступки — *повелѣвать* хотѣлъ онъ, и *повиноваться* должны были другіе. Такъ и во внѣшнемъ величіи, уже не застѣнчивый плебей, укрывающійся въ багряницу, страшась, не страненъ ли въ непривычной ему порфирѣ былъ онъ — нѣтъ! *первый* среди другихъ монарховъ мечталъ онъ быть, хотѣлъ, чтобы и Дворъ его былъ *первымъ* среди другихъ Дворовъ Европейскихъ. Прежде приличія, условія дворскія, какъ будто связывали его — теперь онъ покорялъ ихъ себѣ. Все, что въ ветхихъ формахъ отличало древніе Дворы монарховъ Европы, хотѣлъ онъ создать окрестъ себя въ новыхъ, самобытныхъ формахъ. Когда колонна выше Траяновой заживо передаетъ потомству его изображеніе, онъ повелѣваетъ приготовить древнее аббатство св. Діонисія для гробницъ Императорскаго рода. Маршалы его будутъ герцогами, министры властителями царствъ, братья и родственники царями, Франція *первою державою въ Европѣ*. Все, что гордость человѣческая изобрѣла для внѣшняго величія царей, окружитъ тронъ Наполеона. Все ниже его. По его повелѣнію древніе роды феодаловъ за счастіе будутъ считать родство съ его солдатами — сильные земли позавидуютъ рабамъ его.

Сенатъ и всѣ другія высшія мѣста спѣшили благоговѣть передъ трономъ Наполеона. Дивное дѣло,

слава и величіе! Какимъ-то волшебнымъ свѣтомъ облекаютъ они человѣка, еще вчера стоявшаго въ ряду другихъ, и являютъ его превосходящимъ тѣхъ, кто столь недавно былъ ему равенъ, казался даже выше его. Очаровательный свѣтъ славы можно уподобить миражу въ степяхъ жизни человѣческой, осуществляющему мечту, но видя который человѣкъ не можетъ разувѣрить себя въ мечтѣ.

Марта 5-го Наполеонъ открылъ засѣданія Законодательнаго Корпуса, какъ будто сохраняя формы, по которымъ обязанъ былъ онъ давать отчетъ представителямъ народа. Министры его представили изображеніе внѣшняго и внутренняго состоянія Франціи. Рѣчь Наполеона походила на глаголы существа выше обыкновенныхъ смертныхъ, а отчеты министровъ его названы были «похвальными словами Плинія Траяну.» Но таковы были слава внѣшняя и величіе внутреннее имперіи Наполеоновой, что самыя великолѣпныя фразы казались недостаточными изобразить ихъ вполнѣ. «Мои арміи *перестали побѣждать* тогда только, когда я *не велѣлъ имъ сражаться*,» говорилъ онъ; «мои союзники возвеличились и сдѣлались могущественнѣе, мои враги были побѣждены и уничтожены. Домъ Неаполитанскій потерялъ свою корону безвозвратно. Весь полуостровъ Италійскій составляетъ нынѣ часть моей великой имперіи. Какъ верховный властитель, я утвердилъ престолы государей, и устроилъ образъ управленія государствами. Высокій жребій короны моей уже не зависитъ отъ чувства и распо-

*

ложенія иностранныхъ Дворовъ. Я могъ уничтожить Австрію, но я не разрушилъ ее, хотя отнынѣ поведеніе Вѣнскаго кабинета будетъ таково, что меня не укорятъ въ непредусмотрительности, и я могу вѣрить обѣщаніямъ монарха Австріи. Желаю мира съ Англіею и не замедлю имъ, всегда готовый заключить его на основаніяхъ Амьенскаго договора. Воспитанный въ бояхъ, и всегда торжествовавшій въ битвахъ, признаюсь однакожь, что въ послѣднее время воины мои превзошли всѣ мои ожиданія, и сладостно сердцу моему сказать, что народъ мой исполнилъ свою обязанность. Французы! я не обманулся въ надеждахъ моихъ на васъ!» Нельзя было не упомянуть о Трафалгарѣ. Наполеонъ сказалъ въ нѣсколькихъ словахъ: «Отъ бури погибло нѣсколько нашихъ кораблей, послѣ сраженія, неосторожно даннаго.» Не смѣли даже рукоплескать, и чтили раболѣпнымъ безмолвіемъ рѣчь Наполеона. «Вотъ что сдѣлано для славы и благоденствія Франціи!» Такъ заключалъ исчисленіе дѣлъ Наполеоновыхъ въ отчетѣ своемъ Шампаньи. «Да, убѣдится Англія въ своемъ безсиліи вредить намъ, и да не мыслитъ о составленіи четвертаго союза. Первый кончился Кампо-Формійскимъ миромъ, и слѣдствіемъ его были передача Франціи Бельгіи, граница по Рейнъ, Голландія подъ вліяніемъ Франціи, завоеваніе областей нынѣшняго Итальянскаго королевства. Второй союзъ передалъ намъ Піемонтъ. Третій союзъ ввелъ въ государственную систему нашу Венецію и Неаполь. Но Императоръ мы-

слитъ о томъ, что остается ему дѣлать, и находитъ въ будущемъ гораздо болѣе того, что уже сдѣлано. Не завоеванія онъ предпринимаетъ — онъ уже *истощилъ* военную славу. Усовершенствовать правленіе, содѣлать его для народа источникомъ прочнаго благоденствія, примѣромъ чистой и высокой нравственности: такова слава, которою будетъ онъ гордиться, которую обѣщаетъ онъ себѣ въ жизни, вполнѣ отданной его великой и тяжкой обязанности...»

Тревожныя думы возбуждали во Франціи и въ Европѣ всѣ сіи отчеты, гдѣ высказывалъ свои дѣла и намѣренія Наполеонъ. Неужели дѣйствительно славу свою заключитъ онъ отнынѣ во внутреннемъ управленіи своей имперіи? Что же значатъ слова, что ему *остается сдѣлать болѣе сдѣланнаго имъ?* Онъ *не хочетъ завоеваній*, желаетъ мира съ Англіею на *основаніи Аміенскаго договора*, но гдѣ же остался Аміенскій договоръ послѣ перемѣнъ, совершившихся въ Европѣ съ 1802 года? Почему *весь Италійскій полуостровъ* причисляетъ онъ къ своей имперіи, когда тамъ остаются еще независимые Папа и Этрурія? Онъ говоритъ, что Неаполитанская династія перестала царствовать, но кому же назначена Неаполитанская корона, или Неаполь составитъ область Французскую? Куда поведетъ раздвиженіе власти Наполеоновой за Адріатическое море, на древнюю землю Эллады, столь близко къ Царьграду? Какая его *союзная система* (son système fédératif), о которой онъ говоритъ? Надежда ли на миръ рѣчи, коими вы-

ражается онъ объ Россіи, объ Австріи? Россія не приняла отъ него мира. Пруссія еще не побѣждена имъ. И развѣ союзъ ихъ уже не страшитъ его, развѣ союзъ ихъ не соединитъ съ ними Австріи?

Будущее готовитъ событія великія, неожидаемыя: вотъ все, что можно было сказать въ началѣ 1806 года, но кто могъ предугадать, какія будутъ сіи событія? Самъ Наполеонъ не могъ сказать о томъ, ибо ежеминутно мысли его измѣнялись, идеи разнообразились, предпріятія смѣнялись одно другимъ, когда каждая мысль, каждая идея, каждое предпріятіе могли немедленно переходить въ существенность его волею и силою.

Еслибы кто нибудь сказалъ тогда, что пораженіе Наполеона подъ Аустерлицомъ было бы счастіемъ для него, для Франціи, для Европы, и что побѣда Аустерлицкая содѣлается источникомъ его паденія? Такія слова могли показаться парадоксомъ, если не совершенною нелѣпостью, но дѣйствительно такъ было. Побѣжденный, Наполеонъ нашелъ бы еще силы поддержать самобытность Франціи, убѣдился бы, что не все возможно ему, и мудростью законодателя и монарха ограничилъ свои подвиги. Побѣдившій, онъ убѣдился въ возможности всего, что только изобрѣтала его мечтательная голова, и онъ уподобился человѣку, котораго какая-то волшебная сила взноситъ на вершину великой горы. По мѣрѣ возвышенія его, небосклонъ расширяется передъ нимъ, и наконецъ нѣтъ предѣла небосклону — одна безконечность, рав-

ная вѣчности. Но вѣчность не удѣлъ земли: здѣсь одинъ символъ вѣчности — смерть!

Въ Вѣнѣ положено было основаніе политической системѣ Европы, которую тогда опредѣлилъ себѣ Наполеонъ. Въ Мюнхенѣ, Стутгардтѣ и Карлсругѣ она была дополнена, и онъ самъ сознавался, что при переѣздѣ черезъ Рейнъ въ Келѣ, когда онъ увидѣлъ оба берега рѣки, покрытые тысячами народа, равно привѣтствовавшими его, новая мысль ярко блеснула въ головѣ его: «Людовикъ XIV-й сказалъ, что *уже нѣтъ Пиренеевъ* — я могу сказать, что *нѣтъ Рейна*: Рейнъ уже не предѣлъ Франціи!»

Далеко превосходила новая система дѣлъ и политики Наполеона все, что предполагалъ онъ, начиная войну 1805 года. Что тогда было крайнимъ предѣломъ его желаній? Утвердить за Франціею новыя пріобрѣтенія въ Италіи, Лукку, Геную, Парму; удержать единство власти надъ Итальянскимъ королевствомъ, покровительство надъ Голландіею, посредничество надъ Швейцаріею, и обратить Пруссію и Австрію къ войнѣ съ Англіею, по крайней мѣрѣ, заставить ихъ принять систему Французской политики. Россія, какъ полагалъ онъ, послѣдуетъ ихъ примѣру. Хотѣлъ ли онъ послѣ того опять обратиться къ высадкѣ, или надѣялся, что Англія, истощенная усиліями, устрашенная новыми успѣхами Франціи, согласится на миръ, который дастъ ему средства привесть въ исполненіе прежніе замыслы, какіе хотѣлъ осуществить Наполеонъ послѣ Аміенскаго мира? Но

событія 1805 года показали ему возможность поставить Францію первою державою въ Европѣ, и предписывать не условія, но законы всѣмъ другимъ Европейскимъ государямъ. Болѣе прежняго убѣдился онъ въ ошибочномъ мнѣніи, что Россія не можетъ ему противиться. Оставались Австрія и Пруссія. Одна была покорена ему побѣдою. Другая должна была содѣлаться также покорною, если не страшилась мести и гибели. Безопасный такимъ образомъ отъ трехъ сильнѣйшихъ державъ Европы, Наполеонъ рѣшился упрочить между тѣмъ свое владычество новыми пріобрѣтеніями, присоединить къ Франціи всю верхнюю и среднюю Италію, отдѣлить остальную Германію отъ Австріи и Пруссіи, разрушить Германскую имперію, и образовать изъ частей ея, Неаполя, Голландіи, Испаніи и Турціи *союзъ государствъ* подъ его покровительствомъ, управляемый его волею и его политикою, «его союзную систему.» Какъ будто еще страшась подчинить все безъ разбора своему непосредственному самовластію, онъ оставлялъ союзникамъ внѣшнюю самобытность. Германскія государства, Голландія и Неаполь должны были считаться независимыми, составляя систему союзныхъ державъ, что сдѣлалось любимою мыслью Наполеона. Но самобытность, повторяемъ, долженствовала быть только внѣшняя. Троны Неаполя и Голландіи хотѣлъ онъ отдать братьямъ своимъ, назначая Іосифу Неаполь, Людовику Голландію. Такимъ образомъ образовывалась сила громадная. Присоединеніе Венеціи

и Далмаціи сближало предѣлы Франціи, или, что было все равно, Итальянскаго королевства съ Турціею, и давало средства управлять политикою Оттомановъ, открывая виды къ составленію флотовъ на Средиземномъ морѣ, завоеванію Египта, походу въ Индію и угроженію Россіи съ юга. Всевозможныя благодѣянія союзникамъ за покорность, военный деспотизмъ и принужденіе оружіемъ исполнять волю его въ случаѣ сопротивленія Австріи и Пруссіи — таковы должны быть правила его политики. Верховный властитель Европы, передавши короны братьямъ, онъ хотѣлъ, чтобы и сподвижники его, оставаясь его подданными, стали выше другихъ, были властителями. Они должны вступить въ родство съ поколѣніями древнихъ феодаловъ, и осыпанные богатствами и почестями, образовать Дворъ новаго Карла Великаго.

Но если Европа, доведенная до отчаянія, осмѣлится возстать на Наполеона, и если въ новой борьбѣ испытаетъ неудачу его оружіе? Не одно оружіе, но и хитрую политику Италіянца хотѣлъ употребить Наполеонъ, и положеніе, въ какое поставилъ онъ Европу послѣ Пресбургскаго мира, доказывало, что Макіавель былъ ему землякъ. Пресбургскимъ миромъ разторгнутъ былъ союзъ Австріи съ Россіею и Пруссіею. Обвиняемая въ бездѣйствіи Россіею и Австріею, Пруссія вооружала противъ себя Шенбрунскимъ договоромъ Англію, согласясь взять Ганноверъ, когда сей поступокъ, и вообще союзъ Пруссіи съ Наполеономъ, разрушали дружбу ея съ Россі-

ею. Англія, послѣ смерти Питта, предавшая слабому и несогласному министерству, ссорясь за Ганноверъ съ Пруссіею, и не имѣя возможности оправдаться въ медленіи и неисполненіи условій въ 1805 году, ссылалась только на случайную удачу Трафалгарской битвы и возбуждала негодованіе союзниковъ. Пока продолжалось столь смятенное состояніе Европейской политики, Наполеонъ дѣйствовалъ неутомимо и рѣшительно.

Въ слѣдствіе Пресбургскаго трактата, въ Германіи приступили къ передачѣ земель и исполненію различныхъ статей его. Австрійцы заняли Зальцбургъ и Вюрцбургъ; уничтожено было званіе гросмейстера Тевтонскаго; Баварцы вступили въ Аугсбургъ; Австрійскіе коммиссары отправились сдавать Французамъ Венецію и Далмацію. Общее вниманіе обращалось между тѣмъ на Пруссію.

События войны 1805 года нѣсколько разъ измѣняли политику Пруссіи. Такъ, когда послѣ отправленія Гаугвица разнесся въ Берлинѣ ложный слухъ о пораженіи Наполеона, непомѣрная радость была изъявлена при Дворѣ и въ народѣ. Положено немедленно послать маіора Фуля въ главную квартиру союзниковъ, и условиться о началѣ военныхъ дѣйствій, а Гаугвицу дѣйствовать по силѣ прежнихъ наставленій, и требовать немедленнаго отвѣта Наполеонова. Но сіе рѣшеніе не продолжилось. Получили извѣстіе объ Аустерлицѣ, и побѣда Наполеонова возбудила такія опасенія, что маіоръ Фуль былъ посланъ къ

Гаугвицу уже съ приказаніемъ остановиться предложеніемъ прежнихъ условій Наполеону, предлагая ему, что Пруссія немедленно выведетъ изъ Ганновера свои и союзныя войска, принимая на себя ручательство за безопасность Голландіи и посредничество въ мирѣ съ Англіею. Таково было одно изъ предложеній Наполеона до Аустерлицкой битвы, соглашавшагося, что Ганноверъ останется свободнымъ отъ Прусскихъ, Шведскихъ и Англійскихъ войскъ, имѣя гарнизонъ Французскій въ Гамельнѣ, съ тѣмъ только, что Пруссія поручится за неутралитетъ Ганновера, и за то, что союзники не войдутъ въ Голландію. Такое предложеніе было тогда отвергнуто, какъ обидное; теперь брались за него съ радостью. Пока Фуль отправился съ сими условіями, старались успокоить Англію. Гарденбергъ передалъ Англійскому послу Гарровби (Декабря 22-го) ноту, гдѣ увѣрялъ, что всѣ сіи переговоры суть только средства *выиграть время для рѣшительныхъ мѣръ и приготовиться на всѣ случаи* (to take some deliberate measures, and to prepare for every contingency). Нашли предлогъ отговариваться отъ союза тѣмъ, что теперь Пруссія связана перемиріемъ Австріи съ Наполеономъ; жаловались, что союзники не хотѣли подождать соединенія Прусскихъ войскъ съ союзными. Громовымъ ударомъ былъ пріѣздъ Гаугвица въ Берлинъ Декабря 25-го. Остановя Фуля на дорогѣ, онъ спѣшилъ повергнуть волѣ короля трактатъ, имъ заключенный. Надобно отдать справедливость благо-

родному характеру монарха Пруссіи, что первымъ движеніемъ его, какъ равно при Дворѣ и въ народѣ, было общее негодованіе. Требовали войны. Обвиняли недостойнаго министра. Гаугвицъ предлагалъ пожертвовать имъ, отвергнуть трактатъ, какъ самовольно заключенный, но гнѣвъ противъ него не продолжился. Какъ прежде, порывъ негодованія вскорѣ стихъ, и Пруссія рѣшилась принять несчастную систему полумѣръ, нерѣшительности и медленія. Положили, что Прусскія войска займутъ Ганноверъ временно до заключенія общаго мира, и что изъ договора съ Наполеономъ исключатъ слова: *союзъ оборонительный и наступательный,* замѣнивъ ихъ словомъ: *неутралитетъ.* Гаугвицъ отправился къ Наполеону требовать подтвержденія, что Ганноверъ, занятой на такомъ условіи, останется за Пруссіею, а послу Англійскому Джаксону, Января 26-го, подтвердили, что Пруссія беретъ Ганноверъ только для охраненія его отъ власти Наполеона. Войска Прусскія вступили въ Ганноверъ (Января 27-го), и тоже объявлено регенту Ганновера, графу Мюнстеру, главнокомандующимъ Прусскаго корпуса, графомъ Шуленбургомъ-Кенертомъ. Какъ доказательство мирнаго расположенія, половина Прусской арміи была поставлена на мирную ногу, а другая разведена по гарнизонамъ и распущена.

Наполеонъ былъ безпощаденъ. Едва явился Гаугвицъ, ему объявили, что измѣненія, сдѣланныя въ Шенбруннскомъ трактатѣ, совершенно уничтожаютъ

его (Февраля 4-го), и Франція объявляетъ войну Пруссіи. Опять сроку даны сутки, и несчастный министръ Прусскій вторично принужденъ былъ подписать трактатъ, коимъ, не только подтверждались всѣ статьи Шенбрунскаго договора, но Пруссія отказывалась еще отъ участка, который прежде отдѣлялся ей отъ Баваріи. Она брала безвозвратно Ганноверъ въ свое владѣніе, и затворяла гавани Англичанамъ, вступая въ союзъ съ Наполеономъ. Не дожидаясь ратификаціи Прусскаго Двора, пока Луккезини поѣхалъ съ новымъ трактатомъ въ Берлинъ, Наполеонъ велѣлъ занять Французскими войсками уступаемыя Пруссіею земли. Бернадоттъ вступилъ въ Аншпахъ, Удино вошелъ въ Нефшатель, Мюратъ взялъ Клевъ. Гамельнъ оставленъ былъ Французами и Ганноверъ переданъ Пруссакамъ. Дабы сдѣлать невозможнымъ всякое возраженіе, Наполеонъ немедленно передалъ Аншпахъ Баваріи, въ слѣдствіе договора, коимъ уравнивались разныя пріобрѣтенія между Франціею и Баваріею: часть Тироля присоединена была къ Итальянскому королевству; Баварія уступила Наполеону герцогство Бергское и получила Аншпахъ. Послѣ передачи Фрикталя Швейцаріи, между Аарау и Баденомъ, получившимъ Бризгау, опредѣленъ былъ границею Рейнъ. Наполеонъ подтвердилъ свое покровительство новымъ договоромъ, по коему опредѣлена была служба Швейцарцовъ въ арміи Наполеона, гдѣ находилось ихъ уже болѣе 20,000. Владѣніе Майнцомъ укрѣплено было Франціи уступкою Кассельска-

го и Костгеймскаго округовъ отъ князей Пассаускихъ. По просьбѣ Баваріи Германскія пріорства Мальтійскихъ рыцарей были возстановлены, не смотря на уничтожавшія ихъ статьи Пресбургскаго трактата, и достоинство великаго пріора передано было сыну короля Баварскаго, принцу Карлу Теодору.

Среди сихъ мѣлкихъ передачь и уступокъ, декреты Наполеона возвѣстили основанія новыхъ, подвластныхъ ему троновъ. Дѣля по произволу Германію и Италію, онъ отдалъ сестрѣ своей, принцессѣ Піомбинской, княжество Гвасталлу; другая, герцогиня Луккская, получила Массу и Каррару. Мюрату, возведенному въ званіе герцога, отданы были Бергъ и Клевъ, а Бертье, съ званіемъ князя, Нефшатель. Въ Неаполитанскомъ королевствѣ отдѣлены независимыми княжества Понте-Корво и Беневентъ. Кромѣ того, учреждены 12 феодальныхъ герцогствъ въ верхней Италіи и Далмаціи, подъ названіями *Далматскаго, Истрійскаго, Фріульскаго, Кадорскаго, Беллунскаго, Конельянскаго, Тревизскаго, Фельтрскаго, Бассанскаго, Виченцскаго, Падуанскаго* и *Ровигскаго;* шесть такихъ герцогствъ основаны были въ Неаполитанскихъ областяхъ. Бернадоттъ и Талейранъ немедленно возведены были въ званія, первый *князя Понте-Корво,* второй *князя Беневентскаго.* Тогда же Камбасересъ и Лебрюнъ получили почетные титулы, одинъ *герцога Пармскаго,* другой *герцога Піаченцскаго.* Всѣ восмнадцать феодальныхъ герцогствъ назначались въ награду полководцамъ и министрамъ На-

полеона. Онъ учредилъ, кромѣ того, въ Италіи денежныя награды: милльонъ франковъ изъ доходовъ Неаполитанскихъ, и милльонъ двѣсти тысячь изъ процентовъ Миланскаго банка, назначались въ награду людямъ, оказавшимъ заслуги отечеству, отъ генерала до солдата. Важнѣе всего были декреты Марта 31-го и Мая 24-го: однимъ Іосифъ возведенъ былъ на тронъ *Неаполитанскій;* другимъ кончено бытіе Батавской республики, и Людовикъ объявленъ королемъ Голландіи.

Можно было предвидѣть легкость завоеванія Неаполя. Не думая о защитѣ, король Фердинандъ отправилъ къ Наполеону кардинала Руффо. Его остановили въ Римѣ. Іосифъ, съ Сенъ-Сиромъ, Ренье, Массеною, и 50,000 войска, приближался къ границамъ королевства, когда явился другой посолъ Фердинанда, князь Санта-Теодоръ; его отослали обратно безъ отвѣта. Тогда королева Каролина рѣшилась вооружить полудикихъ жителей Калабріи и Неапольскихъ лаззароновъ. Духовенство возбуждало народъ къ войнѣ. Страшась кровавыхъ явленій, какія видѣлъ Неаполь въ 1799 году, и чувствуя невозможность защиты, дворянство и жители Неаполя составили народную стражу, не допустили возстанія въ народѣ, и отправили депутацію къ Іосифу, договариваться о сдачѣ столицы. Французы шли поспѣшно, и вступили въ Неаполь столь быстро, что едва успѣли удалиться въ Сицилію король, королева и Дворъ ихъ. Въ гавани захвачены суда съ королев-

скими пожитками; въ арсеналѣ найдено до 200 пушекъ. Пока Іосифъ успокоивалъ жителей Неаполя, и льстя ихъ вѣрованіямъ, торжественно приносилъ на украшеніе статуи св. Іаннуарія драгоцѣнное ожерелье королевы, Сенъ-Сиръ и Ренье преслѣдовали королевское войско и толпы Калабрійцовъ и лаззароновъ, всего до 20,000, предводимыхъ главнокомандующимъ Неаполитанскихъ войскъ Рожеромъ Дамасомъ, и двумя принцами, сыновьями короля. Кампредонъ и Виллонгъ осадили Гаэтту, единственную крѣпость, гдѣ коммендантъ ея, принцъ Людвигъ Гессенъ-Филипстальскій, сынъ Курфирста Гессенъ-Кассельскаго, рѣшился защищаться. Послѣ битвы при Лаго-Негро, Дамасъ былъ разбитъ при Кампотенезе, гдѣ взяты въ плѣнъ генералы Риччи и Чуди; остатки войскъ Дамаса и отрядъ фельдмаршала Розенгейма, гдѣ находились оба принца, были преслѣдуемы безостановочно до крайняго предѣла Калабріи, и изъ Реджіо едва 5000, съ Дамасомъ и принцами, могли сѣсть на суда и переправиться въ Сицилію. Все королевство Неаполитанское было занято, и жители повсюду мирно встрѣчали Іосифа, объѣзжавшаго всѣ области и возстановлявшаго порядокъ. Желая придать торжественность занятію Неаполя, и продолжая мщеніе королевѣ Каролинѣ, Наполеонъ явился въ театръ, когда давали *Гоѳолію* Расиnову. Тальма со сцены объявилъ о «наказаніи новой Гоѳоліи,» и подаркѣ престола Неаполитанскаго брату Наполеонову. Іосифъ находился въ Вогнарѣ, противъ Мессины, когда по-

лучилъ декретъ Наполеона, возводившій его на престолъ Неаполитанскій. Декретъ походилъ на приказъ по арміи. «Пользы нашей имперіи, честь нашей короны и спокойствіе Европы требуютъ, чтобы мы упрочили твердымъ и окончательнымъ образомъ жребій народовъ Неаполя и Сициліи, подпавшихъ нашей власти по праву завоеванія, и какъ части нашей великой имперіи, мы объявляемъ королемъ Обѣихъ Сицилій возлюбленнаго брата нашего, Іосифа Наполеона.» Жители встрѣтили въ Неаполѣ Іосифа торжественно, и радость народа была непритворная, ибо, избавляя Неаполь отъ гибельныхъ междоусобій, Іосифъ умѣлъ пріобрѣсть въ краткое время любовь и уваженіе жителей.

Когда Южная Италія подчинялась одному брату Наполеона, послѣдовалъ конецъ двухъ-вѣковаго существованія республики Нидерландской, и Голландія, нѣкогда оспоривавшая свою независимость у владыкъ Испаніи и Америки, потомъ соперница Британіи на моряхъ, мирно покорилась указу Наполеонову. Съ 1794 года невольная союзница Франціи, съ 1800 года раба Наполеона, нѣсколько разъ измѣнявшая по чуждой волѣ свою конституцію, съ 1804 года управляемая самовластно Наполеономъ въ лицѣ своего великаго ратсненсіонарія, и всегда занятая Французскими войсками, она привыкла повиноваться, равнодушно приняла титулъ королевства, признала власть надъ собою даннаго ей короля. Секретарь Батавскаго посольства прибылъ изъ Парижа въ Гагу, Марта

18-го, и привезъ депеши Талейрана. Апрѣля 1-го собралось чрезвычайное засѣданіе Штатовъ, избранъ былъ изъ нихъ тайный комитетъ, и послѣ переговоровъ съ ратспенсіонаріемъ, отправилась въ Парижъ депутація. Тамъ, Мая 24-го, депутаты и посолъ Батавіи подписали договоръ съ Наполеономъ. «Видя,» говорилъ Наполеонъ, «что при настоящемъ положеніи Европы, Батавское правительство, не твердое и непрочное (sans consistance et sans durée certaine), не достигаетъ цѣли своего существованія; что перемѣна правителей его ведетъ къ раздорамъ и тревогѣ внѣшней; что только наслѣдственная власть упрочиваетъ спокойствіе государства; что Голландіи необходимо сильное покровительство Франціи, по просьбѣ представителей Голландіи дозволяетъ онъ принцу Людовику Наполеону принять корону Голландскаго королевства.» Наполеону предоставлена была власть назначить регента и наслѣдника новому королю, и титулъ коннетабля Франціи оставался за Голландскимъ Королемъ, какъ титулъ Великаго Избирателя остался за Королемъ Обѣихъ Сицилій. Все хранилось въ тайнѣ до 5-го Іюня, когда въ Гагѣ Шиммельпеннинкъ сложилъ съ себя званіе великаго ратспенсіонарія, и временно замѣненъ былъ президентомъ собранія Штатовъ Фосъ Фанъ-Штинвейкомъ. Въ тотъ же день депутаты Батавіи представлены были въ Парижѣ Наполеону. Онъ принялъ ихъ на тронѣ, и громкою рѣчью одинъ изъ депутатовъ, адмиралъ Вергюель, просилъ Наполеона позволить принцу Людовику

принять санъ Короля Голландскаго. Послѣ изъявленія согласія, Наполеонъ обратился къ Людовику, и гордо напомнилъ, что принимая престолъ, онъ не долженъ былъ забывать обязанностей къ нему и Франціи. «Бывши родоначальникомъ властителей Голландіи, не переставайте, В. В., быть Французомъ,» прибавилъ онъ. Людовикъ отвѣчалъ, что «если провидѣнію угодно, съ грустью мѣняетъ онъ тихій жребій подданнаго на обязанности властителя,» и «клянется исполнить долгъ свой.» Іюня 9-го Вергюель возвратился въ Гагу съ манифестомъ короля Людовика, и новый монархъ торжественно въѣхалъ въ свою столицу Іюня 23-го.

Между тѣмъ кончены были дѣла съ Пруссіею. Окончаніе было мгновенно и неожиданно. Получивъ отъ Гаугвица новый трактатъ, вопреки противорѣчію министровъ, мнѣнію общественному, убѣжденіямъ императора Александра, король Фридрихъ Вильгельмъ рѣшился покориться тяжкому жребію, подчинился волѣ Наполеона, утвердилъ трактатъ, изъявилъ благоволеніе Гаугвицу. Апрѣля 1-го возвѣщено жителямъ Ганновера, что Пруссія «принимаетъ въ законное «обладаніе владѣнія Герцога Брауншвейгъ-Люнебург«скаго въ Германіи, *принадлежащія по праву за«воеванія Е. И. В., Императору Французовъ.*» Черезъ нѣсколько дней послѣдовало запрещеніе впуска Англійскихъ кораблей во всѣ гавани Пруссія. Не входя въ объясненія съ Англіею, король Фридрихъ Вильгельмъ спѣшилъ только оправдать себя передъ

великодушнымъ союзникомъ и другомъ своимъ, и Герцогъ Брауншвейгскій отправился въ Петербургъ для переговоровъ. Онъ утѣшилъ монарха Пруссіи извѣстіемъ, что императоръ Александръ не измѣняетъ чувствъ своихъ, извиняетъ необходимостью поступокъ Пруссіи, продолжаетъ убѣжденіе въ необходимости оружіемъ положить предѣлъ властолюбію Наполеона, и готовъ соединить свои войска съ Прусскими, если наконецъ угнѣтенная Европа рѣшится возстать противъ притѣснителя.

Такимъ образомъ, покорность Наполеону не уничтожала дружескихъ отношеній къ Россіи, но она не доставила желаннаго спокойствія Пруссіи. Первымъ слѣдствіемъ мгновеннаго измѣненія Прусской политики былъ раздоръ съ Швеціею. Послѣ удаленія изъ Ганновера Англійскихъ, Прусскихъ и Шведскихъ войскъ, Густавъ Адольфъ не только не согласился оставить Ганноверъ, но сосредоточилъ свои войска въ Лауенбургѣ, на берегу Эльбы, объявилъ себя защитникомъ правъ Англійскаго Короля, протестовалъ на имперскомъ сеймѣ, и предлагалъ императору Александру взять Померанію, если онъ согласится помогать Швеціи. Напрасно уговаривали его уступить, даже убѣждало въ томъ Англійское министерство, благодаря за дружбу и усердіе, и прося прекратить сопротивленіе безполезное. Густавъ не уступалъ, отвелъ войско въ Померанію, но оставилъ небольшой гарнизонъ въ Лауенбургѣ, и объявилъ, что его выгонятъ только оружіемъ. Апрѣля 23-го Прус-

скія войска окружили Лауенбургъ. Шведы принуждены были выйдти; ихъ пропустили безъ затрудненія, но для показанія, что они насильно изгнаны, сдѣлано было нѣсколько холостыхъ выстрѣловъ въ Прусскія войска. Черезъ три дня потомъ, манифестомъ своимъ изъ Стральзунда, Густавъ объявилъ войну Пруссіи. Мая 13-го нѣсколько кораблей Шведскихъ начали блокаду Прусскихъ гаваней въ Балтійскомъ морѣ. Послѣ продолжительной переписки принуждены были уступить своенравію Густава, и 22-го Августа Шведамъ опять передали Пруссаки Лауенбургъ. Густавъ торжествовалъ, говоря, что только одинъ онъ осмѣливается въ Европѣ не повиноваться Наполеону.

Побѣда его была неважна, но гораздо тяжеле торжества его были отношенія, въ какія Парижскій трактатъ поставилъ Пруссію противъ Англіи. Едва получивъ ноту Гарденберга отъ 22-го Декабря, слышавъ дружескія увѣренія при отъѣздѣ изъ Берлина Гарровби, и обнадеженная увѣдомленіемъ о «временномъ занятіи Ганновера,» Января 27-го, Англія съ негодованіемъ узнала изъ манифеста Прусскаго о присоединеніи Ганновера къ Пруссіи, союзѣ ея съ Наполеономъ и запрещеніи входа въ Эльбу и Везеръ. Апрѣля 7-го Англійскій посолъ оставилъ Берлинъ. Апрѣля 20-го обнародованъ въ Лондонѣ манифестъ, гдѣ въ неумѣренныхъ выраженіяхъ упрекали Пруссію въ поступкѣ, соединяющемъ все, что «хищеніе представляетъ ненавистнаго и раболѣпство предосудительнаго» (every thing that was contemptible in ser-

vility, and every thing that was odious in rapacity). Послѣ протеста Императору и Имперскому сейму, Эмсъ, Эльба и Трава объявлены состоящими въ блокадѣ, велѣно забирать повсюду Прусскіе корабли, и 11-го Іюня Англія объявила войну Пруссіи.

Протестъ Имперскому сейму былъ безполезною формою, ибо если и не знали еще тогда, что уже близко было время разрушенія древняго зданія священной имперіи Римской, императоръ Францъ не только лишенъ былъ средствъ на пособіе, или посредство между членами имперіи, но самъ принужденъ былъ исполнять волю Наполеона. Безъ вѣдома его раздѣляя короны и области Германскимъ владѣтелямъ, и столь удачно запутавши въ политическія интриги Пруссію, Наполеонъ самовластвовалъ въ областяхъ Австріи.

Вопреки договора, войска его медленно оставляли Австрійскія владѣнія. Корпусъ Французскихъ войскъ въ Браунау былъ усиленъ, и Бертье распоряжался отсюда дѣлами всей Германіи, требуя строжайшаго исполненія предписаній со стороны Австрійцовъ. Такъ, когда Вюрцбургъ, хотя отъ имени эрцъ-герцога, занятъ былъ Австрійскими войсками, Наполеонъ потребовалъ выхода войскъ Австрійскихъ изъ Вюрцбурга, говоря, что тамъ позволяется быть войскамъ только его владѣльца. Для прохода Французскихъ войскъ изъ Италіи въ Далмацію потребовано было право на переходъ черезъ Монтефальконе, какъ прежде дозволенъ былъ тамъ проходъ Венеціянамъ,

хотя въ Пресбургскомъ трактатѣ о томъ ничего не было сказано. Гораздо важнѣе обстоятельство встрѣтилось при занятіи Далмаціи. Русскій флотъ и Русскія войска, занимавшія республику Іоническую, были усилены прибытіемъ, въ Январѣ 1806 г., эскадры вице-адмирала Сенявина, такъ, что число большихъ и малыхъ судовъ Русскихъ въ Адріатическомъ морѣ простиралось до 45, съ 1154 орудіями и 8000 морскаго войска, кромѣ 13-ти тысячь сухопутнаго и легіона Сульотовъ. Опасаясь, что занятіе Французами Каттарской области, которую отдѣляла отъ Далмаціи независимая Рагузская республика, и пропускъ Французовъ черезъ Янину, о чемъ шли уже переговоры съ тогдашнимъ правителемъ Янины, Али-пашею, дастъ средства Французамъ овладѣть республикою Семи острововъ, Сенявинъ рѣшился воспрепятствовать тому силою. Возбужденные имъ, Славянскіе жители Каттаро и сосѣдніе Черногорцы взялись за оружіе, вступили въ Каттаро, и Австрійцы сдали имъ тамошнія крѣпости, въ которыя немедленно введены были Русскіе гарнизоны. Русскія суда явились у береговъ Далмаціи и заняли островъ Курцолу. Дѣло Сенявина казалось тѣмъ опаснѣе, что близость Сербіи, гдѣ властвовалъ возмутившійся противъ Порты Георгъ Черный, могло усилить число непріятелей и погубить отряды Французовъ, подъ начальствомъ Лористона и Молитора занимавшіе Далмацію, но по отдаленности и по присутствію Русскаго флота лишенные средствъ получить скорую по-

мощь. Рагуза радостно встрѣтила Русскаго адмирала. При извѣстіи о сихъ событіяхъ, Наполеонъ отправилъ въ Далмацію Мармона, велѣлъ ему занять Рагузу и принять мѣры осторожности на границахъ Каттаро, отнюдь не вступая въ битвы съ Рускими. Но въ то же время посолъ его въ Вѣнѣ, графъ Ларошфуко потребовалъ отдачи Каттаро, ибо Австрійцы обязались сдать ее Французамъ. Императоръ Францъ отзывался, что Руские завладѣли Каттаро насильственно, послалъ просить приказанія императора Александра объ оставленіи Каттаро, и отвращеніи могущаго быть, безполезнаго кровопролитія, согласился на пропускъ Французскаго войска черезъ Монтефальконе, но тѣмъ не менѣе войскамъ Французскимъ велѣно остановиться обратнымъ походомъ изъ Австріи, пока Каттаро не будетъ сдано, и обвиняя въ злоумышленіи графа Стадіона, Наполеонъ потребовалъ смѣны его.

Далѣе увидимъ еще большую покорность Австріи, конечное разрушеніе Римской имперіи, начало переговоровъ о мирѣ съ Англіею и Россіею. Казалось, соображая всѣ сіи обстоятельства, что Наполеонъ достигалъ своей цѣли, ибо, приступая къ переговорамъ о мирѣ, Англія и Россія, конечно, должны были подтвердить всѣ вновь учиненныя Наполеономъ измѣненія, забывая о прежнихъ условіяхъ мира. Но здѣсь должно предварительно означить начало того, что при общемъ страхѣ Европейскихъ монарховъ, въ первый разъ и смѣло начало тогда возставать про-

тивъ Наполеона, неутомимо сражалось съ нимъ, и всюду задушаемое его силою, сдѣлалось наконецъ главною причиною его погибели. Два врага, въ первый разъ тогда возставшіе противъ него, были: чувство народности, въ покоренныхъ имъ царствахъ, и общественное мнѣніе, въ земляхъ, подвластныхъ ему.

Дотолѣ всѣ войны съ Наполеономъ были слѣдствіемъ политическихъ рѣшеній правительствъ. Противъ него сражались войска. Дѣло оканчивалось миромъ, уступками съ одной, выигрышемъ съ другой стороны. Всѣ прежніе перевороты производились постепенно, и кромѣ того они касались собственно только Италіи, издавна привыкшей повиноваться чуждому владычеству, и Бельгіи, никогда не имѣвшей національной самобытности. Наполеонъ уважалъ народность и самобытность Швейцаріи. Онъ оставилъ общественную самобытность, и даже формы правленія въ Голландіи, гдѣ братъ его былъ ратспенсіонарій съ титуломъ короля. Совсемъ иное являлось въ Германіи. Народная гордость Германцовъ оскорблялась бѣдствіями отечества, и національность ихъ гибла отъ побѣдъ Наполеоновыхъ. Доблестные сыны Германіи видѣли себя отдаваемыми, передаваемыми по волѣ побѣдителя, приписанными сегодня къ одному, завтра къ другому властителю указами Наполеона. Негодованіе наполняло сердца Германцовъ при видѣ разрушенія самыхъ завѣтныхъ преданій исторіи и народности Германской. Уже при походахъ Наполеона въ 1796 и 1797 гг. волонтеры становились въ

ряды Австрійскихъ воиновъ; уже при нерѣшительныхъ дѣйствіяхъ Прусскаго правительства, въ 1805 году, возвышался голосъ общественнаго мнѣнія Пруссаковъ противъ Наполеона. Но Германцы люди идей. Пока не созрѣла для нихъ полная идея сознанія, они не возставали, не брались за оружіе, хотя клики скорби и мщенія уже отзывались въ горахъ Тироля, отторгнутаго отъ властителя его, переданнаго Баваріи, и потомъ перешедшаго отчасти подъ власть Франціи. Германцамъ надобно было прежде всего обмыслить идею, отдать въ ней отчетъ и опредѣлить цѣль своего стремленія. Но общественное мнѣніе уже высказывалось тогда въ Германіи патріотическими пѣснями, политическими брошюрами, шумными явленіями въ театрахъ, гдѣ при пѣсни Валленштейна Шиллерова: «Гремитъ труба, знамена вѣютъ,» зрители соединяли голоса свои съ хоромъ, и плакали отъ сердечной горести. Самая мѣра зла еще не вполнѣ тогда совершилась въ Германіи. Увидимъ, какъ, доведенная до отчаянія, возстанетъ народность Германіи, и Германцы будутъ умирать на поляхъ брани, когда имъ подадутъ примѣры народныхъ возстаній Испанія, Тироль, Россія. Тогда вражда къ Наполеону и Франціи перейдетъ въ народную ненависть, какъ перешла она у Англичанъ, и Германія пробудитъ чувство народной мести даже въ хладнокровныхъ жителяхъ Голландіи. Наполеонъ предчувствовалъ опасность, и полагая необходимымъ правиломъ государственной политики всегда уничтожать силу

народнаго мнѣнія, видя его начинающимся въ Германіи, онъ хотѣлъ также подавить его, какъ подавилъ во Франціи. Слѣдствіемъ сего были многократныя требованія его къ Прусскому правительству, прекратить изданіе оскорбительныхъ брошюръ, подчинить строгой цензурѣ Прусскіе журналы, и наблюдать за представленіемъ театральныхъ пьесъ. Народные писатели Германіи, Коцебу, Гентцъ, Поссельтъ и другіе, были преслѣдуемы Наполеономъ, какъ враги общественнаго спокойствія. Во всѣхъ областяхъ, гдѣ господствовалъ Наполеонъ, и даже куда вступали Французы, начинались строгія преслѣдованія; политическія брошюрки были отбираемы и сожигаемы; «соблазнительныя зрѣлища и сходбища» запрещались; «подозрительные» люди забирались подъ стражу, если не успѣвали бѣжать. Разумѣется, что соблазнительными зрѣлищами и сходбищами называли всякое собраніе, гдѣ обнаруживался патріотизмъ Германцовъ, и каждый патріотъ былъ человѣкомъ подозрительнымъ. Такое самовластіе простиралось на Австрійскія области даже и по заключеніи Пресбургскаго мира. Раздраженный тѣмъ, что преслѣдованіе возбуждало сильное негодованіе, Наполеонъ хотѣлъ показать примѣръ кроваваго наказанія возмутителей. Бертье велѣно было захватить Нюренбергскаго книгопродавца Пальма, издавшаго книгу: *Германія въ глубокомъ униженіи*, и еще пятерыхъ книгопродавцовъ, и предать ихъ военному суду. Они были привезены въ Браунау, судимы, и какъ государственные

преступники, осуждены на казнь «за распространеніе сочиненій, возбуждающихъ къ бунту и убійству, оскорбляющихъ права народныя и разрушающихъ повиновеніе къ власти государей.» Пятеро изъ осужденныхъ были помилованы, и казнь ихъ перемѣнена на крѣпостное заключеніе, но несчастный Пальмъ былъ разстрѣлянъ, Августа 25-го. Вопль ужаса и негодованія возбудилъ всюду столь несправедливый и лютый приговоръ. Пальма считали мученикомъ, открыли подписки въ пользу его семейства, славили его въ народныхъ балладахъ. Угроза, что участи Пальма подвергнутся всѣ, дерзающіе противиться волѣ Наполеона, раздражала умы. Сопротивленіе усиливалось, но стало скрытнѣе — сдѣлалось народною тайною, условнымъ признакомъ Германца.

Но Германія думала и писала, а тамъ, гдѣ не умѣютъ писать и не думаютъ, духъ народности отозвался непримиримымъ чувствомъ мести. Мы уже говорили о возстаніи Черногорцовъ и Славянъ Далматскихъ. Возстаніе обнаружилось кромѣ того тамъ, гдѣ всего менѣе можно было ожидать его — въ Неаполѣ.

Не имѣвши возможности защитить Неаполя, Англичане употребили всѣ усилія охранить Сицилію. Море давало къ тому средства, ибо власть и сила Наполеона оканчивались на морскомъ берегу. Въ Сицилію посланъ былъ Сидней Смитъ. Берега Мессинскаго пролива были покрыты пушками, заняты Англійскими войсками; Англійскіе корабли блокировали

гавани Неаполитанскія. Вскорѣ обнаружились неудовольствія Неаполитанцовъ. Введеніе порядка, уничтоженіе привиллегій и монополій, прекращеніе злоупотребленій духовенства, уничтоженіе части монастырей, отобраніе въ казну церковныхъ имѣній, пресѣченіе бродяжничества лаззароновъ, и особливо употребленіе Французскихъ чиновниковъ въ важныя должности, такъ, что министрами внутреннихъ дѣлъ и военнымъ были Французы, а Саличетти (лицо, столь замѣчательное въ юности Наполеона, а потомъ наряду съ другими сдѣлавшееся его ревностнымъ поклонникомъ) было поручено важное министерство полиціи, раздражили дворянство, народъ и духовенство. Монахи начали проповѣдывать возстаніе, и усмиренные оружіемъ покорителей, полудикіе Калабрійцы внялн голосу проповѣдниковъ мести. Начались тайные переговоры съ Сициліею. Англичане, пользуясь малымъ числомъ войска, бывшаго въ Калабріи, рѣшились сдѣлать туда высадку. Незадолго передъ тѣмъ Сидней Смитъ взялъ съ бою островокъ Капрею, въ виду Неаполя, и 1-го Іюля 5000 Англичанъ и 3000 Сицилійцовъ вышли на берегъ въ заливѣ Эвфемійскомъ, подъ предводительствомъ генерала Стюарта. Прибытіе ихъ было знакомъ всеобщаго возстанія жителей. На горахъ загорѣлись огни. Въ селеніяхъ раздался набатъ. У Ренье, находившагося въ Калабріи, было не болѣе 4500 человѣкъ войска, но онъ думалъ отважнымъ нападеніемъ уничтожить Англичанъ и возстаніе, и аттаковалъ союзниковъ, стоявшихъ на бе-

регахъ рѣки Амато, въ селеніи Майда. Французскій отрядъ, перешедшій за рѣку, подъ начальствомъ генерала Компера, былъ встрѣченъ картечами, отступилъ въ безпорядкѣ, и Комперъ, раненый, попался въ плѣнъ. Англичане были остановлены на другомъ берегу, но Ренье не могъ удержаться и отступилъ въ Катанцаро, требуя помощи Массены, который не въ силахъ былъ подать ее, занятой тогда осадою Гаэтты. Подкрѣпляемая по морю войсками и запасами изъ Сициліи, и доступная сухимъ путемъ только съ одной стороны, ибо находится на крайнемъ мысѣ утесистаго полуострова, Гаэтта не сдавалась. Валонгъ былъ убитъ, и Массена самъ управлялъ осадою. Прискорбно было Наполеону слышать, что Англичане славятся успѣхомъ при Майдѣ, какъ знаменитою побѣдою, но гораздо важнѣе казалось ему, что удача Англичанъ подняла всю Калабрію. Къ толпамъ Калабрійцовъ присоединились бродяги изъ Неаполя и шайки горныхъ разбойниковъ. Монахи предводили возстаніемъ, и въ числѣ духовныхъ предводителей отличались особенно двое, *Панедо-Грано* и *Фра-Дьяволо* (братъ дьяволъ), прославившійся своею храбростью и свирѣпствомъ при изгнаніи Французовъ изъ Неаполя въ 1799 году, но потомъ опять укрывшійся въ монастырь. Толпы инсургентовъ разсѣвались повсюду, и самыя безчеловѣчныя истязанія совершали онѣ надъ Французами, сопровождая злодѣйства грабежемъ и пожарами. Наполеонъ велѣлъ поспѣшать взятіемъ Гаэтты, прогнать Англичанъ, и безпощад-

ною строгостью усмирить народное возстаніе въ Калабріи. Іюня 28-го Массена открылъ сильную пальбу и бомбардированіе. При паденіи стѣны одного зданія, принцъ Лудвигъ былъ тяжело раненъ, отвезенъ въ Палермо, и видя, что Французы готовятся идти на приступъ, осажденные сдались. Немедленно двинулся Массена въ Калабрію. Инсургенты осмѣлились встрѣтить его при Кокомбо, были разбиты, и Стюартъ не дерзнулъ дождаться покорителя Гаэтты; онъ поспѣшно переправился въ Сицилію, но инсургенты не укрощались. Началась народная война, со всѣми ея ужасами. Французы жгли селенія, гнали противниковъ изъ ущелья въ ущелье по горамъ, вѣшали пойманныхъ съ оружіемъ въ рукахъ. Но только съ смертью Фра-Дьяволо, попавшагося въ плѣнъ и казненнаго въ Неаполѣ, и съ погибелью нѣсколькихъ тысячь инсургентовъ водворилось спокойствіе въ Калабріи. Сенъ-Сиръ не допустилъ распространить возмущеніе въ Апуліи и Абруццо, принятыми имъ, строгими мѣрами.

Неожиданныя мирныя сношенія съ Англіею начались въ то время отъ перемѣны министерства по смерти Питта. Онъ дышалъ еще, когда открылись засѣданія парламентовъ, 21-го Января, и рѣчь короля высказывала его систему, продолжать упорную войну, не смотря на бѣдствія Австріи и Пресбургскій миръ. Но по смерти Питта виги и тори начали между собою споръ, и слѣдствіемъ его было новое, смѣшенное министерство. Фоксъ, глава оппозиціи, соперникъ

Питта въ краснорѣчіи и всегдашній врагъ его, вызванъ былъ общимъ мнѣніемъ на его мѣсто, по Фоксу придали Гренвиля, Сидмоута (Аддингтона), Виндгама, Грея, Эрскина. Кромѣ вліянія Фокса, рѣшительность продолжать войну особенно поколебалъ Парижскій трактатъ Наполеона съ Пруссіею, принудившій Англію объявить Пруссіи войну. Фоксъ началъ сношенія съ Талейраномъ (Февраля 20-го) извѣщеніемъ его, что какой-то негодяй, называвшій себя Гилье де ла-Жервильеромъ, явился къ нему и брался убить Наполеона. Отвергнувъ съ презрѣніемъ предложеніе столь постыдное, «можете представить мое негодованіе, и даже смущеніе, когда я увидѣлъ передъ собою человѣка, столь нагло готоваго торговаться на злодѣйство,» писалъ Фоксъ. Далѣе извѣщалъ онъ, что велѣлъ выслать изъ Англіи злодѣя, что непремѣнно извѣститъ о томъ, куда онъ отправится, а между тѣмъ совѣтовалъ принять мѣры предосторожности. Талейранъ отвѣчалъ благодарностью, и писалъ, что узнавши о поступкѣ Фокса, Наполеонъ сказалъ: «Узнаю правила чести и добродѣтели, всегда руководствовавшія г-на Фокса.» Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ изъявилъ надежды, что при сочувствіи взаимнаго уваженія, можно бы начать говорить о мирѣ. Фоксъ не отвергъ его мысли. Началась переписка, и была вначалѣ весьма неопредѣленною. Фоксъ говорилъ, что должно взаимно предложить сообразныя съ дѣломъ и честныя условія, и допустить участіе въ переговорахъ Россіи. Талейранъ не спорилъ въ пер-

вомъ, но отвергалъ второе. Стараясь польстить Фоксу, дозволили возвращеніе въ Англію нѣсколькимъ знатнымъ Англичанамъ. Въ числѣ ихъ былъ, родственникъ Фокса, лордъ Ярмутъ. Передъ отъѣздомъ Ярмута изъ Парижа, Талейранъ имѣлъ съ нимъ продолжительный разговоръ о мирѣ между Англіею и Франціею. Долго слушавши запутанныя рѣчи дипломата, Ярмутъ ничего не понималъ, и наконецъ съ хладнокровіемъ Британца сказалъ, что если хотятъ мира, то всего лучше сказать прямо, какія будутъ его условія. Талейранъ снова началъ пустое многословіе. Ярмутъ упомянулъ о Ганноверѣ. «Онъ не затруднитъ насъ,» отвѣчалъ Талейранъ. Другой вопросъ Ярмута былъ о Сициліи. «И ее мы не потребуемъ,» отвѣчалъ Талейранъ. Почитая рѣшенными два столь важные вопроса, Іюня 13-го Ярмутъ передалъ разговоръ Талейрана Фоксу, и черезъ три дня возвратился опять въ Парижъ съ рѣшеніемъ Фокса, что Англія приступитъ къ миру, если переговоры начнутся вмѣстѣ съ Россіею и съ Англіею, основаніемъ ихъ будутъ возвращеніе Ганновера и неприкосновенность Сициліи, а во всемъ остальномъ утвержденіе за обѣими сторонами того, кто чѣмъ теперь владѣетъ, uti possidetis.

Пока шли сіи первоначальныя условія, Наполеонъ возымѣлъ также надежду на мирные переговоры съ Россіею. Предложеніе сдѣлано Россійскому министерству черезъ Французскаго консула въ Петербургѣ, Лессепса. Оно не было отвергнуто. Согласіе импе-

ратора Александра на представленіе Австріи отдать Каттаро Французамъ, и приказъ, посланный о томъ Сенявину, доказывали, что Россія готова примириться. Переговоры начались дѣятельно, и сопровождались присылкою въ Вѣну Россійскаго дипломатическаго чиновника, которому дано полномочіе (Мая 11-го) заключить миръ. Онъ прибылъ въ Вѣну Мая 27-го. Ярмутъ по пріѣздѣ въ Парижъ увидѣлъ неожиданное измѣненіе. Uti possidetis, какъ основаніе мира, было отвергнуто. Франція требовала отдѣльнаго отъ Россіи договора съ Англіею и уступки Сициліи Іосифу, отдавала Ганноверъ и Мальту, уступала мысъ Доброй Надежды, но хотѣла возвращенія всѣхъ другихъ, Французскихъ, Голландскихъ и Испанскихъ колоній, завоеванныхъ Англичанами. Въ противномъ случаѣ Ярмуту угрожали заключить отдѣльный миръ съ Россіею. Желаніе утвердить миръ на тѣхъ условіяхъ, какія предложилъ Фоксъ по неопредѣленнымъ разговорамъ Талейрана, было, конечно, большою уступкою со стороны Англіи, ибо надлежало признать всѣ новыя пріобрѣтенія Франціи. Если сія уступка была необходима при тогдашнихъ обстоятельствахъ Европы, честь и выгоды Англіи достаточно удовлетворялись удержаніемъ Сициліи союзнику, возвращеніемъ Британіи Ганновера, пріобрѣтеніемъ обширныхъ колоній въ Азіи и Америкѣ. Новыя условія измѣняли всѣ предположенія Фокса, но онъ не прервалъ однакожъ переговоровъ. За Сицилію предложили Англіи взять къ Ганноверу Гамбургъ.

Фоксъ отказался, понимая, что такою придачею хотятъ поссорить Англію съ Россіею, ибо императоръ Александръ не допустилъ бы подобнаго хищенія. Между тѣмъ, Іюля 9-го, прибылъ въ Парижъ повѣренный въ дѣлахъ императора Александра, г-нъ Убри, остававшійся въ Парижѣ послѣ Маркова и производившій переговоры въ 1804 году. Цѣлью пріѣзда его въ Парижъ объявленъ былъ договоръ о размѣнѣ плѣнныхъ, но онъ предъявилъ данное ему тайное полномочіе, гдѣ, изъявляя свою «постоянную заботливость о сохраненіи въ Европѣ тишины и спокойствія, подвигнутый искреннимъ желаніемъ окончить недоразумѣнія (mésintelligence) и утвердить на прочномъ основаніи доброе согласіе съ Франціею,» императоръ Александръ уполномочивалъ г-на Убри «начать переговоры и заключить актъ, или конвенцію, на основаніяхъ, которыя будутъ способны утвердить миръ, возстановляемый между Россіею и Франціею, и приготовить его между другими воюющими державами Европы» (d'entrer en pour parler avec celui ou ceux qui y seront suffisamment autorisés de la part du gouvernement français, de conclure et signer avec eux un acte du convention sur des bases propres à affermir la paix qui sera retablie entre la Russie et la France, comme à la preparer entre les autres puissances belligérantes de l'Europe). Ярмутъ отнесся къ г-ну Убри объ открытіи общихъ переговоровъ. Онъ не получилъ отказа, но ему было объявлено однакожь, что «опасность, какой подвергается Австрія,

если только можно спасти ее миромъ Франціи съ Россіею, поставляетъ обязанностью Россійскому повѣренному заключить миръ отдѣльный.» Едва успѣлъ Ярмутъ донести о томъ Фоксу, 19-го Іюля, какъ на другой день узналъ уже о подписаніи г-мъ Убри конвенціи, ибо переговоры Русскаго повѣреннаго начались тайно отъ него еще съ 10-го Іюля, и были ведены съ необыкновенною поспѣшностью. Не зная условій мира, заключеннаго Россіею, Ярмутъ оскорбился, предъявилъ свое полномочіе и немедленно началъ переговоры. Согласились въ утвержденіи всѣхъ пріобрѣтеній Франціи на материкѣ Европы и отдачѣ Англіи Ганновера и Мальты. Но Ярмутъ требовалъ Венеціи и Далмаціи за уступку Сициліи Іосифу. Франція не соглашалась, предоставляла себѣ вознагражденіе Пруссіи въ Германіи за Ганноверъ Фульдою и другими землями, и требовала изъ числа занятыхъ Англичанами колоній возвращенія Пондишери, Санъ-Люціи, Табаго, Суринама, Гореи, Демерари, Эксеквебо и Барбада. Здѣсь остановились переговоры. Разрѣшить споръ надлежало Фоксу. Послали требовать его согласія.

Но могъ ли быть миръ? Условія, на коихъ была заключена конвенція съ Россіею, состояли въ слѣдующемъ: Россія передаетъ Франціи Каттаро; Рагуза остается независимою; Франція признаетъ республику Семи островов, подъ покровительствомъ Россіи, съ оставленіемъ въ Корфу Русскаго гарнизона; Французскія войска очищаютъ Германію черезъ три

мѣсяца послѣ подписанія договора; обѣ державы подтверждаютъ неприкосновенность Оттоманской Порты, берутъ на себя прекращеніе войны Пруссіи съ Швеціею, и Россія принимаетъ на себя также посредничество въ мирѣ Франціи съ Англіею. Особенною статьею положено, что Сицилія передается Іосифу, но въ замѣну ея старшій сынъ короля Фердинанда получаетъ Балеарскіе острова, съ титуломъ короля; королю Фердинанду опредѣляется особенное содержаніе; при мирѣ Пруссіи съ Швеціею Померанія останется во владѣніи Шведскомъ. Подписавъ сей договоръ, г-нъ Убри немедленно отправился въ Петербургъ.

Повторяемъ: могъ ли быть миръ, даже не соображая событій, какія между тѣмъ происходили въ Европѣ? Во всѣхъ дипломатическихъ сношеніяхъ Франціи, Англіи и Россіи, бывшихъ въ 1806 году, можно понять только три отношенія: искреннее желаніе императора Александра заключить миръ, своекорыстную политику Фокса, хитрую политику, и съ тѣмъ вмѣстѣ возраставшую гордость Наполеона. Узнавши, что можетъ возвратить себѣ Ганноверъ, и оставить за собою Мальту и всѣ свои завоеванія, Англія согласна мириться, утверждаетъ всѣ пріобрѣтенія Наполеона, отдаетъ ему даже Сицилію, требуя вознагражденія королю Фердинанду именно такого, которое давало ей средства распространить власть свою на Средиземномъ морѣ и въ Турціи. Англія не думаетъ о положеніи Пруссіи, не споритъ

и о вознагражденіи ея чуждыми владѣніями, не заботится о безопасности Германіи, о судьбѣ Швеціи. Таковы являются отношенія Англіи.

Наполеонъ истощалъ тогда всѣ ухищренія хитрой дипломатики. Никогда политика Людовика XI-го и Ришельё не являла примѣровъ такого презрѣнія всякихъ отношеній, и столь темныхъ, двуличныхъ ухищреній. Прежде всего старался онъ раздѣлить переговоры съ Англіею и Россіею, и договариваться съ каждою изъ сихъ державъ отдѣльно. Между тѣмъ ведены были отдѣльные переговоры съ Пруссіею, также отдѣльные съ Германскими владѣтелями, составившими Рейнскій Союзъ, опять отдѣльные съ Турціею, и наконецъ еще разъ отдѣльные съ Испаніею. Говоря съ Англіею, онъ отдавалъ ей Ганноверъ, когда за два мѣсяца прежде принудилъ Пруссію взять его, и вовлекъ ее тѣмъ въ войну съ Англіею; къ Ганноверу готовъ онъ былъ прибавить Ганзеатическіе города, когда едва только утвердилъ независимость ихъ; хотѣлъ вознаградить Пруссію Фульдою, когда она составляла владѣнія бывшаго принца Оранскаго, Помераніею, когда въ числѣ условій съ Россіею полагалъ неприкосновенность Помераніи, и Ганзеатическими городами, когда независимость ихъ утверждалъ Англіи, послѣ отказа Фокса взять ихъ за уступку Сициліи; за Сицилію отдавалъ онъ Балеарскіе острова, когда острова сіи принадлежали союзницѣ его Испаніи, страдавшей отъ союза его, лишившейся флота, колоній и торговли отъ безполезной для нея вой-

ны; утверждая неприкосновенность Турціи, онъ возбуждалъ ее на Россію, требовалъ отъ нея Рагузы, помышлялъ о взятіи Египта, и въ случаѣ надобности, охотно продалъ бы Турцію Россіи. Подтверждая Россіи возвращеніе Французскихъ войскъ за Рейнъ, готовилъ разрушеніе Римской имперіи и окончательное распространеніе власти своей за Рейномъ. Укажемъ, какъ на доказательство постепеннаго увеличенія его честолюбивыхъ требованій, на то, что увлекая Англію неопредѣленнымъ согласіемъ на условія uti possidetis, онъ немедленно увеличилъ требованія, когда увидѣлъ, что Россія готова заключить съ нимъ отдѣльный миръ, и потребовалъ себѣ отъ Англіи Сициліи и колоній. Divide et impero (раздѣли и властвуй)! могъ говорить самъ себѣ Наполеонъ, соображая отношенія, въ какія поставлялъ онъ своею политикою Россію, Англію, Австрію, Пруссію, Турцію, Испанію, не полагая уже предѣловъ власти.

Составленіе *Рейнскаго Союза* было важнѣйшимъ событіемъ въ Іюлѣ 1806 года. Такъ назвалъ Наполеонъ государства Германскія, которыя, отказавшись отъ условій, коими были они соединены въ Германскою имперіею, долженствовали составить особенный союзъ, подъ покровительствомъ имперіи Французской. Предоставляя имъ государственную самобытность и внѣшнюю независимость, Наполеонъ могъ говорить всѣмъ другимъ государямъ, что онъ не касается независимости Германіи, когда владѣя совершенно новыми союзниками, онъ вполнѣ дѣлался властителемъ

Германскихъ государей. Дѣлу придали видъ добровольнаго согласія, даже просьбы, представленной Наполеону, и въ слѣдствіе того, 17-го Іюля, послы, *Баварскій* Цетто, *Виртембергскій* графъ Винцингероде, *Курфирста Архи-канцлера* графъ Бейстъ, *Баденскій* баронъ Рейценштейнъ, *герцога Бергскаго* (Мюрата) баронъ Шелль, *Гессенъ-Дармштадтскій* баронъ Пиппенгеймъ, *Нассау-Узингенскій* и *Нассау-Вейльбургскій* баронъ Гагернъ, *Гогенцоллернъ-Гехингенскій, Гогенцоллернъ-Зигмарингенскій, Сальмъ-Сальмскій* и *Сальмъ-Кирбургскій* Фишлеръ, *Изембургъ-Бирштейнскій* Греймъ, *герцога Аремберскаго* и *графа Леенскаго* Сентъ-Оноре, заключили въ Парижѣ договоръ, коимъ, отрекаясь отъ Римской имперіи, довѣрители ихъ составляли союзъ подъ названіемъ «Рейнскаго» или «Соединенныхъ государствъ Рейнскихъ» (Etats confédérés du Rhin), обязываясь взаимно защищать другъ друга, и всѣ помогать войсками Императору Французовъ, который, принимая названіе «покровителя» (protecteur) Союза, обязывался защищать отъ всѣхъ притязаній государствъ, не принадлежащихъ къ Союзу. Общія дѣла управлялись сеймомъ, который находился во Франкфуртѣ, подъ предсѣдательствомъ *князя примаса*: титулъ, принимаемый прежнимъ архи-канцлеромъ имперіи, которому послѣ сего отдавался во владѣніе Франкфуртъ. Курфирстъ Баденскій, Герцогъ Бергскій и Ландграфъ Гессенъ-Дармштадтскій принимали титулы «великихъ герцоговъ,» старшій изъ Нассаускихъ владѣтелей ти-

тулъ «герцога,» а графъ Леенскій титулъ «князя.» Кромѣ обоюднаго округленія владѣній разными взаимными уступками и обмѣнами, Баварія получала Нюренбергъ. Уничтожалось все «непосредственное дворянство,» въ слѣдствіе чего *восемдесятъ* феодальныхъ мѣлкихъ властителей подчинялись тѣмъ членамъ Союза, въ чьихъ земляхъ находились ихъ феоды, или владѣнія. Всѣ частныя городовъ и сословій привилегіи также уничтожались совершенно. Полное самодержавіе предоставлялось во внутреннемъ управленіи каждому изъ членовъ Союза. Объемъ Союза представлялъ пространство земель до 2350 квадр. миль, съ 7,500,000 жителей, и члены его обязывались выставлять по требованію Наполеона до 60,000 войска (Баварія 30, Виртембергъ 12, Баденъ 8, Бергъ 5, Дармштадтъ 4, остальные члены Союза 4).

Августа 1-го Регенсбургскому сейму имперіи представлены были нота Французскаго посланника Баше и декларація членовъ новаго Союза. «Событія трехъ послѣднихъ войнъ, колебавшихъ почти безпрерывно спокойствіе Германіи, и политическія измѣненія, изъ нихъ слѣдовавшія,» говорила декларація, «представили въ ясномъ свѣтѣ печальную истину, что союзъ, долженствовавшій соединять различныхъ членовъ Германской имперіи, недостаточенъ для сей цѣли, и въ сущности своей уже расторгнутъ. Сознаніе сей истины издавна таилось въ сердцахъ всѣхъ Германцовъ, и какъ ни былъ тягостенъ опытъ послѣднихъ лѣтъ, онъ собственно подтвердилъ только дрях-

лость государственнаго установленія, знаменитаго по его началу, но сдѣлавшагося недостаточнымъ по непрочности, сродной всѣмъ установленіямъ человѣческимъ. Безъ сомнѣнія, сей непрочности должно приписать разрывъ, учинившійся въ имперіи въ 1795 году, имѣвшій слѣдствіемъ раздѣленіе пользъ сѣвера и юга Германіи. Съ того времени всякая идея общаго отечества и общихъ пользъ долженствовала необходимо исчезнуть. Слова: «Имперская война,» «Имперскій миръ,» сдѣлались лишенными смысла словами, и тщетно искали «Германіи» среди «государствъ Германскихъ.» Владѣтели сосѣдніе съ Франціею, предоставленные самимъ себѣ, преданные опасностямъ войны, окончанія коей не могли они достигнуть средствами законными, принуждены были отдѣляться отъ общей связи отдѣльными мирами. Трактатъ Люневильскій, и еще болѣе договоры членовъ имперіи въ 1803 году, могли показаться достаточными придать новую жизнь Германской имперіи, заставляя уничтожиться слабыя части системы и утверждая ея главныя опоры. Но событія, совершившіяся въ теченіе десяти послѣднихъ мѣсяцовъ предъ взорами всѣхъ, уничтожили сію надежду, и снова явили вполнѣ несомнѣнную недостаточность имперскаго установленія. Важность сихъ соображеній рѣшила государей и владѣтелей юга и запада Германіи составить новый союзъ, приспособленный къ обстоятельствамъ времени. Освобождая себя симъ объявленіемъ отъ союза, донынѣ присоединявшаго ихъ къ имперіи Германской,

они слѣдуютъ системѣ, утвержденной предшествовавшими событіями, и даже объявленіями первыхъ государствъ Европы. Они, конечно, могли бы еще нѣсколько времени соблюдать пустую тѣнь упадшаго установленія, но они думали, что будетъ согласнѣе съ ихъ достоинствомъ и чистотою намѣреній сдѣлать откровенное и открытое объясненіе своего рѣшенія, и причинъ, къ тому побудившихъ.»

Почти тоже говорила нота Наполеонова повѣреннаго. «Принимая титулъ Покровителя Рейнскаго Союза, Е. В. Императоръ Французовъ дѣлаетъ сіе для охраненія мира, дабы посредство его между слабыми и сильными предупреждало всѣ раздоры и смятенія, и прекращало противорѣчіе, поставлявшее народы и государей подъ мнимое покровительство системы, въ существенности противной ихъ пользамъ.» Не должно ли было почесть насмѣшкою прибавленныя къ тому слова, что Рейнскій Союзъ доказываетъ, какъ строго соблюдаетъ Императоръ Французовъ данное имъ обѣщаніе не передвигать власти своей за Рейнъ, и соблюдать независимость и самобытность государствъ Германскихъ?

Произвольно было дѣло Наполеона и его союзниковъ, но сколь ни горестны, сколь ни укорительны являлись для Германіи факты, высказываемые ими въ объявленіяхъ, они были истины безспорныя. Уже давно оставались только развалины древней Римской имперіи, и только тѣнь ея уцѣлѣла послѣ договоровъ въ 1803 году и послѣ Пресбургскаго трактата.

Своевольныя распоряженія Наполеона и его союзниковъ, безъ согласія сейма и Императора, исполненныя въ концѣ 1805 года, продолжались и въ 1806 году. Въ Маѣ Курфирстъ Архи-канцлеръ объявилъ, что онъ избираетъ себѣ коадъютора по управленію католическимъ духовенствомъ въ Германіи, и назначаетъ въ сіе званіе кардинала Феша. Императоръ Францъ протестовалъ, но его не слушали. Наполеонъ утвердилъ избраніе, и Фешъ сдѣлался распорядителемъ Германскаго католическаго духовенства. Въ слѣдъ за тѣмъ Баварскій Король подчинилъ себѣ княжество Фуггерское, самовольно утвердивъ новое пріобрѣтеніе договоромъ съ его владѣльцомъ, и даже не извѣщая о томъ сеймъ. Пруссія уничтожила курфиршество Ганноверское, присоединивъ его къ своимъ владѣніямъ Парижскимъ трактатомъ Февраля 15-го, и сейма также не спрашивали. Наконецъ, самый защитникъ правъ имперіи, Густавъ Адольфъ, разсердившись на противорѣчіе Померанскихъ представителей, объявилъ Померанію Шведскою областью, непринадлежащею къ Германскому союзу, и тѣмъ уничтожилъ свое званіе члена Германской имперіи.

Нетерпѣливо ожидали рѣшенія императора Франца на представленія Наполеона и членовъ Рейнскаго Союза. Оно послѣдовало скоро и было неожиданно: Августа 6-го онъ объявилъ, что слагаетъ съ себя вѣнецъ властителя имперіи Римской. «Убѣжденный въ невозможности исполнить обязанности, коими облекаетъ насъ наше императорское званіе,» говорилъ

императоръ Францъ, «мы должны, слѣдуя правиламъ нашимъ, отказаться отъ короны, которая имѣла цѣну въ глазахъ нашихъ тогда только, когда могли мы соотвѣтствовать довѣренности курфирстовъ, князей и другихъ владѣтелей Германской имперіи, удовлетворяя обязанностямъ, на насъ возложеннымъ. Потому симъ объявляемъ, что мы считаемъ разрѣшенными всѣ связи, которыя донынѣ соединяли насъ съ Германскою имперіею; что мы взираемъ, какъ на уничтоженное Рейнскимъ Союзомъ званіе наше начальника имперіи, и почитаемъ себя свободными отъ всѣхъ обязанностей нашихъ къ имперіи Германской. Слагая корону императорскую и уничтожая правленіе императорское, мы разрѣшаемъ курфирстовъ, князей, другихъ владѣтелей и всѣхъ членовъ имперіи, особенно судей высшаго трибунала и другихъ судей имперіи, отъ ихъ обязанностей, коими соединены были они съ нами, какъ съ законнымъ начальникомъ имперіи по уставамъ ея.» Извѣщая о томъ Наполеона, Австрійскій монархъ прибавилъ, что сохраняетъ титулъ императора Австрійскаго. Съ тѣмъ вмѣстѣ согласился онъ признать Іосифа королемъ Обѣихъ Сицилій.

Подобно тому, какъ паденіе огромнаго зданія, хотя уже явно склонявшагося къ разрушенію, или какъ разрушеніе исполинской горы, уже видимо подрытой въ основаніи, тѣмъ не менѣе невольно изумляетъ, производитъ какой-то благоговѣйный страхъ при совершеніи судебъ неиспытанной воли Провидѣнія, такъ изумленіе и страхъ произвело *паденіе Западной им-*

періи, основанной за *десять столѣтій* геніемъ Карла Великаго, перешедшей *шесть династій государей,* и уже три съ половиною столѣтія правимой потомками древняго Габсбургскаго дома. Суевѣрный ужасъ какой-то объялъ умы современниковъ: отыскивали предвѣщанія, искали тайны въ числахъ лѣтъ, и грустно размышляли объ участи народовъ, видя паденіе царства, лѣтописи коего напоминали столько великихъ событій, украшались именами Оттоновъ, Генриховъ, Фридриховъ Барберуссъ, Карловъ V-хъ... «Прешло *царство Римское!*» — «Вотъ *послѣдній Цезарь Римскій!*» говорили путешественнику, показывая ему 45-е изображеніе Римскаго императора, изображеніе императора Франца, въ древней императорской залѣ (Kaisersaal) во Франкфуртскомъ *Римлянинѣ* (Roemer), и давая замѣтить, что для изображенія преемника его уже не было мѣста въ семъ знаменитомъ собраніи пролетѣвшихъ величій....

Но страхъ болѣе существенный, опасеніе не только за свое государственное достоинство, но даже за свое политическое бытіе, объяли Пруссію, уже давно тревожимую зловѣщими слухами о новыхъ замыслахъ Наполеона на Германію. Недопускаемая въ переговоры съ Англіею и Россіею, Пруссія проникала, что Наполеонъ предастъ ее выгодамъ мира съ Англіею. На требованія объясненій о томъ Прусскаго посла, онъ не скрывалъ, что принужденъ, можетъ быть, будетъ согласиться на возвращеніе Англіи Ганновера, но что Пруссія будетъ въ такомъ случаѣ вознаграж-

дена. Онъ предлагалъ ей даже въ задатокъ взять Ганзеатическіе города, занять Шведскую Померанію, или избрать другое достаточное вознагражденіе въ Фульдѣ и Гессенѣ. Допустить такія условія значило принять участіе въ ненавистныхъ Германіи хищеніяхъ Наполеона, а между тѣмъ Пруссія была безпрерывно оскорбляема во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Мы говорили о нотѣ, которую передалъ Англійскому министерству Гарденбергъ Декабря 22-го, при занятіи Пруссаками Ганновера. Сообщенная Фоксомъ Наполеону, она возбудила его негодованіе, и послужила предметомъ оскорбительной статьи Монитера (Марта 21-го) противъ Прусскаго министра, котораго упрекали вѣроломствомъ противъ Франціи, называли даже наемникомъ Англіи, не забывшимъ пользъ своей родины (ибо Гарденбергъ былъ урожденецъ Ганноверскій), и предававшимъ позору и гибели Пруссію. Оскорбленный министръ Прусскій отвѣчалъ скромно на ругательства Монитера въ Нѣмецкихъ газетахъ, и отвѣтомъ на возраженіе его было требованіе Наполеона удалить его отъ должности. Противиться было нельзя. Гарденбергъ ничего не зналъ, когда Берлинская государственная газета извѣстила его, безъ всякаго предварительнаго о томъ увѣдомленія, что «по прошенію его увольняется онъ на неопредѣленное время, и всѣ дѣла кабинета поручаются графу Гаугвицу.» Вѣрный своему монарху, Гарденбергъ исполнилъ съ покорностью волю его, и удалился въ свое Силезское помѣстье. Но ничто не удовлетворяло На-

полеона. Король Фридрихъ Вильгельмъ терпѣливо перенесъ, когда Мюратъ вооруженною рукою занялъ принадлежавшія Пруссіи аббатства Эссенское, Верденское и Элтенское, подъ предлогомъ, что они принадлежатъ герцогству Клевскому. За то крѣпость Везельская, принадлежавшая Мюрату, была присоединена къ Франціи. Среди сихъ затруднительныхъ отношеній достигло въ Берлинъ извѣстіе о Рейнскомъ Союзѣ. Наполеонъ спѣшилъ вмѣстѣ съ тѣмъ успокоить короля Фридриха Вильгельма, что онъ предоставляетъ ему право составить «Сѣверный Германскій Союзъ,» куда могутъ свободно поступить всѣ непринявшіе условій Рейнскаго Союза Германскіе властители. Успокоенный тѣмъ, король Фридрихъ Вильгельмъ немедленно приготовился къ исполненію сей мысли. Пруссія, Саксонія, Гессенъ, Ангальтъ, Мекленбургъ, Ольденбургъ, Шварцбургъ и Ганзеатическіе города могли составить Сѣверный Германскій Союзъ. Но съ одной стороны страхъ силы и мщенія Наполеонова, а съ другой непостоянство Прусской политики заставляли колебаться приглашаемыхъ. Они предложили наконецъ Прусскому Королю, что согласятся на союзъ, если императоръ Александръ, какъ Герцогъ Голштинскій, приметъ на себя званіе Покровителя Сѣвернаго Союза, подобно принятому Наполеономъ званію Покровителя Рейнскаго Союза. Пока шли переговоры, Наполеонъ извѣстилъ, что Ганзеатическіе города не могутъ быть введены въ Сѣверный Союзъ, ибо отдѣльность ихъ есть одно изъ усло-

вій мира его съ Англіею. Въ то же время Курфирстъ Гессенскій увѣдомилъ Короля Прусскаго о тайныхъ переговорахъ съ нимъ Наполеона, желающаго, чтобы Гессенъ присовокупился къ Рейнскому Союзу, за что обѣщали отдать ему Фульду, недавно обѣщанную Наполеономъ Пруссіи.

Видно было къ чему ведетъ Наполеонъ. Пруссіи оставалось взяться за оружіе, и уже не думая о побѣдѣ, погибнуть съ честью. Впрочемъ, побѣда могла еще быть слѣдствіемъ рѣшительности, ибо у Пруссіи оставался еще спаситель, былъ еще защитникъ Пруссіи, сильный союзникъ, въ чувствахъ коего не могъ сомнѣваться монархъ Пруссіи, и самая конвенція Парижская, Іюля 20-го, не могла разрушить его увѣренности. Пруссія не обманывалась въ великодушныхъ чувствахъ императора Александра. Но здѣсь надлежитъ дополнить изображеніе тогдашней политики Наполеона и состоянія Европы взглядомъ на отношенія Франціи къ Испаніи и Турціи, ибо политика Наполеонова обнимала тогда всѣ государства его нескончаемыми замыслами.

Уже столько лѣтъ слѣпое орудіе воли Французскаго правительства, покорная Наполеону съ самаго начала его владычества, управляемая безразсуднымъ министромъ, которому слабый король безотчетно довѣрилъ правленіе, Испанія давно утратила свою политическую самобытность. Возведеніе Іосифа на престолъ Неаполитанскій, казалось, заставило однакожь содрогнуться Испанію: низверженіе съ престола

младшаго поколѣнія Бурбоновъ было, какъ будто какимъ-то зловѣщимъ предвѣщаніемъ участи ихъ старшаго рода. Если приказомъ по арміи провозгласилъ Наполеонъ, что «Бурбоны перестали царствовать въ Неаполѣ,» почему другимъ приказомъ не могъ онъ сказать, что «Бурбоны перестали царствовать въ Мадритѣ?» Раздоры королевскаго семейства (о которыхъ мы подробно будемъ говорить въ послѣдствіи), вражда Испанскаго дворянства и ненависть народная противъ любимца королевскаго заволновали умы. Говорили, что Князь Мира продаетъ Наполеону Испанію. Составились партіи, начались интриги, и Наполеонъ спѣшилъ воспользоваться ими. Князю Мира предложенъ былъ проектъ завоеванія и раздѣла Португаліи. Сѣверная часть ея поступала Этрурскому Королю, который уступалъ за то Этрурію Франціи. Алгарвія, или южная Португалія, могла составить независимое владѣніе для Князя Мира. Лиссабонъ долженъ былъ оставаться до времени во власти Французовъ. Князь Мира началъ постыдный торгъ, можетъ быть, не понимая тайной мысли Наполеона. Мысль сія была слѣдующая: Людовикъ XIV-й сказалъ, что «Пиренеи не существуютъ болѣе, и не раздѣляютъ Испаніи отъ Франціи.» Но они существовали географически и политически. Наполеонъ хотѣлъ исполнить на дѣлѣ хвастливыя слова Людовика XIV-го: онъ предполагалъ перенесть границы Франціи за Пиренеи, и опредѣлить ихъ теченіемъ рѣки Эбро. Введя Французскія войска въ Испанію,

подъ предлогомъ покоренія Португаліи, онъ могъ предписать законы Испаніи, отвергнуть прежній договоръ съ Княземъ Мира, если онъ не согласится на новыя условія, и присутствіемъ войскъ своихъ на Пиренейскомъ полуостровѣ лишить Испанію всякой возможности противиться его волѣ. Уничтоживъ Португалію, владѣя устьями Таго и землями по Эбро, Наполеонъ устранялъ власть и вліяніе Англичанъ на Иберійскомъ полуостровѣ, и обладалъ имъ, такъ, какъ обладалъ онъ Италіею.

Мы говорили, что Оттоманская Порта отказалась признать императорскій титулъ Наполеона, и даже болѣе: приступивъ къ союзу другихъ державъ противъ Наполеона, она заключила новый союзный договоръ съ Россіею (въ Сентябрѣ 1805 г.). Едва достигли въ Царьградъ слухи объ Ульмѣ и Аустерлицѣ, страхъ объялъ султана Селима III-го, помнившаго Египетскій походъ Наполеона. Онъ умножился извѣстіемъ, что условія Пресбургскаго мира сдѣлали сосѣдомъ Турціи грознаго *Бонамберти*, и тѣмъ болѣе опаснымъ, что Каттаро и Далмація граничили съ областями бунтовавшихъ нашей Босніи, Янины, готовой возстать, Сербіи, уже сражавшейся съ Султаномъ и побѣждавшей войска его открытымъ боемъ, когда Вехабиты опустошали Аравію, Джеззаръ владѣлъ Сиріею, Египетъ былъ жертвою междоусобій между беями и Султаномъ, а стараніе завести въ Турціи регулярныя войска Европейскія, и реформы въ войскѣ Оттоманскомъ, возмущали противъ Селима

изувѣріе музульмановъ. Занятіе Рагузы, находившейся подъ покровительствомъ Султана, показывало, какъ мало уважалъ Наполеонъ власть Султанскую. Отдаленная помощь Рускихъ, занявшихъ Каттаро, не могла обнадежить Селима. Россія не могла притомъ не желать успѣха Сербамъ, покровительствуя, по смыслу трактатовъ съ Турціею, господарей Молдавскаго и Волошскаго. Наполеонъ предложилъ Султану дружбу и союзъ противъ Россіи и Англіи. Поставленный въ затруднительное положеніе между двумя столь сильными непріятелями, Султанъ былъ увлеченъ побѣдами и славою Наполеона, предался волѣ его, и спѣшилъ тѣмъ болѣе союзомъ съ нимъ, что едва замѣтилъ императоръ Александръ измѣненіе пріязни Султана, на границахъ Турціи велѣно было, еще съ осени 1805 года, составить сильный охранительный корпусъ войскъ. По возвращеніи Русской арміи изъ Австрійскаго похода, число Русскихъ войскъ, расположившихся по Днѣстру, подъ начальствомъ Михельсона, простиралось уже до 60,000 человѣкъ. Въ Парижъ явился посолъ Султана, Мугибъ-эффенди, и представленный Наполеону Іюня 5-го, провозглашалъ ему великолѣпнымъ Восточнымъ слогомъ, что «обладатель двухъ частей свѣта и двухъ морей прислалъ его поздравить съ восшествіемъ на престолъ и увѣрить въ дружбѣ и преданности императора и короля Наполеона, величайшаго между христіанскими владыками, блистающую звѣзду славы Западныхъ народовъ, держащаго въ своихъ рукахъ мечъ мужества и скипетръ право-

судія.» Наполеонъ отвѣчалъ, что считаетъ первою обязанностью быть полезнымъ друзьямъ своимъ, въ числѣ коихъ всегда считалъ Султана. «Раздѣлю съ нимъ счастіе и несчастіе. Враги его будутъ моими врагами. Увѣренный въ дружбѣ моей, да не страшится онъ никого.» Немедленно отправился въ Царьградъ генералъ Себастіани, съ Французскими офицерами и инженерами, которые должны были принять на себя образованіе *низамъ-джедида*, или новыхъ Турецкихъ регулярныхъ войскъ. Хорошо знакомый съ нравами Востока, храбрый воинъ и искусный дипломатъ, Себастіани скоро умѣлъ ободрить Султана, увѣрить его въ дружбѣ и пособіи Наполеона, и возбудить его къ враждѣ съ Россіею. Не внимая убѣжденіямъ Англійскаго посла Арбутнота и Россійскаго посла Италинскаго, Султанъ смѣнилъ господарей Молдавіи и Валахіи, воспретилъ плаваніе Русскимъ военнымъ кораблямъ черезъ Дарданеллы, велѣлъ возобновлять крѣпости на Дунаѣ и собирать войско.

Когда такимъ образомъ Голландія и Неаполь увеличили силы Наполеона, разрушилась Римская имперія, Рейнскій Союзъ предалъ южную Германію власти его, Австрія принуждена была переносить безмолвно всѣ оскорбленія, Пруссія доводима была до выбора между двумя крайностями — униженіемъ или погибелью; когда королю Фердинанду грозило лишеніе послѣдней области его, Сициліи, Испаніи угрожало вторженіе Французовъ, Португалія обрекалась на совершенное политическое уничтоженіе; когда Ан-

глія готова была заключить миръ, если только Наполеонъ согласится уступить ей колоніи, коихъ и безъ того не могъ онъ удержать, и когда наконецъ, Турція составляла жертву политики Наполеоновой, какъ прежде неизмѣнны оставались императоръ Александръ и его политика. Ненадежный на союзъ, ни Англіи, готовой забыть выгоды союзниковъ для собственныхъ выгодъ, ни Австріи, уже не дерзавшей помышлять о войнѣ съ Наполеономъ, императоръ Александръ не унижалъ государственнаго достоинства Россіи ни однимъ уклончивымъ поступкомъ, ни однимъ словомъ передъ властителемъ Европы. Грозною тучею на краю небосклона, чреватою бурями и молніями, казалась безмолвная на сѣверѣ своемъ Россія. Занятіе Каттаро, усиленіе Русскаго флота на Адріатическомъ морѣ, Русскія войска на Днѣстрѣ — все показывало, что чувство робости недоступно было Александру, и онъ, оставаясь въ прежнемъ убѣжденіи, что только война должна окончить дѣло съ Наполеономъ, не страшился войны. Забывая всѣ прежніе поступки Пруссіи, и подтвердивъ увѣренія въ дружбѣ своей Герцогу Брауншвейгскому, въ бытность его въ Петербургѣ, Александръ постоянно убѣждалъ Пруссію въ необходимости оружіемъ положить предѣлъ властолюбію Наполеона. Тогда только, когда Пруссія, утвердивъ Парижскій трактатъ, продолжала свою нерѣшительность, Императоръ Австрійскій умолялъ очистить отъ Русскихъ войскъ Каттаро, и Англія начала переговоры о мирѣ, истощивъ всѣ способы убѣж-

ленія, приглашаемый Англіею принять участіе въ переговорахъ съ Наполеономъ, Александръ рѣшился испытать въ послѣдній разъ средства мира. Но что чувство страха или робости, и тогда было ему недоступно, рѣзко показалъ поступокъ его, когда представленъ былъ ему на утвержденіе Парижскій договоръ Іюля 20-го. Императоръ Александръ не только не согласился утвердить его, но немедленно было сообщено Россійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, барономъ Будбергомъ, всему дипломатическому корпусу въ Петербургѣ (Августа 15-го), что актъ, подписанный повѣреннымъ Россіи «не только не соотвѣтствовалъ благодѣтельнымъ намѣреніямъ Императора Россійскаго, но былъ совершенно противоположенъ повелѣніямъ и наставленіямъ, коими былъ снабженъ сей повѣренный,» и потому Императоръ не ратификовалъ его.

Какъ за два года прежде, послѣ смерти Герцога Ангіенскаго, такъ теперь только сей твердый голосъ Русскаго Императора раздался среди безмолвія униженной Европы, и казалось, онъ придалъ новыя силы Пруссіи и рѣшительность Англіи.

Война еще не начиналась. Переговоры Англіи съ Наполеономъ не были прерваны, и надежда на миръ, хотя съ каждымъ днемъ угасавшая, еще не вовсе потухла. Такъ говорилъ и императоръ Александръ въ манифестѣ своемъ, Сентября 11-го (Августа 30-го), объявляя, что онъ примется за оружіе тогда только, когда Французское правительство отвергнетъ

основанія, на коихъ хотятъ вести съ нимъ переговоры о мирѣ. «Основанія, нами предлагаемыя, съ одной стороны столь умѣренны, что отвергнуть ихъ безъ явнаго угроженія общей безопасности невозможно, а съ другой они столько съ пользами всѣхъ участвующихъ державъ сообразны, что съ принятіемъ ихъ общій миръ паки, и прочнымъ образомъ, въ Европѣ можетъ утвердиться. Такимъ образомъ миръ или продолженіе войны будутъ слѣдствіемъ сей мѣры. Мы желаемъ мира, но если миръ прочный, и на взаимныхъ пользахъ основанный, не совершится, тогда уже, прейдя всѣ степени мирныхъ соглашеній, мы обязаны будемъ честью Россійскаго имени, безопасностью нашего отечества, святостью нашихъ союзовъ, общимъ спасеніемъ Европы, приступить къ усиліямъ, какія по всѣмъ симъ уваженіямъ представятся намъ необходимы.» Такъ было сказано и въ извѣщеніи барона Будберга, что «желая истощить всѣ средства возстановить миръ и всеобщее спокойствіе, Россійское министерство сообщило уже Франціи основанія, на коихъ Императоръ Россійскій готовъ возобновить переговоры.» Основанія сіи были переданы Англійскому послу въ Парижѣ, и составили особенную статью въ переговорахъ его съ Наполеономъ.

Послѣ заключенія Россійскимъ повѣреннымъ конвенціи Іюля 20-го, въ сношеніяхъ между Англіею и Наполеономъ произошло важное измѣненіе. Получивъ первоначальное донесеніе, что лордъ Ярмутъ представилъ свои полномочія и началъ переговоры отдѣльно

отъ Россіи, Фоксъ изъявилъ ему свое неудовольствіе. Ярмутъ оправдывался, что онъ предлагалъ г-ну Убри о совокупномъ дѣйствіи, но предложеніе было устранено противъ воли его. Не смотря на то, Ярмута отозвали изъ Парижа, и переговоры поручены были новому Англійскому послу, графу Лаудердалю. Онъ началъ неуклоннымъ требованіемъ uti possidetis, отдачи Ганновера Англіи и оставленія Сициліи королю Фердинанду, хотѣлъ немедленнаго, рѣшительнаго отвѣта, и въ противномъ случаѣ требовалъ паспорта. При такой настойчивости сношенія стали непріязненны, и наконецъ сдѣлались рѣшительно невозможны, когда получены извѣстія объ отказѣ императора Александра ратификовать конвенцію Іюля 20-го, и объявленіе Англійскаго министерства, что Россія передаетъ Англійскому послу право объявить, на какихъ условіяхъ согласенъ Россійскій Императоръ приступить къ переговорамъ о мирѣ. Надлежало удовлетворить двойному требованію, ибо миръ съ Россіею былъ уже теперь непремѣннымъ условіемъ мира съ Англіею. Настойчивость Англійскаго посла увеличилась новымъ, неожиданнымъ событіемъ: Фоксъ умеръ, Сентября 13-го, подобно Питту истощенный усиліемъ труда, когда прежняя неумѣренная жизнь издавна разстроила его здоровье. Съ нимъ упала партія желавшихъ мира. Не отступая отъ предложенныхъ имъ условій со стороны Англіи, Лаудердаль предъявилъ со стороны Россіи: уступку Далмаціи, оставленіе королю Фердинанду Сициліи, вознагражде-

ніе его за Неаполь, и вознагражденіе Королю Сардинскому.

Слѣдовательно, императоръ Александръ готовъ былъ утвердить всѣ послѣднія измѣненія въ Европѣ. Сколь ни умѣренны были требованія, Наполеонъ не хотѣлъ слышать объ нихъ. «Они предлагаютъ мнѣ то же, что предлагали за годъ прежде, при союзѣ Россіи съ Австріею. Союзъ сей разрушенъ побѣдою, и прежнія требованія должны быть забыты. Франція не предписываетъ законовъ ни Англіи, ни Россіи, но и не потерпитъ ихъ ни отъ Россіи, ни отъ Англіи. Пусть условія будутъ умѣренны, совмѣстны съ обстоятельствами, и миръ заключится немедленно. Но если Англія и Россія являются повелительными, если они думаютъ предписать намъ миръ, Императоръ и народъ Французскій не примутъ ихъ предписаній. Увѣренные въ самихъ себѣ, они будутъ отвѣчать, какъ Спартанцы отвѣчали требовавшимъ оружія ихъ: *Приди и возми!*»

Лаудердаль отрекся послѣ сего отъ всякихъ переговоровъ и требовалъ паспортовъ, но Наполеонъ предложилъ послѣднія условія: касательно Россіи — уступка Сициліи Фердинанду и вознагражденіе Сардиніи дѣло невозможное. Франція не уступитъ также Далмаціи, ибо кому назначаютъ ее? Если Россіи, тогда нарушится безопасность Турціи; если Англіи, тогда Адріатическое море будетъ во власти Англичанъ; если Австріи, честь Франціи оскорбится отдачею области, пріобрѣтенной ея послѣдними побѣда-

ми. Если Россія хочетъ пріобрѣтеній, Наполеонъ согласенъ передать въ ея владѣніе островъ Корфу. Касательно Англіи, Франція согласна возвратить ей Танноверъ, оставить за нею Мальту, изъ колоній Табаго и всѣ Французскія владѣнія въ Индіи, и наконецъ въ вознагражденіе Сициліи отдать королю Фердинанду Балеарскіе острова. Лаудердаль отвѣчалъ, что если здѣсь открывается возможность къ миру Англіи съ Франціею, то не видя надежды на миръ Франціи съ Россіею, Англія, какъ вѣрная союзница императора Александра, должна прекратить переговоры. Онъ потребовалъ и получилъ паспорты Октября 1-го.

Сіи послѣдніе переговоры Лаудердаль производилъ съ Шампаньи и Кларкомъ. Ни Наполеона, ни Талейрана не было въ Парижѣ, и война уже начиналась тогда съ новымъ, большимъ прежняго ожесточеніемъ. «Если жребій Императора и народа Французскаго жить еще нѣсколько времени среди браней и бурь, какія политика и вліяніе Англичанъ воздвигаютъ на нихъ,» писалъ Талейранъ Лаудердалю, «Е. И. В., исполнивши все, что было возможно, для прекращенія золъ войны, обманутый въ самыхъ сладостныхъ надеждахъ, полагается на справедливость своего дѣла, храбрость, мужество и любовь своихъ народовъ. Будущее покажетъ, будетъ ли новый союзъ противъ Франціи неблагопріятнѣе для нея трехъ первыхъ, будущее откроетъ, не должны ли тѣ, кто жалуется на величіе и честолюбіе Франціи, приписы-

вать своей ненависти, своей несправедливости къ ней величіе и честолюбіе, въ коихъ сами ее обвиняютъ. Франція увеличивается усиліями, которыя возобновляютъ для ея угнѣтенія.» Лаудердаль прибылъ въ Булонь, когда Англійская эскадра, надѣясь воспользоваться оплошностью Французовъ, подошла къ Булони и сыпала Конгревовы ракеты, стараясь сжечь городъ и суда въ гавани. Черезъ нѣсколько дней должны были загремѣть битвы на поляхъ Германіи. Пруссія принялась за оружіе.

Переходъ отъ нерѣшительной политики, которой почти годъ держалась Пруссія, къ рѣшительности воевать, былъ произведенъ положеніемъ, до какого довелъ Наполеонъ монарха Пруссіи, поставляя его между безславіемъ и войною, хотя война сія грозила погибелью, крѣпкою надеждою на помощь императора Александра, и общественнымъ мнѣніемъ, которое превозмогло наконецъ всѣ сомнѣнія.

Рѣшась ввѣрить оружію судьбу Прусскаго государства, столь же поспѣшно началъ король Фридрихъ Вильгельмъ готовиться къ войнѣ, какъ прежде медленно рѣшался на нее. Баронъ Круземаркъ отправленъ былъ въ Петербургъ условиться о планѣ войны; черезъ Англійскаго повѣреннаго въ Гамбургѣ, Торнтона, начаты переговоры о мирѣ съ Англіею, и въ одно время начались сношенія о союзѣ съ Швеціею, Саксоніею, Гессеномъ. Августа 10-го велѣно было поставить Прусскія арміи на военную ногу, и войскамъ собираться на назначенныя мѣста. Рѣшеніе

Короля принято было Пруссаками съ неописаннымъ восторгомъ. Войско горѣло нетерпѣніемъ сражаться. Тысячи юношей изъ всѣхъ состояній спѣшили записываться въ военную службу.

Первое ручательство въ успѣхѣ заключалось въ скоромъ началѣ военныхъ дѣйствій, ибо измѣненія Прусской политики невозможно было скрыть отъ Наполеона, грозныя ополченія коего находились въ Германіи, готовыя къ бою. Къ несчастію, при самомъ началѣ всюду начали встрѣчаться препятствія.

Вполнѣ соотвѣтствуя дружественному расположенію и своимъ обѣщаніямъ, императоръ Александръ изъявилъ готовность употребить всѣ силы Россіи на помощь союзнику, принимая дѣятельное участіе въ побужденіи къ союзу противъ общаго непріятеля всѣхъ другихъ Европейскихъ державъ. Но войска Русскія не могли немедленно выступить въ походъ, разстроенныя войною 1805 года, когда притомъ Россіи угрожала война съ Турціею, возбуждаемая интригами Себастіани. При недостаткахъ финансовыхъ, Пруссіи необходима была помощь Англіи, но Англія все еще надѣялась на миръ съ Наполеономъ, медлила, и только въ концѣ Сентября рѣшилась начать переговоры съ Пруссіею. Сентября 25-го объявлено прекращеніе блокады, разорившей внѣшнюю торговлю Пруссіи, ибо въ теченіе 4-хъ мѣсяцовъ захвачено было Англичанами болѣе 300 Прусскихъ купеческихъ судовъ. Только Октября 1-го лордъ Морпетъ отправился въ Берлинъ для начатія переговоровъ.

Воинолюбивый Густавъ Адольфъ, котораго прежде едва могли уговорить не сражаться съ Пруссаками, оказался вовсе не готовымъ, когда надлежало сражаться съ Наполеономъ. Курфирстъ Саксонскій медлилъ рѣшеніемъ до тѣхъ поръ, пока Прусскія войска не вступили въ Саксонію въ половинѣ Сентября. Также медлилъ Курфирстъ Гессенскій, пока въ началѣ Октября не явился близъ Касселя корпусъ Пруссаковъ. Никакія убѣжденія не могли склонить на союзъ Австріи. Такимъ образомъ, въ Октябрѣ мѣсяцѣ, когда Наполеонъ уже стоялъ на Прусскихъ предѣлахъ, всѣ средства войны и защиты составляли собственныя силы Пруссіи, Саксонскія и Гессенскія войска; въ Пруссіи не было вполнѣ окончено вооруженіе, не рѣшенъ даже окончательно планъ военныхъ дѣйствій.

Дѣйствуя въ своей политикѣ по вѣрному плану, Наполеонъ не только не страшился предстоявшей войны, но нетерпѣливо желалъ ея, ибо онъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ, зная, что Россія не готова къ ней, что Австрія не посмѣетъ приступить къ союзу, и что одна Пруссія не въ силахъ была ему противиться. Грозныя арміи его не оставляли Германіи, стояли, такъ сказать, подъ ружьемъ. Уничтожая Пруссію, война сія дѣлала его рѣшительно властителемъ Европы. Радостно узналъ онъ о рѣшеніи Пруссіи воевать, и приготовился кончить войну однимъ сильнымъ и смѣлымъ ударомъ. Въ началѣ Сентября корпуса арміи его находились: Ожеро во Франкфуртѣ, Бернадотта въ Нюренбергѣ и Бамбергѣ, Ланна во Фран-

коніи, Даву близъ Ульма, Нея близъ Тироля, Сульта въ Пассау, Лефевра въ Аугсбургѣ. Имъ велѣно сближаться къ Пруссіи, когда королю Людовику приказано двинуть войска со стороны Голландіи. Гвардія Наполеона, дополненная и умноженная въ числѣ, все лѣто провела въ лагерѣ Мёдонскомъ, близъ Парижа, и въ Сентябрѣ пошла въ Майнцъ. Война не требовала финансовыхъ усилій Франціи, ибо многочисленныя войска Наполеона были содержимы на счетъ земель, ими занимаемыхъ. Кромѣ того, съ городовъ собираемы были поборы на содержаніе ихъ, подъ разными предлогами, и вступленіе въ Пруссію обѣщало огромныя контрибуціи. Планъ войны былъ у Наполеона готовъ, основанный на познаніи мѣстности и средствъ противника, ибо черезъ многочисленныхъ шпіоновъ Наполеонъ зналъ всѣ тайныя распоряженія непріятеля.

Зная, что рѣшеніе на войну и вооруженіе Прусскихъ армій не могли быть скрыты отъ Наполеона, видя его уже движущаго войска, Пруссія понимала опасность своего положенія, и когда Наполеонъ потребовалъ объясненій о причинахъ вооруженія Пруссіи, въ Парижъ отправленъ былъ генералъ Кнобельсдорфъ, увѣрить Наполеона въ мирныхъ расположеніяхъ Прусскаго монарха. «Вооруженіе Пруссіи было слѣдствіемъ интригъ Англіи и Россіи, которыя разсѣются отъ искреннихъ объясненій,» говорилъ Кнобельсдорфъ. Наполеонъ казался повѣрившимъ, но предоставляя Кнобельсдорфу объясняться, Сентября 21-го

онъ уже потребовалъ вспомогательныхъ войскъ Рейнскаго Союза, 25-го выѣхалъ изъ Парижа, 28-го былъ въ Майнцѣ, Октября 2-го въ Вюрцбургѣ (на Майнѣ), 6-го въ Бамбергѣ, гдѣ назначена была его главная квартира. Арміи Французскія пришли въ быстрое движеніе. Поздно было собираться, думать, откладывать, ждать союзниковъ и субсидій Англіи, хотя число всѣхъ Прусскихъ, Саксонскихъ и Гессенскихъ войскъ, готовыхъ на битвы, составляло не болѣе 120,000 человѣкъ. Противъ нихъ стоялъ Наполеонъ со 180,000 человѣкъ.

Сближеніе полчищъ Наполеона, готовыхъ вторгнуться въ Пруссію, невозможность говорить о мирѣ, когда первымъ условіемъ его была безусловная покорность, общее желаніе подданныхъ, и даже зрѣлище ополченій Пруссіи, хотя уступавшихъ Наполеоновымъ въ числѣ, но пламенѣвшихъ желаніемъ сразиться, одушевили короля Фридриха Вильгельма. Объявленія войны не было еще ни съ той, ни съ другой стороны, но оно не замедлило. Сентября 21-го Король отправился изъ Берлина въ армію; 25-го послалъ онъ къ Наполеону обширное письмо, гдѣ объяснялъ всѣ оскорбленія его, всѣ причины войны съ нимъ. Октября 1-го Кнобельсдорфъ подалъ послѣднюю ноту, гдѣ не только перемѣнилъ прежній уклончивый языкъ, но потребовалъ немедленнаго отвѣта и согласія на условія, при коихъ Пруссія готова заключить миръ. Сіи условія были: 1-е, что Французскія войска немедленно возвратятся за Рейнъ; 2-е,

что Франція не будетъ препятствовать составленію Сѣвернаго Союза Германіи, изъ всѣхъ государствъ Германскихъ, не вошедшихъ въ составъ Рейнскаго Союза, и 3-е, что только по исполненіи сихъ условій начнутся переговоры о всѣхъ другихъ статьяхъ. «Когда Е. В. будетъ удостовѣренъ,» говорилъ Кнобельсдорфъ, «что сіи основанія утверждены, онъ приметъ прежнее мирное положеніе, оставленное имъ съ прискорбіемъ, и вновь содѣлается миролюбивымъ и добрымъ сосѣдомъ, столько лѣтъ видѣвшимъ безъ зависти славу храбраго Французскаго народа, и желавшимъ ему благоденствія. Движеніе Французскихъ войскъ къ границамъ Пруссіи налагаетъ на Короля обязанность узнать немедленно объ ихъ назначеніи. Нижеподписавшемуся предписано настоятельно требовать неукоснительнаго отвѣта, который во всякомъ случаѣ долженъ быть доставленъ въ главную королевскую квартиру *8-го Октября*. Е. В. надѣется, получить его столь скоро, что неожидаемыя и быстрыя событія и невольное сближеніе войскъ, не заставятъ ту или другую сторону принять другихъ мѣръ для своей безопасности.» Не дожидаясь отвѣта Наполеонова, 9-го Октября обнародовали манифестъ Пруссіи, гдѣ исчислялись всѣ причины войны, и въ заключеніе было сказано: «Безплодны были всѣ усилія поддержать миръ, и если вся сѣверная Германія, и можетъ быть, вся Европа не должны быть оставлены произволу врага, не знающаго покоя, и преданы беззащитно его опустошительному оружію — война

неизбѣжна. Мы рѣшились на брань, ибо честь и безопасность нашего государства угрожаются. Счастливыми почли бы мы себя, еслибы намъ можно было спасти ихъ путями дружбы: это знаютъ наше войско, нашъ народъ. Съ полною довѣренностью идемъ мы на борьбу за отечество и честь народную, ибо за насъ наша правота. Король издавна видѣлъ, что армія желаетъ войны, и хотя высшія государственныя соображенія препятствовали ранѣе отвѣчать сему желанію, тѣмъ не менѣе Король оцѣнялъ его, ибо онъ вѣдалъ, что сіе пламенное желаніе раждается отъ чувства чести и любви къ отечеству, и его радуетъ, если рѣшеніе его сообразно съ обѣтами его подданныхъ. Идемъ сражаться съ врагомъ, побѣдившимъ многочисленныя войска, унизившимъ сильныя монархіи, разрушившимъ знаменитыя государства, и уже не одну націю лишившимъ не только независимости, но даже имени. Такой жребій опредѣлялъ онъ Пруссіи. Низверженная съ ея величія, она должна была подчиниться чуждому властителю, жадность коего уже пожрала часть Германіи. Жребій народовъ и воинствъ въ рукѣ Всемогущаго, но постоянная побѣда и прочное благоденствіе даются только правому дѣлу. Голосъ современниковъ оправдываетъ насъ.»

Наполеонъ не замедлилъ отвѣтомъ на письмо Короля и ноту посла его. «Что за охота говорить такъ много! Что за страсть къ многословію!» сказалъ онъ, перечитывая Прусскій манифестъ и королевское письмо. «Посмотрите, маршалъ,» говорилъ онъ Бертье,

«насъ приглашаютъ съ отвѣтомъ въ Прусскую королевскую квартиру 8-го Октября. Когда же Французы отказывались отъ такого приглашенія? Будемъ вѣжливы, и вручимъ лично нашъ отвѣтъ.»

Октября 7-го отправлено было посланіе Наполеона Сенату, гдѣ, объясняя внезапный отъѣздъ свой изъ Парижа и начало войны съ Пруссіею, онъ изъявлялъ прискорбіе, что «мудрый монархъ Саксонскій невольно увлеченъ въ дѣло противное пользамъ его,» и что «Король Прусскій злобнымъ искуствомъ Англійской политики начинаетъ брань гибельную. — Скорбимъ сердцемъ, видя постоянный перевѣсъ, какой имѣетъ въ Европѣ геній зла, безпрерывно занятой разрушеніемъ благотворныхъ намѣреній, какія мы создаемъ для спокойствія Европы, тишины и благоденствія народовъ. Сей геній зла окружаетъ всѣ Европейскіе кабинеты всякаго рода обольщеніями, ослѣпляетъ, кого не можетъ подкрѣпить, заставляетъ забывать всѣ собственныя выгоды, и бросаетъ жертвы свои въ бездну гибели, безъ всякаго другаго руководства, кромѣ страстей, имъ внушаемыхъ.» Разумѣется, что *геній зла* (le génie du mal) была Англія. Наполеонъ смиренно признавался, что какъ ни желаетъ онъ мира, какъ ни старался онъ его поддерживать, но неожиданнымъ вызовомъ Пруссіи принужденъ по неволѣ защищаться, «ибо никакое личное пожертвованіе не будетъ намъ тягостно, никакая опасность не остановитъ насъ, когда надлежитъ утвердить права, честь и благоденствіе нашихъ наро-

довъ.» Другимъ языкомъ говорилъ онъ въ то же время съ своими солдатами, напоминая имъ, что тѣ Пруссаки, которые нѣкогда бѣжали изъ предѣловъ Франціи, хотятъ однимъ видомъ своего оружія заставить Французовъ оставить Германію. «Солдаты! никто изъ васъ не захочетъ возвратиться въ отчизну другимъ путемъ, кромѣ пути чести. Мы должны пройдти въ отечество сквозь торжественныя врата. Какъ? Для того ли мы не страшились бурь, морей, пустынь, побѣждали соединенную противъ насъ Европу, переносили славу нашу съ Востока на Западъ, дабы возвратиться теперь во Францію бѣглецами, оставя нашихъ союзниковъ, дабы слышать, что орелъ Французскій бѣжалъ, испуганный видомъ орла Прусскаго? Впередъ! Да, узнаютъ враги наши, что гнѣвъ великаго народа страшнѣе бурь Океана!»

Письмо Наполеона въ отвѣтъ Прусскому Королю было подсказано колкою насмѣшливостью и оскорбляющею гордостью. Не входя въ объясненія о требованіяхъ Пруссіи, онъ говорилъ: «В. В. призываете меня дать вамъ отвѣтъ Октября 8-го, и какъ добрый рыцарь, я принимаю ваше предложеніе — иду въ Саксонію рѣшить нашъ споръ. Вѣрьте, у меня есть еще столько силъ, что побѣда не будетъ колебаться долго. Но для чего будемъ мы проливать кровь? Еслибы В. В. хотѣли отъ меня чего либо возможнаго, немедленно согласился бы я съ вами, но вы желаете моего безславія, и должны были напередъ знать мой отвѣтъ. Остается воевать послѣ

того, чего отъ меня требуютъ, но справедливы ли требованія, и для чего будемъ мы губить нашихъ подданныхъ? Не прельщаетъ меня лишняя побѣда, купленная цѣною ихъ крови. Еслибы я былъ въ началѣ моего военнаго поприща, и могъ страшиться жребія битвъ, такой языкъ былъ бы неумѣстнымъ въ устахъ моихъ, но, государь, подумайте: В. В. будете побѣждены, отваживая спокойствіе ваше, и даже бытіе вашего государства. Теперь вы еще можете говорить со мною, какъ прилично вашему высокому званію, но черезъ мѣсяцъ наши отношенія измѣнятся.»

Такъ осмѣливался отвѣчать Наполеонъ монарху, у котораго стояло подъ ружьемъ *сто двадцать тысячь* храбраго войска, и — увы! имѣлъ право такъ говорить, ибо онъ сдержалъ свое слово!

Тѣ, кто въ послѣдствіи обвинялъ короля Фридриха Вильгельма въ поспѣшномъ устремленіи на битву, не ожидая союзниковъ, вызывая на бой Наполеона, должны были разсудить, что если война являлась уже неизбѣжною, онъ невольно вынужденъ былъ приступить немедленно къ началу ея, не дожидаясь обѣщаннаго пособія Русскихъ войскъ, ибо полчища Наполеоновы готовы были вторгнуться въ Пруссію, и медлить было невозможно. Въ томъ, что были средства бороться съ Наполеономъ, удостовѣряла Прусскаго монарха несомнѣнная увѣренность на помощь императора Александра. Не ужели Англія, уже испытавшая опасность шаткой и своекорыстной политики, также не истощитъ всѣхъ зависящихъ отъ нея

средствъ? Не ужели Австрія, исполненная скорби и негодованія послѣ всего претерпѣннаго ею, не воспользуется случаемъ — она, упрекавшая Пруссію за нерѣшительность? Слѣдовательно, надлежало только выдержать первое стремленіе Наполеона, и неужели для удержанія перваго удара недостаточно будетъ сильнаго, стройнаго, одушевленнаго мужествомъ Прусскаго войска, помнившаго побѣды Фридриха Великаго, предводимаго учениками его, оживленнаго присутствіемъ любимаго монарха? Самъ Наполеонъ, въ бытность его въ Майнцѣ, разговаривая о предстоявшемъ походѣ, говорилъ, что онъ будетъ не Ульмская кампанія — «намъ придется поработать (nous aurions la terre à remuer)!» прибавилъ онъ.

Дѣйствительно, ни одна прежняя кампанія Наполеонова не представляла такого блестящаго и величественнаго зрѣлища, какъ Прусская война 1806 года. Былъ послѣдній споръ между Наполеономъ и Европою. Вдали угрожали ему Русскія, Британскія, Шведскія войска, а впереди ихъ являлись войска Пруссіи, земли Фридриха Великаго, предводимыя двоюроднымъ внукомъ его, коего окружали принцы Пруссіи, Саксоніи, Виртемберга, Брауншвейга, Веймара, Гессена. Предводителями войскъ при особѣ Прусскаго монарха были: семидесятилѣтній старецъ, владѣтельный герцогъ Карлъ Брауншвейгъ-Люнебургскій, сынъ героя Семилѣтней войны, герцога Фердинанда Брауншвейгскаго; другой восьмидесятилѣтній вождь, фельдмаршалъ, графъ Меллендорфъ, спутникъ

Фридриха во всѣхъ его кампаніяхъ, и графъ Калькрейтъ, бывшій адьютантомъ брата Фридрихова, принца Гейнриха, въ Семилѣтнюю войну. Окрестъ сихъ опытныхъ вождей являлись не менѣе заслуженные генералы: князь Гогенлоге, Шметтау, Рихель, Массенбахъ, Тауэнцинъ, Блюхеръ, отчаянный наѣздникъ въ молодости, теперь шестидесятилѣтній старецъ, но все еще пылкій, какъ въ юныя лѣта. Юные генералы и офицеры Прусскіе готовы были состязаться въ мужествѣ съ воинами Наполеона. Устроенныя въ теченіе десяти лѣтъ мира, артиллерія и штабъ Прусской арміи были многочисленны.

Но Наполеонъ хорошо понималъ существенные недостатки Прусской арміи. Первымъ была страсть Прусскихъ полководцовъ къ стратегическимъ и тактическимъ теоріямъ, какъ у полководцовъ Австрійскихъ. Вторымъ, что ни одинъ изъ предводителей Прусскихъ войскъ не былъ одаренъ, не только геніемъ, но даже великимъ воинскимъ талантомъ, и всѣ коснѣли въ тѣхъ правилахъ тактики и стратегіи, коими Фридрихъ Великій одерживалъ побѣды за сорокъ лѣтъ прежде. Сорокъ лѣтъ пролетѣли, и ни одна перемѣна военнаго искуства, совершенно измѣнившагося со времени революціи, и еще болѣе послѣ походовъ Наполеона, даже ни одно усовершенствованіе въ устройствѣ войскъ, артиллеріи и штабовъ не было принято Пруссаками. Припомнимъ при томъ отвычку Прусскихъ солдатъ отъ огня, поспѣшность, съ какою выведена была на битвы Прусская армія,

такъ, что хотя она не составляла половины того числа, изъ коего состояла зимою 1805 года, но устройства ея не успѣли кончить, особливо при недостаткѣ финансовъ, несогласіи и неохотѣ на войну союзниковъ и разногласіи вождей. И — здѣсь невольно повторимъ мы, что говорили при началѣ описанія Австрійской кампаніи 1805 года — противъ Пруссіи стояло ополченіе Наполеона, превосходившее числомъ, испытанное, закаленное въ бояхъ, оживленное побѣдами, непокидавшее оружія въ теченіе столькихъ лѣтъ, руководимое единою, всесильною волею властителя, всемогущимъ геніемъ полководца, предъ коимъ все смирялось благоговѣйно, и — сомнительна ли была побѣда?

Еще сильнѣйшее ручательство за вѣрную побѣду Наполеона оказалось съ начала войны въ планахъ Прусскихъ полководцовъ — *планахъ*, говоримъ, ибо избравши прежде одно расположеніе, они немедленно перемѣнили его въ слѣдствіе движеній Наполеона, когда прежде начала похода все разсчелъ Наполеонъ, составилъ единожды планъ свой, и не измѣнялъ его, дѣйствуя смѣло, быстро, рѣшительно.

Октября 6-го прибылъ Наполеонъ въ Бамбергъ. Войска его, послѣ разныхъ передвиженій, находились въ слѣдующемъ положеніи: главная армія, корпуса Бернадотта, Даву, Сульта, Нея, Лапна и конница Мюрата, были въ *Кобургѣ;* гвардія съ Лефевромъ шла къ *Бамбергу;* корпусъ Ожеро изъ Франкфурта угрожалъ Касселю, но повернулъ вправо, и долженъ

былъ присоединиться къ главной арміи; корпусъ Мортье стоялъ на границахъ Вестфаліи; король Людовикъ велъ свой корпусъ изъ Голландіи къ *Везелю.*

Прусская армія сосредоточилась въ Саксоніи, ожидая присоединенія къ ней войскъ Гессенскихъ изъ Касселя. Корпусъ генерала Рихеля, 20,000, составлялъ правое крыло Пруссаковъ у *Эйзенаха.* Главная армія, при коей были король Фридрихъ Вильгельмъ и Герцогъ Брауншвейгскій, 50,000, находилась въ *Эрфуртѣ.* Корпусъ князя Гогенлоге, 50,000, составлялъ лѣвое крыло Прусской арміи, у *Бланкенгайна.* Лѣвый флангъ его прикрывалъ отдѣльный корпусъ Тауэнцина въ *Шлейцѣ.*

Театръ войны открывался такимъ образомъ на обширныхъ долинахъ, прославленныхъ битвами Тридцатилѣтней и Семилѣтней войны, простирающихся на сѣверъ и западъ отъ гористыхъ областей Богеміи и Франконіи. Союзники занимали крайнія точки, гдѣ оканчиваются горы, и начинаются цвѣтущія, обильныя всѣми благами природы и общественной жизни долины Саксоніи до Эльбы и Лузаціи за Эльбою, до Лузацкихъ горъ, отдѣляющихъ лежащія за ними равнины Силезіи и Бранденбурга. Крайнею точкою растяженія войскъ влѣво, близъ горъ Богемскихъ, былъ Шлейцъ; крайнею точкою направо Эйзенахъ; среднюю точку составлялъ Эрфуртъ. Изъ Эйзенаха открыто было сообщеніе съ Касселемъ. Сзади позиціи главною точкою опоры былъ Лейпцигъ, за коимъ вторую оборонительную линію могло составить теченіе

Эльбы. На случай отступленія, въ Лейпцигѣ можно было защищать столицу Саксоніи, Дрезденъ, лежащій лѣвѣе, и путь въ Берлинъ, опираясь на лежащія по Эльбѣ крѣпости, Торгау, Виттенбергъ и Магдебургъ, снабженныя сильными гарнизонами, пока подоспѣютъ союзныя Русскія войска. Здѣсь цѣлые годы боролся Фридрихъ съ превышающими силами враговъ. Основная мысль Прусскихъ полководцовъ была удалить войну отъ предѣловъ Пруссіи, и кромѣ того, что продовольствіе войскъ, обезпечиваясь средствами Саксоніи, не требовало издержекъ, хотѣли удержать нерѣшительный союзъ Гессена и Саксоніи, соединить Саксонскія и Гессенскія войска съ Прусскими, и потомъ предупредить соединеніе силъ Наполеона во Франконіи наступательнымъ дѣйствіемъ на Кобургъ и Бамбергъ. Медленность съ одной, быстрота съ другой стороны, разрушили сей планъ наступательнаго движенія. Тогда положено остаться въ оборонительномъ положеніи, ибо думали, что видятъ намѣреніе Наполеона напасть на главную армію, судя по движенію на Кассель, и потому что Ланнъ шелъ на Кобургъ. Въ Наумбургѣ, по дорогѣ отъ Эрфурта къ Лейпцигу, учреждены были главные запасные магазины. Резервный корпусъ принца Евгенія Виртембергскаго находился въ Галле, между Магдебургомъ и Лейпцигомъ.

Далекія отъ всякаго опасенія, союзныя войска радостно ждали битвъ, Саксонцы и Пруссаки одинаково. Прибытія Гессенцовъ ожидали со дня на день.

Манифестъ Короля Прусскаго воспламенялъ всѣхъ его подданныхъ. Вездѣ, гдѣ проходили Прусскіе полки, ихъ встрѣчали и провожали пѣснями и праздниками; хороводы дѣвушекъ усыпали имъ путь цвѣтами; разгульные хоры раздавались на бивакахъ, гдѣ Германская молодежь пировала великую брань, начинавшуюся за свободу Германіи. На смотры войскъ въ Берлинѣ выносили знамена Фридриха Великаго. Офицеры приходили въ Потсдамъ, и на гробѣ героя Пруссіи клялись побѣдить или умереть. Королева Прусская, не только присутствовала на смотрахъ войскъ и провожала полки изъ Берлина, но окруженная блестящимъ Дворомъ, явилась въ Эрфуртскій лагерь, и здѣсь ежедневно видали ее на смотрахъ и ученьяхъ, привѣтствуя радостными восклицаніями. Принцъ Лудовикъ избралъ себѣ мѣсто самое опасное, принявъ начальство надъ авангардомъ корпуса Гогенлоге, долженствовавшимъ прежде всѣхъ сразиться съ непріятелемъ.

Орлиный взоръ Наполеона мгновенно проникъ ошибку плана непріятелей. Онъ увидѣлъ слабую защиту лѣваго крыла союзниковъ, ибо Шлейцъ не былъ крайнею точкою въ горахъ, и здѣсь оставался еще незащищенный проходъ черезъ Гофъ. Обманывая движеніемъ на Кассель и на Кобургъ, двинуть сильные корпуса на Гофъ и Шлейцъ, обойдти здѣсь непріятеля съ фланга, зайдти ему въ тылъ, перерѣзать путь на Лейпцигъ, поставить его между двухъ огней, отдѣлить отъ Дрездена и Эльбы, заставить отступать

*

на Магдебургъ, оставя Кассель, и тѣмъ лишить его союза Гессена и Саксоніи, отнять средства обороны на Эльбѣ, перенесть войну въ Прусскія области, или принудить къ невыгодной битвѣ, оборотивъ фронтъ назадъ, лишась сообщеній и запасовъ, имѣя въ тылу горы, гдѣ не было средствъ къ отступленію — таковъ былъ планъ Наполеона. Можно не изумляться простотѣ его, ибо все великое бываетъ просто, но нельзя безъ удивленія видѣть, что Прусскіе полководцы ничего не понимали, и дозволили все исполнить, какъ расположилъ Наполеонъ.

Безъ сомнѣнія, планъ былъ отваженъ, ибо надлежало совершать фланговое движеніе въ виду сто тысячнаго войска, но превосходство силъ обезпечивало Наполеона, и притомъ — онъ зналъ своихъ непріятелей. Одними изъ главныхъ средствъ были непостижимая быстрота и стройность всѣхъ движеній Наполеонова войска: Октября 6-го прибылъ онъ въ Бамбергъ. Немедленно начался походъ. Ланнъ и Ожеро, съ Кобургской дороги, круто повернули вправо на Заалфельдъ; правѣе ихъ, на Кранахъ и Шлейцъ, двинулись Мюратъ, Бернадоттъ и Даву; еще правѣе, черезъ Гофъ, пошли Ней и Баварцы. Такимъ образомъ Шлейцъ былъ задавленъ громадою войскъ. Октября 8-го Мюратъ сбилъ первый отрядъ Пруссаковъ въ Заалбургѣ, а на другой день Бернадоттъ вытѣснилъ Тауенцина изъ Шлейца. Пруссаки отступили, съ потерею нѣсколькихъ пушекъ и зарядныхъ ящиковъ. Гера, сзади Шлейца, была занята Октября

12-го. Наполеонъ перенесъ сюда главную квартиру. Тогда Мюратъ, Даву и Бернадоттъ упорно устремились на Наумбургъ, заняли его, захватили тамъ всѣ главные магазины, и стали на дорогѣ изъ Эрфурта въ Лейпцигъ. Другіе корпуса повернули влѣво къ Эрфурту на Іену, Сультъ изъ Геры, Ней изъ Гофа и Плауена (оставя Баварцовъ въ Плауенѣ) на Роду, Ланнъ и Ожеро черезъ Заалфельдъ на Калу. При Заалфельдѣ Ланнъ напалъ на авангардъ Гогенлоге, Октября 10-го. Сраженіе было достопамятно тѣмъ, что здѣсь былъ убитъ принцъ Лудовикъ Прусскій. Неукротимый во враждѣ къ Наполеону, одинъ изъ главныхъ поборниковъ войны, онъ искалъ славы и опасностей, не хотѣлъ пережить пораженія, и палъ сражаясь. Видя разбитіе своего отряда, Лудовикъ бросился въ толпу Французскихъ всадниковъ, и отчаянно рубился съ ними. Наполеонъ велѣлъ почтить погребеніе принца всѣми воинскими почестями. Вѣсть о кончинѣ его была вѣстью общей скорби въ Пруссіи, и казалась зловѣщимъ предсказаніемъ гибели. Сраженіе было довольно важно потерями. Пруссаки лишились 1200 плѣнными, 800 убитыми и ранеными, и 33-хъ пушекъ, потерянныхъ въ безпорядкѣ отступленія.

Встрѣча съ сильнымъ авангардомъ Гогенлоге заставила Наполеона думать, что войско Прусское оставило свою Эрфуртскую позицію, и готовится встрѣтить его въ генеральной битвѣ у Іены. Въ слѣдствіе сего онъ поспѣшно распорядился къ дѣлу рѣшитель-

ному. Мюратъ возвращенъ былъ изъ Наумбурга къ главной арміи; сюда велѣно также идти Бернадотту черезъ Дорнбургъ; Даву долженъ былъ спуститься правѣе, по лѣвому берегу Саалы, изъ Наумбурга къ Апполъдѣ, въ тылъ непріятеля. Въ ожиданіи прихода Бернадотта, Сульта и Нея, стараясь протянуть время переговорами, Наполеонъ, Октября 12-го, послалъ отвѣтъ свой Королю Прусскому на письмо его, и предлагалъ притомъ говорить о мирѣ. Посланнаго задержали, пока письмо было отправлено въ главную квартиру къ Королю. Двинувъ впередъ корпусъ Ланна къ Іенѣ, и тѣсня передъ собою Тауенцина, Наполеонъ извѣстился Октября 13-го, что Прусская армія дѣйствительно ждетъ его при выходѣ изъ Іенскихъ дефилеевъ, ибо, поднявшись на Ландграфову гору, Ланнъ увидѣлъ передъ собою Прусскіе полки, стоявшіе у Каппелендорфа на Эрфуртской дорогѣ; отряды ихъ простирались влѣво до Люцероде и Клаузевица. Темная осенняя ночь скрыла непріятелей, но Наполеонъ успѣлъ пріѣхать изъ Геры, осмотрѣть мѣстоположеніе и расположить битву на другой день. Онъ не сомнѣвался, что здѣсь сосредоточились главныя силы непріятельскія. Гвардія его была поставлена на Ландграфовой горѣ. Въ теченіе ночи Ланнъ долженъ былъ спуститься въ долину Клаузевицкую; Сюше поставленъ по скату горы направо, Газанъ налѣво; Ожеро, Нею, Мюрату велѣно поспѣшать приходомъ; два первые должны были стать съ фланговъ главной позиціи, а Мюратъ ударить съ конницею во флангъ

непріятелю. Наполеонъ ночью отправился лично наблюдать за движеніемъ съ горы Ланнова отряда, и къ досадѣ своей, нашелъ его стѣсненнымъ въ дефилеяхъ. Велѣно зажечь фонари. Наполеонъ самъ свѣтилъ саперамъ, прочищавшимъ дорогу, даже работалъ лопатою и киркою, и удалился тогда только, когда войска двинулись свободно. Сидя на горѣ подлѣ бивачнаго огня, среди гвардіи, нетерпѣливо ждалъ онъ утра, и бесѣдовалъ съ Лефевромъ, Викторомъ, Удино и Ланномъ. Въ 4 часа утра онъ уже объѣзжалъ полки, разговаривалъ съ солдатами и возбуждалъ ревность ихъ. «Пруссаки отрѣзаны, какъ отрѣзаны были Австрійцы подъ Ульмомъ,» говорилъ онъ. «Они хотятъ пробиться и отступить. *Безславіе* тому, кто уступитъ имъ — слышите ли? Безславіе и вѣчный позоръ! Хваленой конницѣ Прусской подставимъ мы кареи и штыки.» *Впередъ! Маршъ!* раздавалось въ рядахъ солдатъ.

Густой туманъ лежалъ на горахъ и долинахъ утромъ достопамятнаго дня, *Октября 14-го,* и разсѣялся уже около 9-ти часовъ по полуночи. Рано завязалась въ туманѣ перестрѣлка. Ланнъ овладѣлъ селеніями Клаузевицомъ и Господомъ. Пруссаки стояли упорно, но были обойдены и сбиты. Отъ Капелендорфа безпрестанно подходили отряды, и дѣлались жертвою многочисленности и мужества Французовъ, поражаемые по одиначкѣ, ибо Прусскій полководецъ вовсе не готовился къ большой битвѣ, даже не зналъ, что противъ него стояли главныя силы Наполеоновы.

Уже всѣ Прусскія войска, сбитыя, отступали въ безпорядкѣ, когда въ тылу ихъ явился, съ своими 20,000, генералъ Рихель. Онъ поспѣшно привелъ корпусъ свой отъ Эрфурта. Старый Фридриховскій генералъ, Рихель презиралъ Наполеона, и говаривалъ, когда начинали хвалить его: «Что вы толкуете! Мальчишка! Я былъ генераломъ и кавалеромъ Краснаго Орла, когда онъ служилъ еще поручикомъ! Дайте намъ повстрѣчаться!» Несчастна была встрѣча Рихеля съ *мальчишкой Наполеономъ!* Путь ему загородили бѣжавшіе и отступавшіе въ безпорядкѣ съ поля битвы, за конми неслись конники Мюрата и напирали пѣхотинцы Французы. Устроя войска въ карен, Рихель хотѣлъ сражаться, но усталые отъ похода, не успѣвши вздохнуть, смятые бѣгущими и напоромъ Французовъ, обойденные со всѣхъ сторонъ, поражаемые аттаками Мюрата, Рихелевы карен не выдержали, начали отступать, и вскорѣ отступленіе превратилось въ бѣгство. Рихель, раненый, былъ захваченъ въ плѣнъ. Около полудня все было кончено, и такъ легко, что Наполеонова гвардія даже не трогалась съ мѣста. Живо началось преслѣдованіе и продолжалось до Веймара, куда вечеромъ вступили Французы. Нѣсколько тысячь плѣнныхъ, знамена, артиллерія, обозы, все досталось побѣдителямъ.

Наполеонъ не ожидалъ столь скорой и легкой развязки, готовясь выдержать упорную битву противъ всей Прусской арміи. Онъ не зналъ еще всей безмѣрности своего успѣха. Въ тотъ же день, когда шла

битва подъ Іеною, еще болѣе упорная битва кипѣла, въ шести миляхъ отъ него, близъ Ауэрштедта, и тамъ сражалась главная Прусская армія, когда подъ Іеною былъ только отрядъ ея.

Сраженіе подъ Заалфельдомъ, и занятіе Геры и Наумбурга, показали предводителямъ Прусскихъ войскъ оплошность ихъ и опасность движенія Наполеонова. Прошло нѣсколько времени въ нерѣшительности, и наконецъ предпринято было распоряженіе, доказавшее, какъ говорилъ Наполеонъ, что «если Герцогъ Браупшвейгскій хорошо умѣлъ привесть свои войска въ затрудненіе, то вовсе не зналъ средствъ, какъ изъ него выйдти.» Положено начать отступленіе къ Эльбѣ, сдѣлавъ центромъ военныхъ движеній Лейпцигъ. Думали, что въ Наумбургѣ находятся небольшіе отряды, которые легко уничтожить, и что главная опасность угрожаетъ въ Іенѣ. Потому къ Іенѣ отряженъ былъ Гогенлоге, а Рихелю велѣно подкрѣплять его. Здѣсь находилось всего до 36,000 пѣхоты и 8000 конницы, долженствовавшихъ только удерживать непріятеля. Главная армія, предводимая Герцогомъ Браунпшейгскимъ, при коей находился Король Прусскій, всего до 50,000 пѣхоты и 12,000 конницы, должна была отъ Эрфурта слѣдовать на Наумбургъ къ Лейпцигу, куда назначено было отступать потомъ Гогенлоге и Рихелю, и гдѣ должны были присоединиться резервы изъ Галле съ принцомъ Евгеніемъ Виртембергскимъ, и изъ Эйзенаха съ принцомъ Саксенъ-Веймарскимъ. Въ слѣдствіе сихъ рас-

поряженій немедленно потянулись арміи въ двухъ различныхъ направленіяхъ. Мы видѣли участь войскъ, отряженныхъ къ Іенѣ. Главная армія Прусская, вечеромъ 13-го Октября, сблизилась къ Наумбургу, и опасаясь ночью вступить въ Козенскіе дефилеи, остановилась за Саалою, близъ мѣстечка Ауэрштедта. Часть войска Прусскаго перешла Саалу, и бивакировала у Эккартсберга и Шпильберга.

Исполняя приказъ Наполеона, Даву выступилъ изъ Наумбурга и занялъ Козенскія дефилеи. Видя сближеніе непріятеля, онъ выдвинулъ дивизію Гюдена передъ дефилеи къ Гассенгаузену, и хотя не подозрѣвалъ, что передъ нимъ втрое сильнѣйшій непріятель, но замѣтилъ его многочисленность и послалъ просить помощи Бернадотта. По непостижимому упрямству, Бернадоттъ отвѣчалъ, что имѣя приказъ Императора идти къ Дорнбургу, онъ не можетъ нарушить повелѣнія. Даву рѣшился одинъ принять битву. У него было до 27,000 войска. Рано утромъ, когда густой туманъ покрывалъ всѣ окрестности, онъ завязалъ наступательный бой занятіемъ Гассенгаузена. Пруссаки такъ мало ожидали встрѣчи какого либо сопротивленія, что дожидались пока разсѣется туманъ, и хотѣли начать движеніе прямо на Фрейбургъ, препоручивъ дивизіи Шметтау очистить Козенскія дефилеи и занять Наумбургъ. Изумленный сильнымъ нападеніемъ, Король Прусскій самъ отправился къ мѣсту битвы, и велѣлъ Блюхеру, стоявшему за Саалою влѣво, съ 2500 конницы, помогать Шметтау и

аттаковать непріятеля. Построясь въ каре, Французы отбили аттаки Блюхера, и ударомъ въ штыки смяли Шметтау. Приказано дивизіи Вартенслебена и Принца Оранскаго идти въ бой. Даву вывелъ свѣжую дивизію Фріана. Блюхеръ сдѣлалъ еще усиліе, въ безпорядкѣ отступилъ къ Эккартсбергу, и подъ нимъ была убита лошадь. Дѣло разгаралось. Дивизія Морана подкрѣпила товарищей. Произошло тоже, что было подъ Іеною. Не ожидая великой битвы, Пруссаки посылали въ бой отрядъ за отрядомъ. Французы, громя артиллеріею съ высотъ, занимая неприступныя мѣста, уничтожали посылаемыя на нихъ войска по одиначкѣ. Герцогъ Брауншвейгскій самъ явился на мѣстѣ битвы; осколокъ гранаты пролетѣлъ мимо лица его, и несчастный полководецъ лишился зрѣнія. Смертельно раненаго, его спѣшили увезти. Рука судьбы, казалось, тяготѣла надъ Прусскимъ войскомъ. Шметтау, принцъ Генрихъ Прусскій, Принцъ Оранскій, всѣ были ранены. Армія, лишенная вождей, разстроилась. Король Прусскій получилъ тогда извѣстіе о неудачномъ ходѣ сраженія подъ Іеною. Жертвуя собою, онъ повелъ самъ аттаку, былъ разгромленъ картечнымъ огнемъ, и двухъ лошадей убили подъ нимъ. Даву ждалъ рѣшительной минуты, упорно двинулся вправо на Эккартсбергъ, зашелъ во флангъ непріятелю, и гибель Прусской арміи была рѣшена. Въ пять часовъ по полудни бой смолкъ. Пруссаки бѣжали въ безпорядкѣ, были разсѣяны, сбиты на дорогу къ Веймару, и перемѣшавшись здѣсь съ бѣгущими отъ Іе-

ны, отдавались въ плѣнъ, спасались, кто куда успѣвалъ. Пушки, обозъ, знамена, все было оставлено и брошено. Король Прусскій удалился въ Соммердау съ однимъ полкомъ и однимъ батальономъ гвардіи.

Такъ несчастная случайность и неискуство вождей довершили погибель Прусскаго войска, приготовленную геніяльнымъ планомъ Наполеона. Онъ даже не вѣрилъ, когда донесли ему о побѣдѣ Даву, и узнавъ всѣ подробности, содрогнулся, соображая опасность, какой подвергался Даву, еслибы непріятель успѣлъ накапунѣ занять Козенскіе дефилеи. Гнѣвно спросилъ онъ, что же дѣлалъ въ то время Бернадоттъ? Въ первую минуту досады Наполеонъ хотѣлъ предать его военному суду. Дѣйствительно, когда Бернадоттъ слышалъ о двоякой битвѣ подъ Іеною и Ауэрштедтомъ, странная нерѣшительность овладѣла имъ. Онъ подвинулъ часть войска своего къ Апольдѣ, другую оставилъ въ Дорнбургѣ, и оправдывался повелѣніемъ Наполеона. Сдвинувшись къ Ауэрштедту, онъ уничтожилъ бы Прусскую армію. Но и безъ того битвы Октября 14-го превзошли даже знаменитые дни Маренго, Ульма и Аустерлица. Въ счастіи люди бываютъ снисходительны. Удовольствовавшись презрительною улыбкою, и словами, что «князь Понте-Корво довольно наказанъ тѣмъ, если по своей волѣ не раздѣлилъ торжества своего товарища,» Наполеонъ наградилъ Даву титуломъ герцога Ауэрштедтскаго, и въ награду корпусу его, предоставилъ ему честь первому вступить въ Берлинъ.

Въ столицу Пруссіи устремился Наполеонъ съ полей Іенской и Ауэрштедтской битвъ, ибо ничто не могло ему воспрепятствовать въ семъ походѣ. Французы купили двойную побѣду Октября 14-го потерею 12,000 убитыми и ранеными. Потери Пруссаковъ нельзя было исчислить, ибо армія Прусская была *истреблена*, въ полномъ смыслѣ сего слова. Что не пало въ битвѣ, то было въ плѣну или бѣжало. Въ Іенской и Ауэрштедтской битвахъ, и при преслѣдованіи, взято было 25 тысячь плѣнныхъ, 200 пушекъ и 60 знаменъ. Черезъ мѣсяцъ по выѣздѣ изъ Парижа Наполеонъ уже находился въ Берлинѣ. Черезъ мѣсяцъ послѣ Іены и Ауэрштедта почти вся Пруссія принадлежала Наполеону, и войска его занимали обширное пространство земель до Вислы и береговъ Балтійскаго моря, кромѣ немногихъ крѣпостей. Союзники Пруссіи были союзниками Наполеона, исключая тѣхъ властителей, коихъ уничтожала грозная воля его. Казалось, непонятный страхъ овладѣлъ Прусскими войсками. Отдѣльные корпуса войскъ клали оружіе безъ битвъ; крѣпости сдавались по первому требованію легкихъ отрядовъ; города, трепеща, торжественно встрѣчали побѣдителей.

Успѣхи Французовъ умножала дѣятельность, съ какою Наполеонъ пользовался своею побѣдою. Армія его, какъ груда змѣй, сжатая въ одинъ огромный клубокъ, развилась во всѣ стороны, когда никакого порядка не было въ отступленіи Пруссаковъ, и не бывшіе въ битвахъ, отдѣльные корпуса дѣйствовали

каждый произвольно, безъ всякихъ общихъ соображеній.

Октября 15-го арміи Наполеоновы сблизились къ Эрфурту, наполненному безпорядочными, смѣшанными толпами войскъ и тысячами раненыхъ. Городъ сдался немедленно. Взято до 9000 плѣнныхъ и до 6000 раненыхъ, множество запасовъ и артиллеріи. Въ числѣ плѣнныхъ были Принцъ Оранскій, фельдмаршалъ Меллендорфъ, генералъ Гравертъ и два генералъ-маіора. Сультъ, Бернадоттъ и Мюратъ отправлены преслѣдовать непріятелей, отступавшихъ изъ Эрфурта. Въ Грейссенѣ Сультъ настигъ отрядъ Калкрейта. Тщетно Прусскій генералъ думалъ обмануть его извѣстіемъ, что между Франціею и Пруссіею заключено перемиріе. «Такой глупости Императоръ не сдѣлаетъ,» отвѣчалъ ему Сультъ, выгналъ непріятелей изъ Грейссена и аттаковалъ снова при Нордгаузенѣ. Калкрейтъ едва спасся съ малымъ остаткомъ войскъ въ Гарцовскія ущелья. Корпусъ Бернадотта посланъ былъ черезъ Кверфуртъ къ Галле, Октября 16-го, гдѣ хотѣлъ защищаться принцъ Евгеній Виртембергскій, имѣя 12,000 войска. Французы ворвались въ городъ, захватили 5000 плѣнныхъ, 33 пушки и магазины. Остальныя войска успѣли уйдти. Давши два дня отдыха корпусамъ Ожеро, Ланна и Даву, Наполеонъ двинулъ ихъ за Эльбу. Лейпцигъ занятъ 18-го, Виттенбергъ 20-го. Ланнъ, Даву, Ожеро, Мюратъ, и гвардія съ Бессьеромъ и Лефевромъ, спѣшили на Берлинъ, остававшійся безъ защиты. Князю Гогенло-

ге поручено было собрать разсѣянныя войска, соединить ихъ у Магдебурга и охранять столицу. Отдавъ сіе приказаніе, король Фридрихъ Вильгельмъ спѣшилъ за Одеръ, надѣясь собрать тамъ резервы и подкрѣпить Гогенлоге. Но преслѣдуемый со всѣхъ сторонъ, Гогенлоге не могъ исполнить порученія, когда изъ Дессау и Виттенберга Французы шли отдѣльно двумя дорогами въ Прусскую столицу. Даву вступилъ въ Берлинъ Октября 25-го. Въ Берлинскихъ арсеналахъ найдено 500 пушекъ и нѣсколько тысячь ружей. Семидесяти шести лѣтній старецъ, братъ Фридриха Великаго, отецъ принца Лудовика, принцъ Фердинандъ, за старостью, и сестра Короля, принцесса Августа, супруга наслѣдника Гессенъ-Кассельскаго, разрѣшившаяся тогда отъ бремени, остались въ Берлинѣ. Наполеонъ былъ 18-го въ Наумбургѣ, 19-го въ Галле, 21-го въ Дессау, гдѣ привѣтствовалъ его Герцогъ Ангальтъ-Дессаускій; 23-го осмотрѣлъ онъ укрѣпленія Виттенберга, и 25-го прибылъ въ Потсдамъ.

Тѣнь Фридриха, казалось, еще носилась тогда, печальная и унылая, надъ мѣстами, гдѣ обиталъ герой Прусскій. Августа 17-го, 1806 года, совершилось только *двадцать лѣтъ* отъ дня его кончины. Въ Санъ-Суси, въ Потсдамѣ все было въ томъ самомъ видѣ и въ томъ порядкѣ, какъ осталось по кончинѣ его. Собесѣдники, придворные, солдаты, слуги Фридриха были еще живы. Наполеонъ всегда особенно уважалъ Фридриха, какъ государя и полководца, даже можно подумать, что онъ завидовалъ ему,

сли соображать сужденія его о Фридрихѣ. Онъ тщательно изучалъ его великія дѣла и безсмертныя битвы, и не могъ скрыть ни невольнаго благоговѣнія своего, вступая въ жилище Фридриха, ни гордости, что вступаетъ въ него побѣдителемъ, разрушившимъ царство, Фридрихомъ созданное, когда едва прошло двадцать лѣтъ послѣ его смерти. Подробно осматривалъ онъ Санъ-Суси и другія мѣста, напоминавшія Фридриха, пересматривалъ его мебели, перечитывалъ замѣтки его въ книгахъ библіотеки, долго стоялъ подлѣ осиротѣлаго гроба его, нѣсколько разъ приходилъ потомъ посѣщать гробовой склепъ Фридриха, и по цѣлымъ часамъ, въ глубокой думѣ, сидѣлъ въ любимыхъ креслахъ Прусскаго монарха. Въ числѣ трофеевъ послалъ онъ въ Парижъ шпагу его, шляпу, ленту Чернаго Орла, нѣсколько картинъ изъ его собранія, и взялъ себѣ часы, стоявшіе на каминѣ въ Санъ-Суси. Знамена Фридриховой гвардіи были отправлены въ Парижскій Инвалидный Домъ. «Пусть взирая на нихъ, порадуются ветераны, сражавшіеся нѣкогда съ однимъ изъ первыхъ полководцовъ, коихъ имена сохранились въ исторіи,» говорилъ Наполеонъ. Въ Берлинѣ снята была съ Бранденбургскихъ воротъ статуя Побѣды, изображенной въ торжественной колесницѣ, и отослана въ Парижъ. Удовлетворяя народной гордости, когда послѣ Іенской битвы пріѣхалъ на поле знаменитой Росбахской битвы между Наумбургомъ и Галле, гдѣ въ 1757 году, въ Октябрѣ, Фридрихъ, съ 20,000 Пруссаковъ, разбилъ 70,000-ю

армію Французовъ и ихъ союзниковъ, и поставилъ каменный столпъ въ знакъ своей побѣды, Наполеонъ вспомнилъ о памятникѣ стыда Французскаго оружія, послалъ немедленно адьютанта своего, велѣлъ вырыть Росбахскій столпъ и отправить его въ Парижъ, какъ памятникъ выручениой чести предковъ.

Въ день вступленія Даву въ Берлинъ, Ланнъ подошелъ къ крѣпости *Шпандау*. Коммендантъ не хотѣлъ сдаваться. Французы приготовились идти на приступъ, и крѣпость сдалась, съ 80 пушками и 1200 человѣкъ гарнизона. Старикъ коммендантъ особенно заботился о невключеніи въ капитуляцію его любимыхъ собакъ и дворовой птицы. Наполеонъ велѣлъ подать себѣ списки обо всѣхъ арестантахъ Шпандауской государственной тюрьмы, и на другой день самъ осмотрѣлъ Шпандау. Октября 27-го былъ торжественный въѣздъ Наполеона въ Берлинъ. Лефевръ съ гвардіею открывалъ шествіе. Наполеонъ ѣхалъ между гвардейскими егерями и гренадерами, окруженный Бертье, Ожеро, Даву и штабомъ. Народъ толпился безмолвно по улицамъ и не скрывалъ горести. Многіе плакали. Другіе съ негодованіемъ кричали о трусости Прусскихъ войскъ, измѣнѣ Прусскихъ полководцовъ. Надлежало даже защищать плѣнныхъ Пруссаковъ отъ изъявленій негодованія народнаго. Наполеонъ остановился въ королевскомъ дворцѣ, и прожилъ въ Берлинѣ до конца Ноября. Война, политика, торжество побѣды занимали все время его.

4*

Участь войскъ, которыя успѣлъ собрать князь Гогенлоге, была рѣшена вскорѣ. Принужденный сдѣлать отъ Эрфурта большой обходъ, и преслѣдуемый Неемъ, онъ вступилъ въ Магдебургъ, ожидая здѣсь принца Евгенія Виртембергскаго, съ 12,000, отъ Галле, и Принца Саксенъ-Веймарскаго, съ 18,000, отъ Эйзенаха. Принцъ Евгеній привелъ къ нему, послѣ сраженія при Галле, не болѣе 5000. Принцъ Саксенъ-Веймарскій не могъ пройдти къ Магдебургу, предалъ часть корпуса своего на жертву Сульту, и съ остальными перешелъ за Эльбу, гдѣ сдалъ начальство генералу Винниху, который повелъ ихъ внизъ по правому берегу Эльбы. Но дорога на Магдебургъ была уже здѣсь отрѣзана Сультомъ, перешедшимъ въ Тангермунде, пока Ней подступалъ къ Магдебургу. Виннихъ успѣлъ однакожь перебраться опять за Эльбу, самъ не зная, куда ему обратиться. Гогенлоге оставалось защищаться въ Магдебургѣ, либо пробиться въ Ганноверъ, куда ушелъ отрядъ Блюхера, или, наконецъ, оставя Эльбу, ибо Берлина защитить онъ уже не могъ, идти на Одеръ. Здѣсь должно было расстараться соединиться на пути съ Винпихомъ, разбивъ Сульта, или избѣгая сраженій и сохраняя войска, избрать путь сѣвернѣе Берлина на Ратенау, Руппинъ, Цеденикъ, Пренцлавъ и Штеттинъ. Выбравъ послѣднее, Октября 23-го Гогенлоге оставилъ Магдебургъ, старался соединиться съ войсками Винниха, но видя что они совершенно отрѣзаны и принуждены идти внизъ по Эльбѣ, уже для соединенія съ Блю-

херомъ, Гогенлоге обратился къ Штеттину, по возможности избѣгая битвъ. Ней остался продолжать блокаду Магдебурга. Сультъ и Бернадоттъ преслѣдовали Гогенлоге. Мюратъ бросился перерѣзать ему дорогу. Тутъ открывалась опять возможность Гогенлоге соединиться съ Блюхеромъ, который, вмѣстѣ съ Виннихомъ, былъ уже тогда за Эльбою въ Мекленбургіи. Узнавши, что войска Бернадотта отдѣляютъ его отъ Блюхера, и что Мюратъ предупредилъ его въ Ораніенбургѣ, Гогенлоге взялъ сѣвернѣе, отъ Гранзее на Фюрстенбергъ, Лихенъ, Бойценбургъ и Пренцлавъ, назначая Блюхеру мѣстомъ соединенія Лихенъ. Отрядъ генерала Шиммельпфеннинга, подвинувшійся до Зеденица, былъ встрѣченъ Мюратомъ Октября 26-го, и разбитъ, потерявъ 300 убитыми и ранеными, и 700 плѣнными, большею частью изъ гвардейскаго полка Королевы. Другой уронъ потерпѣли Пруссаки при Вигендорфѣ, гдѣ Ласалль, посланный къ Бойценбургу, захватилъ пять сотъ гвардейскихъ жандармовъ. Потерявъ нѣсколько времени въ безполезномъ ожиданіи Блюхера, Гогенлоге спѣшилъ изъ Лихена въ Пренцлавъ, надѣясь отсюда укрыться въ Штеттинъ. Ласалль, Бомонъ и Груши настигли его въ Пренцлавѣ, пока Мильо зашелъ впередъ. Вытѣсненный изъ Пренцлава, Гогенлоге не видѣлъ средствъ спасенія, вступилъ въ переговоры и 27-го Октября сдался въ плѣнъ, съ 16,000 пѣхоты, 6 полками конницы, 60 пушками и 45 знаменами. Кромѣ самого князя Гогенлоге, въ числѣ плѣнныхъ находи-

лись принцъ Мекленбургъ-Шверинскій и принцъ Прусскій Августъ. Въ Пассевалкѣ захваченъ былъ 6000 отрядъ Гагеля, ушедшій изъ Прещлава (Октября 29-го). Въ тотъ же день сдался *Штеттинъ*, ограда Прусской Помераніи, крѣпость, защищаемая 60 пушками, 6000 гарнизона, главное мѣсто торговли и складки запасовъ на Одерѣ, едва только отрядъ Ласалля появился передъ стѣнами ея и потребовалъ покорности. Послѣдній отрядъ войскъ Гогенлоге, предводимый генераломъ Бѣлою, успѣлъ вырваться изъ Пассевалка, обратился къ Штеттину, нашелъ его занятымъ Французами и укрылся въ Анкламѣ. Здѣсь, Октября 31-го, генералъ Беккеръ достигъ его, и принудилъ сдаться безъ бою. Въ Анкламѣ и Штеттинѣ орлы Наполеона достигли береговъ Балтійскаго моря.

Изъ всей сто двадцати тысячной арміи Прусской оставался корпусъ генерала Блюхера. Безстрашный наѣздникъ, онъ увелъ съ собою изъ Ауэрштедтскаго побоища до шести тысячь конницы, и устремился мимо Эрфурта въ Эйзенахъ, думая соединиться съ принцомъ Саксенъ-Веймарскимъ. Но когда Сультъ сражался въ Грейссенѣ съ Калкрейтомъ, Блюхера встрѣтилъ отрядъ Клейна. Подобно Калкрейту, Блюхеръ объявилъ о заключенномъ перемиріи, успѣлъ увѣрить въ томъ и уйдти. Напрасно думали потомъ достигнуть его. Уходя и сражаясь, онъ достигъ Брауншвейга и закочевалъ на берегахъ Эльбы. Отвсюду сходились къ нему храбрецы. Среди нихъ явился

принцъ Брауншвейгъ-Эльскій, сынъ несчастнаго полководца Прусскихъ войскъ, пылавшій мщеніемъ за жизнь и честь отца своего, явился Шиллъ, лихой гусарскій рубака, съ летучимъ отрядомъ своимъ. Важнѣйшимъ подкрѣпленіемъ Блюхера были войска генерала Винниха, не успѣвшіе соединиться съ Гогенлоге. Блюхеръ сдвинулся черезъ Мекленбургъ къ Стрѣлицу, имѣя уже болѣе 20,000 человѣкъ, и старался соединиться съ Гогенлоге въ Лихенѣ, или въ Пренцлавѣ, когда узналъ о разбитіи и капитуляціи Гогенлоге. Положеніе Блюхера было бѣдственное. Не смотря на число, войско его составляло разнородную толпу конницы и пѣхоты, у которой не было ни запасовъ, ни артиллерійскихъ снарядовъ, но Блюхеръ рѣшился умереть, а не сдаваться. За Одеръ не могъ онъ пробраться послѣ взятія Штеттина. Отступать было некуда, когда между тѣмъ, кончивши съ Гогенлоге, въ превосходныхъ силахъ окружили Блюхера Мюратъ, Сультъ и Бернадоттъ, одинъ отрѣзывая путь на сѣверъ въ Шведскую Померанію, другой преграждая дорогу за Эльбу, а третій упорно нападая съ фронта. Блюхеръ отбилъ нападеніе Дюпона близъ Поссентина, храбро дрался у Кривича, и устремился къ Шверину, думая отсюда пробраться въ Висмаръ, и оттуда спасти хоть часть войска своего моремъ. Стѣсненный здѣсь, онъ пробился на Гадебушъ, и наконецъ, окруженный отвсюду, бросился въ Любекъ, полагая еще возможнымъ спастись въ Травемюнде, вмѣстѣ съ Шведскимъ отрядомъ, который

оставилъ тогда Лауенбургъ, достигъ устья Травы, и спѣшилъ уплыть изъ Травемюнде въ Стральзундъ. Дюпонъ посланъ былъ съ отрядомъ къ устью Травы, захватилъ остатокъ Шведовъ, занялъ Травемюнде, а Блюхеръ вступилъ Ноября 5-го въ Любекъ. Напрасно умоляли его жители и городское начальство не подвергать ихъ бѣдствію битвы, напрасно Бернадоттъ посылалъ требовать сдачи, представляя невозможность успѣха защиты. Блюхеръ ничему не внималъ, хотѣлъ погибнуть сражаясь, наскоро поправилъ ветхія городскія укрѣпленія, поставилъ на нихъ пушки, перегородилъ улицы, и утромъ Ноября 6-го началъ смертельный бой. Побѣда колебалась недолго. Отчаяніе уступило силѣ. Часть Пруссаковъ была убита и попалась въ плѣнъ. Блюхеръ пробился изъ Любека, но былъ окруженъ близъ Швартау на берегу Травы, и лишенный средствъ защиты и пропитанія, принужденъ былъ, Ноября 7-го, сдаться съ остальными 4000 пѣхоты, 3750 конницы и 23 пушками. Нѣкоторые отряды удальцовъ разбѣжались въ разныя стороны, составили партіи наѣздниковъ, и продолжали мѣлкую войну до самаго заключенія мира. Отважнѣе другихъ былъ наѣздникъ Шилль, непримиримый врагъ Французовъ, являвшійся съ отрядомъ своимъ всюду, даже въ виду Берлина и на Одерѣ, и клявшійся, что онъ захватитъ и разстрѣляетъ Наполеона. Въ одномъ изъ разъѣздовъ своихъ онъ взялъ въ плѣнъ маршала Виктора и отослалъ его за Одеръ. Наполеонъ предложилъ обмѣнять Виктора на Блюхера, безполезное, но

отчаянное удальство коего положило основаніе извѣстности, какою пользовался Блюхеръ въ послѣдствіи. Упорство Блюхера было пагубно Любеку. Разъяренные солдаты Французскіе предались грабежу. Бернадоттъ, обвиняя Любчанъ въ томъ, что они впустили въ городъ непріятелей, далъ волю три дня свирѣпствовать неистовымъ грабителямъ. Долго не могли изгладиться слѣды раззоренія.

Почти въ одно время съ Штеттиномъ сдалась другая, не менѣе важная крѣпость на Одерѣ, защита Берлина, *Кюстринъ*. Едва появился отрядъ Гюдена на лѣвомъ берегу рѣки, при первомъ требованіи коммендантъ, полковникъ Ингерслебенъ, заключилъ капитуляцію, и передалъ на волю побѣдителя 4000 гарнизона и 90 пушекъ. Еще горестнѣе была потеря *Магдебурга*, считавшагося непобѣдимою крѣпостью. Послѣ двухъ недѣль блокады, и нѣсколькихъ бомбъ, брошенныхъ въ крѣпость Неемъ, Ноября 8-го, генералъ Клейстъ и коммендантъ Троссель сдали Магдебургъ, гдѣ найдено до 600 пушекъ, и множество ружей, запасовъ, снарядовъ, пороху. Плѣнныхъ взято было здѣсь около 22,000, 800 офицеровъ и 20 генераловъ. Въ числѣ плѣнныхъ находилось множество раненыхъ и больныхъ.

Между тѣмъ, король Людовикъ, выступившій изъ Везеля, и Мортье, отправленный съ поля Іенской битвы, очищали Ганноверъ и занимали Балтійское приморье отъ границъ Голландіи до Мекленбурга. Ноября 1-го Мортье приблизился къ Касселю, от-

куда едва успѣлъ уѣхать Герцогъ Гессенъ-Кассельскій, увозя съ собою свои сокровища и тщетно испрашивая помилованія. *Двадцать тысячь* войска Гессенскаго, на которыя возлагали столько надеждъ Пруссаки, были обезоружены и распущены по домамъ. Ноября 20-го Савари подошелъ къ Гамельну. Коммендантъ, генералъ Шелеръ, готовъ былъ сдаться, но включалъ въ условіе, что «если потомъ, въ слѣдствіе какихъ либо договоровъ, онъ и войско его будутъ переданы другой державѣ, имъ подтвердятся пенсіи, положенныя по Прусскому уставу.» Столь наглая, безстыдная торговля честью возбудила презрѣніе въ самыхъ непріятеляхъ и такое негодованіе подчиненныхъ, что для спасенія своего отъ ярости офицеровъ и солдатъ, Шелеръ умолялъ Савари поскорѣе занимать крѣпость, и отворилъ крѣпостныя ворота Гамельна безъ всякаго договора. А между тѣмъ число гарнизона Гамельнскаго простиралось до 9000! Ноября 25-го, генералъ Страхвицъ сдалъ Савари Ніенбургъ, съ 3-хъ тысячнымъ гарнизономъ. Ноября 19-го Мортье занялъ Гамбургъ, 20-го взята Фульда, 21-го заняли Бременъ. Вмѣстѣ съ войсками Блюхера, въ Любекѣ достались въ плѣнъ тамошній коммендантъ, генералъ Натцмеръ, и 4000 Прусскаго гарнизона. Между Гамельномъ и Ніенбургомъ, Мортье и Людовикъ окружили Прусскую дивизію генерала Лекока; она сдалась безъ бою.

Гюденъ, занявшій Кюстринъ, составлялъ авангардъ Даву, выступившаго изъ Берлина къ Одеру.

Туда потянулись также войска Баваріи и Виртемберга, числомъ до 25,000, бывшія во время Іенской битвы въ Гофѣ и Плауенѣ. Подъ начальствомъ Вандама и Іеронима, младшаго брата Наполеонова, они перешли Эльбу въ Дрезденѣ, и образовали въ помощь Даву отдѣльный корпусъ на Одерѣ. Гессенъ-Дармштадтскія войска назначены были охранять Шпандау и Штеттинъ; Нассаускія войска составили гарнизонъ Берлина. Даву безпрепятственно перешелъ Одеръ, и вступилъ въ Польскія области Пруссіи. Въ одно время отряды его заняли *Познань* и *Ченстоховъ* (Ноября 19-го). Въ началѣ Декабря, когда Даву приближался къ Варшавѣ, незанятыя непріятелемъ владѣнія короля Фридриха Вильгельма ограничивались одною старою Пруссіею. Ганноверъ, Вестфалія, Бранденбургъ, Мекленбургъ, Балтійское приморье, кромѣ Шведской Помераніи, были во власти Наполеона. Въ Силезіи оставались невзятыми шесть крѣпостей, Глогау, Бреславль, Бригъ, Нейсса, Швейдницъ, Глацъ. Осада ихъ поручена была Вандаму и Іерониму. Декабря 2-го, Прусскій коммендантъ, генералъ Рейнгардтъ, сдалъ Глогау. Все войско Прусскаго монарха состояло изъ нѣсколькихъ тысячь резервовъ, собранныхъ изъ разныхъ мѣстъ въ Силезіи и старой Пруссіи. Въ два мѣсяца орлы Наполеона перенесены были съ Рейна на Вислу. Армія Прусская не существовала. Полководцы Прусскіе и сто тысячь войска были въ плѣну; ряды крѣпостей по Везеру, Эльбѣ и Одеру были покорены, и въ столицѣ Фридриха Великаго

Наполеонъ самовластно рѣшалъ судьбы царей и народовъ.

Хитрымъ политикомъ и грознымъ самовластителемъ являлся Наполеонъ, пока войска его разрушали всѣ средства защиты завоевашнаго имъ царства. Уничтожить Прусскую монархію географически было невозможно. Наполеонъ рѣшился на ея политическое уничтоженіе. Онъ хотѣлъ продолжить здѣсь свою союзную систему; кромѣ того, отторгнуть значительную часть земель, и основать на Эльбѣ новое царство своему третьему брату. Ганноверъ, яблоко раздора между Англіею и Пруссіею, Гессенъ, Брауншвейгъ и Пруссія по Эльбу составятъ новое королевство, которому придадутъ титулъ древней *Вестфаліи.* Саксонія, Мекленбургъ и другія земли, вмѣстѣ съ Вестфаліею, усилятъ Рейнскій Союзъ. Право побѣдителя все оправдывало, но Наполеонъ хотѣлъ еще оправдаться въ своихъ хищеніяхъ «злыми умыслами и вѣроломною ненавистью» противъ него враговъ. Потому, представляя Короля Прусскаго добродѣтельнымъ, но слабымъ монархомъ, онъ вопіялъ противъ придворныхъ интригъ и злыхъ совѣтовъ, коими Король былъ увлекаемъ въ политику ложную и превратную, измѣняя всегдашней, искренней дружбѣ Наполеона. Самая война Прусская была представляема внезапнымъ нарушеніемъ мира, неожиданно застигшимъ Францію. Вслѣдствіе сего всѣ окружавшіе Короля Прусскаго, и всѣ сосѣди его, раздѣлялись на враговъ и друзей Наполеона. *Врагами* считались тѣ, кто осмѣливался

думать о сопротивленіи власти его, и вмѣстѣ съ ними тѣ, у кого надлежало отнять достояніе. *Друзьями* были признаваемы тѣ, кто покорялся его власти, въ комъ надлежало сберечь союзника. Такъ Герцоги Гессенскій и Брауншвейгскій были объявлены непріятелями, а Курфирстъ Саксонскій другомъ, приневоленнымъ къ войнѣ, хотя Герцогъ Гессенскій также медлилъ и приступилъ къ союзу невольно. И какъ будто Наполеонъ имѣлъ право судить поступки государей самодержавныхъ, смѣшивая личныя отношенія съ ихъ политическими дѣйствіями! И какъ будто ему дозволено было наказывать подданныхъ независимаго государя, за ихъ стараніе поддержать государственную самобытность своего отечества и честь своего монарха! Грозный гнѣвъ Наполеона объявленъ былъ всѣмъ совѣтникамъ Прусскаго Короля, осмѣлившимся совѣтовать ему сопротивляться Франціи. Пруссія должна была испытать всю мѣру военнаго деспотизма за свое дерзкое намѣреніе воевать съ Франціею. Пораженіе Пруссіи представлено было гнѣвомъ небеснымъ, наказавшимъ за сопротивленіе избраннику Провидѣнія.

Въ слѣдствіе сей системы Наполеонъ показался, не величавымъ монархомъ, но дерзкимъ и грубымъ солдатомъ, когда въ Берлинскомъ дворцѣ Короля Прусскаго передъ него предстали придворные, военные и гражданскіе чины Пруссіи, послы и Германскіе принцы, покорные волѣ его. Долго, горячо, отрывисто говорилъ онъ о несправедливомъ нападеніи

Пруссіи, объ интригахъ, приведшихъ къ тому Короля, о власти женщинъ при Германскихъ Дворахъ, о гордости старинныхъ дворянъ Нѣмецкихъ, тщеславныхъ своимъ родомъ и титулами. «Я доведу этихъ господъ до того,» воскликнулъ онъ, «что изъ милости будутъ они просить насущнаго хлѣба!» — «Вотъ,» сказалъ онъ графу Неалю, «ваши жены хотѣли воевать, и какія вышли слѣдствія? — «Право, хорошо,» прибавилъ онъ, обращаясь къ Турецкому послу, »что вы запираете женъ своихъ и не дозволяете имъ мѣшаться не въ свое дѣло!» Безмолвно внимали присутствующіе дерзкому любимцу счастья.

Для управленія Пруссіею велѣно было учредить временное правительство. Всѣ завоеванныя земли раздѣлены были на четыре департамента, Берлинскій, Кюстринскій, Штеттинскій и Магдебургскій. Главнымъ интендантомъ въ Пруссіи назначенъ Дарю; коммисарами департаментовъ Биньонъ, Сабатье, Лесль и Шаалонъ; управляющимъ финансами Эстевъ; сборщикомъ контрибуцій Лабульери; генералъ-губернаторомъ Пруссіи Кларкъ. Мѣстныя гражданскія власти оставлены, но всѣ должны были присягнуть въ вѣрности Наполеону, а жители въ повиновеніи его волѣ. Присяга состояла въ словахъ: «Клянусь вѣрно исполнять должность, ввѣренную мнѣ Е. В. Императоромъ Французовъ, Королемъ Италіи; употреблять ее только на поддержаніе порядка и общественнаго спокойствія; содѣйствовать всѣми моими силами исполненію всѣхъ мѣръ, какія будутъ опредѣлены для Французской ар-

міи (pour le service de l'armée française), и не имѣть никакихъ сношеній съ ихъ врагами.» Многіе присягали со слезами, по волю завоевателя исполнили все, и первыми были, канцлеръ королевскій, Голдбекъ, министръ юстиціи Рекъ, министръ духовныхъ дѣлъ Тюльмейеръ, министръ благотворительныхъ заведеній Массовъ, и начальникъ горныхъ дѣлъ Редельсъ. Строжайшее наказаніе угрожало нарушителямъ присяги. Жители должны были терпѣливо сносить наглость и грабежъ непріятельскихъ солдатъ, и безъ замедленія, безропотно взносить платежи контрибуцій и поставки реквизицій. Приказомъ Даву были судимы и разстрѣляны всѣ жители деревни Вецдорфъ, кромѣ женщинъ, дѣтей и стариковъ: несчастные осмѣлились защищаться противъ Французовъ. Даву увѣрялъ въ приказѣ, что всякая защита отчизны жителями, «по правиламъ, утвержденнымъ всѣми образованными народами, есть преступленіе, которое должно быть наказано» (d'après les principes établies chez tous les peuples civilisés, c'est un crime qui ne restera jamais impuni)! Мы упоминали о бѣдствіи жителей Любека, обвиненныхъ въ допущеніи въ ихъ городъ войскъ Блюхера. Страшный примѣръ въ Берлинѣ показалъ, что наказаніе равно постигаетъ всѣхъ, безъ различія чиновъ и званій. Князь Гацфельдъ, ревностный патріотъ и любимецъ Короля, явился съ депутаціею Берлинскихъ жителей къ Наполеону, какъ гражданскій губернаторъ Прусской столицы. «Ваши услуги мнѣ не нужны,» сказалъ ему угрюмо Наполеонъ. «Уда-

литесь въ ваши помѣстья!» Гацфельдъ былъ смѣненъ, но вскорѣ перехватили письмо его къ Прусскому Королю, гдѣ изъявлялъ онъ свои вѣрноподданическія чувства и описывалъ подробности занятія Берлина Французами. Немедленно велѣно было составить военную коммиссію и судить Гацфельда, «какъ уличеннаго *въ измѣнѣ и шпіонствѣ*» (comme convaincu de trahison et d'espionnage). Приговоръ долженствовалъ быть *подписанъ и исполненъ* до 6 часовъ, (rendu et exécuté avant 6 heures du soir). Берлинъ ужаснулся. Даже окружавшіе Наполеона умоляли его отмѣнить кровавое опредѣленіе. Бертье, Дюрокъ, Раппъ спорили съ нимъ. Наполеонъ былъ неумолимъ. Рѣшились наконецъ ввести въ кабинетъ Наполеона молодую, прелестную супругу обвиненнаго. При ужасномъ взорѣ Наполеоновомъ, она, трепеща, упала на колѣни, залилась слезами, не могла говорить и только судорожно простирала къ нему молящія руки. Неумолимый растрогался, началъ упрекать, обвинять Гацфельда, стихалъ постепенно, и наконецъ подалъ перехваченное письмо просительницѣ. «Вы знаете почеркъ вашего супруга — его ли это рука?» — Его — отвѣчала она, задыхаясь. «Хорошо! Бросьте его въ огонь,» сказалъ Наполеонъ, улыбаясь, «чтобы мнѣ не по чемъ было обвинять вашего супруга!» Письмо было брошено въ каминъ, Гацфельдъ прощенъ, Наполеонъ весело и ласково разговаривалъ съ своею гостьею, плакавшею, но уже отъ радости. Хотѣлъ ли Наполеонъ дѣйствительно показать страшный примѣръ

строгости, или только стращалъ? Не думаемъ. Тотъ, кто не щадилъ Герцога Ангіенскаго, не пощадилъ бы Прусскаго князя. Онъ самъ писалъ Жозефинѣ, что его растрогали только слезы супруги обвиненнаго. (*) Впрочемъ, онъ былъ особенно привѣтливъ и очаровательно любезенъ съ тѣми, кого могъ, или хотѣлъ не бояться. На другой день по вступленіи въ Берлинъ, онъ посѣтилъ печальнаго, престарѣлаго родителя принца Лудовика, и изъявлялъ ему особенное участіе въ ранней смерти героя сына его. Онъ велѣлъ оказывать всевозможное уваженіе принцессѣ Августѣ, и какъ мужественнаго воина, встрѣтилъ и привѣтствовалъ плѣннаго принца Августа. Фельдмаршала Меллендорфа приглашалъ онъ къ себѣ, обѣдалъ съ нимъ и разговаривалъ о Фридрихѣ Великомъ. Вполнѣ велѣно было выплачивать суммы, опредѣленныя на содержаніе Дворовъ принца Фердинанда, принцессы Августы, также суммы, платимыя Гундерсгеймскимъ аббатствомъ сестрѣ Герцога Брауншвейгскаго, и изъ Штеттинскихъ доходовъ другой сестрѣ его, королевѣ Елисаветѣ, разведенной супругѣ покойнаго

(*) Такія черты любопытны, раскрывая тайны сердца человѣческаго. J'ai reçu la lettre où tu me parais fâchée du mal que je dis des femmes, писалъ Наполеонъ. Il est vrai que je hais les femmes intrigantes au-delà de tout; je suis accoutumé à des femmes bonnes, douces et consiliantes: ce sont celles que j'aime. Si elles m'ont gâté, ce n'est pas ma faute, mais la tienne. Au reste tu verras que j'ai été fort bon, pour une qui s'est montrée sensible et bonne, madame Hazfeld. Lorsque je lui montrai

короля Фридриха Вильгельма II-го. Герцогиня Гессенъ-Кассельская, урожденная принцесса Датская, просила платежа денегъ, недоданныхъ ей Гессенъ-Кассельскимъ Курфирстомъ, и прошеніе было немедленно исполнено.

Среди множества искателей и просителей, когда часто дожидались выхода Наполеонова владѣтельные князья Германскіе, прямо въ кабинетъ Наполеона допускаемы были Гумбольдтъ, и тогда уже знаменитый своими учеными трудами, аббатъ Денина, собесѣдникъ Фридриха и сочинитель его исторіи, но особенное вниманіе было оказано Наполеономъ историку Швейцаріи, Іоанну Миллеру. Въ продолжительномъ разговорѣ Наполеонъ изумилъ его «своимъ геніемъ и добродушною ласковостью» (durch seine Genie und seine unbefangene Güte hat er mich erobert, какъ говорилъ Миллеръ). Онъ сдѣлался обожателемъ Наполеона, и получилъ въ послѣдствіи мѣсто министра въ Вестфаліи. Денина былъ опредѣленъ библіотекаремъ Наполеона. Маллету, историку Даніи, велѣно увели-

---

la lettre de son mari, elle me dit en sanglottant *avec une profonde sensibilité et naïvement*: c'est bien là son ecriture. *Son accent allait à l'âme; elle me fit peine*, et je lui dis: Eh bien, madame, jetez cette lettre au feu, je ne serai plus assez puissant pour faire condamner votre mari. Elle brûla la lettre et me parut bien heureuse; son mari est depuis tranquille; *deux heures plus tard il etoit perdu;* tu vois donc que j'aime les femmes bonnes, naïves et douces; mais c'est que celles-là seules te ressemblent.

чить пенсію, получаемую имъ отъ Брауншвейгскаго и Гессенскаго Дворовъ. Управленіе Пруссіею вообще показывало суровую власть завоевателя. Строго взыскиваемы были контрибуціи, наложенныя на Пруссію и другія земли. По опредѣленію Октября 15-го, онѣ составляли 100 милльоновъ франковъ на Бранденбургъ и Пруссію, 25 милльоновъ на Саксонію, 2 милльона на Саксенъ-Веймаръ, 9 милльоновъ на Ганноверъ; Гессенъ, Брауншвейгъ и другія владѣнія платили 23 милльона, а вся сумма контрибуцій простиралась до 159 милльоновъ франковъ. Далѣе увидимъ другія страшныя тягости, какія несли страны, завоеванныя Наполеономъ. Казалось, онъ хотѣлъ имъ показать всю тяжесть бѣдственнаго положенія завоеваннаго царства.

Повинуясь гибельной необходимости, монархъ Пруссіи думалъ укротить побѣдителя покорностью. Во время Ауэрштетской битвы получено было письмо Наполеона, и что въ другое время было бы почтено оскорбленіемъ, тогда показалось лучемъ спасенія. Находясь въ Соммердау, Король прислалъ своего чиновника, графа Денгофа, съ отвѣтомъ на письмо Наполеона, предлагая перемиріе. Наполеонъ не допустилъ къ себѣ Денгофа. Удалившись на берега Одера, Король Прусскій испыталъ еще разъ предложеніе перемирія. Луккезини явился въ Виттенбергъ, Октября 20-го. Ему отвѣчали, что Наполеонъ согласенъ говорить, но только не о перемиріи, а объ мирѣ. Луккезини хотѣлъ знать условія. Наполеонъ предложилъ

уступку земель по Эльбу, и плату 100 милльоновъ за военныя издержки, даже оставлялъ Пруссіи Магдебургъ. Луккезини не смѣлъ подписать условій договора столь тягостнаго, и послалъ требовать отвѣта Короля. Онъ замедлился, и пока получено было согласіе Короля, Берлинъ былъ уже занятъ Французами. Тогда только баронъ Застровъ поспѣшно прискакалъ съ отвѣтомъ и согласіемъ, Октября 27-го. Ему было сказано, что обстоятельства измѣнились, и что могло быть дано, когда войска Французскія находились на берегахъ Эльбы, то уже неумѣстно, когда столица Пруссіи въ ихъ власти и армія Прусская не существуетъ. Хотѣли знать новыя условія. Наполеонъ требовалъ невозможнаго: ручательства Пруссіи въ мирѣ съ Россіею и Англіею, на условіяхъ, какія были предлагаемы лорду Лаудердалю. Русскія войска, сближавшіяся къ предѣламъ Пруссіи, должны были остановиться, и въ залогъ исполненія договора Пруссія должна была отдать Наполеону, кромѣ занятыхъ имъ областей, крѣпости Колбергъ, Данцигъ, Грауденцъ, Торунь и Бреславль. Переговоры шли въ Шарлотенбургѣ, и хотя Луккезини и Застровъ видѣли невозможность утвержденія условій, но подписали договоръ, Ноября 11-го, думая выиграть время. Наполеонъ видѣлъ хитрость. Пока Дюрокъ отправлялся въ Остерроде, гдѣ находился тогда Король Прусскій, войска Французскія шли поспѣшно за Одеръ, Русскія войска вступали въ Польшу. Надлежало рѣшить споръ оружіемъ. Дюрокъ привезъ отказъ Коро-

ля Прусскаго, ибо самая гибель Пруссіи была не тяжеле условій, предписываемыхъ гордымъ побѣдителемъ. Всѣ переговоры можно было скорѣе назвать средствомъ выиграть время, неудачно употребленнымъ съ обѣихъ сторонъ.

Здѣсь, по крайней мѣрѣ, были еще предлагаемы *условія*, но безусловными рѣшеніями опредѣлялъ Наполеонъ жребіи другихъ государствъ, не удостоивая ихъ переговорами, даже не внимая покорнымъ мольбамъ ихъ властителей. Наканунѣ вступленія Французовъ въ Кассель, повѣренный Наполеона подалъ Курфирсту Гессенскому ноту, гдѣ изъяснялись враждебныя расположенія его къ Франціи, отказъ въ союзѣ, вѣроломное намѣреніе медлить, и напасть въ случаѣ неудачи, и что въ слѣдствіе того Наполеонъ считаетъ Гессенъ завоеванною землею. Будущій жребій Гессена не былъ еще опредѣленъ. Оставя свои владѣнія, Курфирстъ прислалъ узнать о томъ своихъ повѣренныхъ, барона Мильсбурга и генерала Лепеля. Талейранъ отослалъ ихъ къ Бертье, Бертье послалъ ихъ къ Дюроку. Ноября 6-го объявлено было рѣшеніе жребія Гессена, Фульды и Брауншвейга, коимъ владѣтели ихъ лишались своихъ правъ навсегда, и будущій жребій сихъ земель долженствовалъ зависѣть отъ воли Наполеона. Тщетно заступались за Оранскаго Принца Луккезини и Застровъ. Имъ сказано, что «примѣрное наказаніе заслужили зачинщики войны и нарушители спокойствія Европы.» Опредѣленіе о судьбѣ Брауншвейга сопровождалось жестокими

укоризнами несчастному Герцогу. Называя его *генераломъ Брауншвейгомъ*, Наполеонъ говорилъ присланному отъ Герцога съ просьбою о пощадѣ его несчастныхъ подданныхъ: «Еслибы я не оставилъ въ Браушвейгѣ камня на камнѣ, я исполнилъ бы только законъ возмездія. Угрожать разрушеніемъ городамъ есть дѣло только безсмысленное, но оскорблять честь храбрыхъ, предлагать имъ идти изъ Германіи по приказу непріятеля, не испытавъ битвы — вотъ безуміе, коему не повѣритъ потомство! Кто посѣдѣлъ съ оружіемъ въ рукахъ, тотъ долженъ былъ знать уваженіе къ чести воина, и ужь, конечно, не въ долинахъ Шампаніи могъ научиться Герцогъ Браушвейгскій презирать Французскія знамена! Онъ увлекъ въ войну Пруссію, и пусть испытаетъ всѣ бѣдствія своего безразсудства. Скажите обитателямъ Браушвейга, что имъ окажемъ мы возможное милосердіе, но въ *генералѣ Браушвейгѣ, Прусскомъ офицерѣ,* я не признаю государя. Если онъ потеряетъ свое государство, онъ самъ будетъ въ томъ виновенъ, онъ, обѣщавшій нѣкогда разрушить столицу Франціи, и дерзнувшій оскорбить 200,000 храбрыхъ, которыхъ могъ онъ побѣдить, но не безславить. Какого порицанія не стоитъ человѣкъ, который, подобно Нестору, могъ сказать въ совѣтахъ Короля: «Замолчите, безразсудные юноши! Женщины! занимайтесь своимъ хозяйствомъ, и примитесь за свои прялки, а вы, государь, не ставьте императора Наполеона между войною и безславіемъ, не вступайте въ опасную борь-

бу съ войскомъ, которое пятнадцать лѣтъ побѣдъ пріучили все покорять!» И вмѣсто того, онъ первый призывалъ всѣхъ къ оружію! Что же почтимъ мы послѣ сего въ старцѣ, если къ недостаткамъ своего возраста, онъ присоединитъ еще хвастовство и безразсудство юноши?» Изгнанный изъ роднаго наслѣдія, страдая отъ смертельной раны, найдя себѣ пріютъ въ землѣ Датскаго Короля, на смертномъ одрѣ внималъ укоризнамъ раздраженнаго побѣдителя несчастный Герцогъ, сынъ героя, передъ коимъ во времена Фридриха трепетали и бѣгали полки Французскіе. Онъ умеръ въ Альтонѣ, Ноября 10-го, и рыдая надъ хладнымъ трупомъ отца, Герцогъ Брауншвейгъ-Эльскій, избѣжавшій плѣна при пораженіи Блюхера, поклялся вѣчною ненавистью Наполеону. Увидимъ, что онъ сдержитъ свое слово.

Являясь суровымъ побѣдителемъ однихъ, необыкновенную пріязнь изъявлялъ Наполеонъ другимъ. Украшенный добродѣтелями, счастливый благоденствіемъ подданныхъ, обожавшихъ его, и трепетавшій подобно другимъ гнѣва Наполеонова за невольный союзъ съ Пруссіею, монархъ Саксоніи былъ изумленъ дѣломъ Наполеона, совершенно противнымъ ожиданію. На другой день послѣ Іенской битвы велѣно было отобрать плѣнныхъ Саксонцовъ. Ихъ нашлось до 300 офицеровъ и 6000 солдатъ. Послѣ привѣтливаго разговора съ генералами и офицерами, Наполеонъ отпустилъ Саксонцовъ, съ увѣреніемъ въ дружбѣ къ ихъ монарху, и съ условіемъ не подымать ору-

жія противъ Франціи. Ободренный столь неожиданною пріязнью, Курфирстъ прислалъ въ Берлинъ посла своего, графа Бозе, и объявилъ, Октября 23-го, неутралитетъ. Наполеонъ хотѣлъ болѣе — союза его, напоминалъ Курфирсту всегдашнюю дружбу Саксоніи и Франціи, и Курфирстъ рѣшился явиться къ Наполеону заступникомъ за себя, и за всѣхъ князей Саксонскихъ и Ангальтскихъ. Онъ не засталъ Наполеона въ Берлинѣ, и отправился за нимъ въ Познань. Съ Курфирстомъ были многіе другіе князья. Личное свиданіе убѣдило Наполеона въ патріархальныхъ добродѣтеляхъ Курфирста, и было началомъ искренняго почтенія его къ Саксонскому монарху. Декабря 11-го заключенъ былъ договоръ, коимъ курфирстъ Фридрихъ Августъ принималъ титулъ королевскій и вступалъ въ Рейнскій Союзъ. Декабря 15-го приступили къ Союзу Герцоги Саксенъ-Веймарскій, Саксенъ-Готскій, Саксенъ-Мейнингенскій, Саксенъ-Гильдбурггаузенскій и Саксенъ-Кобургскій. Участіе Саксоніи войсками опредѣлено въ 20,000, но для настоящей войны ограничено только 6000; участки всѣхъ другихъ Саксонскихъ герцоговъ положены въ 2800 человѣкъ. Союзу съ Наполеономъ не препятствовали родство и дружба Герцога Саксенъ-Веймарскаго и Герцога Саксенъ-Кобургскаго съ императоромъ Александромъ, ибо сынъ и наслѣдникъ Саксенъ-Веймарскаго Герцога былъ въ супружествѣ съ сестрою императора Александра, великою княжною Маріею Павловною, а дочь Герцога Саксенъ-Кобургскаго была въ супруже-

ствѣ съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, и старшій сынъ, наслѣдникъ его, находился тогда въ Русской службѣ. Герцогъ Саксенъ-Кобургскій скончался Декабря 9-го. Земли его велѣно взять во временное управленіе до возвращенія его наслѣдника. Не менѣе снисхожденія оказано было Герцогамъ Мекленбургъ-Шверинскому и Мекленбургъ-Стрѣлицкому, родственникамъ Россійскаго и Прусскаго государей, ибо сынъ перваго изъ нихъ былъ въ супружествѣ съ великою княгинею Еленою Павловною (скон. въ 1803 г.), а дочь другаго была Королева Прусская. Всѣ контрибуціи, наложенныя на Саксонію, Саксонскихъ владѣтелей, Ангальтскихъ, Рейнскихъ князей и Мекленбургъ, велѣно сложить, и то что было уже взято въ счетъ контрибуцій, возвратить. Пріязненныя отношенія къ Веймару, Кобургу и Мекленбургу показывали тайную мысль Наполеона: готовясь сражаться съ Россіею, не имѣя никакихъ сношеній съ императоромъ Александромъ, во всѣхъ словахъ и поступкахъ неизмѣнное уваженіе изъявлялъ онъ ко всему, что только относилось къ Русскому Императору. За то однимъ изъ первыхъ дѣлъ его въ Берлинѣ было распоряженіе, напоминавшее, что никогда не забывалъ онъ ненависти противъ смертельнаго врага своего, Англіи. Въ Берлинѣ положено было тогда начало знаменитой *континентальной системы*. Такъ названа была въ послѣдствіи (отъ слова: *континентъ*, continent, материкъ) новаго рода война, придуманная Наполеономъ противъ Англичанъ. Силу Англіи со-

ставляли ея торговля и ея промышленность. Надлежало поразить сіи двѣ отрасли Англійскаго могущества. Еслибы вся Европа отказалась отъ всякой торговли *произведеніями Англичанъ и колоній, коими они обладаютъ*, Англія понесла бы безчисленные убытки, а нѣсколько лѣтъ запрещенія раззорили бы ея колоніи, подорвали ея фабрики и заводы, уничтожили ея капиталы. Недовольно запретить *торговлю Англичанамъ*, надлежитъ запретить самые *предметы торговли Англичанъ*, отчуждая, не только *Англію*, но всякое *Англійское произведеніе*. Обладая Франціею, Голландіею, Италіею, половиною Германіи, и полагая непремѣннымъ условіемъ систему запрещенія своимъ союзникамъ, Наполеонъ уже закрывалъ Англичанамъ гавани отъ устья Днѣпра до устья Одера, и при удачной войнѣ съ Россіею и Швеціею, Англія дѣлалась вовсе чуждою Европѣ, Англіи недоступна была Европа. Не входя здѣсь въ изслѣдованія справедливости сей исполинской мысли, скажемъ одно, что вслѣдствіе изложенныхъ нами соображеній, въ Берлинѣ изданъ былъ декретъ, *Ноября 21-го*, коимъ объявлено, что во всѣхъ земляхъ, принадлежащихъ Императору Французовъ, Франціи, Италіи, и кромѣ того, въ Голландіи, Неаполѣ, и въ занятыхъ войсками Французскими Прусскихъ областяхъ, прекращается всякая торговля и всякое сношеніе съ Англичанами. Каждый Англичанинъ долженъ быть взятъ и считаться военноплѣннымъ. Всѣ произведенія Англійскихъ фабрикъ и занятыхъ Англичанами колоній, привезен-

ныя Англичанами, или другихъ націй торговцами, купленныя у Англичанъ и у купцовъ другихъ націй, конфискуются въ пользу правительства. Декретъ немедленно приведенъ былъ въ исполненіе. Въ Любекѣ, Гамбургѣ, Лейпцигѣ, Ганноверѣ захвачены Англійскіе товары. Лейпцигскіе купцы едва могли выпросить позволеніе оставить у себя конфискованные товары, заплатя 10 милльоновъ, а Гамбургскіе 15 милльоновъ франковъ. Увидимъ дальнѣйшее развитіе сей мѣры, сдѣлавшейся одною изъ любимыхъ мыслей Наполеона, бывшей одною изъ главныхъ причинъ его паденія, и въ послѣдствіи источникомъ богатствъ для Франціи и другихъ государствъ Европы.

Таковы были событія, совершившіяся со дня начала Прусской войны, и поразившія страхомъ Европу, удивленіемъ Францію. Въ два мѣсяца пало сильное государство, грозное именемъ Фридриха Великаго, государство, которое за годъ прежде могло рѣшить участь Наполеона. Въ одинъ день исчезла армія его; остатки войскъ надлежало только преслѣдовать и забирать въ плѣнъ. Сто тысячь плѣнныхъ, четыре тысячи пушекъ, ряды грозныхъ крѣпостей были трофеями. Монархъ, бѣдствующій въ изгнаніи; Наполеонъ, распоряжающій его судьбою, въ его собственномъ дворцѣ; союзники, измѣнившіе ему; подданные, повинующіеся завоевателю, уже назначавшему, какія области хочетъ онъ отдѣлить себѣ и своимъ союзникамъ; сокровища и богатства народныя, составля-

5*

ющія добычу побѣдителя, и дающія ему средства новыхъ побѣдъ и успѣховъ — и все въ два мѣсяца, купленное политикою и геніемъ Наполеона!

Но совершенно ли торжество его? Здѣсь ли предѣлъ его замысламъ? Торжество было несовершенно, и замысламъ не было предѣловъ.

Не смотря на чудеса, произведенныя геніемъ Наполеона, на безмѣрность завоеваній его, торжество, повторяемъ, было несовершенно. За Одеромъ оставались еще Пруссія и монархъ ея, готовые сражаться. Побѣда надъ ними была бы несомнительна, но далѣе предѣловъ Пруссіи темнѣли грозою предѣлы той земли, монархъ коей до сихъ поръ не преклонялъ величаваго чела предъ Наполеономъ, не искалъ дружбы и милостей его, не страшился гнѣва и силы его, смѣло вступалъ въ борьбу съ нимъ, побѣжденный имъ, не покорялся, среди бѣдствія, его постигнувшаго, сохранялъ величіе и твердость духа, и какъ въ прошедшемъ году уговаривалъ Австрію продолжать борьбу, такъ теперь, не страшась побѣдъ Наполеоновыхъ, не думалъ измѣнять обѣщаній Пруссіи, и убѣждалъ ее только въ одномъ, что съ Наполеономъ мира быть не можетъ, и что надлежитъ испытать всѣ послѣднія случайности войны, прежде подчиненія себя превозмогающей силѣ самовластителя. Ни однимъ словомъ не изъявлялъ императоръ Александръ робости, и извѣстія объ успѣхахъ Наполеона возбуждали въ немъ только увѣренность, что на новую борьбу съ покорителемъ Пруссіи потребны необыкновенныя

усилія и средства, ибо сія борьба должна быть упорна, и рѣшить окончательно вопросъ о первенствѣ Наполеона въ Европѣ. Тихо и медленно двигались Русскія войска, но они шли одушевленныя надеждою на себя, увѣренныя въ себѣ, какъ повелитель ихъ былъ увѣренъ въ правотѣ своего дѣла, и надеженъ на свои ополченія и помощь Провидѣнія, при выполненіи великой обязанности монарха великой имперіи. Сентября 23-го (11-го с. с.) изданъ былъ манифестъ императора Александра о наборѣ рекрутовъ (по 4 рекрута съ 500 душъ), при «видѣ опасности, коею вся Европа снова угрожается.» Ноября 28-го высланы изъ Россіи всѣ подданные Франціи, *такъ называемаго,* Итальянскаго королевства, Голландіи и Германіи, принадлежащей Наполеону. Оставшіеся въ Россіи должны были присягнуть на подданство Россіи, или дать вѣрное поручительство, что «никакого «сношенія съ Франціею имѣть не будутъ;» исключались только эмигранты, не присягавшіе Наполеону. Мѣру участія, какое принималъ въ войнѣ императоръ Александръ, показалъ манифестъ Ноября 30-го, коимъ, изъясняя бѣдствія Европы, онъ повелѣлъ составить для подкрѣпленія войскъ и охраненія государства земское войско, или милицію, въ числѣ 612,000 человѣкъ. Духовенству поручено было внушать народу о необходимости особенныхъ усилій на защиту отъ опасностей, угрожавшихъ Россіи. Изданнымъ отъ Синода объявленіемъ объяснены были, сообразно понятіямъ народнымъ, жизнь и дѣла Наполеона, и из-

речено проклятіе на всѣхъ, кто дерзнетъ соединиться съ нимъ и раздѣлить его умыслы. (*)

Непобѣдимому упорству императора Александра надлежало противопоставить силу. Надобно было, послѣ окончанія одного похода, немедленно начинать другой, идти на край Европы, вмѣсто отдыха ждать новыхъ битвъ, мрачною осенью, въ суровой странѣ, и вмѣсто наслажденій плодами побѣды, оспоривать ихъ новыми жертвами Франціи и ея союзниковъ.

Походъ былъ уже начатъ переходомъ Французовъ за Одеръ. Готовя новыя силы, Наполеонъ потребовалъ набора конскриптовъ. Дабы скрыть сіи пожертвованія, необходимыя послѣ всѣхъ его побѣдъ, онъ старался обольстить воображеніе Французовъ увлекательными прелестями славы и торжества. Отправлялись торжественныя моленія за побѣды. Тальма читалъ со сцены театра бюллетени, гдѣ каждое сло-

---

(*) Неистовый врагъ мира и благословенныя тишины, Наполеонъ Бонапарте (сказано было въ объявленіи Сvнода), самовластно присвоившій себѣ царственный вѣнецъ Франціи, и силою оружія, а болѣе коварствомъ распространившій свою власть на многія сосѣдственныя съ нею государства, дерзаетъ въ изступленіи злобы угрожать Россіи ... Всему свѣту извѣстны богопротивные замыслы и дѣянія его, коими попралъ онъ законъ и правду. Еще во времена народнаго возмущенія, свирѣпствовавшаго во Франціи, во время богопротивной революціи, бѣдственной для человѣчества и навлекшей небесное проклятіе на виновниковъ ея, отложился онъ отъ христіанской вѣры, на сходбищахъ народныхъ торжествовалъ учрежденныя лжемудрствующими богоотступниками идолопоклонни-

во означало новый успѣхъ, новое завоеваніе, или рѣшало судьбу какого нибудь властителя народовъ. Безмолвно повинуясь Наполеону, Сенатъ не щадилъ лести. Депутаты Сената присланы были въ Берлинъ, поздравлять Наполеона съ побѣдами. Имъ вручили трофеи, которые должны они были передать Франціи. Народъ Французскій былъ упоенъ славою и величіемъ своего Императора. Но какъ лесть Сената не была вполнѣ выраженіемъ голоса народнаго, такъ и гордость, внушаемая Французамъ торжествами Наполеона, не выражала вполнѣ ихъ чувствъ. За восторгомъ скрывалось опасеніе въ будущемъ жребіи Франціи. Самая быстрота успѣховъ внушала даже недовѣріе къ нимъ, особливо, когда отъ Франціи требованы были новыя пожертвованія. Говорили, что успѣхи Французскаго оружія были преувеличены, тѣмъ болѣе, что новыя пожертвованія были вели-

---

ческія празднества, и въ сонмѣ нечестивыхъ сообщниковъ своихъ воздавалъ поклоненіе, единому Всевышнему Божеству подобающее, истуканамъ, человѣческимъ тварямъ и блудницамъ, идольскимъ изображеніемъ для нихъ служившимъ. Въ Египтѣ пріобщился онъ гонителямъ Церкви Христовой, проповѣдывалъ алкоранъ Магометовъ, объявилъ себя защитникомъ исповѣданія суевѣрныхъ послѣдователей сего лжепророка Музульмановъ, и торжественно показывалъ презрѣніе свое къ пастырямъ святыя Церкви Христовой. Наконецъ, къ вящшему посрамленію оной, созвалъ во Франціи Іудейскія синагоги, повелѣлъ явно воздавать раввинамъ ихъ почести, и установилъ новый великій сангедринъ Еврейскій, сей самый богопротивный соборъ, который нѣкогда дерзнулъ осудить на распятіе Господа нашего и Спа-

ски, ибо приказано было къ началу 1807 года собрать конскрипцію, которую надлежало собирать въ Сентябрѣ сего года, и національная гвардія долженствовала быть употреблена не для внутренней стражи, но для охраненія границъ Франціи и составленія гарнизоновъ по пограничнымъ крѣпостямъ. Не менѣе движенія въ умахъ произвелъ Берлинскій декретъ о запрещеніи торговли Англійскими товарами и ихъ конфискаціи, встревожившій торговцовъ, угрожавшій гибелью частныхъ капиталовъ, исполняемый немедленно, съ необходимыми притомъ злоупотребленіями чиновниковъ таможенныхъ и полицейскихъ. Среди лестныхъ привѣтовъ Наполеону Сенатъ позволилъ себѣ желаніе, *да будутъ побѣды Императора имѣть цѣлью миръ*. Наполеонъ понялъ намѣкъ, какъ ни робко былъ онъ сдѣланъ. Миръ безславный не будетъ цѣлью побѣдъ его. Онъ не заключитъ мира, по-

---

сителя Іисуса Христа, и теперь помышляетъ соединить Іудеевъ, гнѣвомъ Божіимъ разсыпанныхъ по всему лицу земли, и устремить ихъ на ниспровержение Церкви Христовой, и (о дерзость ужасная, превосходящая мѣру всѣхъ злодѣяній!) на провозглашеніе лжемессіи въ лицѣ Наполеона... Отринувъ мысли о правосудіи Божіемъ, онъ мечтаетъ въ буйствѣ своемъ, съ помощію ненавистниковъ имени христіанскаго и способниковъ его нечестія, Іудеевъ, похитить (о чемъ каждому человѣку и помыслить ужасно) священное имя Мессіи. Покажите ему, что онъ тварь, совѣстью сожженная и презрѣнія достойная. Благодать Божія отступила отъ него, и ничто уже не соединитъ его съ Богомъ, которому сдѣлался онъ невѣренъ — осужденіе вѣчное преслѣдуетъ его.» Проклятіе на пріобщающихся замысламъ На-

ка *миръ не будетъ всеобщій, пока Англія не возвратитъ колоній Франціи и ея союзникамъ, пока не положатъ ему такихъ основаній, послѣ коихъ никто не смѣлъ бы требовать себѣ первенства передъ Франціею* (sur des bases telles qu'elle ne permette à qui que ce soit de s'arroger aucun droit de suprematie à notre égard). Оставляя громкіе возгласы рѣчамъ и бюллетенямъ, Наполеонъ не удержалъ упрековъ на тайной аудіенціи депутатамъ Сената. «Вы нарушаете вашу обязанность, осмѣливаясь стать между мыслью властителя и потребностями народа! Только *я* понимаю, что надобно Франціи, а вы должны убѣдиться, что ничто не можетъ, и никто не долженъ препятствовать осуществленію великаго жребія, какой готовлю *я моему* народу!» — Надлежало замолчать и повиноваться, слушать громкіе возгласы Наполеона, и отвѣчать на нихъ такими же возгласа-

---

полеона, извлечено было изъ книги Второзаконія (глава XXII, ст. 16 — 21): «Аще не послушаеши гласа Господа Бога твоего, проклятъ ты во градѣ, проклятъ ты на селѣ, прокляты житницы твои и останки твои, прокляты исчадія утробы твоея, и плоды земли твоея, стада воловъ твоихъ и паствы овецъ твоихъ; проклятъ ты внегда входити тебѣ, и проклятъ ты внегда исходити тебѣ; постигнетъ скудость, гладъ и истребленіе на вся, на няже возложиши руку свою, доидеже потребитъ тя, и доидеже погубитъ тя вскорѣ злыхъ ради начинаній твоихъ, зане оставилъ еси Господа Бога твоего. Потребишися и возмешися отъ земли, нюже наслѣдиши ю. . .» (*Собраніе законовъ Россійской имперіи, томъ XXIX*, No 22, 594, стр. 928-930).

ми. «Мы увѣрены, что наши народы оцѣнятъ мудрость нашихъ политическихъ мѣръ; что въ настоящее время событій великихъ для жребія царствъ, народъ Французскій будетъ достоинъ великаго жребія, какой мы готовимъ ему. И въ какое другое, болѣе прекрасное время могли мы призвать къ оружію Францію? Къ знаменамъ нашимъ пойдутъ юные солдаты черезъ завоеванныя нами столицы враговъ, черезъ поля, прославленныя нашими побѣдами.» Такъ говорилъ Наполеонъ. Кто осмѣлился бы тогда сказать ему истину о томъ, что принуждало Европу возставать противъ него? Кто напомнилъ бы ему, что въ столицахъ, завоеванныхъ имъ, юные Французы встрѣтятъ ненависть народовъ; въ царствахъ, имъ покоренныхъ, увидятъ слезы, услышатъ стоны жителей; на поляхъ побѣдъ вспомнятъ о томъ, какъ дорого достались онѣ? Все безмолвствовало. Новыя ополченія Франціи поспѣшно готовились.

Наполеонъ также хорошо постигалъ, что надлежало подкрѣпить нравственныя силы войска при началѣ новыхъ трудовъ. Средствами къ тому были чувственныя услажденія и возбужденіе честолюбія. Наполеонъ не жалѣлъ ни того, ни другаго. Переводя солдатъ своихъ побѣдителями изъ одного царства Европейскаго въ другое царство, отрывая ихъ отъ всѣхъ связей семейныхъ и условій общественныхъ, онъ предавалъ въ жертву своимъ кочующимъ ополченіямъ жизнь и достояніе мирныхъ гражданъ, даже въ земляхъ союзниковъ, не только въ земляхъ завоеван-

ныхъ. Солдатъ его пресыщался въ роскоши, богатѣлъ добычею, и впереди видѣлъ славу и почести. Предводители его, генералы, маршалы, герцоги, короли, развѣ не были нѣкогда такими же солдатами, какъ онъ? И самый Императоръ его, развѣ не гордился онъ именемъ *капрала,* даже подъ императорскимъ вѣнцомъ? Изобрѣтательность Наполеона на лесть солдатамъ его была неистощима. Награждая знаками Почетнаго Легіона и чинами на Берлинскихъ смотрахъ, онъ увлекалъ ихъ своими рѣчами, и указывалъ на предстоявшій походъ, какъ на новое пріобрѣтеніе славы и почестей. — «Солдаты!» говорилъ онъ, въ приказѣ Октября 26-го, «вы оправдали мое ожиданіе и соотвѣтствовали довѣренности великаго народа! Вы достойные защитники славы моего вѣнца и чести Франціи! Конница соперничала съ пѣхотою и артиллеріею, и я не знаю, кому отдать преимущество — всѣ вы дивные солдаты! Вотъ что мы сдѣлали: одно изъ первыхъ военныхъ могуществъ въ Европѣ, осмѣлившееся предложить намъ постыдныя условія, уничтожено. Лѣса, дефилеи Франконіи, Саала, Эльба, которыхъ отцы наши не переходили въ семь лѣтъ, перейдены нами въ семь дней, и между тѣмъ даны нами четыре сраженія и одна большая битва. Мы взяли 60,000 плѣнныхъ, 45 знаменъ, въ томъ числѣ знамена Прусской гвардіи, 600 пушекъ, три крѣпости, болѣе 20 генераловъ. А между тѣмъ половина изъ васъ сожалѣетъ, что не удалось ни разу имъ выстрѣлить. Солдаты! Руcкіе хвалятся, что

придутъ къ намъ подраться: мы сократимъ имъ половину пути нашимъ походомъ — они найдутъ Аустерлицъ въ Пруссіи! Мы уже не будемъ впредь игрушкою вѣроломнаго союза, и не положимъ оружія, пока не принудимъ Англичанъ, вѣчныхъ враговъ нашего народа, отказаться отъ возмущенія общаго мира и тиранскаго обладанія морями.» — Еще хвастливѣе былъ приказъ Декабря 2-го, въ день столь достопамятный Наполеону и его войску, день его коронованія и Аустерлицкаго боя. Французы уже заняли тогда Варшаву, откуда отступили Русскія войска, что подавало возможность восклицать о робости Руских, о спасеніи Польши, о Варшавѣ и Собіескомъ. «Солдаты!» говорилъ Наполеонъ, «годъ тому, мы были на достопамятномъ полѣ Аустерлицкомъ. Русскіе полки бѣжали и бросили оружіе. На другой день, *они предложили намъ миръ, но измѣнили своему предложенію. Едва избѣгли они по нашему великодушію отъ гибели, составился новый союзъ.* Но союзникъ, на коего они надѣялись, уже не существуетъ. Его города, его столицы, его магазины, его арсеналы, 280 знаменъ, 700 пушекъ, пять великихъ крѣпостей, въ нашей власти. Одеръ, Варта, пустыни Польши, худое время года, ни на минуту не могли остановить васъ. Все вы преодолѣли, все побѣдили, все бѣжало передъ вами. Напрасно Руские хотѣли защитить столицу древней, знаменитой Польши — орелъ Французскій паритъ надъ Вислою! Храбрый и несчастный Полякъ, видя васъ, думаетъ видѣть легіоны Собіес-

каго возвратившимися изъ ихъ памятнаго похода. Солдаты! мы не положимъ оружія, доколѣ всеобщій миръ не укрѣпитъ, не упрочитъ могущества нашихъ союзниковъ, не отдастъ нашей торговлѣ ея свободы и ея колоній. *На Эльбѣ и Одерѣ мы завоюемъ Пондишери и наши Индійскія колоніи.* Что даетъ надежду Рускимъ спорить противъ жребія? По какому праву могутъ они отрицать наши справедливыя требованія? Они и мы развѣ не *Аустерлицкіе* солдаты?» Вмѣстѣ съ симъ приказомъ выданъ былъ декретъ, коимъ опредѣлялось соорудить памятникъ въ Парижѣ. Колонна на одной изъ площадей Французской столицы увѣковѣчивала походъ 1805 года, а памятникъ на другой площади, съ надписью: *Императоръ Наполеонъ воинамъ Великой арміи,* долженъ былъ увѣковѣчить походъ вообще 1805 и 1806 годовъ. Предположено построить на площади св. Магдалины обширный храмъ, гдѣ на мраморныхъ доскахъ впишутся имена всѣхъ бывшихъ подъ Ульмомъ, Аустерлицомъ и Іеною, на серебряныхъ имена департаментовъ, которые поставили рекрутовъ, и на золотыхъ имена всѣхъ падшихъ на сихъ поляхъ брани. Въ барельефахъ изобразятся портреты всѣхъ генераловъ и полковниковъ, окрестъ статуй всѣхъ маршаловъ. Трофеи, знамена, оружіе, взятыя у непріятеля, расположатся около стѣнъ. Каждый годъ, въ день Аустерлицкой и Іенской битвъ, будетъ праздноваться годовщина ихъ рѣчью, стихами и особенною пѣснью, въ коихъ «запрещается только хвалить Наполеона, и

даже упоминать его имя (expressement défendu de faire aucune mention de l'Empereur).» Сочинителямъ пѣсенъ, стиховъ и рѣчей выдаются золотыя медали въ 150 наполеондоровъ (6000 рублей). Планъ зданія велѣно составить немедленно. На сооруженіе назначалось до шести милльоновъ франковъ. Все долженствовало быть изъ желѣза, гранита и мрамора, съ удаленіемъ дерева и украшеній серебряныхъ и золотыхъ. Даже тронъ императорскій должно составлять простое, мраморное сѣдалище. Представленными планами Наполеонъ былъ недоволенъ. «Мнѣ надобенъ *храмъ*, а мнѣ представляютъ планъ *церкви*. Но какая церковь можетъ соперничать съ Парижскою Богородицкою, и особливо съ Римскою св. Петра? Надобны оригинальность, простота, величіе, и ваши художники ихъ не понимаютъ!» Онъ отложилъ рѣшеніе до возвращенія въ Парижъ, а потомъ ему было *нѣкогда*.

Но, не смотря на всю ловкость Наполеона, съ похода 1806 года было замѣчено «пресыщеніе» славою, почестями и наслажденіями, если нельзя иначе назвать чувства, какое являлось въ Наполеоновой арміи. Являлось именно какое-то *пресыщеніе*, утомленіе тѣла и души послѣ сильныхъ, безпрерывныхъ ощущеній кочеваго быта. Жизнь бивака и грубое наслажденіе солдатскаго быта не могли заглушить вполнѣ чувства человѣческаго. Солдатъ Наполеоновъ невольно вспоминалъ, что онъ былъ когда-то гражданинъ, сынъ, отецъ, и участь бѣдныхъ жителей, терзаемыхъ

имъ, трепещущихъ передъ нимъ, грабежъ, пожаръ, раззореніе, сопровождавшіе походы арміи, возбуждали невольную жалость, когда дикая жажда наслажденій была удовлетворена. Мечтая о будущемъ, солдатъ Наполеона не могъ однакожь не оглянуться кругомъ, и не увидѣть сколько товарищей падало окрестъ него на поляхъ брани, сколько было погибшихъ отъ труда въ тяжелыхъ походахъ, въ превратностяхъ войны, гдѣ за изобиліемъ и роскошью жизни слѣдовали голодъ, недостатокъ, безсонная ночь бивака, подъ дождемъ и снѣгомъ, и смерть отъ болѣзни, безъ пріюта, или страданіе въ лазаретѣ и жизнь бѣднаго калѣки-инвалида въ послѣдствіи. Самыя почести побѣдъ и наградъ становились слишкомъ обыкновенны, и требованія каждаго являлись безмѣрны. *Произведенъ въ короли* (passé roi), говорили солдаты, какъ будто о пожалованіи въ капралы. Еще далеко было то время, когда надлежало разрушиться желѣзной стѣнѣ полковъ Наполеона. Vive l'empereur, замѣнившее прежнее vive la republique, неукротимая храбрость при видѣ полчищъ непріятельскихъ, одушевленіе волшебнымъ взоромъ вождя, когда онъ являлся среди невыносимыхъ трудовъ и опасностей, горячка въ крови при гулѣ битвы, были очарованнымъ талисманомъ, при коемъ солдаты Наполеона слѣпо шли, куда указывала его непобѣдимая воля. А онъ хорошо зналъ, что побѣда все миритъ, при торжествѣ все забывается, при кликѣ восторга не слышны стоны жертвъ, исчезаютъ изъ памяти всѣ пожертвованія...

Но такимъ образомъ торжество, побѣда, безпрерывное упоеніе ими, были потребны, необходимы Наполеону, его царству, его войску. Опасны были, не только неудачи, но даже замедленіе успѣховъ. И теперь онъ готовилъ къ тому исполинскія средства, обнимавшія всю Европу, съ бивака своего двигалъ онъ Европейскою политикою, пока дивный геній его изобрѣталъ планы битвъ.

Замѣтимъ, что переходя къ новому походу, онъ готовился на борьбу иначе, нежели на борьбу съ Австріею и Пруссіею. Отдаленныя страны, куда вступалъ онъ, и гдѣ долженъ былъ побѣждать мѣстныя препятствія, сражаться съ многочисленными ополченіями Русскихъ, раждали въ немъ невольное сомнѣніе. Онъ уже понималъ непреклонную рѣшительность императора Александра, въ безмолвіи готовившаго силы, и не подававшаго ни малѣйшаго знака робости, не упоминавшаго ни кому, ни однажды, прямо или косвенно, о мирѣ съ Наполеономъ. Увѣренный въ томъ, что Русскимъ не устоять, Наполеонъ зналъ однакожь, что борьба будетъ упорна, кровава — можетъ быть, продолжительна.

Здѣсь открывался новый рядъ политическихъ соображеній, являлись новые вопросы. Страннымъ оборотомъ судьбы, осенью въ 1806 году дѣла являлись почти въ такомъ же видѣ, каким были они осенью 1805 года. Измѣнялись только имена дѣятелей. Пруссія въ Ноябрѣ, послѣ Ауэрштедта, когда Русскія силы сближались къ ней въ Польшѣ, не была ли то же

самое, что Австрія послѣ Ульма, когда Русскія силы ожидали Наполеона въ Моравіи, и Австрія не являлась ли въ такомъ же отношеніи, въ какомъ была Пруссія въ 1805 году? Будетъ ли она ожидать втораго Аустерлица, и гдѣ будетъ сей второй Аустерлицъ? Конечно, положеніе Австріи не было въ 1805 г. столь гибельно, какъ положеніе Пруссіи въ 1806 г., ибо она имѣла еще тогда средства, даже войско. Силъ Наполеона не умножалъ тогда Рейнскій Союзъ. Но горькій опытъ не заставитъ ли Россію быть осторожнѣе, Австрію рѣшительнѣе, не возвратитъ ли силъ Пруссіи отчаяніемъ, не принудитъ ли даже Англію смотрѣть далѣе мѣлкихъ разсчетовъ торговой корысти? Въ случаѣ пораженія, даже замедленія успѣховъ, не рушатся ли принужденные союзы, не возстанетъ ли вся Германія, не потребуютъ ли независимости народы? Таковы были политическія отношенія Наполеона. Не изъ всѣхъ ли сихъ соображеній происходило, что ни съ однимъ противникомъ не сходился Наполеонъ, изъявляя столько уваженія, сколько изъявлялъ его императору Александру? Не позволяя себѣ ни единаго укоризненнаго упрека, ни одного оскорбительнаго слова противъ Русскаго Императора, онъ доказывалъ явное уваженіе къ нему поступками съ Саксенъ-Кобургомъ и Мекленбургомъ, даже съ Швеціею, ибо въ Густавѣ Адольфѣ видѣлъ родственника и друга Александрова.

Совершенно новый вопросъ возникалъ тогда изъ событій: его составляла *Польша*.

Если кто могъ упрекнуть Наполеона въ безчеловѣчномъ эгоизмѣ, то, конечно, Поляки. Мы видѣли учрежденіе Польскихъ легіоновъ Наполеономъ въ 1796 году, возродившее безразсудныя надежды Польскихъ изгнанниковъ. Съ тѣхъ поръ сражались и гибли Поляки въ Испаніи, Германіи, Египтѣ, Санъ-Доминго, составляли планы возстановленія Польши, видѣли безпрерывно обманъ надеждъ и лживость обѣщаній, и не переставали вѣрить надеждамъ и обѣщаніямъ. Предпринимая войну въ 1806 году, Наполеонъ могъ предполагать, что успѣхи оружія доведутъ его до предѣловъ Польши. Въ такомъ случаѣ Поляки могли образовать многочисленныя войска, и ободряемые уваженіемъ своихъ ратныхъ товарищей, сражаясь на родной землѣ, подкрѣпляемые мыслью о возстановленіи Польши, составить важное пособіе. Забытые остатки Польскихъ легіоновъ велѣно было собрать и присоединить къ арміи. Полякамъ начали внушать, что Наполеонъ рѣшительно мыслитъ о возстановленіи Польши. Тайные агенты возмущали Поляковъ, и самъ Наполеонъ предложилъ Ѳаддею Косціушкѣ быть начальникомъ возстанія Поляковъ. Освобожденный императоромъ Павломъ, Косціюшко уединенно жилъ тогда въ Парижѣ, не вмѣшиваясь ни въ какія интриги политическія, и не раздѣляя тщетныхъ мечтаній своихъ соотечественниковъ. Онъ объявилъ, что давши слово при своемъ освобожденіи не участвовать въ дѣлахъ Польши, онъ не можетъ его нарушить. Наполеонъ понялъ отговорку, и Косціюшко откровенно

объяснилъ ему, что не вѣритъ его обѣщаніямъ. Не страшась гнѣва Наполеонова, онъ напечаталъ даже опроверженіе, когда въ журналахъ появилось подложное воззваніе Косцюшки къ Полякамъ, призывавшее ихъ къ возстанію. Также холодно встрѣчены были тайныя внушенія агентовъ Наполеона всѣми благоразумными людьми въ Польшѣ. Мнѣніе сихъ людей раздѣлялъ князь Іосифъ Понятовскій, племянникъ послѣдняго короля Польскаго, Станислава Августа, нѣкогда храбрый спутникъ Косцюшки, съ честью служившій въ Австрійскихъ войскахъ, и съ 1798 года мирно жившій въ своемъ помѣстьи близъ Варшавы. Съ нимъ былъ согласенъ Огинскій, игравшій нѣкогда важную ролю въ послѣднихъ событіяхъ Польши. «Можетъ ли намъ возвратить независимость тотъ, кто разрушаетъ ее повсюду?» говорилъ Огинскій. «Можетъ ли возстановить Польшу сильною и независимою тотъ, чья система донынѣ была тому противоположна?» Понятовскій, не только не принялъ участія въ движеніи Поляковъ, но когда Король Прусскій, слыша о томъ, просилъ его составить національную гвардію, для охраненія общаго спокойствія въ Варшавѣ, Понятовскій оставилъ свое уединеніе, собралъ охранное войско, и убѣждалъ земляковъ не возмущаться. Не такъ думали другіе. По первому слову Наполеона, Домбровскій, предводившій Польскими легіонами въ Итальянскихъ войнахъ, и потомъ скитавшійся въ Италіи, и Выбицкій, первый подавшій мысль о составленіи Польскихъ легіоновъ, явились къ Наполеону, приняли начальство

надъ Поляками, и напыщенными словами призывали ихъ подъ знамена освободителя, въ прокламаціи своей изъ Берлина, отъ 3-го Ноября. «Поляки!» восклицали они — «Наполеонъ великій, непобѣдимый, идетъ въ Польшу съ 300,000 войска. Не проникая тайной думы его, заслужимъ его великодушную помощь! «Увижу,» говоритъ онъ, заслуживаете ли вы счастіе быть націею.» Поляки! спѣшите къ нему! Здѣсь вашъ спаситель, вашъ мститель! Скоро явится Косцюшко — возстаньте, Поляки!» На безразсудный, безотчетный кликъ сей нашлись отголоски, и по вступленіи въ Познань, Домбровскій немедленно образовалъ четыре новые Польскіе полка. Начали войну, заняли Калишъ и другіе города, провозглашая повсюду возстановленіе Польши. Русскіе отряды занимали Варшаву и старались укротить волненіе, но съ приближеніемъ Французскихъ войскъ удалились. Тогда буйныя головы воспламенились вполнѣ. Приближеніе Мюрата, Ноября 28-го, встрѣчено было воплями радости. Понятовскій привѣтствовалъ его, имѣя на груди своей Прусскій орденъ Чернаго Орла, и удалился отъ дѣлъ. Напрасно уговаривали его принять начальство надъ Поляками и объявить поголовное возстаніе. Въ такомъ положеніи оставалось дѣло въ концѣ Ноября. Всѣ нетерпѣливо ждали Наполеона. Ноября 25-го выѣхалъ онъ изъ Берлина, и 28-го прибылъ въ Познань. Здѣсь, пока велъ онъ переговоры съ Саксонскимъ Курфирстомъ, передвигалъ войска, распоряжалъ ихъ продовольствіемъ, составлялъ планы воен-

ныхъ дѣйствій, явилась депутація Поляковъ, съ обыкновенною восторженною рѣчью: «Августѣйшій, Свѣтлѣйшій, Непобѣдимѣйшій Императоръ! Цѣлый міръ знаетъ твои подвиги. Западъ видѣлъ ихъ начало, Югъ былъ ихъ наградою, Востокъ удивлялся имъ, Сѣверъ будетъ ихъ окончаніемъ (странное предвѣщаніе!). Справедливѣе древнихъ Римлянъ говоримъ мы: великій императоръ Наполеонъ явился въ міръ, взглянулъ на него и побѣдилъ его! Удостойте, Государь, возродить Польшу изъ ея пепла!» Отвѣтъ Наполеона былъ такъ неопредѣленъ, что подалъ поводъ однимъ къ рѣшительному разочарованію, другимъ къ бѣшеному восторгу. Одного только утвердительно требовалъ Наполеонъ — набора войскъ и возстанія народнаго. Но будущій жребій Польши? Вотъ что говорилъ бюллетень Наполеона отъ 1-го Декабря, послѣ похвалы храбрости и любви къ отчизнѣ Поляковъ: «Возстановленъ ли будетъ Польскій тронъ? Воспріиметъ ли Польша свое бытіе, свою независимость? Изъ мрака гробоваго воскреснетъ ли она къ жизни? Единый Богъ, держащій въ рукахъ своихъ уравненія всѣхъ событій, есть рѣшитель сей великой политической задачи. Но, конечно, никогда не было дѣла болѣе достопамятнаго, болѣе достойнаго участія.» Радостно встрѣченный въ Варшавѣ, Декабря 18-го, Наполеонъ продолжалъ свои таинственныя обѣщанія, и — не рѣшалъ ничего.

Задача была рѣшена имъ давно. Онъ видѣлъ невозможность возстановленія Польши, и не потому,

что не надѣялся подкрѣпить его оружіемъ. Поляки хотѣли возстановленія Польши вполнѣ, соединенія всѣхъ прежнихъ Польскихъ областей, принадлежащихъ Россіи, Пруссіи и Австріи, хотѣли Польши на прежнихъ правахъ. Географически и исторически требованіе было неисполнимо. Поставленная между тремя сильными державами, неотдѣляемая естественными границами, погибшая отъ раздоровъ за власть, и снова требовавшая того, отъ чего погибла, населенная добрымъ, храбрымъ, но легкомысленнымъ, безпечнымъ народомъ, и удаленная отъ Франціи, Польша *не могла существовать самобытно*, по мнѣнію Наполеона. Возстановленіе частное не удовлетворяло Поляковъ, какъ равно они не соглашались на измѣненіе прежняго общественнаго порядка въ Польшѣ. При неизвѣстности борьбы съ Россіею, при опасеніи, какое внушала Австрія, при нерѣшительности, касательно судьбы Пруссіи, вопросъ являлся чрезвычайно затруднительный. Оставалось продолжать прежнюю политику — льстить желаніямъ Поляковъ, извлекать изъ нихъ возможныя пособія, и предоставлять будущему рѣшеніе вопроса, ибо время есть самый мудрый совѣтникъ.

ИСТОРІЯ
НАПОЛЕОНА.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

ВОЙНА СЪ РОССІЕЮ. ПРЕЙСИШЪ-ЭЙЛАУ, ФРИДЛАНДЪ, ТИЛЬЗИТСКІЙ МИРЪ. 1806-1807 ГГ.

Sire, l'univers entier connaît vos exploits et vos triomphes. L'Occident a vu le premier developpement de votre génie. Le Midi fut la récompense de vos travaux. L'Orient, par vous, est devenu un objet d'admiration. Le Nord *sera le terme de vos glorieuses victoires*!

Рѣчь Польскихъ депутатовъ Наполеону.

Война, начинавшаяся въ Польшѣ зимою 1806 года, составляла, сказали мы, новый походъ, совершенно отдѣльный отъ оконченнаго осенью того же года въ Пруссіи. Являлись другіе непріятели, другія отношенія. Какой планъ предполагалъ для новаго похода Наполеонъ? Первоначальная мысль его была рѣшить споръ немедленно, быстрымъ ударомъ уничтоживъ поставленныя противъ него Русскія силы. Вскорѣ убѣдился онъ въ невозможности своего предположенія.

Театръ войны составляло пространство земель отъ Балтійскаго приморья, или Куришъ-Гафа и Фришъ-Гафа, къ Австрійской Галиціи на югъ (предѣломъ

Австріи были берега Буга, до впаденія его въ Вислу, а далѣе протяженіе рѣки Пилицы), и къ границамъ Россіи на востокъ (отъ Юрбурга по Нѣману). Здѣсь находились области, которыя называли Западною, Восточною и Южною Пруссіею; двѣ первыя составляли древнія владѣнія герцоговъ Прусскихъ, третья мѣста, пріобрѣтенныя Пруссіею при раздѣлѣ Польши. Слѣва опредѣляла здѣсь границу Висла, выходя съ южнаго угла, гдѣ при впаденіи въ нее Нарева, Модлинъ прикрывалъ Варшаву, и далѣе по Вислѣ слѣдовали крѣпости Торунь (Торнъ), Грауденцъ и Данцигъ, при впаденіи Вислы въ море. Параллельно Вислѣ впадаютъ здѣсь въ море, далѣе на востокъ, рѣка Пассарга, и Прегель, на коемъ, при Куришъ-Гафѣ, находится прежняя столица Пруссіи, Кенигсбергъ. Рѣка Алле, сходясь верховьями съ Пассаргою, течетъ на востокъ, и впадаетъ въ Прегель выше Кенигсберга, близъ Велау. По теченію Алле расположены мѣстечки Гутштадтъ, Гейльсбергъ, Фридландъ. Въ военномъ отношеніи важна была здѣсь рѣка Наревъ, текущая отъ Бѣлостока, и послѣ впаденія въ нее Буга, близъ Спроцка, образующая уголъ на юго-востокъ къ Варшавѣ, какъ Алле и Прегель образуютъ уголъ на сѣверо-востокъ къ Кенигсбергу. Западнѣе сліянія Буга съ Наревомъ впадаетъ въ Наревъ, параллельно Вислѣ, рѣка Вкра. Пространство между Наревомъ, истоками Пассарги и теченіемъ Алле покрыто озерами и болотами, непроходимыми осенью, какъ равно и прибрежья Вислы, Вкры и Нарева, составляющія осенью грязныя топи.

Внезапность начала войны и быстрота побѣдъ Наполеона лишили Россію возможности расположить вмѣстѣ съ Пруссіею планъ военныхъ дѣйствій. Все должно было ограничиться посылкою Русскихъ войскъ для соединенія съ Пруссаками, и дѣйствій сообразно начертанному ими плану. Русскія войска составляли тогда, кромѣ гвардіи и войскъ въ Грузіи и Сибири, 18 дивизій. Вся дѣйствующая армія, осенью 1806 года, раздѣлялась на двѣ части: въ одной, состоявшей изъ двухъ корпусовъ, Беннигсена и Буксгевдена, стоявшихъ на Прусской границѣ, отъ Мемеля до Гродно, и въ Вильнѣ, было 8 дивизій (у Беннигсена: 2-я Сакена, 3-я Голицына, 4-я Остермана, 6-я Седморацкаго; у Буксгевдена: 5-я Тучкова, 7-я Дохтурова, 8-я Эссена, 14-я Анрепа), всего, съ нестроевыми, 122,653 человѣка и 492 орудія. Въ другой, собранной на Днѣстрѣ, подъ начальствомъ ген. Михельсона, было 5 дивизій (9, Волконскаго, 10, Миллера-Закомельскаго, 11, Милорадовича, 12, Голицына, 13, Герцога Ришелье), всего до 60,000, при 306 орудіяхъ; сверхъ того, три вновь формируемыя дивизіи (16, Ртищева, 17, Лобанова, 18, Горчакова). Какъ ни поспѣшно собирались войска, но не могли выступить въ походъ ранѣе Ноября. Императоръ Александръ былъ тревожимъ въ одно время войною съ Наполеономъ и непріязнью Султана. Вражда Турціи являлась столь важною, что въ Октябрѣ, когда съ Пруссіею заключена была конвенція о продовольствіи Русскихъ войскъ (въ Гродно, Октября 22-го), Ми-

хельсону велѣно было занять Бессарабію, Молдавію и Валахію. Тогда получены неожиданныя извѣстія о разбитіи и погибели Прусскихъ войскъ. Великодушно исполняя свое слово, императоръ Александръ немедленно двинулъ войска, сколь ни велика была опасность. Беннигсену и Буксгевдену велѣно идти въ Пруссію. Они перешли границу Россіи Ноября 1-го. Вся тяжесть борьбы съ побѣдителемъ падала на Россію. Александръ не усомнился принять ее. Слѣдовало распорядить новый планъ войны. Полагали, что Наполеонъ не пойдетъ за Вислу, и берега Вислы долженствовали быть гранью, гдѣ Рускимъ надлежало отстаивать Пруссію, Россію и Европу. Когда Беннигсену и Буксгевдену послано было повелѣніе остановиться на Вислѣ, Михельсону приказано было отдѣлить съ Дуная половину войскъ, ибо война съ Турціею не была уже значительною, при опасности, грозившей съ запада. Онъ исполнилъ приказаніе не прежде, какъ занявши, Ноября 25-го, Хотинъ, и отдѣлилъ генерала Эссена, съ дивизіями Волконскаго и Миллера-Закомельскаго, всего около 37,000, направя ихъ на Брестъ Литовскій. Между тѣмъ, по непроходимымъ осенью дорогамъ, Рускіе въ Польшѣ достигли Вислы. Ноября 11-го Беннигсенъ стоялъ въ Пултускѣ на правомъ берегу Нарева, занимая отрядомъ генерала Седморацкаго Прагу, предмѣстіе Варшавы, на правомъ берегу Вислы. Авангардъ, подъ начальствомъ Барклая де-Толли (тогда еще ген. маіора), занялъ Плоцкъ на Вислѣ, между Модлиномъ и Тору-

номъ, гдѣ находился отрядъ Прусскихъ войскъ, съ генераломъ Лестокомъ. Варшаву занималъ Прусскій отрядъ генерала Плеца. Буксгевденъ сталъ за Беннигсеновыми войсками по обоимъ берегамъ Нарева. Возстаніе Поляковъ, послѣ Берлинскаго воззванія (Ноября 3-го), переходъ Наполеоновыхъ войскъ за Варту, занятіе ими Познани, Калиша, Ченстохова, сближеніе ихъ въ одно время къ Данцигу, Торуну и Варшавѣ, показывало, что вскорѣ послѣдуетъ встрѣча Наполеона съ Рускими. Беннигсенъ былъ разрѣшенъ императоромъ Александромъ дѣйствовать по усмотрѣнію. Буксгевдену приказано было подкрѣплять его, соображаясь съ его движеніями. Вскорѣ потомъ назначили главнокомандующимъ надъ корпусами Беннигсена и Буксгевдена графа Каменскаго. Хорошо образованный, храбрый до отчаянія, но никогда непоказывавшій дарованій полководца, никогда не бывшій даже главнокомандующимъ, и человѣкъ сварливаго, упрямаго нрава, Каменскій былъ уволенъ еще при императрицѣ Екатеринѣ, и жилъ въ отставкѣ съ 1791 года. Принятый въ службу императоромъ Павломъ, возведенный въ фельдмаршалы въ 1796 г., и снова отставленный черезъ годъ, въ 1797 г., Каменскій оставался забытымъ въ деревнѣ своей, когда объ немъ вспомнили, и неожиданно получилъ онъ приглашеніе пріѣхать въ Петербургъ. Не отрекаясь отъ предложеннаго ему главнаго начальства надъ арміями, Ноября 28-го былъ онъ облеченъ въ сіе важное достоинство. За три дня до

назначенія его Наполеонъ выѣхалъ изъ Берлина, и въ самый день назначенія былъ въ Познани, а Муратъ приблизился къ Варшавѣ, схватывался съ легкими Русскими отрядами, и узнавши, что Плецъ за два дня очистилъ Варшаву, перешелъ въ Прагу, даже сжегъ за собою мостъ на Вислѣ, занялъ Варшаву. Получивъ извѣстія отъ Седморацкаго, что Ноября 30-го, слыша о переправѣ непріятеля за Вислу выше Варшавы, онъ и Плецъ оставили Прагу, перешли за Наревъ, и что Французы являются всюду по теченію Вислы, намѣреваясь немедленно нападать, Беннигсенъ рѣшился отступить для тѣснѣйшаго сближенія съ Буксгевденомъ. Онъ оставилъ Модлинъ и Пултускъ, велѣлъ Лестоку, подчиненному ему Прусскимъ Королемъ, очистить Торунъ, и Рускіе на отступленіи своемъ дошли до Остроленки на Наревѣ. Тогда только убѣдились, что близкой опасности еще не было, и положили снова обратиться на прежнія мѣста. Въ безполезныхъ переходахъ потеряно было семь дней. Декабря 7-го Беннигсенъ опять сталъ въ Пултускѣ, но непріятель успѣлъ уже тогда занять на берегахъ Вислы Модлинъ и Торунь. Ждали Каменскаго и распоряженій его — онъ не ѣхалъ и не распоряжался. Декабря 12-го Беннигсенъ рѣшился приказать Остерману перейдти Вкру и отнять Модлинъ, но опасаясь отвѣтственности, и ежечасно ожидая Каменскаго, остановилъ предположенное движеніе. Декабря 20-го явился наконецъ Каменскій, когда Наполеонъ уже три дня былъ въ Варшавѣ.

Первымъ дѣломъ Каменскаго былъ приказъ идти впередъ и защищать берега Вкры и Нарева. Корпусъ Беннигсена двинулся изъ Пултуска къ Новомѣсту. Двѣ дивизіи Буксгевдена стали на лѣвомъ берегу Нарева, близъ впаденія Буга у Попова; двѣ другія были поставлены вправо отъ Пултуска, въ Маковѣ, Лопачинѣ и Голоминѣ, дабы подкрѣплять Беннигсена. Главная квартира находилась въ Пултускѣ.

Такимъ образомъ, Декабря 21-го расположеніе союзныхъ армій было слѣдующее: Беннигсенъ отъ Новомѣста по лѣвому берегу Вкры, и по правому берегу Нарева до устья Буга, сближаясь черезъ Наревъ съ двумя дивизіями Буксгевдена въ Поповѣ. Другія дивизіи Буксгевдена назади Беннигсена, вправо у Макова, Голомина и Лопачина. По правому берегу Буга сближался къ Нареву отъ Бреста корпусъ Эссена. Всѣ войска Прусскія ограничивались гарнизонами въ Данцигѣ съ Калкрейтомъ, въ Грауденцѣ съ Курбьеромъ, въ Колбергѣ съ Гнейзенау, и кромѣ того гарнизонами въ Силезскихъ крѣпостяхъ, отрядомъ, охранявшимъ Кенигсбергъ, отрядомъ Плеца, соединеннымъ съ Русскими войсками, и небольшимъ корпусомъ Лестока, стараго Прусскаго генерала, лихаго наѣздника въ юности, подобно Блюхеру. Двинувшись снова къ Торуну, онъ нашелъ его занятымъ, и въ недоумѣніи остановился на берегахъ Древенца, ожидая дальнѣйшихъ приказаній. Очевидно было, что Рускимъ отъ Пруссаковъ нельзя надѣяться никакой помощи, какъ равно и отъ малочисленныхъ

Шведскихъ войскъ, запертыхъ въ Помераніи. Корпусъ Эссена находился еще далеко. Слѣдственно, всю противостоявшую Наполеону силу составляли армія Каменскаго и корпусъ Лестока. Съ уничтоженіемъ ихъ Россія и Пруссія теряли всѣ средства сопротивленія, и война оканчивалась. Соображая неловкое и разбросанное положеніе арміи Каменскаго, Наполеонъ видѣлъ возможность втораго Ауэрштедта, второй Іенской битвы.

Сближаясь на Вислу съ главною громадою войскъ, Наполеонъ обезопасилъ свои сообщенія. Королю Людовику велѣно было возвратиться въ Голландію, коей могли угрожать высадкою Англичане; Савари охранялъ Ганноверъ; Мортье сталъ въ Мекленбургѣ, оберегалъ Балтійское прибрежье отъ Гамбурга до Штеттина, и наблюдалъ движенія Шведовъ въ Помераніи; Келлерманъ составлялъ новые батальоны изъ конскриптовъ въ Майнцѣ, и отправлялъ ихъ постепенно въ Берлинъ; четыре полка конскриптовъ были уже въ Берлинѣ, откуда войскамъ Рейнскаго Союза велѣно идти и обложить Колбергъ, поддерживая сообщенія съ Мортье. Вандамъ и Іеронимъ осаждали и блокировали Силезскія крѣпости. За тѣмъ всѣ остальныя войска сдвинуты были на Вислу; сюда шли также 8000 Саксонцовъ, кирасирская дивизія Эспанья изъ Италіи, и гренадеры Ожеро, переформированные въ Берлинѣ.

Не взирая на ужасную осеннюю погоду, дождь, слякоть и грязи, Наполеонъ расположилъ немедлен-

ный походъ. Онъ хотѣлъ отрѣзать Каменскаго отъ корпуса Лестока и границъ Русскихъ, разбить его, поставя между двухъ огней, и отбросить за Наревъ. Исполняя сіе предположеніе, Ланнъ и Мюратъ, перешедшіе черезъ Вислу въ Варшавѣ и ставшіе на Наревѣ, должны были переправиться за Наревъ въ Сироцкѣ ниже впаденія Буга, и идти правымъ берегомъ Нарева на Пултускъ. Ней, Бессьеръ и Бернадоттъ, на лѣвомъ крылѣ арміи, переправясь черезъ Вислу въ Торунѣ, а Сультъ и Ожеро между Модлиномъ и Вышеградомъ, должны были повернуть вправо на Солдау и Безунъ, отрѣзывая Лестока. Когда Ланнъ, Мюратъ, и Гюденъ, съ частью корпуса Даву, нападутъ на Беннигсена съ фронта, Даву, съ остальнымъ корпусомъ, и Ожеро, перейдутъ Вкру, нападутъ въ тылу Беннигсена на Буксгевдена черезъ Голоминъ и Маковъ; Сультъ, Ней и Бессьеръ обойдутъ Буксгевдена еще выше, на Цѣхановъ, отрѣзывая отступленіе Рускихъ на Остроленку, а Бернадоттъ оборотится влѣво и разобьетъ Лестока.

Удалось исполнить только одно — управиться съ Лестокомъ. Принужденный отступить отъ Торуна, послѣ безполезной попытки занять его снова, онъ далъ свободу переправиться за Вислу Бернатотту, Нею и Бессьеру, хотѣлъ отступать на Безунъ, но былъ отбитъ Бессьеромъ и отброшенъ влѣво на Солдау. Бернадоттъ преслѣдовалъ его. Ней и Бессьеръ устремились на Цѣхановъ. Ожеро переправился черезъ Вислу у Закрочина, Сультъ у Плоцка. Первый

пошелъ на Новомѣсто, имѣлъ жаркое дѣло съ отрядомъ Барклая-де-Толли, при переправѣ черезъ Вкру при Колозомбѣ, Декабря 23-го, и принудилъ его отступить къ Насильску. Сультъ двигался на Плонскъ къ Цѣханову, въ подкрѣпленіе Нея и Бессьера. Между тѣмъ Даву приготовилъ переправу черезъ Вкру, при впаденіи ея въ Наревъ, и неожиданно встрѣтилъ упорное сопротивленіе. Слѣдуя къ Насильску, Остерманъ увидѣлъ приготовленія Даву къ переправѣ, и прикрывая отступленіе Бенингсена, остановился между селеніями Черновымъ и Помѣховымъ. Онъ бился съ 5-ти часовъ по полудни до 4-хъ утра, не перепуская непріятеля за рѣку. Бой былъ тѣмъ славнѣе для Рускихъ, что здѣсь находился самъ Наполеонъ, выѣхавшій поутру изъ Варшавы, и распоряжалъ упорными аттаками. Остерманъ потерялъ до 1000 человѣкъ. Генералы Ламбертъ, князь Шаховской и Мицкій были ранены. Французы лишились убитыми и ранеными до 1000 человѣкъ. Ночью Остерманъ отступилъ къ Насильску и соединился съ Бенингсеномъ. Полагая, что силъ Ланна и части корпуса Даву достанетъ занять вниманіе Бенингсена аттакою съ фронта, Наполеонъ взялъ съ собою Мюрата, и спѣшилъ сдвинуться къ отрядамъ Ожеро, ибо главный разсчетъ его былъ на дѣйствіе во флангъ Буксгевдена, черезъ Голомивъ.

Успѣшнѣе всѣхъ помогалъ Наполеону Каменскій. Не ожидая столь скораго начала нападеній, слыша, что на него идутъ отвсюду, обходятъ отъ Торуна и

отъ Варшавы, и что Лестокъ отрѣзанъ, онъ пришелъ въ совершенное отчаяніе, забылъ о битвахъ, думалъ только объ отступленіи, разослалъ приказанія всѣмъ отступать, кто какъ можетъ, и идти въ предѣлы Россіи. Самъ онъ оставилъ армію и уѣхалъ въ Гродно. Пріѣхавъ въ Остроленко, Каменскій передалъ начальство Буксгевдену, и донесъ императору Александру о своей внезапной болѣзни.

Русская армія предана была произволу судебъ, безъ начальника, разстроенная, спутанная распоряженіями Каменскаго, тѣснимая отвсюду Наполеономъ, но ей не былъ предназначенъ жребій Прусской арміи.

Между тѣмъ Сультъ, Ожеро и Мюратъ приближались къ Голомину. Здѣсь были отрядъ кн. Голицына и два полка дивизіи Дохтурова. Утромъ 26-го Декабря кавалерія Мюрата начала аттаки. Голицынъ и Дохтуровъ дрались упорно, устояли до вечера, пользуясь мѣстоположеніемъ, и отступили ночью къ Макову, гдѣ соединились съ Буксгевденомъ, потерявъ не болѣе 750 человѣкъ. Наполеонъ надѣялся еще, что Сультъ, Ней и Бессьеръ успѣютъ перерѣзать путь Буксгевдену въ Маковѣ, но Сультъ остановленъ былъ непроходимыми болотами. Ней, не доходя до Цѣханова, узналъ, что Лестокъ успѣлъ укрыться отъ Бернадотта, и находится въ Солдау. Онъ бросился туда, выгналъ Пруссаковъ изъ Солдау, но увидя малочисленность непріятеля, Лестокъ обратился снова къ Солдау, и послѣ вторичной, упорной битвы, принужденъ былъ отступить, съ потерею тысячи чело-

вѣкъ убитыми и ранеными. Онъ удалился въ Нейдебургъ, отказавшись отъ надежды соединиться съ Рускими. Такъ разрушены были всѣ разсчеты Наполеона обойдти Русскую армію во флангъ и схватить ее съ тыла. Между тѣмъ славный для Рускихъ бой происходилъ въ тотъ день близъ Пултуска, между Ланномъ и Беннигсеномъ.

Повелѣніе отступать возбудило невольное негодованіе Беннигсена, особливо сопровождаемое другими странными поступками, и наконецъ произвольнымъ отказомъ отъ начальства и отъѣздомъ главнокомандующаго. Исполняя приказъ, медленно двигался онъ къ Пултуску, по непроходимой грязи, гдѣ принужденъ былъ оставить 22 пушки и часть обозовъ. Декабря 25-го Рускіе вступили въ Пултускъ. Вечеромъ приблизился Сюше, идя по грязной дорогѣ съ такимъ трудомъ, что принужденъ былъ бросать пушки и обозы. Орудія Французовъ стояли рядомъ подлѣ орудій, оставленныхъ Рускими. Французы хотѣли овладѣть Пултускомъ, но ограничились перестрѣлкою. Беннигсенъ убѣдился въ необходимости битвы, безъ коей отступленіе было невозможно. Декабря 26-го, утромъ, онъ расположилъ свои войска къ бою. Лѣвое крыло примыкало къ Пултуску, подъ начальствомъ генерала Остермана; правое было у селенія Мощина, подъ начальствомъ Сакена. Впереди праваго крыла стоялъ отрядъ Барклая де-Толли, впереди лѣваго отрядъ Багговута. Сильныя баттареи прикрывали центръ. Нѣсколько скрытныхъ баттарей защищали

оба крыла. Въ 11 часовъ Сюше началъ нападеніемъ на Багговута и оттѣснилъ его, но наведенный на баттареи, когда Остерманъ подкрѣпилъ Багговута, былъ отбитъ. Пока дрались на лѣвомъ крылѣ Русскихъ, и въ центрѣ гремѣла сильная пальба, Ланнъ готовилъ главный ударъ на правое крыло Рускихъ. Колонны его ринулись дружно, взяли Русскую баттарею, но наведенныя на скрытную баттарею, обратились вспять. Ланнъ самъ повелъ ихъ вторично, и еще разъ былъ отбитъ, когда Сакенъ подкрѣпилъ Барклая де-Толли. Сраженіе длилось. Наступила темная ночь. При сильномъ дождѣ и снѣгѣ, Сюше началъ третью аттаку на лѣвое крыло, въ центрѣ усилился огонь артиллеріи, и при заревѣ отъ горѣвшаго Мощина, Ланнъ снова яростно повелъ колонны на правое крыло. Превосходство Русской артиллеріи уничтожило всѣ его усилія. Остерманъ ударилъ въ штыки, опрокинулъ непріятеля, и преслѣдуемые конницею, поражаемые во флангъ Русскими пушками, Французы отступили въ безпорядкѣ. Бой прекратился въ 8 часовъ вечера. Ланнъ былъ раненъ, и кромѣ него ранены генералы Ведель, Клапаредо, Трельяръ и Буассаръ. Потерю Французовъ полагали въ 5000. Рускіе потеряли до 3000 человѣкъ, и взяли въ плѣнъ 700. Имѣя цѣлью сохраненіе войскъ, Беннигсенъ не пользовался выгодами, пріобрѣтенными въ битвѣ. Онъ отступилъ на другой день, не преслѣдуемый Ланномъ, который не могъ опомниться отъ нанесенныхъ ему ударовъ.

*

Занявъ, Декабря 28-го, главною квартирою Голомпнъ, и объявляя о Пултусской и Голоминской битвахъ, какъ о великихъ побѣдахъ, Наполеонъ слабо преслѣдовалъ Рускихъ, перешедшихъ за Наревъ. Онъ видѣлъ невозможность продолжать походъ. Не только непоколебимое мужество Рускихъ, его не менѣе останавливали непроходимыя грязи, среди коихъ тонули пушки и обозы, вязли люди и лошади, и всѣ движенія являлись безпорядочны и медленны. Дальнѣйшее распространеніе военныхъ дѣйствій могло лишить армію продовольствій, когда съ бою покупая каждый шагъ, при наступавшей зимѣ, надлежало преслѣдовать Рускихъ въ болота и лѣса Литвы. «Въ Польшѣ не четыре, но пять стихій,» говорилъ Наполеонъ — «пятая стихія — грязь.» Надлежало остановиться. Для Европы и Франціи было довольно, что Рускіе *уступили* при первомъ появленіи Французскихъ орловъ, и отступленіе ихъ давало возможность назвать побѣдами упорныя, нерѣшительныя битвы съ Рускими. По повелѣнію Наполеона, Декабря 31-го, во Франціи и въ Италіи пѣли *Тебе Бога хвалимъ* «за побѣды «на Бугѣ и Наревѣ, гдѣ въ пять дней разбита была «Русская армія, потеряла артиллерію, обозы, множе«ство плѣнными, и принуждена была очистить всѣ «укрѣпленныя, занимаемыя ею мѣста.»

Парижане могли повѣрить шуткѣ Ривароля, что Европейскіе союзы противъ Наполеона «всегда опаздывали идеями, арміями и битвами» (étaient toujours en retard d'une idée, d'une armée et d'une bataille).

Наступательныя движенія были остановлены, и всѣ Французскія войска расположились на зимнія квартиры между Вислою и Наревомъ. Десять тысячь раненыхъ привезено было съ полей сраженій. Еще больше было число больныхъ. Магазины запасовъ были истощены; бѣдная Польша не представляла средствъ къ ихъ пополненію. Наполеонъ возвратился въ Варшаву Января 3-го. Приказано было возобновлять старинныя укрѣпленія Праги и Торуна, и въ Модлинѣ и Сроцкѣ сдѣлать предмостныя защиты. Въ Познани и Варшавѣ учреждены обширныя госпитали; въ Торунѣ и Сроцкѣ назначены магазины, куда везли запасы изъ Пруссіи, Силезіи и Саксоніи. Отдѣльный корпусъ образованъ былъ изъ легіоновъ Домбровскаго и войскъ Рейнскаго Союза; подъ начальствомъ маршала Лефевра, онъ долженъ былъ обложить Данцигъ; часть его, подъ начальствомъ Руайера, отряжена къ Грауденцу.

Варшава, во времена Августовъ мѣсто шумнаго веселья и роскоши, являлась ожившею отъ пребыванія Наполеона. Блестящій Дворъ и многочисленный штабъ окружали его. Восемдесятъ Русскихъ пушекъ, отбитыхъ въ сраженіяхъ и вытащенныхъ Французами изъ грязи и болотъ, выставлены были, какъ трофеи, на Варшавской площади. Послы, дипломатическіе чиновники, богатые Польскіе паны блистали другъ передъ другомъ великолѣпіемъ. Пиры оживлялись надеждами побѣдъ и торжества, собранія и балы любезностію Полекъ. Казалось, воины Наполеона

хотѣли забыться въ новой Капуѣ. Самъ Наполеонъ не остался нечувствителенъ къ прелестямъ наслажденій. При наступавшихъ холодахъ онъ замѣнилъ даже свой сѣрый сюртукъ фантастическимъ полукафтаньемъ Польскимъ, съ золотыми шнурками, на собольемъ мѣху. Приведенные въ восторгъ его обѣщаніями, Поляки тысячами записывались въ полки, и даже Понятовскій увлекся безразсудными надеждами своихъ земляковъ. Онъ принялъ должность военнаго министра во временномъ правленіи, учрежденномъ въ Варшавѣ, членами коего назначены были Малаховскій, Гутаковскій, Потоцкій, Выбицкій, Дзялинскій, Бѣлинскій и Соболевскій. Не скрывая, что Прусская Польша будетъ отдѣлена отъ Пруссіи, хотя и не объявляя о будущей судьбѣ ея, Наполеонъ поступалъ съ нею, не какъ съ завоеванною, непріятельскою землею, но какъ съ принадлежащею ему, или союзною областью, на время занятою его войсками. Строго велѣно было платить за все что забираютъ войска. Не было ни контрибуцій, ни реквизицій. Временному правительству отпущенъ даже въ ссуду милльонъ франковъ на расходы. Въ счетъ податей велѣно взимать хлѣбомъ, и остальной взносъ деньгами употреблять на снаряженіе Польскихъ войскъ. Также самовластно распоряжалъ Наполеонъ Прусскими областями, находившимися между Рейномъ и Эльбою. Онъ договаривался объ уступкѣ части ихъ Виртембергу, и приказалъ набирать особенный полкъ изъ тамошнихъ жителей, ибо, какъ сказано было въ приказѣ, сіи области «не

будутъ уже принадлежать Пруссіи.» Принцъ Гогенцоллернъ-Зигмарингенскій назначенъ полковникомъ новаго полка. Другимъ приказомъ велѣно набрать два полка въ Гессенѣ. Третій приказъ изданъ о присоединеніи Остъ-Фрисландіи къ Голландскому королевству.

Все предвѣщало въ будущемъ войну упорную. Если Наполеонъ не могъ уступить среди своего торжества, Россія и Пруссія также уступать не думали. Въ тотъ же день, когда Наполеонъ прибылъ въ Варшаву, Король Прусскій и семейство его отправились въ Мемель, удаляясь отъ печальнаго позорища битвъ, готовившихся на пространствѣ земель между Вислою и Нѣманомъ. Битвы долженствовали быть свирѣпы. Черново, Голоминъ, Пултускъ были за то ручательствомъ. Русскія войска усилили вновь прибывшіе полки. Января 1-го императоръ Александръ, довольный мужествомъ и успѣшною настойчивостью Беннигсена, уволилъ Каменскаго, и возвелъ его въ званіе главнокомандующаго, а Король Прусскій передалъ ему начальство надъ Прусскими войсками.

Среди шумныхъ веселій Варшавы, готовя средства побѣды и войска, Наполеонъ неутомимо преслѣдовалъ политику Европы. Особенное вниманіе его обращала тогда Турція, съ отношеніями коей къ Россіи сблизили его обстоятельства. Война Россіи съ Султаномъ ограничилась въ 1806 году занятіемъ Русскими войсками Молдавіи и Валахіи. Руские, почти безъ боя, заняли Хотинъ, Яссы, Бухарестъ, Бендеры, Галацъ,

и другія мѣста и крѣпости, объявляя, что они не воюютъ съ Султаномъ, но хотятъ только обезопасить единовѣрные имъ народы отъ притѣсненій Оттомановъ, требуютъ союза Турціи и исполненія прежнихъ трактатовъ. Не смотря на дружескія увѣренія Наполеону, Султанъ колебался между миромъ и войною, не взирая на занятіе Рускими Дунайскихъ крѣпостей и явное подкрѣпленіе ими возстанія Сербовъ. Англійскій и Русскій послы не оставляли Царьграда, и даже требовали высылки Себастіани. Наполеонъ старался внушить Султану черезъ Себастіани о важности его пособія Турціи, говоря, что при развлеченіи силъ Россіи войною въ Пруссіи, когда побѣды привели Французскія арміи къ предѣламъ Россіи, настало время Оттоманамъ расплатиться за всѣ обиды Рускихъ, даже возвратить себѣ Крымъ. Наполеонъ готовъ былъ, не только подкрѣпить всѣ требованія Султана, но даже прислать ему на помощь войско изъ Далмаціи. Дѣйствительно, ему приходила мысль о важности пособія, какое могъ оказать 25-ти тысячный Французскій корпусъ войскъ, посланный на берега Дуная, гдѣ могъ онъ соединиться съ Турками. Наполеонъ писалъ о томъ Мармону, приказывая, до окончательнаго рѣшенія его, послать Французскихъ офицеровъ въ Скутари и Виддинъ. Они должны были разсмотрѣть пути и средства продовольствія въ разныхъ областяхъ Турціи, стараясь при томъ возбуждать вражду къ Русскимъ. Нетерпѣливо ждалъ онъ пословъ Султана и Шаха Персидскаго, ибо въ об-

ширный объемъ политики его входила тогда даже и Персія, воевавшая съ Россіею. Наполеонъ видѣлъ здѣсь средство угрожать Англіи и тревожить Россію. Онъ вошелъ въ сношенія съ Тегеранскимъ Дворомъ, гдѣ наслѣдникъ шаха, Аббасъ-Мирза, подобно султану Селиму, мечталъ о заведеніи Европейскихъ войскъ, считалъ себя героемъ, самъ выѣзжалъ воевать съ Рускими, хотя и бѣгалъ съ своими регулярными солдатами отъ первыхъ Русскихъ выстрѣловъ. Въ Далмаціи происходили военныя дѣйствія. Вмѣстѣ съ неутвержденіемъ трактата Іюля 20-го, императоръ Александръ велѣлъ Сенявину удерживать всѣ занятыя имъ мѣста. Мармону приказано было отнять ихъ. Безуспѣшно нападалъ онъ на Кастель-Ново. Неприступность положенія и храбрость Рускихъ и Черногорцовъ, не только заставили его отступить, но даже укрыться въ Рагузѣ, гдѣ Рускіе заблокировали его съ моря и съ сухаго пути, и заняли Курцолу, Лезину и другіе острова Далматскіе.

Политическія занятія Наполеона прерваны были неожиданнымъ движеніемъ Русскихъ войскъ изъ-за Нарева. За мрачною, дождливою осенью слѣдовала холодная зима. Глубокимъ снѣгомъ засыпало землю; рѣки замерзали; морозы доходили до 20 градусовъ. Желая болѣе стѣснить блокаду Данцига и Грауденца, Наполеонъ велѣлъ Бернадотту двинуться отъ Торуна по лѣвому берегу Пассарги, и идти къ Эльбингу. Нею приказано было выступить съ береговъ Вислы до Млавы, и остановиться въ верховьяхъ Ому-

левой, рѣки, впадающей въ Наревъ выше Вкры, поддерживая такимъ образомъ сообщенія главной арміи съ Бернадоттомъ и наблюдая движенія Рускихъ. Ничто не препятствовало исполнить приказы его. Лестокъ стоялъ у Кенигсберга, не двигаясь съ мѣста. Недовольный исполненіемъ приказа Наполеонова, Ней не остановился на Омулевой, продолжилъ движеніе далѣе впередъ, уклонился влѣво, и слѣдуя по теченію Алле, сблизился къ Гейльсбергу; авангардъ его достигъ Шиппенбейля.

Имѣя до 100,000 тысячь войска, Беннигсенъ нетерпѣливо хотѣлъ оправдать довѣренность императора Александра смѣлымъ дѣйствіемъ. Имя Беннигсена не было знаменито до Пултусской битвы. Уроженецъ Ганноверскій, шестидесятилѣтній старикъ, онъ участвовалъ въ юности въ Семилѣтней войнѣ, съ 1773 г. перешелъ въ Русскую службу маіоромъ, былъ въ Турціи съ Потемкинымъ и Румянцовымъ, въ Персіи съ Зубовымъ, и пользовался именемъ храбраго и знающаго военное дѣло генерала, но вовсе не знали дарованій его, какъ полководца. Онъ могъ надѣяться на свою армію послѣ опытовъ при Пултускѣ и Голоминѣ, видѣлъ Наполеона занятымъ въ Варшавѣ, сообразилъ невыгоды стѣсненія Русскихъ войскъ за Наревомъ и Бугомъ, и понялъ, что движеніе Бернадотта и Нея, угрожая Кенигсбергу, главному мѣсту запасовъ, открывали ему возможность быстрымъ движеніемъ отрѣзать корпуса ихъ отъ главной арміи Наполеона, разбить и отбросить за Вислу. Тогда

могъ онъ освободить отъ блокады Данцигъ и Грауденцъ, перенесть войну за Вислу, ободряя армію наступательнымъ движеніемъ, обезпечивая сближеніе пособій изъ сѣвера Россіи, откуда шли свѣжія войска, и заставляя Наполеона оставить Варшаву и Польшу. Планъ былъ смѣлый. Не смотря на зимнее время, Беннигсенъ не хотѣлъ медлить его исполненіемъ. Русскія войска двинулись изъ за Нарева черезъ Тикочинъ на Алле, и стали на берегахъ ея въ Бишофштейнѣ. За Наревомъ оставленъ былъ корпусъ Эссена. Отряды генерала Седморацкаго поддерживали сообщенія съ нимъ черезъ Гоніондзы, Іоганнисбургъ и Николайтенъ.

Предпріятіе Беннигсена не удалось. Узнавъ о движеніи его, Ней поспѣшно повернулъ влѣво, оставя берега Алле, достигъ Пассарги, и черезъ Остероде пришелъ въ Гильгенбургъ, когда Бернадоттъ также уклонился отъ Лестока, пошелъ обратно къ Торуну и достигъ Морунгена. Видя, что Ней избѣжалъ гибели, Беннигсенъ хотѣлъ продолжать предположенный имъ планъ, спустился къ верховьямъ Алле, и сдвинулся на Пассаргу, гдѣ Русскій авангардъ встрѣтилъ авангардъ Бернадотта въ Либштадтѣ. Французы уступили. Рускіе пошли на Морунгенъ. Января 25-го генералъ Марковъ схватился съ Бернадоттомъ. Долго оспоривали поле битвы. Храбрый Русскій генералъ Анрепъ былъ убитъ. Французы принудили Рускихъ отступить. Ночью отрядъ графа Палена ворвался въ Морунгенъ, захватилъ обозы, и

даже экипажи Бернадотта. Узнавъ о движеніи на него всей Русской арміи, Бернадоттъ началъ отступленіе на Либемюль и Остероде къ Торуну.

Встревоженный донесеніемъ о движеніи Русскихъ войскъ и опасности Нея, Наполеонъ вскорѣ былъ успокоенъ извѣстіемъ о спасеніи Неева корпуса, и если онъ видѣлъ трудность зимняго похода, мгновенно сообразилъ онъ также планъ, коимъ не только могъ разрушить намѣренія непріятеля, но даже осуществить мысль рѣшенія войны однимъ сильнымъ ударомъ. Онъ хотѣлъ сосредоточить армію между Алле и Омулевою, приказать Бернадотту заманивать Беннигсена далѣе къ Торуну, пока быстрымъ движеніемъ главная армія зайдетъ въ тылъ Рускимъ, отрѣжетъ ихъ отъ Нарева, перехватитъ сообщенія съ Кенигсбергомъ, отдѣлитъ отъ Лестока, и подвергнетъ невыгодной битвѣ на берегахъ Вислы, гдѣ съ фронта нападетъ на нихъ Бернадоттъ, съ одного фланга Ней, съ другаго Лефевръ отъ Данцига, и съ тыла самъ Наполеонъ. Могло исполниться обѣщаніе его, что Рускіе найдутъ на поляхъ Пруссіи новый Аустерлицъ.

Мгновенно снялись всѣ Французскія войска съ зимнихъ квартиръ. Надежда побѣды заставляла солдатъ забывать тягости похода. Января 27-го, когда Беннигсенъ былъ за Пассаргою въ Морунгенѣ, Муратъ и Сультъ стали въ Вилленбергѣ, Даву въ Мишиницѣ, Ожеро въ Нейденбургѣ, откуда соединялся съ Неемъ, бывшимъ въ Гильгенбургѣ. Ночью 29-го

Наполеонъ поскакалъ изъ Варшавы въ армію. Бернадотту приказано остановиться и начать наступательныя дѣйствія, когда въ тылу Рускихъ совершится обходъ главной арміи. Ланнъ, страдавшій отъ раны, остался въ Варшавѣ. Савари, принявшему начальство надъ его корпусомъ, поручено было наблюдать Русскія войска, оставшіяся за Наревомъ; отрядъ войскъ поставленъ былъ въ Бродскѣ охранять Варшаву. Случайность спасла Рускихъ и уничтожила весь превосходный планъ Наполеона. Офицеръ, посланный къ Бернадотту съ приказами, гдѣ Бертье изъяснялъ ему всѣ подробности предположенія, попался казакамъ Багратіонова авангарда, не успѣлъ истребить бумагъ, бывшихъ при немъ, и Багратіонъ, отправя ихъ къ Беннигсену, спѣшилъ безъ приказанія передвинуться къ главной арміи, занимая Бернадотта только небольшимъ отрядомъ, и тѣмъ заставляя его двигаться къ Торуну и разъединяться съ главною арміею. Беннигсенъ содрогнулся при видѣ грозившей ему опасности. Быстро придвинулъ онъ къ себѣ отряды Голицына и Сакена, бывшіе вправо за Алле, въ Алленштейнѣ и Зеебургѣ. Лестоку также велѣно сближаться къ главной арміи, центромъ соединенія коей назначено было Янково, между Алле и Пассаргою. Сюда надвинули, Февраля 3-го, всѣ силы, бывшія съ Наполеономъ, и къ изумленію его столкнулись со всею арміею Беннигсена, съ коею не могъ соединиться только Лестокъ, оставшійся въ Остероде. Кровавы были четыре послѣдовавшіе за тѣмъ дня — достой-

ный прологъ битвы, какихъ немного бывало, даже въ боевой жизни Наполеона.

Онъ не колебался принять битву. Беннигсенъ оставался въ нерѣшительности. Надлежало заставить его рѣшиться. Двинувъ Нея влѣво, Ожеро съ фронта, и оставляя гвардію въ резервѣ, Наполеонъ послалъ Сульта въ обходъ по Алле, приказывая ему занять Бергфридъ и Гутштадтъ въ тылу Русской арміи. Генералъ Гюо захватилъ Гутштадтъ, но Бергфридъ отстаивали до ночи, пока Беннигсенъ, видя невыгоду своего положенія, отступилъ при наступленіи ночи къ Вольфсдорфу, оставя при Янковѣ арріергардъ съ княземъ Багратіономъ, который раздѣлилъ его на три отряда, Багговута, Б. де-Толли и Маркова, ибо армія отступала тремя колоннами, слѣдственно, каждой колоннѣ нуженъ былъ арріергардъ. Всѣ три отряда дрались 23-го, 24-го и 25-го Января, медленно отступая къ Ландсбергу, гдѣ Беннигсенъ надѣялся соединиться съ Лестокомъ. Ни въ одномъ изъ арріергардныхъ дѣлъ Французы не могли одолѣть Рускихъ, и только 25-го, подъ Гофомъ, разбили они Барклая де-Толли, когда велѣно было ему держаться во чтобы ни стало, доколѣ армія расположится на позиціи у Ландсберга. Не успѣвъ здѣсь соединиться съ Лестокомъ, ночью на 7-е Февраля Беннигсенъ двинулъ армію къ Прейсишъ-Эйлау, оставя арріергардъ Багратіона въ Ландсбергѣ. Утромъ 7-го Февраля Французы начали съ нимъ бой. Сражаясь на каждомъ шагу, безпрерывно

подкрѣпляемый свѣжими войсками, Багратіонъ упорно сталъ передъ Прейсишъ-Эйлау. Наполеонъ жестоко тѣснилъ и громилъ его. Французы вторгнулись въ Эйлау, гдѣ ожесточенно дрались въ улицахъ. Барклай де-Толли былъ тяжело раненъ. (*) Багратіонъ отступилъ, но получивъ приказъ Беннигсена, лично прибывшаго на поле сраженія, занять и удержать Эйлау, еще разъ усилилъ бой. Къ почи Французы были снова вытѣснены. Все стихало, когда Наполеонъ явился самъ, и велѣлъ, чего бы то ни стоило, овладѣть мѣстечкомъ. Битва возобновилась. Рускіе отступили изъ Эйлау, уже въ 9-мъ часу, когда темнота зимней ночи освѣщалась только пожарами и огнемъ сраженія. Обѣ арміи стали одна противъ другой.

Что долженъ былъ явить слѣдующій день? Великая борьба была уже въ то время предположена Беннигсеномъ. Близъ Эйлау рѣшился онъ остановиться и сражаться. Наполеонъ не ожидалъ сего рѣшенія. Четырехъ-дневное отступленіе отъ Янкова до Эйлау

(*) Замѣчательно, что сей случай былъ началомъ возвышенія Барклая де-Толли, столь достопамятнаго въ послѣдствіи. Сорока шести лѣтъ отъ роду, извѣстный храбростью, генералъ-маіоръ съ 1799 года, послѣ раны при Эйлау онъ уѣхалъ въ Петербургъ. Желая узнать всѣ подробности дѣлъ, императоръ Александръ самъ пріѣхалъ къ Барклаю де-Толли, говорилъ съ нимъ долго, и увидѣлъ его воинскія дарованія въ продолжительной бесѣдѣ. Онъ пожаловалъ его ген. лейтенантомъ, а послѣ похода въ Финляндію, въ 1808 и 1809 г., Барклай де-Толли, въ чинѣ ген. отъ инфантеріи, возведенъ былъ въ званіе военнаго министра, и главнокомандующаго арміею въ 1812 году.

заставляло его думать, что на другой день Рускіе опять отступятъ, что Беннигсенъ не смѣетъ принять битвы, что всѣ движенія его имѣютъ цѣлью прохраненіе Кенигсберга и удаленіе арміи за рѣку Прегель. Туда должны были сдвинуться всѣ силы Наполеона, Ней и Даву, шедшіе по сторонамъ, Бернадоттъ отъ Торуна, Лефевръ отъ Данцига, Удино отъ Варшавы, заставляя Беннигсена сражаться у Кенигсберга, съ невыгодою, при пораженіи, быть оттѣсненнымъ къ берегу моря, или спасаясь отступленіемъ къ Нѣману, предать Наполеону Кенигсбергъ. Положеніе Эйлау не давало возможности ни на какіе стратегическіе разсчеты. Уступленіе ключа позиціи, мѣстечка Эйлау, утверждало Наполеона въ его мнѣніи, которое раздѣляли съ нимъ и другіе, особливо Мюратъ. Расположа свой гвардейскій отрядъ въ Эйлау, и вправо отъ него на кладбищѣ, огражденномъ каменною стѣною, онъ размѣстилъ всѣ другія войска по обѣимъ сторонамъ мѣстечка, и уснулъ крѣпкимъ сномъ. Со времени выѣзда изъ Варшавы, при безпрерывномъ походѣ, онъ бодрствовалъ ежедневно по 20-ти часовъ. Безпечному, хотя непродолжительному покою предавалось все войско его, утомленное восьми-дневнымъ походомъ, съ малыми запасами, страдая отъ холода, идя по глубокимъ снѣгамъ. Но еще ночь покрывала поле Эйлауское, когда Наполеонъ уже снова бодрствовалъ, объѣзжалъ и устроивалъ полки. Рускіе не отступали. Мгновенно сообразилъ Наполеонъ невыгоды своего положенія. Явно было, что Беннинг-

сенъ хотѣлъ сражаться. Число войскъ было превосходно со стороны Наполеона, но не готовясь къ битвѣ, онъ слишкомъ удалилъ отъ себя корпусъ Даву, находившійся вправо, верстахъ въ 20-ти, на дорогѣ изъ Бартенштейна, и корпусъ Нея, влѣво преслѣдовавшій Лестока, и бывшій также верстахъ въ 20, на дорогѣ изъ Мельзака. На корпусъ Бернадотта нельзя было вовсе надѣяться. Хитрость Багратіона удачно обманула его. Полагая, что на него напираетъ вся Русская армія, Бернадоттъ отступилъ почти до Торуна, и когда увидѣлъ свою ошибку, остановился въ бездѣйствіи. Посланный къ нему офицеръ, какъ мы видѣли, былъ перехваченъ Русскими. «Не получивъ приказаній,» какъ прежде подъ Іеною и Ауэрштедтомъ, онъ не двигался съ мѣста, вопреки извѣщенію генерала Гопуля, который, получивъ приказъ соединиться съ главною арміею, спѣшилъ къ Наполеону. Когда «приказаніе» было прислано, Бернадоттъ тщетно думалъ вознаградить потерянное время поспѣшностью; онъ отсталъ нѣсколькими днями похода. Такимъ образомъ, противъ 80,000-й Беннигсеновой арміи, у Наполеона было подъ рукою гораздо менѣе, не говоря о томъ, что Русская армія, уступая въ числѣ солдатъ, превосходила Наполеонову числомъ пушекъ. Немедленно помчались адъютанты къ Нею и Даву, съ приказами поспѣшать, какъ можно скорѣе, къ Эйлау, а между тѣмъ невольно задумывался Наполеонъ, соображая излишнюю самонадѣянность, слишкомъ увлекшую его, и видя, что надлежало начинать бой кро-

вавый и рѣшительный, не имѣя полной увѣренности въ побѣдѣ.

Опасеніе и раздумье Наполеона были не напрасны. Беннигсенъ понялъ свое превосходство въ числѣ войскъ и количествѣ артиллеріи. При восмидесяти тысячахъ войска, Руские имѣли громаду пушекъ: 60 орудій конной артиллеріи и до 600 орудій артиллеріи пѣшей. Уступивъ накапунѣ Эйлау, Беннигсенъ надѣялся овладѣть имъ снова упорною аттакою. Тогда онъ раздвапвалъ армію Наполеона, и дѣло могло рѣшиться, прежде нежели подоспѣютъ Ней и Даву. Послѣдствія доказали справедливость разсчета, и несправедливое мнѣніе тѣхъ, кто думалъ, что Беннигсену слѣдовало отступить, обратиться вправо, разбить Даву и стать во флангъ Наполеона, угрожая его сообщеніямъ. Кромѣ случайностей битвы съ Даву, при коей Наполеонъ стоялъ въ тылу Рускихъ, движеніе на Домнау открывало Наполеону Кенигсбергъ, главный предметъ заботливости Беннигсена. Наполеонъ, говорятъ, могъ быть отвлеченъ отдѣльнымъ отрядомъ, которому должно было приказать отступленіемъ заманивать его на Прегель. Онъ не догадался бы объ удаленіи Русской арміи вправо, допустилъ бы разбить Даву, и очутился отрѣзаннымъ и припертымъ къ берегу Балтійскаго моря. Можетъ быть, но только Наполеонъ былъ не Бернадоттъ, и съ нимъ отваживаться на столько сложныхъ разсчетовъ, при столькихъ невѣрныхъ условіяхъ удачи, было слишкомъ отважно. Планъ Беннигсена былъ гораздо простѣе.

Эйлауская позиція представляла обширную равнину, взхолмленную возвышеніями, и дававшую свободу дѣйствовать штыкомъ и пушкою. Русская армія выстроена была противъ мѣстечка Прейсшъ-Эйлау (старинаго рыцарскаго городка, Gilavia Borussica): 4 пѣхотныя дивизіи въ двѣ линіи; правымъ флангомъ командовалъ Тучковъ, лѣвымъ Остерманъ, центромъ Сакенъ; за ними стояли, вправо резервъ Дохтурова, еще правѣе отъ него резервъ Каменскаго; между ними находилась тяжелая кавалерія князя Голицына и 60 орудій конной артиллеріи; лѣвый флангъ прикрывала конница Палена, 25 эскадроновъ; на правомъ флангѣ была другая часть конницы, 40 эскадроновъ; фронтъ арміи защищали 170 орудій, изъ коихъ 70 были въ центрѣ, 60 на лѣвомъ и 40 на правомъ крылѣ; лѣвый флангъ ограждался двумя ручьями и болотами, на которыхъ находились селенія: Серпалленъ, нѣсколько впереди передовой линіи Рускихъ, Саугартенъ, въ линію съ Русскими резервами, и Кутшиттенъ, почти въ тылу Рускихъ, за озерами и сосновымъ, густымъ лѣсомъ. Не полагая здѣсь никакой опасности, Серпалленъ заняли небольшимъ отрядомъ Багговута. Вправо, на Кенигсбергской дорогѣ, были, одно за другимъ, селенія Шлодиттенъ и Шмодиттенъ. Беннигсенъ хотѣлъ начать битву сильною канонадою. Подъ ея прикрытіемъ, упорною аттакою располагалъ онъ схватить Эйлау, и тѣмъ разрѣзать войска Наполеона, расположенныя по обѣ стороны Эйлау, въ коемъ находилась, кромѣ гвардіи, часть корпуса Суль-

та; другія части сего корпуса выдвинуты были вправо и влѣво; правѣе отъ нихъ стали драгуны Мильо; Ожеро, остававшійся за Эйлау, подвинулся вправо и сталъ за войсками Сульта. Въ резервѣ за Эйлау оставались Бессьеръ, съ гвардейскою конницею, драгуны Клейна и Груши, кирасиры Гопуля, и легкая кавалерія Кольберта, Гюо, Броера и Дюронеля. Наполеонъ былъ на правой оконечности Эйлау, на кладбищѣ, окруженный своею отборною гвардіею. Онъ не хотѣлъ нападать. Планъ его въ предлежавшемъ сраженіи состоялъ въ томъ, что надлежало занять и удержать непріятеля до прибытія Даву, коему велѣно было идти прямо на Серпалленъ, сбить тамъ Русскій отрядъ, слѣдовать по берегу ручья и замерзшимъ озерамъ и болотамъ, обходя лѣвый флангъ Рускихъ, зайдти имъ въ тылъ по Кутшиттенскому лѣсу; когда Ней долженъ былъ ударить въ то же время въ правый флангъ Рускихъ черезъ Шлодиттенъ, подавая отсюда руку Даву въ Кутшиттенъ. Пока будутъ исполнены сіи движенія, Наполеону, съ главною арміею, надлежало только устоять противъ аттакъ непріятеля. При успѣхѣ Даву и Нея, онъ упорно двигался впередъ, и довершалъ съ фронта разстройство Рускихъ, схваченныхъ съ тыла и во флангъ.

Но *устоять* до прихода Даву и Нея было трудно. Уже часу въ 6-мъ утра заревѣло 60 пушекъ на правомъ крылѣ Русской арміи. Наполеонъ отвѣчалъ столь же громозвучно. Пальба распространилась въ центрѣ. Опасаясь скопленія Рускихъ и удара ихъ,

Ожеро велѣно аттаковать. Сентъ-Илеръ и Мюратъ должны были подкрѣплять его. Едва всколебались ряды, при кликахъ: *Vive l'Empereur*, небо, дотолѣ покрытое снѣговыми тучами, закрутилось порывомъ страшной мятели. Снѣгъ повалилъ клочьями; вихри несли и вертѣли его, такъ, что въ двухъ шагахъ ничего нельзя было видѣть. Когда пролетѣла мгновенная мятель, битва явила весьма невыгодное положеніе Французовъ. Мятель остановила движеніе впередъ Сентъ-Илера и Мюрата, но Ожеро велъ свои полки безостановочно, сбился съ направленія, уклонился влѣво и попалъ прямо на баттарею въ центрѣ. Семдесятъ пушекъ встрѣтили его тучею картечь. Французы вздрогнули, отшатнулись, но сдвинувшись правѣе, Ожеро принятъ былъ на штыки Дохтуровымъ и Эссеномъ, когда съ лѣва страшно били его Русскія пушки, а справа повелъ кавалерійскія аттаки князь Голицынъ. Положеніе было гибельно, но Ожеро хотѣлъ лучше погибнуть, нежели уступить. Солдаты, одушевленные имъ, бились на смерть. Дежарденъ палъ со всею своею дивизіею. За нимъ легла дивизія Гёделе, и онъ былъ тяжело раненъ. Ожеро также ранили. Наполеонъ велѣлъ спѣшить на выручку Сентъ-Илеру, Бессьеру и Мюрату. Пока, подъ защитою Сентъ-Илера, отступалъ въ безпорядкѣ Ожеро, запальчиво понесся Мюратъ съ 12-ю тысячами всадниковъ. Все уступило ему. Русскіе ряды были прорваны, но Мюратъ не замѣчалъ, что его никто не подкрѣпляетъ, и что Руские смыкаются сзади его. Онъ

опомнился, когда порывъ его остановили штыки и пушки Русскаго резерва. Надобно было вернуться назадъ, и отступленіе послѣдовало такъ же быстро, какъ нападеніе. Преслѣдуемый Русскою конницею, пробиваясь сквозь ряды штыковъ, Мюратъ едва могъ вынести обломки трехъ кавалерійскихъ дивизій и конной гвардіи. Гопуль и Дальманъ пали въ кровавой свалкѣ. Поле Эйлауское являло послѣ того битву, гдѣ рѣзались и умирали, забывая всѣ разсчеты, всѣ соображенія тактики. Гвардейскіе конные гренадеры остались между Русскимъ резервомъ и второю линіею. Русскій отрядъ, преслѣдуя Ожеро, достигъ до Эйлау, и устремился прямо къ церкви и кладбищу, гдѣ находился Наполеонъ. Все уничтожалось передъ нимъ. Окружавшіе Наполеона пришли въ смятеніе. Бертье хотѣлъ приказать подвести лошадь Императора. Наполеонъ остановилъ его грознымъ взоромъ, громко скомандовалъ: *Впередъ!* сотнѣ отборныхъ гвардейцовъ, и велѣлъ имъ остановить непріятеля. Пока штыки ихъ загораживали Наполеона, Брюйеръ успѣлъ сблизиться съ гренадерами, ударить во флангъ Рускимъ, смять ихъ и заставить отступить. «Какова отвага! Какова отвага!» говорилъ Наполеонъ, указывая на Рускихъ, упорно бившихся при отступленіи. «Ты испугался, Бертье?» прибавилъ онъ, улыбаясь. «Государь».... могъ только сказать Бертье, все еще содрогаясь при мысли о гибели, угрожавшей Наполеону. Въ самомъ дѣлѣ, минута была страшная. Наполеонъ говорилъ потомъ, что толь-

ко подъ Арколою подвергался онъ подобной, столь близкой опасности.

Усиленное дѣйствіе артиллеріи дало средства Ожеро и Сентъ-Илеру оправиться. Рускіе отхлынули вспять, и по всему протяженію арміи свирѣпѣла только губительная канонада. Многіе ставили въ вину Беннигсену, что онъ не воспользовался минутою замѣшательства Французовъ, послѣ разбитія корпуса Ожеро и бѣгства конницы Мюрата. Надлежитъ вспомнить, чего стоило Рускимъ торжество, и были ль на то средства. Ни Французы, ни Рускіе не нападали. Беннигсенъ увидѣлъ невозможность сломить непріятеля, предположилъ отступать, и бился только протягивая время. Наполеонъ только поддерживалъ сраженіе, нетерпѣливо и безпрестанно взглядывая на часы. Было около часа по полудни, когда пушечные выстрѣлы вправо, близъ Серпаллена, возвѣстили приходъ Даву. Наполеонъ обрадовался, и не дожидаясь Нея, велѣлъ идти къ Серпаллену Сентъ-Илеру, подкрѣпилъ его драгунами Мильо, послалъ туда остатки конницы Мюрата, пѣхоты Ожеро, пѣшую гвардію. Сраженіе измѣнило видъ. Первая половина битвы была кончена — начиналась вторая.

Какъ буря потекли полки Даву, сломили Багговута, заняли Саугартенъ, начали громить Рускихъ во флангъ, и рвались въ Кутшиттенъ, но здѣсь былъ предѣлъ успѣха. Схваченный внезапно, Беннигсенъ не смѣшался, и укрѣпился въ Кутшиттенскомъ лѣсу. Багратіонъ, Остерманъ, Паленъ непобѣдимо встрѣти-

ли и остановили напоръ непріятеля. Даву отодвинулся къ Ауклаппену въ тылъ Рускихъ. Кутайсовъ быстро примчался сюда, съ 36-ю орудіями, съ праваго крыла, далъ время Багратіону привести резервы, и бой засвирѣпѣлъ такъ же страшно, какъ страшно свирѣпѣлъ онъ утромъ близъ Эйлау. Горящій Ауклаппенъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Тщетны были всѣ усилія Даву. Рускіе не уступали. Наполеонъ не имѣлъ силы помогать Даву, едва удерживаясь на лѣвомъ крылѣ своемъ, а Нея не было. Вмѣсто него Рускимъ явилась помощь неожиданная. Лестокъ успѣлъ перехитрить Нея, завлекая его къ Крейцбургу, ловкимъ поворотомъ ушелъ на Эйлау, и опередилъ своего противника двумя часами времени. Пока Ней, получивъ приказъ Наполеона, поспѣшалъ на помощь ему, и былъ еще далеко, Лестокъ извѣстилъ Беннигсена о своемъ скоромъ прибытіи. Вѣсть была радостная. Беннигсенъ считалъ минуты, посылалъ къ Лестоку адьютантовъ, торопилъ его походомъ. Около 4-хъ часовъ по полудни явился Лестокъ отъ Альтгофа и сталъ въ Шмодиттенѣ. Самъ Беннигсенъ прискакалъ къ нему, и направилъ его на Кутшиттенъ въ тылъ Даву. Быстро выгнаны были Французы изъ Кутшиттенскаго лѣса, и аттака, столь неожиданная, смѣшала Даву, заставила его отступать на Саугартенъ, даже столь поспѣшно, что 28 пушекъ оставлены были имъ на полѣ битвы. Наступала темная ночь. Даву сталъ въ Саугартенѣ и отстрѣливался. Рускіе прекратили бой. Онъ постепенно умолкалъ повсюду, про-

должавшись почти полъ-сутки. Уже только пожары въ Эйлау и окрестныхъ селеніяхъ освѣщали небо багровымъ заревомъ, когда загремѣла пальба въ Шлодиттенѣ — явился Ней. Онъ хотѣлъ занять Шлодиттенъ. Сакенъ пошелъ на помощь отряду, тамъ бывшему. Наполеонъ остановилъ безполезное кровопролитіе. Ней отошелъ къ Альтгофу, и бой совершенно затихъ. Обѣ арміи недоумѣвали, кто изъ нихъ побѣдилъ. Оба главнокомандующіе изумлены были донесеніями о страшной убыли войскъ.

Еще не рѣшался Наполеонъ, не зная, начинать ли битву на другой день, когда Бенингсенъ уже отступалъ, скрывая свое отступленіе за бивачными огнями и прикрываясь арріергардомъ. На другой день Рускіе остановились въ Мюльгаузенѣ, оставили здѣсь Багратіона и пошли къ Кенигсбергу.

Прейсишъ-Эйлауская битва, начатая неожиданно, явившая столько случайностей, равно славная Рускимъ и Французамъ, и вечеромъ оставившая обѣ арміи почти въ томъ положеніи, какое занимали онѣ поутру, превосходно показала характеры двухъ армій и двухъ полководцовъ, поставила Бенингсена въ рядъ генераловъ замѣчательныхъ, явила вполнѣ хладнокровную силу и изумительную твердость Рускихъ. Безъ нихъ битва Эйлауская могла быть вторымъ Маренго, представляя великое сходство съ сею достопамятною битвою. Наполеонъ подвергался гибели въ 11-ть часовъ утра, и съ приходомъ Даву могъ побѣдить въ 5 часовъ по полудни, какъ побѣдилъ при

Маренго съ приходомъ Дезе. Русская грудь устояла въ сію гибельную минуту. Остальное могъ рѣшить случай. Явись Ней вмѣсто Лестока, нельзя было отвѣчать за слѣдствія его прихода. Пришелъ Лестокъ, и Рускіе едва не вырвали побѣду у Наполеона. Только темнота ночи лишила Рускихъ возможности захватить 28 пушекъ, оставленныхъ Даву. Онъ нашелъ ихъ въ снѣгу на другой день.

Потери въ битвѣ столь нерѣшительной по ея послѣдствіямъ были съ обѣихъ сторонъ ужасны. Рускіе лишились около 26,000, ибо послѣ битвы осталось въ строю не болѣе 60,000. Они взяли 1000 плѣнныхъ и нѣсколько знаменъ. Беннигсенъ сознавался въ своей реляціи въ 12,000 убитыхъ и 7900 раненыхъ, прибавляя, что непріятелей убито до 30,000 и ранено до 12,000. Пруссаки насчитывали 7000 Рускихъ убитыхъ, 5000 раненыхъ, оставленныхъ на полѣ битвы, и 14,900 отправленныхъ въ Кенигсбергъ, по «большею частію умершихъ,» будто бы «отъ стужи дорогою,» а Пруссаковъ убитыхъ и раненыхъ до 900. Обѣ стороны приписывали себѣ побѣду. Въ Петербургѣ и Парижѣ пѣли благодарственные молебны. По обыкновенію называя Прейсишъ-Эйлауское побоище побѣдою, ибо Рускіе отступили, Наполеонъ увѣрялъ, что у него было 68,500 человѣкъ противъ 80,000, что Рускіе потеряли убитыми 7000, а уронъ Французовъ былъ еще незначительнѣе, именно — 5700 раненыхъ и 1900 *убитыхъ,* и что трофеи Французовъ составляли 16 зна-

менъ и 24 пушки. Въ бюллетенѣ хвалили *живописное* положеніе поля Эйлаускаго послѣ битвы. «Вообразите себѣ на пространствѣ квадратной льё 9, или 10,000 труповъ, 4, или 5,000 убитыхъ лошадей, ряды Русскихъ ранцовъ, обломки ружей и сабель, землю покрытую ядрами, гранатами, остатками аммуниціи, и 24 Русскія пушки, возлѣ коихъ видны были тѣла защищавшихъ ихъ артиллеристовъ. Все это *особенно выказывалось на снѣжномъ полѣ* (tout cela avait plus de relief sur un fond de neige).» — «Солдаты!» говорилъ Наполеонъ въ приказѣ по арміи, «едва начали мы отдыхать на нашихъ зимнихъ квартирахъ, непріятель напалъ на насъ. Мы пошли на него, гнали его восемдесятъ миль, и онъ едва могъ убѣжать въ свои укрѣпленія за Прегелемъ. Въ сраженіяхъ при Бергфридѣ, Деппенѣ, Гофѣ, въ битвѣ Эйлауской, мы взяли у него 65 пушекъ, 16 знаменъ, убили, ранили и забрали въ плѣнъ болѣе 40,000 человѣкъ. Храбрые, съ нашей стороны оставшіеся на поляхъ чести, умерли славною смертью: такова должна быть смерть настоящаго солдата. Ихъ семейства пріобрѣли право на нашу заботливость объ ихъ жребіи и наши щедроты. Уничтоживъ всѣ покушенія непріятеля, мы опять сблизимся теперь къ Вислѣ, и станемъ на наши квартиры. Кто осмѣлится потревожить насъ, тотъ раскается, ибо и за Вислою, какъ за Дунаемъ, среди зимнихъ холодовъ, какъ среди тумановъ осени, мы всегда будемъ солдаты Французскіе, солдаты Великой Арміи!»

*

Разумѣется, что всѣ приказы, всѣ бюллетени были писаны, всѣ молебны пѣты для Европы и Франціи, а не для собственнаго обольщенія Наполеона, и даже солдатъ его. Они видѣли и онъ понималъ, какъ далека была отъ побѣды Эйлауская битва, и торжество ли тогдашнее положеніе дѣлъ Наполеона. Беннигсенъ совершилъ отступленіе, перешелъ за Прегель и вступилъ въ Кенигсбергъ (Февраля 12-го), почти нетревожимый непріятелемъ. Наполеонъ остался девять дней въ Эйлау, и только черезъ три дня послѣ битвы отправилъ легкіе отряды осмотрѣть мѣста до Прегеля. Русскіе отряды встрѣтили ихъ и заставили удалиться. Вскорѣ тысячи казаковъ разсыпались повсюду. По соединеніи съ Бернадоттомъ и кирасирами Нансути, когда Лефевръ пришелъ въ Остероде, и Удино привелъ въ Вилленбергъ 8000 гренадеровъ изъ Варшавы, Наполеонъ объявилъ, что армія его становится на зимнія квартиры, и 17-го Февраля началъ отступленіе отъ Эйлау. Онъ уже не пошелъ въ Варшаву, но растянулъ войска по Пассаргѣ и Алле до Омулевой. Главная квартира его была въ Остероде, а потомъ перешла лѣвѣе, въ замокъ Финкенштейнъ; Бернадоттъ сталъ въ Голландѣ и Браунсбергѣ, Сультъ въ Вормдитѣ, Либштадтѣ и Морунгенѣ, Ней въ Гутштадтѣ и Алленштейнѣ, Даву въ Гогенштейнѣ и Галгенбургѣ, Савари оставался на Наревѣ. Сильныя укрѣпленія устроены были передъ мостами въ Шпанденѣ и Эльдиттенѣ на Пассаргѣ, въ Маріенвердерѣ и Маріенбургѣ. Казаки и легкіе отря-

ды Русскіе преслѣдовали отступавшую армію; имя атамана Платова и казаковъ въ первый разъ сдѣлалось тогда страхомъ и тревогою Французовъ. Они били всѣ отдѣльные отряды, захватывали обозы, больныхъ, раненыхъ. При обратномъ движеніи Наполеона, Беннигсенъ немедленно перешелъ за Прегель. Февраля 25-го главная квартира его была въ Ландсбергѣ, а Марта 15-го перешла въ Бартенштейнъ. Лестокъ сталъ противъ Бернадотта между Мельзакомъ и Гейлигенбейлемъ. Таково ли было положеніе Наполеона послѣ Аустерлица, Іены, Ауэрштедта!

Военныя дѣйствія ограничились незначительными сшибками въ теченіе слѣдовавшихъ за тѣмъ четырехъ мѣсяцовъ. Наполеонъ оставался неподвиженъ, отзываясь невозможностью воевать зимою и весеннею ростополью. Правда, что онъ не бездѣйствовалъ. Онъ видѣлъ здѣсь, такъ сказать, лицомъ къ лицу сомнительность своего положенія, и тѣмъ дѣятельнѣе начала работать его политика, тѣмъ рѣшительнѣе были мѣры, принимаемыя имъ къ продолженію войны. Все испытывалъ онъ — миръ и угрозы, смѣлость, лесть, хитрость, хвастовство, страхъ своего имени. Первая половина 1807 года была въ семъ отношеніи чрезвычайно любопытнымъ временемъ его жизни. Талейранъ, проклинавшій походы, послѣ того, когда карета его изломалась и завязла въ грязи во время осенняго похода, весьма неохотно, но долженъ былъ разстаться съ своимъ теплымъ Варшавскимъ кабинетомъ. Финкенштейнъ, главная квартира Наполеона, и Бар-

тенштейнъ, куда въ половинѣ Апрѣля прибылъ импе-
раторъ Александръ, сдѣлались двумя центрами поли-
тики, обнимавшей всѣ части свѣта.

Ловкость Себастіани, военныя дѣйствія Рускихъ на Дунаѣ и поступки Англичанъ, рѣшили наконецъ Султана, Декабря 30-го, объявить войну Россіи. Объявленіе сопровождалось изъявленіемъ народной ненависти къ Рускимъ. Чернь Царьградская хотѣла разграбить домъ Русскаго посла, и только приставленная къ нему стража удержала ея неистовство. Италинскій оставилъ столицу Султана. На Англійскомъ кораблѣ отправился онъ къ Англійской эскадрѣ, бывшей въ Архипелагѣ. Арбутнотъ остался, но потребовалъ окончательнаго отвѣта, не получалъ его, и неожиданно изъявилъ рѣшительность, какой предполагать было невозможно. Онъ переѣхалъ на Англійскій фрегатъ, объявляя, что при замедленіи отвѣта немедленно плыветъ онъ къ Англійской эскадрѣ, явится съ нею и будетъ бомбардировать Царьградъ. Такая дерзость оскорбила Султана. Отвѣтомъ его было объявленіе войны Англіи. Арбутнотъ исполнилъ свои угрозы. Адмиралъ Дуквортъ прошелъ черезъ Дарданеллы, не боясь безполезной пальбы Турковъ, захватилъ и сжегъ два Турецкіе корабля, и сталъ передъ Царьградомъ Февраля 21-го, требуя высылки Себастіани, союза съ Россіею и Англіею и войны съ Наполеономъ. Ужасъ объялъ Султана и Турковъ. Они готовы были согласиться на всѣ требованія, но Себастіани былъ неутомимъ. Онъ успѣлъ

разсѣять страхъ Турковъ и Султана, и убѣдить ихъ, что въ Царьградѣ находится довольно средствъ защитить столицу, укрѣпить Дарданеллы, собрать войско и морское ополченіе. Себастіани брался всѣмъ управлять. Мѣсто страха и робости заступило изувѣрное ожесточеніе. Для выигрыша времени начали переговоры, спорили, соглашались, а между тѣмъ Себастіани, свита его, всѣ Европейцы и тысячи Музульманъ работали день и ночь, приготовили войско, оружіе, собрали множество лодокъ, устроили брандеры. Пять сотъ пушекъ поставлены были въ Дарданеллахъ и по берегу Мармарнаго моря. Самъ Султанъ присутствовалъ на работахъ. Въ одну недѣлю берегъ Царьградскій покрылся сильными баттареями; войско было готово защищать столицу; крѣпости Дарданельскія приведены въ грозное положеніе. Арбутнотъ и Дуквортъ увидѣли ошибку промедленія, но поздно, и едва могли пройдти обратно сквозь Дарданеллы, громимые Турками, потерявъ двѣ корветты, съ поврежденіемъ всѣхъ другихъ кораблей. У Тенедоса встрѣтилъ Дукворта Русскій флотъ, подъ начальствомъ Сенявина, но тщетно предлагалъ ему Русскій адмиралъ испытать снова нападеніе на Царьградъ. Дуквортъ увѣрялъ въ неминуемой гибели флота при отвагѣ на подобное предпріятіе. Радость Султана и Турковъ была такъ же велика, какъ прежде великъ былъ страхъ. Неограниченную довѣренность оказывали Себастіани, кричали о войнѣ, говорили о непобѣдимости Турціи, о славѣ Наполеона. Четыре отличные инженерные

полковника прибыли въ Царьградъ отъ Мармона, люди замѣчательные въ послѣдствіи, Фуа, Аксо, Сорбье, Трасп. Они занялись правильнымъ укрѣпленіемъ Дарданеллъ и устройствомъ Турецкаго войска. Посолъ Турецкій явился къ Наполеону въ Финкенштейнѣ, вмѣстѣ съ посломъ Персидскимъ. Обоихъ принимали торжественно, показывали ихъ солдатамъ на парадахъ; бюллетени возвѣщали дружбу Наполеона съ Султаномъ и Шахомъ, которые скоро двинутъ тысячи войска въ Грузію и на Дунай. Сенату возвѣщено было о томъ (Января 22-го), вмѣстѣ съ извѣстіемъ о союзѣ Саксоніи, о *побѣдахъ* при Пултускѣ и Голоминѣ, «откуда трепеща бѣжали Русскіе полки, едва завидѣли Французскихъ орловъ.» Была какая-то поэзія, увлекавшая воображеніе, въ появленіи Персидскаго посла, который изъ Тегерана пріѣхалъ въ станъ Наполеона, находившійся въ степяхъ и лѣсахъ Польши, переговаривать о дружбѣ и союзѣ, о походѣ въ Грузію и Индію. Все это походило на волшебную сказку изъ Тысячи и Одной Ночи, и Французскіе журналы усердно и хвастливо о томъ возглашали. «Что было мечтою прежде, можетъ осуществиться нынѣ, когда ко мнѣ, въ мой Польскій лагерь, присылаютъ грамоты и пословъ Турція и Персія,» писалъ Наполеонъ Мармону. Великолѣпное посольство велѣно приготовить въ Персію; генералъ Гарданъ назначенъ былъ представителемъ Наполеона при Тегеранскомъ Дворѣ. Наполеонъ видѣлъ однакожь, что вся великолѣпная дружба Султана и Шаха

не сдѣлаетъ никакого развлеченія силамъ Россіи. Посылка войскъ изъ Далмаціи на Дунай была совершенною невозможностью. Недовѣрчивая политика Турціи возбуждалась при малѣйшемъ случаѣ. Не понимая важности пособія Французовъ на Дунаѣ, Турки боялись допустить ихъ въ свои области. Переговоры Мармона съ Али-Пашею, о сдачѣ ему Парги и Превезы, возбудили опасеніе Султана. Являлись безпрерывныя затрудненія, оскорблялась безпрестанно гордость Оттомановъ, а между тѣмъ Рускіе били Турковъ на Дунаѣ, когда грозныя ополченія императора Александра стояли противъ Наполеона, и многоразличныя опасности расли окрестъ него.

Начало одной изъ нихъ явилось въ *бунтѣ* Гессенцовъ, какъ называлъ Наполеонъ возстаніе жителей Гессена. Полки, высланные Келлерманомъ изъ Майнца, Луазономъ изъ Мюнстера, Мишо изъ Магдебурга, укротили волненіе. Также безполезны были старанія Герцога Ангальтъ-Плесскаго собрать войско и набрать милицію въ Силезіи. Нѣсколько сборныхъ батальоновъ, и толпа изъ 5-ти, или 6000 поселянъ Силезскихъ, подъ начальствомъ Герцога, хотѣли освободить отъ осады Бреславль, но были прогнаны. Января 5-го, когда отъ сильнаго мороза замерзла въ крѣпостныхъ рвахъ вода, угроза приступа заставила коммендантовъ Бреславскихъ, Тиле и Крафта, сдать Вандаму сильную крѣпость сію, гдѣ было до 7000 гарнизона при 300 орудіи. Бреславль, съ 60,000 жителей и съ богатыми запасами, достался Наполео-

ну почти безъ бою. Въ слѣдъ за Бреславлемъ, коммендантъ Корнерутъ, Января 16-го, сдалъ Баварскому генералу Деруа Бригъ. Февраля 6-го, коммендантъ Гакке, имѣя до 5000 гарнизона, сдалъ Швейдницъ, крѣпость столь знаменитую въ войнахъ Фридриха Великаго. Но Грауденцъ и Данцигъ не уступали, а нерѣшительность Турціи и возстаніе въ Гессенѣ показывали расположеніе государствъ и народовъ въ Европѣ. Сопротивленіе Наполеону оказывалось даже тамъ, гдѣ вовсе ожидать его было невозможно. Мы говорили объ Испаніи. Противоборство Князю Мира дворянства и духовенства Испанскаго достигло до того, что при разнесшемся въ Мадритѣ слухѣ о пораженіи Наполеона въ Германіи, внезапно явилась неожиданная перемѣна въ Испанской политикѣ. Искусная дипломатика Россійскаго посла въ Мадритѣ, Строганова, и появленіе Англійской эскадры въ устьи Тагана, дополнили общее опасеніе. Спасая себя отъ гибели, Князь Мира принужденъ былъ объявить о вооруженіи Испаніи. Объявленіе сдѣлано было еще въ Іюлѣ 1806 года. Французскій посолъ требовалъ объясненій. Ему говорили объ опасности отъ Англичанъ, но тайну пояснилъ манифестъ Князя Мира, Октября 3-го, гдѣ онъ говорилъ о необходимости собрать войско для защиты, объ угрожающей отечеству опасности, о поддержаніи чести народной. Что еще было темно въ манифестѣ, то пояснялось событіями. При Дворѣ Мадритскомъ не скрывали, ни цѣли вооруженія, ни шумной радости о бѣдствіи Наполеона.

Если здѣсь грозила опасность отдаленная, болѣе существенное и близкое опасеніе внушала Австрія, поставленная тогда къ Наполеону въ тѣ самыя отношенія, въ какихъ была къ нему Пруссія въ Ноябрѣ 1805 года. Явное измѣненіе въ дипломатическихъ сношеніяхъ начало оказываться, едва Французскія войска оставили Австрійскія владѣнія и война съ Пруссіею являлась несомнѣнною. Вѣнскій Дворъ не подтверждалъ формально титула Неаполитанскаго короля Іосифу, возобновилъ споры о разграниченіи предѣловъ въ Италіи, усилилъ войска въ Иллирійскихъ областяхъ. Наполеонъ не велѣлъ выходить Французскому гарнизону изъ Браунау, пока всѣ требованія Франціи не будутъ исполнены. Рѣшенія требовали немедленно. Отвѣтомъ Австріи на первое требованіе было, что Австрія ждетъ примѣра другихъ державъ, изъ коихъ Испанія еще не утвердила титула Іосифова. Далѣе, что умноженіе войскъ въ Иллиріи необходимо при тогдашнихъ столкновеніяхъ Рускихъ съ Французами въ Каттаро. Дѣло оборотилось иначе послѣ счастливаго начала похода въ Пруссію. Австрія объявила, что будетъ наблюдать строгій неутралитетъ (въ началѣ Октября), а послѣ побѣдъ Наполеона прислала уже говорить о дружбѣ и союзѣ. Она условилась даже тогда отнять силою Каттаро у Рускихъ, и соединить для того свои войска съ Французскими. Дѣйствительно, генералъ Беллегардъ съ отрядомъ явился къ Мармону, но отговаривался отъ начала непріязненныхъ дѣйствій, пока не получилъ повелѣнія

удалиться въ Австрійскія владѣнія. Причину разгадали скоро, особливо, когда прекратились въ то же время увѣренія въ дружбѣ и союзѣ: Австрія увидѣла рѣшительность императора Александра продолжать войну, и узнала о союзѣ Саксоніи съ Наполеономъ, возбудившемъ ея опасенія. Въ Богеміи велѣно было собираться войскамъ; вскорѣ число ихъ тамъ возрасло болѣе 100,000. Наполеонъ отправилъ въ Вѣну генерала Андреосси, и требовалъ изъясненій о причинѣ собранія войскъ Австрійскихъ. Требованіе было изъявлено смѣло и горделиво. «Императоръ Наполеонъ не боится ни тайныхъ, ни явныхъ враговъ,» говорилъ Андреосси (Ноября 25-го). «Судя о словахъ по дѣламъ, онъ имѣетъ столько догадки, что можетъ понимать поступки другихъ, и въ семъ отношеніи ему было бы прискорбно думать, что значительныя ополченія Австріи приготовлены противъ него на случай его неудачи. Онъ желаетъ мира, но мира настоящаго, а могутъ ли назваться имъ нынѣшнія отношенія Австріи? Она соединяетъ во флангѣ Французской арміи огромныя силы, съ обширными магазинами. Спокойная во всѣхъ другихъ мѣстахъ своей великой имперіи, она озабочивается только въ одномъ мѣстѣ, именно тамъ, гдѣ Французская армія сражалась съ Пруссіею, и разсѣявши ее не замедлитъ сразиться съ Русскими войсками. Для чего армія державѣ, объявляющей строгій неутралитетъ, котораго никто не думаетъ и не имѣетъ выгоды нарушать? Только извѣстность благороднаго характера императора Ав-

стрійскаго, и испытанная правота его могутъ удалять здѣсь оскорбительныя сомнѣнія.» Такая рѣчь вовсе не годилась послѣ перѣшительныхъ событій войны въ Польшѣ. Обольщеніе удачи было для Австріи слишкомъ велико. Обиды Наполеона были слишкомъ тяжелы и кровавы, а выгоды, какія обѣщало соединеніе Австріи съ Россіею и Пруссіею, далеко не вознаграждало униженіе Пруссіи, раздѣленной съ Австріею вѣковою враждою, ибо паденіе Пруссіи возвеличивало силу Наполеона въ несоразмѣрной степени. Чего не могло сдѣлать собственное убѣжденіе, то довершали старанія Россіи и Пруссіи увлечь Австрію въ союзъ. Утверждая одну всегдашнюю мысль свою объ опасности усиленія Наполеона, о невозможности мира съ честолюбивымъ завоевателемъ, императоръ Александръ указывалъ императору Францу на битвы въ Польшѣ, какъ на доказательства возможности борьбы съ нимъ, убѣждая Австрію приняться за оружіе въ настоящее время, единственное, когда можно надѣяться побѣды, на послѣдній случай, упустивши который уже невозможно было ожидать его возвращенія. Для представленія всѣхъ выгодъ войны противъ Наполеона, въ Вѣну присланъ былъ князь Гагаринъ. Ему особенно поручено указать на опасность, прямо угрожавшую Австріи, если Наполеонъ исполнитъ требованіе Поляковъ и возстановитъ Польшу. Возстановленіе Польши требовало непремѣннаго включенія въ новое королевство областей, пріобрѣтенныхъ Австріею въ 1773 и 1794 гг., и простиравшихся тогда почти до Варша-

вы. Безъ того возстановленіе Польши было бы мечтою. Гагаринъ долженъ былъ даже напомнить объ обязанности, возложенной на Австрію Варшавскимъ трактатомъ 1794 г., коимъ Россія, Пруссія и Австрія взаимно ручались одна другой за неприкосновенность пріобрѣтаемыхъ ими отъ Польши областей. Слѣдственно, смыслъ трактата, какъ casus foederis, обязывалъ Австрію вступиться даже и тогда, еслибы Наполеонъ хотѣлъ отторгнуть Польскія области отъ одной только Пруссіи. Кромѣ графа Разумовскаго, въ Вѣну явился другой дипломатъ, Поццо ди-Борго. Онъ посланъ былъ въ Вѣну послѣ Іенской битвы для побужденія Австріи къ войнѣ. Сильная, превозмогающая партія образовалась въ Вѣнѣ и при Австрійскомъ Дворѣ, требуя войны съ Наполеономъ. Но роковой часъ судьбы его еще не пробилъ, и какъ за годъ прежде въ Берлинѣ, тщетны были усилія повѣренныхъ императора Александра въ Вѣнѣ. Скрывая страхъ, внушаемый Наполеономъ, и тайное негодованіе, которое называло Пруссію виновницею бѣдствій Австріи въ 1805 г., и не безъ удовольствія видѣло возмездіе за Аустерлицъ подъ Іеною, ссылались на неготовность войскъ и хотѣли переговаривать. Января 23-го явился въ Варшаву Австрійскій повѣренный, баронъ Винцентъ. Главный вопросъ Наполеону былъ о Польшѣ. Онъ отвѣчалъ, что участь Польши еще не рѣшена имъ, но еслибы ему пришлось возстановить Польшу, Австрія должна отдать ей Польскія области и взять вознагражденіе; онъ указалъ на

Силезію и на Величку, съ ея богатыми соляными рудниками. Винцентъ послалъ донесеніе объ отвѣтѣ Наполеоновомъ въ Вѣну, предложивъ между тѣмъ посредничество Австріи для заключенія общаго мира. Наполеонъ не отвергалъ его, не отвергалъ также и императоръ Александръ. Надлежало знать условія. Австрія предложила принять въ основаніе, что дѣла Германіи и Италіи будутъ разсмотрѣны отдѣльно, что Польша останется неприкосновенною въ ея нынѣшнемъ положеніи, и что Англія будетъ допущена къ переговорамъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ Стадіонъ говорилъ Андреосси, что правила политики Австрійскаго монарха не дозволяютъ ему согласиться на предложеніе Наполеона и принять Силезію, если сія уступка «не будетъ утверждена Пруссіею.» Наполеонъ понялъ, что Силезія можетъ сдѣлаться тѣмъ же для Австріи, чѣмъ прежде былъ Ганноверъ для Пруссіи; онъ согласился на всѣ условія посредничества, и Апрѣля 3-го Австрійскіе послы предложили о томъ Дворамъ С. Петербургскому, Лондонскому и Тюльерійскому.

Судьба ставила тогда Англію въ счастливое положеніе быть рѣшительницею войны и мира. Но Питта не было въ Англіи, и политика Англійскаго министерства являлась мѣлочною и ничтожною. Не смѣли согласиться на предложенія императора Александра, дѣятельнымъ содѣйствіемъ рѣшая участь войны съ Наполеономъ, не умѣли пріобрѣсть и выгоднаго мира искусною дипломатикою, стараясь только пользоваться ничтожными выгодами мѣлкихъ разсче-

товъ. Жалкая мысль принята была въ основаніе — ограничивать войну непосредственными пользами Англіи, отдѣляя общія соображенія союзниковъ, и во всѣхъ дѣйствіяхъ искать только частныхъ выгодъ Англіи. Такъ, не заботясь о побѣдахъ Наполеона, старались сыскать мѣста для сбыта Англійскихъ товаровъ, и даже предпринимали экспедиціи съ тѣмъ, чтобы жителей покоренныхъ областей сдѣлать данниками Англійской торговли. За Трафалгарскою побѣдою слѣдовали другіе успѣхи, хотя менѣе значительные. Море было въ полномъ обладаніи Англичанъ. Храбрый и предпріимчивый Линуа, съ самаго начала войны бывшій грозою Англичанъ, совершившій два отдаленныя крейсерства, прозванный Англичанами «героемъ морскихъ разбойниковъ» (predatory naval hero), возвращался во Францію, когда встрѣченъ былъ адмираломъ Варреномъ. Не смотря на тройное число непріятелей, онъ сражался отчаянно, но уступилъ числу и былъ взятъ въ плѣнъ. Адміралъ Лаллеманъ счастливо успѣлъ укрыться отъ Англичанъ, захватилъ съ бою Англійскій корабль, и благополучно возвратился съ своею Рошфортскою эскадрою. Въ Декабрѣ 1805 г. Наполеонъ велѣлъ выйдти въ море Брестской эскадрѣ, раздѣлясь на двѣ части. Одна изъ нихъ встрѣтила близъ Гаванны Дукворта, и была уничтожена въ битвѣ, гдѣ погибли пять Французскихъ кораблей съ адмираломъ Лейссегомъ. Другую, предводимую Вилломезомъ, разсѣяло бурею въ Вестъ-Индіи, и тѣмъ спасло отъ гибели, какою

угрожали ей гнавшiеся за нею, Англiйскiе адмиралы Страханъ, Луи и Варренъ. Англiйскiя войска, предводимыя адмираломъ Попгамомъ, заняли въ Ноябрѣ 1805 г. мысъ Доброй Надежды. Въ Ноябрѣ 1806 г. капитанъ Брисбанъ взялъ другую Голландскую колонiю, Курасао. Въ Iюнѣ 1806 г. отправили Попгама занять область де ла-Платскую. Буэносъ-Айресъ былъ взятъ почти безъ бою, и Попгамъ обложилъ Монтевидео. Къ счастью, полковникъ Линьеръ, Французъ въ Испанской службѣ, успѣлъ собрать отрядъ Испанцовъ и отнялъ Буэносъ-Айресъ. Англичане не хотѣли упустить завоеванiя. Экспедицiя, направленная на Хили, обращена была къ ла-Платѣ. Ачмути, съ 7000 войска, взялъ приступомъ Монтевидео, и генералъ Вейтлокъ устремился на Буэносъ-Айресъ. Линьеръ торжествовалъ снова, принудивъ Англичанъ очистить ла-Плату. Съ 1805 г. начались несогласiя Англичанъ съ Соединенными Штатами. Споръ произошелъ отъ произвольныхъ изъясненiй Англичанъ о правахъ неутральной торговли. Велѣно было забирать Американскiя суда, не соблюдающiя вновь установленныхъ Англiею правилъ (въ Августѣ 1805 г.). Американскiй конгрессъ отплатилъ запрещенiемъ ввоза въ Америку многихъ Англiйскихъ товаровъ (въ Апрѣлѣ 1806 г.). Начали переговоры. Новыя оскорбленiя Англичанъ прервали ихъ. Требовали, чтобы Американцы не соглашались подтверждать Берлинскаго декрета Наполеона о континентальной системѣ, и не дозволяли Англiйскимъ матросамъ служить на

Американскихъ корабляхъ. Американскій фрегатъ Чезапикъ (въ Іюнѣ 1807 г.) былъ захваченъ и отведенъ въ Англію, потому что на немъ нашлось нѣсколько Англійскихъ матросовъ; ихъ судили, какъ дезертеровъ, и одного повѣсили. Президентъ Джефферсонъ приказалъ немедленно всѣмъ Англійскимъ кораблямъ оставить Американскіе порты (въ Іюлѣ 1807 г.), а конгрессъ запретилъ всякую торговлю Американцамъ въ Англійскихъ портахъ (въ Декабрѣ 1807 г.). Послѣ неудачнаго предпріятія въ Калабрію, Англичане не переставали посылать туда свои отряды и возмущать жителей, но дѣла шли безуспѣшно. Въ 1807 г. въ Неаполѣ составился заговоръ. По условію съ заговорщиками, принцъ Гессенъ-Филипстальскій переправился въ Калабрію съ 6000, но былъ разбитъ Мая 28-го, при Милато, генераломъ Ренье, и едва могъ воротиться въ Сицилію. Французы завладѣли, въ Февралѣ 1808 г., двумя послѣдними мѣстами, гдѣ дотолѣ держались Сицилійцы, крѣпостями Реджіо и Сциллою. Мы видѣли поступки Арбутнота и Дукворта въ Царьградѣ. Послѣ неудавшагося покушенія на столицу Султанскую, Англійская эскадра изъ Сициліи явилась близъ береговъ Египта, съ 5000-ми войска, подъ начальствомъ генерала Маккензи. Марта 15-го заняли Англичане Абукиръ и вступили въ Александрію. Черезъ нѣсколько дней пришелъ туда Дуквортъ отъ Дарданеллъ. Генералъ Фразеръ отправился къ Розеттѣ, но былъ отбитъ Албанскими войсками Мегемета-Али, уже начинавша-

го тогда свое владычество въ Египтѣ. Также неудачно было вторичное покушеніе на Розетту, генерала Стуарта. Стѣсненные въ Александріи, Англичане принуждены были начать переговоры и очистить Александрію и Абукиръ, безполезно потерявъ болѣе 3000 человѣкъ въ битвахъ, отъ климата и недостатковъ продовольствія (въ Сентябрѣ 1807 г.). Всѣ сіи дѣла возвѣщаемы были, какъ подвиги Англичанъ, какъ доказательства участія ихъ въ Европейской войнѣ и политикѣ. За битву при Майдѣ въ Калабріи, генералу Стуарту опредѣлено изъявить признательность отечества. Вспоминая Креси, Пуатье и Азинкуръ, «мы видимъ,» восклицали въ Парламентѣ, «видимъ, какъ ложно мнѣніе, будто мы уступаемъ врагамъ нашимъ въ искуствѣ и мужествѣ на сухомъ пути, и что Французы такъ же превосходятъ насъ въ сухопутной войнѣ, какъ мы превосходимъ ихъ на морѣ. Битва при Майдѣ разрушила очарованіе. Она была урокомъ Англіи, Франціи, цѣлому свѣту, урокомъ, показавшимъ сравнительное достоинство войскъ, и вполнѣ подтвердила рѣшительное превосходство мужества Англичанъ.» На Берлинскій декретъ Наполеона Англія отвѣчала повелѣніемъ Королевскаго Совѣта (Января 7-го, 1807 г.), коимъ воспрещалось нейтральнымъ кораблямъ изъ одного Французскаго порта переходить въ другой, Французскій, принадлежащій союзникамъ Франціи, и вообще такой, куда не допускаются Англійскіе корабли. Сіе опредѣленіе, строго исполняемое, было одною изъ причинъ успѣ-

нія раздора съ Соединенными Штатами, и Англичане примѣнили его даже къ Русскимъ кораблямъ. Нѣсколько Русскихъ судовъ было захвачено Англичанами. Жалобы на сей произвольный поступокъ не были уважены, вопреки объявленію Русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, барона Николаи (Ноября 5-го, 1806 г.), что война не прерывала торговыхъ сношеній России съ Франціею.

Такимъ образомъ все участіе Англіи въ войнѣ съ Наполеономъ ограничивалось словами, и мѣлкіе своекорыстные разсчеты вмѣшивались во всѣ предпріятія Англичанъ. Министры откровенно говорили въ Парламентѣ, что неудачныя экспедиціи въ Египетъ и ла-Плату, оправдывались «выгодами, какія могла получить Англійская торговля» при ихъ удачѣ. Переговоры съ Пруссіею начаты были не прежде Октября, и прерваны побѣдами Наполеона. Когда Руские уже сражались съ нимъ въ Польшѣ, только что подписаны были въ Мемелѣ, между барономъ Застровомъ и лордомъ Гутчинсономъ, условія мира Англіи и Пруссіи. Первою статьею было возвращеніе Англіи Ганновера, и къ тому прибавлено было еще оскорбительное условіе, что «Россія поручится за исполненіе сей статьи.» Далѣе говорили только о прекращеніи войны, о возвращеніи захваченныхъ Англичанами Прусскихъ кораблей. Между тѣмъ, немедленно послѣ Іенской битвы, лордъ Говикъ предписалъ Англійскому послу въ С. Петербургѣ, К. Стуарту, всевозможно убѣждать императора Александра

въ необходимости скорѣйшаго движенія Русскихъ войскъ въ Пруссію. Подтверждая сіе предписаніе Ноября 4-го, велѣно изъявить сожалѣніе о несвоевременномъ началѣ войны Пруссіею, когда союзы державъ не были еще утверждены, и увѣрить, что не смотря на то, Англія рѣшительно намѣрена противопоставить силу всѣмъ требованіямъ непріятеля, предосудительнымъ чести Англіи и противнымъ выгодѣ Европейскихъ государствъ, а при умножающейся опасности усилятся всевозможныя пособія Англіи для общаго блага. Желая имѣть доказательства столь громкихъ обѣщаній на дѣлѣ, императоръ Александръ предложилъ утвердить ручательствомъ Англійскаго правительства заемъ для Россіи шести милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, на 20 лѣтъ, съ платою 5 процентовъ, и съ выдачею въ счетъ его немедленно милліона ф. ст. Отвѣтомъ былъ отказъ. «Невозможно Британскому Правительству,» писалъ лордъ Говикъ (Января 13-го 1807 г.), «ручаться въ столь огромной суммѣ, проценты коей, съ надлежащимъ капиталомъ погашенія, въ случаѣ, если сумму сію придется платить Англіи, составили бы полмилліона ф. ст. ежегодно. Примѣры Австрійскихъ займовъ не оставляютъ сомнѣнія, что заемъ, обезпеченный такимъ образомъ, должно считать субсидіями. Парламентъ не иначе будетъ разсматривать его, если ему о томъ предложатъ. Надобно согласиться, что у Россіи средствъ платежа болѣе, нежели у Австріи, и что при исправности, съ какою Россія платитъ свои

прежніе займы, кредитъ ея прочнѣе, но должно различать заемъ, учиненный черезъ частныхъ людей и черезъ Правительство. Требуемое ручательство Англійскаго Правительства ставитъ предлагаемый Россіею заемъ въ числю вторыхъ. При первыхъ надежда занимать впредь зависитъ отъ добросовѣстности, съ какою платятъ прежніе долги. Но при долгахъ втораго разряда всегда должно опасаться, что въ случаѣ охлажденія дружбы между правительствами, и еще болѣе, если послѣдуетъ разрывъ, желаніе причинить зло непріятелю, конечно, превзойдетъ *всякую другую обязанность, исполненіе коей предписываетъ совѣсть.*» Отвѣтъ столь наглый, сопровождался новымъ оскорбленіемъ. Министерство Англійское предложило обезпечить заемъ Россіи передачею кредиторамъ пошлинъ, взимаемыхъ въ Россіи съ Англійскихъ товаровъ. «Чѣмъ скорѣе захочетъ Россія выплатить свой долгъ, тѣмъ болѣе будетъ брать нашихъ товаровъ, споспѣшествуя благосостоянію Англійской торговли и промышленности.» И въ заключеніе сего предложенія министръ не постыдился писать Англійскому послу въ Петербургѣ: «Старайтесь между тѣмъ снова увѣрить императора Александра въ искреннемъ желаніи нашемъ всѣми силами подкрѣплять союзника, съ выгодами коего связаны выгоды Англіи въ войнѣ и мирѣ. Но нельзя предположить, чтобы имперія, столь обширная и столь могущественная, какъ Россія, не нашла у себя достаточныхъ средствъ для своей защиты. Если она признается, что средствъ у

нея нѣтъ, то немного остается намъ надежды на успѣхъ войны, тяжесть коей упадетъ въ такомъ случаѣ на Англію. Когда на Россію нападутъ въ ея предѣлахъ, и она явится главнымъ лицомъ въ войнѣ, мы готовы будемъ сдѣлать все, чего въ подобномъ положеніи имѣютъ права ожидать отъ насъ, все, чего потребуетъ общая выгода. Англія должна предвидѣть, что при успѣхахъ, а особливо при ненависти Наполеона, борьба будетъ продолжительна, и нашъ долгъ сберегать сколько возможно пособія, представляемыя намъ средствами и усердіемъ нашего народа.» Императоръ Александръ желалъ по крайней мѣрѣ знать: *какое* же именно участіе приметъ въ войнѣ Англія? Онъ предлагалъ сдѣлать высадку въ Голландію. «Могу сказать только въ общихъ выраженіяхъ,» отвѣчалъ лордъ Говикъ Русскому повѣренному (Декабря 4-го, 1806 г.), «что въ настоящее время нельзя еще говорить о какомъ либо особенномъ военномъ предпріятіи. Мы увѣрены, подобно вамъ, что возрастающая опасность требуетъ соединенныхъ усилій, и при участіи, какое всѣ должны принять въ общемъ дѣлѣ, надлежитъ соблюдать полную и совершенную довѣренность.» На повторенныя требованія рѣшительнаго отвѣта, уже 20-го Февраля 1807 г., Говикъ отвѣчалъ, что «во всякомъ благопріятномъ случаѣ, какой только представится, Англія употребитъ всѣ свои силы нанесть возможный вредъ непріятелю, на такомъ мѣстѣ, которое явится наиболѣе удобнымъ.» Между тѣмъ Англія всячески старалась убѣдить им-

ператора Александра на продолженіе торговаго трактата 1797 г., коему истекалъ тогда срокъ. Рѣшились воспользоваться требованіемъ Англіи, и предложили, что трактатъ будетъ цѣною союза и пособія Англіи. Марта 10-го лордъ Говикъ отвѣчалъ, что «находитъ такое требованіе оскорбительнымъ для Англіи, и могущимъ поколебать доброе согласіе между государствами. И безъ того,» говорилъ онъ, «Англія приметъ участіе въ войнѣ, хотя предувѣдомляетъ, что ея участіе, по необходимости, должно быть весьма ограничено.»

Не такъ думалъ и поступалъ великодушный императоръ Александръ. Марта 28-го оставилъ онъ свою столицу, и Апрѣля 2-го былъ въ Мемелѣ, гдѣ искренно утѣшалъ своего печальнаго союзника, Монарха Пруссіи. Апрѣля 17-го явился онъ въ главной квартирѣ союзныхъ армій. Апрѣля 26-го новымъ договоромъ, въ Бартенштейнѣ, укрѣпленъ былъ союзъ Россіи съ Пруссіею, по трактату, который подписали Гарденбергъ и Будбергъ. Никакія бѣдствія не колебали однажды утвержденныхъ предположеній Александра. Въ основаніе поставлены прежніе договоры. Такъ положено было, что Россія и Пруссія воюютъ, дабы «возвратить человѣчеству благодѣяніе мира всеобщаго и прочнаго, основаннаго на утвержденіи владѣній каждому государству при ручательствѣ всѣхъ. Такова цѣль, и другой нѣтъ,» говорили Монархи Россіи и Пруссіи. «Мы сражаемся не для униженія Франціи, не думаемъ вмѣшиваться въ образъ ея вну-

треннаго правленія, но не можемъ видѣть спокойно безпрерывно возрастающаго увеличенія ея на счетъ другихъ, грозящаго разрушеніемъ, при уничтоженіи всякаго равновѣсія. Имѣемъ въ виду не завоеванія, но общее благо, спокойствіе и безопасность каждаго. Сей цѣли можно достигнуть только отношеніями, опредѣляемыми взаимностью, справедливостью и умѣренностью. Въ слѣдствіе сего необходимо довести Французское Правительство, всѣми приличными средствами, до обращенія въ справедливыя границы и сохраненія ихъ, необходимо обезпечить независимость другихъ, поставя ихъ и подкрѣпляя въ такомъ состояніи силы, которое содѣлало бы ихъ способными поддержать себя, по возможности вознаграждая понесшихъ потери.» Положено было, что никто изъ союзниковъ не воюетъ для частныхъ видовъ, и что всѣ завоеванія должны быть разсмотрѣны при заключеніи общаго мира. Признавая невозможность *возстановленія вполнѣ прежняго порядка дѣлъ*, союзники изъясняли общность своихъ видовъ въ будущемъ. «Безкорыстіе, уваженіе собственности и умѣренность будутъ нашими правилами во всѣхъ условіяхъ и въ статьяхъ мира. Мы подчинимъ ихъ только совершенной необходимости воздвигнуть такое зданіе, которое не могло бъ быть потрясено и сокрушиться при первомъ покушеніи, какое сдѣлаютъ для его низпроверженія. Мы подчинимся также справедливости, требующей вознаградить, по крайней мѣрѣ сколько возможно, тѣхъ, кто лишенъ ихъ владѣній. Измѣненія въ настоя-

щемъ состояніи дѣлъ, необходимыя для того, будутъ учинены уступками и обмѣнами, коихъ потребуютъ отъ непріятеля и его союзниковъ, или размѣнами добровольными (de gré à gré).» Подробности сихъ общихъ выводовъ состояли въ слѣдующемъ: Пруссіи возвратить все потерянное ею съ 1805 г., и обезпечить ее болѣе прочною военною границею. Упрочить независимость Германіи устраненіемъ Рейна отъ власти Франціи и выводомъ Французскихъ войскъ изъ Германіи. «Хотѣть для того возстановить прежнюю конституцію Германскую было бы заблужденіе опасное, ибо, всегда слабая для сопротивленія малѣйшему удару, она неминуемо упала бы вновь. Должно создать въ Германіи новый конституціонный союзъ, упрочивъ его хорошею военною границею и линіею защиты въ параллель съ Рейномъ. Обо всемъ должно условиться съ Австріею, и окончательно удаляя всѣ поводы къ зависти между Австріею и Пруссіею, уставить союзъ искренній и постоянный, согласиться сообразно выгодамъ обоихъ государствъ въ основаніяхъ, коими сіи двѣ главныя Германскія державы должны участвовать, каждая въ своихъ предѣлахъ, въ направленіи Союза Германскаго къ общей защитѣ. (*) Должно придать силу Австріи, въ союзѣ коей нельзя сомнѣваться, когда при томъ невозможно достигнуть

(*) Любопытно, что окончаніе сей статьи договора осталось донынѣ неизвѣстно Исторіи. Le reste de cet article, говоритъ Шелль, ne peut pas encore être publié.

вполнѣ цѣли его безъ пособія Австріи. Въ такомъ случаѣ Россія и Пруссія настоятъ на возвращеніе Австріи Тироля и границы по Минчіо, соглашаясь отдѣльно и на собственныя ея, какія она предложитъ, требованія. Приглашается къ союзу Англія, для пособія субсидіями, оружіемъ, запасами и дѣйствіями въ тылу неприятеля, за что обѣщать ей прибавку къ владѣніямъ ея въ Германіи, при постоянномъ союзѣ Пруссіи. Равномѣрно приглашаются Швеція и Данія, съ уваженіемъ выгодъ ихъ въ случаѣ успѣха. Если невозможно будетъ возстановить штатгалтерства Оранскаго Дома въ Нидерландахъ, ему опредѣлить вознагражденіе. Объ участи Италіи потребуется мнѣніе Австріи и Англіи, кромѣ непремѣннаго условія вознаградить Сардинію и Неаполь, и если будетъ возможно, отдѣлить Итальянское королевство отъ Франціи. Оттоманской Портѣ утвердить цѣлость ея нынѣшнихъ владѣній. Если, противъ всякаго чаянія, Австрія и Англія откажутся отъ союза, не надѣясь тогда достигнуть, къ величайшему прискорбію, цѣли его вполнѣ, Россія и Пруссія предоставляютъ себѣ согласиться между собою, и съ Швеціею, въ мѣрахъ, какія должно будетъ принять, смотря по обстоятельствамъ, для своей собственной безопасности.» Договоръ заключался условіемъ не оканчивать войны и не заключать мира отдѣльно, а для управленія военными дѣйствіями учредить военный совѣтъ изъ Прусскихъ и Русскихъ опытныхъ чиновниковъ и генераловъ.

*

Можно было полагать, что при такомъ положительномъ и твердомъ рѣшеніи, посредничество Австріи о мирѣ и предложеніе неопредѣленнаго конгресса будутъ безуспѣшны. Императоръ Александръ отвѣчалъ первый (Апрѣля 16-го), что готовъ приступить къ переговорамъ, если будетъ знать положительно условія, какія предложитъ для того Французское Правительство. Отвѣтъ Прусскаго Короля Австріи былъ сопровождаемъ присылкою Бартенштейнскаго договора, и предложеніемъ Австріи, вмѣсто безполезныхъ переговоровъ, вступить въ союзъ съ Пруссіею и Россіею, къ коему приглашаются Англія и Швеція. «Всѣ были согласны,» писалъ Прусскій Король, «въ причинахъ, побуждавшихъ Пруссію начать войну съ державою, возмущающею общее спокойствіе, и чрезмѣрнымъ честолюбіемъ угрожающею независимости Европы, и особенно Германіи. Цѣлью Пруссіи было положить предѣлы честолюбію Франціи, и если цѣль сія была справедлива тогда, не такова ли она и нынѣ? Сильный своею рѣшительностію и могущественнымъ пособіемъ императора Александра, Король Прусскій, далекій отъ робости, при всѣхъ постигшихъ его бѣдствіяхъ, настаиваетъ на основанія, какія побудили его охранять святое дѣло свободы Европейской. Императоръ Россійскій раздѣляетъ чувства Прусскаго Короля, и слѣдствіемъ сего былъ договоръ, установляющій цѣль войны и основанія мира. Убѣжденные, что императоръ Францъ, оцѣнивъ чистоту намѣреній Пруссіи и Россіи, и опасность честолюбія

Бонапарте, не поколеблется въ выборѣ союза, императоръ Александръ и Король Прусскій полагають, что благородная цѣль, какую предполагаетъ Австрія при своемъ посредничествѣ, скорѣе и лучше достигнется согласіемъ ея на союзъ съ ними, въ коемъ найдетъ она ручательство за возстановленіе порядка, поддержаніе всеобщей независимости, и даже, соображая свои частныя, истинныя выгоды, увидитъ ручательство разсчетовъ, какіе послѣдуютъ для нея изъ общихъ условій союза. Пруссія и Россія сознаются, что успѣхъ союза зависитъ отъ рѣшенія Австріи, и потому особенно желаютъ они согласія императора Франца, совершенно соглашаясь на всѣ требованія его въ частныхъ условіяхъ, которыми побудится онъ на союзъ. Важность настоящаго перелома требуетъ, чтобы окончательное рѣшеніе Австріи было извѣстно и опредѣлено, и въ слѣдствіе сего потребно объявленіе скорое и окончательное.» Еще сильнѣе выражался Прусскій посолъ въ Вѣнѣ, графъ Финкенштейнъ, нотою своею графу Стадіону. «Бѣдствія Пресбургскаго трактата были такъ велики,» говорилъ онъ, «что Австріи необходимо должно исправить ихъ и стараться залечить свои тяжкія раны. Потеря Тироля столь важна, что Австрія должна пользоваться первымъ случаемъ отнять его у Баваріи, возбуждая храбрость его вѣрныхъ обитателей. Наполеонъ доставилъ довольно справедливыхъ поводовъ нарушить трактатъ, имъ самимъ нарушаемый. Не занимаетъ ли онъ донынѣ область, которую долженъ былъ очистить? Не

удерживаетъ ли онъ Браунау, дающее ему средства владѣть переправою черезъ Иннъ? Какъ возможно мудрому монарху Австріи, для блага подданныхъ не воспользоваться случаемъ войны противъ его сильнаго, угнѣтающаго врага? Честь вѣнца, счастіе подданныхъ, невозможность сохраненія мира принудили Короля Прусскаго одного начать войну опасную, но грозная армія Русская и великодушіе Англіи дѣлаютъ нынѣ борьбу менѣе страшною. Несогласія, раздѣлявшія насъ послѣ завоеванія Силезіи, споры о границахъ въ Польшѣ, притязаніе на вознагражденія, нынѣ уже не существуютъ. Разрушеніе Германской конституціи уничтожило обычай дѣлиться на партіи по духу сектъ, по желанію владычества. Поводы къ зависти, подозрѣніямъ, взаимной недовѣрчивости, нынѣ исчезли. Мѣсто ихъ заступила двоякая и сильная выгода соединиться противъ *неистоваго* (effrénée) честолюбія Императора Франціи и возмутительной жадности членовъ Рейнскаго Союза. Возвысившійся на развалинахъ Императорскаго трона, обогащенный добычею, захваченною у Австріи и союзниковъ Пруссіи, порабощенный страхомъ справедливаго возмездія власти того, кто ищетъ все себѣ подчинить, Рейнскій Союзъ содѣлался нынѣ орудіемъ разрушенія въ рукахъ Наполеона, и необходимо требуетъ, чтобы двѣ державы Германскія, еще не подвергнувшіяся его игу, соединили силы свои противъ общей имъ опасности.»

Отвѣтъ Наполеона Австріи (Апрѣля 19-го) состоялъ въ увѣреніи, что онъ согласенъ на конгрессъ,

«если Англія, государство, устроившее систему своего возвышенія на несогласіяхъ государствъ материка Европы, не постарается посредствомъ конгресса усилить причины къ новымъ несогласіямъ.» Англія отвѣчала (Апрѣля 15-го), что готова приступить къ конгрессу, если на то согласны будутъ всѣ ея союзники, почему ей предварительно надобно узнать ихъ мнѣніе. Такъ разрушилось посредничество Австріи. Для успокоенія дипломатической совѣсти Австрійскихъ министровъ довольно было, что Австрія *предлагала* миръ и всѣ его *отвергли*. Сіе мнѣніе было передано всѣмъ участникамъ борьбы, и въ счастливомъ бездѣйствіи Австрійскіе министры продолжали съ Наполеономъ тайные переговоры о Силезіи, увѣряли Россію и Пруссію въ готовности ихъ сражаться съ Наполеономъ, готовили войско и считали разсчетъ медленія самымъ вѣрнымъ. Черезъ два года Австрія искренно высказала противное мнѣніе, но было поздно возвращать прошедшее. «Возможно ли было,» говорило тогда Австрійское министерство, «чтобы мы равнодушно смотрѣли на ходъ, успѣхи и слѣдствія войны Наполеона съ Пруссіею и Россіею? Бѣдствіе, поразившее Пруссію, было велико само по себѣ и глубоко трогало Австрію, но слѣдствія его касались притомъ столь близко и столь прямо собственныхъ выгодъ Австріи, что живѣйшее безпокойство ея было вполнѣ оправдываемо. Во всякомъ другомъ убѣжденіи, причины столь сильныя и справедливыя обязывали ее вступить въ борьбу, но соображе-

нія, важности коихъ ничто не могло уравновѣсить, увлекли ее къ системѣ противной. Упорная въ сей системѣ, уже заставившей Австрію жертвовать выгодами и преимуществами собственныхъ великихъ пользъ, она отказалась отъ высшаго всѣхъ другихъ наслажденія, какое нашла бы, употребляя свои средства для возстановленія сосѣдей, или облегченія ихъ бѣдствій. Но,» прибавляло Австрійское министерство, «постоянно чуждые всякой двусмысленной, или измѣнической политики, мы не позволили себѣ ни ложнаго неутралитета, ни исполненія его въ половину, и строгая добросовѣстность наша принудила даже самого императора Наполеона воздать намъ справедливость.» Затруднительный вопросъ составило бы, еслибы потребовалось доказать, *когда* воздана была Наполеономъ сія справедливость *безкорыстной* политикѣ тогдашнихъ Австрійскихъ министровъ?

Казалось однакожь, что политика Англіи вскорѣ должна была измѣниться. Напрасно по открытіи Парламентовъ (Декабря 19-го 1806) министры думали оправдаться въ допущеніи Наполеона уничтожить Пруссію, и въ мѣлкой, своекорыстной политикѣ. Противъ нихъ возстали голосъ народа и кликъ оппозиціи, и первый случай послужилъ предлогомъ къ ихъ низверженію. Предложенъ былъ билль, по коему всѣ подданные Великобританіи могли служить въ арміи и флотѣ, не давая церковной присяги и не смотря на различіе религій. Духовенство возстало и билль былъ удаленъ, съ обязательствомъ министровъ и

«впредь не представлять его.» Министры отвѣчали, что такое обязательство противно совѣсти ихъ и кореннымъ основаніямъ Англійской конституціи, по коей «Англійскій министръ долженъ предлагать королю все, что находитъ выгоднымъ для Англіи.» Ихъ не хотѣли слушать. Они просили увольненія, и Марта 25-го были уволены. Образовалось новое министерство Персеваля, Каннинга, Кастлерига, Камбдена, Мюльграва, Гавкесбюри, Портланда, Вестмореланда, Эльдона и Мельвиля-Дундаса. Друзья и послѣдователи системы Питта, они положили въ основаніе войну съ Наполеономъ, доколѣ Наполеонъ будетъ государемъ Франціи. Къ несчастію, при твердомъ рѣшеніи, у нихъ недоставало ни генія, ни дѣятельности Питта. Запутанные вопросы Англійской конституціи вовлекли ихъ въ споры съ оппозиціею. Принуждены были употребить сильныя мѣры, отсрочивъ засѣданія Парламента, и наконецъ объявляя распущеніе его (Апрѣля 27-го). Неумолимое время не ждало ихъ, хотя, отвергнувъ посредничество Австріи о мирѣ, новые министры немедленно обратились къ ней съ требованіемъ войны, обѣщали давать субсидіи, готовили флотъ и войско. Не прежде 27-го Іюня (въ Лондонѣ между Каннингомъ и барономъ Якоби Клейстомъ) заключенъ былъ трактатъ Англіи съ Пруссіею, коимъ Англія приступила къ Бартенштейнскому договору, и обязалась выдать немедленно милльонъ ф. с. субсидій. О дальнѣйшихъ пособіяхъ хотѣли еще *говорить,* а — *онъ* дѣйствовалъ словомъ и мечемъ!

Проводя переговорами и обѣщаніями Австрію, пользуясь медленною политикою Англіи, Наполеонъ истощалъ всѣ средства хитрой дипломатики, подкрѣпляемой грозою побѣдъ его. Предложенія о мирѣ сдѣланы были имъ Пруссіи. Король Прусскій не отвергъ ихъ, и прислалъ къ Наполеону ген. Клейста съ отвѣтомъ. Стараясь продлить время, Наполеонъ отправилъ генерала Бертрана въ Русскій лагерь, съ письмомъ къ Прусскому Королю. Велѣно было мимоходомъ замолвить слово Беннигсену о возможности мира. Строго исполняя приказъ императора Александра, Беннигсенъ отвѣчалъ, что «присланъ сражаться, а не переговаривать.» Не знаемъ перваго письма Наполеонова и отвѣта Прусскаго Короля, но вотъ что писалъ *кроткій* Наполеонъ съ Бертраномъ, отъ 26-го Февраля: «Вѣрьте, В. В., что искренно желаю я положить предѣлъ вашимъ бѣдствіямъ, и возстановить Прусское государство, необходимое для спокойствія Европы. Охотно желаю также мира съ Россіею, и если только Русское правительство не хочетъ вреда Турціи, намъ легко согласиться. Миръ съ Англіею не менѣе необходимъ для всѣхъ, и я готовъ прислать въ Мемель моего министра, если учредится конгрессъ для переговоровъ Франціи, Англіи, Россіи, Пруссіи и Турціи. Но опытъ временъ долженъ показать В. В., что такой конгрессъ можетъ продолжаться годы. Вестфальскій, помнится, тянулся восмнадцать лѣтъ. Продолжительное время, потребное разсмотрѣть, взвѣсить и установить взаимныя пользы

договаривающихся державъ, и неопредѣленное состояніе дѣлъ, отъ того происходящее, несообразны съ настоящимъ положеніемъ Пруссіи. Полагаю въ слѣдствіе сего, что В. В. примете болѣе простое и скорѣйшее рѣшеніе, необходимое для благоденствія вашихъ подданныхъ. Во всякомъ случаѣ, прошу васъ быть увѣреннымъ, что искренно готовъ я возобновить наши прежнія отношенія, и согласенъ мириться съ Англіею и Россіею, если онѣ дѣйствительно того желаютъ. Я *ужасался бы самого себя, еслибы я былъ причиною столькихъ кровопролитій*, но *что могу я сдѣлать при всемъ моемъ желаніи мира?*»

Переговоры продолжались и послѣ сего, и если императоръ Александръ принималъ въ нихъ участіе, не слѣды ли невольнаго оскорбленія императора Александра поступками Австріи видимъ въ томъ, что предполагали учредить конгрессъ въ Копенгагенѣ, гдѣ будутъ участвовать только сражающіяся между собою державы? Съ обѣихъ сторонъ требовали изъясненія предварительныхъ условій мира. Наполеонъ отвѣчалъ, что основаніемъ ихъ должны быть взаимность и равенство, и хотѣлъ, чтобы къ конгрессу допущена была Турція. Переговоры шли даже послѣ Бартенштейнской конвенціи, какъ свидѣтельствуетъ письмо Наполеона Королю Прусскому отъ 29-го Апрѣля. «Вы желаете мира всеобщаго, честнаго, твердаго,» писалъ онъ, «но какъ быть ему *всеобщимъ*, если многія державы не приглашаются при договорахъ къ защитѣ своихъ пользъ? Какъ быть ему *честнымъ*, если

онъ разрушитъ самыя святыя обязательства, раздѣлитъ союзы съ одной стороны, укрѣпляя ихъ съ другой? Какъ быть ему *прочнымъ,* если бытіе, независимость и отношенія многихъ государствъ не утвердятся приличнымъ образомъ? Всякое ручательство, чье бы оно ни было, не упрочитъ спокойствія, ибо его должно основать на сущности условій и взаимности пользъ. Необходимо дать миръ Турціи, Испаніи и другимъ союзникамъ Франціи. Не поколеблюсь сказать, что союзъ Россіи съ Англіею всегда казался мнѣ противнымъ ея истинной политикѣ. Почему отказываютъ мнѣ послѣ сего въ союзѣ съ Турціею? Если вы убѣдитесь въ словахъ моихъ, и допустите къ конгрессу всѣ воюющія державы, вы удалите единственное препятствіе къ его открытію, окончивъ тѣмъ войну, и возстановивъ миръ и согласіе, столь необходимыя всѣмъ народамъ.»

Особенное опасеніе Наполеона возбуждала тогда Швеція, не потому чтобы онъ боялся силъ Густава Адольфа, но ему опасно было предположеніе союзниковъ подкрѣпить Шведовъ Англійскими и Прусскими войсками, и дѣйствовать въ тылу на его сообщенія. Шведская Померанія могла сдѣлаться мѣстомъ военныхъ дѣйствій Англичанъ. Мы видѣли, что при занятіи Ганновера Шведскій отрядъ ушелъ изъ Лауенбурга, и былъ отчасти захваченъ въ Любекѣ. Мортье вступилъ послѣ того въ Померанію Прусскую и Шведскую, занялъ Волгинъ, Волгастъ, Грейфсвалдъ, Гриммепъ, и обложилъ Стральзундъ, гдѣ Гу-

ставъ Адольфъ оставилъ коммендантомъ генерала Армфельда, успѣвши собрать тамъ до 12,000 Шведскихъ войскъ и нѣсколько тысячь Померанской милиціи. Мортье бомбардировалъ Стральзундъ; Шведы упорно защищались; часть города была выжжена. Наполеонъ показалъ притомъ кротость необыкновенную. Велѣно было обходиться съ жителями Шведской Помераніи, какъ съ обитателями занятой Французскими войсками дружественной области. Въ бюллетеняхъ представляли безполезность войны Швеціи съ Франціею, и Мортье предложилъ Армфельду перемиріе. Его отвергли. Въ началѣ Марта Мортье удалился, оставя подъ Стральзундомъ только для наблюденія отрядъ Гранжана. Эссенъ, новый коммендантъ, присланный изъ Швеціи съ войскомъ, рѣшился воспользоваться слабостью силъ Французскихъ, вышелъ изъ Стральзунда, и принудилъ Гранжана очистить Померанію. Мортье поспѣшилъ отъ Колберга, съ 12,000-ми, разбилъ Шведовъ при Беллинѣ, преслѣдовалъ ихъ упорно, и въ новой битвѣ, гдѣ ранили Армфельда, заставилъ перейдти за рѣку Пеену. Оскорбленный въ то время несогласіемъ Англіи на помощь, Густавъ Адольфъ прислалъ повелѣніе мириться. Перемиріе заключено въ Шлатковѣ, Апрѣля 18-го. Шведы отдали Французамъ островъ Узедомъ и Воллинъ, ключи устья Одера, обязались не подавать помощи союзникамъ, не принимать ни чьихъ войскъ, ни въ Стральзундъ, ни на островъ Рюгенъ. Наполеонъ прибавилъ, что «о разрывѣ перемирія должно

извѣстить за мѣсяцъ до начала военныхъ дѣйствій.» Мортье удалился послѣ сего къ Колбергу, и Брюнъ отрядомъ своего корпуса наблюдалъ Шведовъ. Густавъ Адольфъ, Марта 8-го умолявшій Короля Прусскаго прислать ему войска, былъ въ отчаяніи, услышавъ о внезапной перемѣнѣ Англійскаго министерства, когда Шлатковское перемиріе было уже заключено. Мѣсячный срокъ для открытія военныхъ дѣйствій связывалъ всѣ его предположенія. Онъ спѣшилъ заключить конвенцію съ Пруссіею (Апрѣля 21-го), коею Пруссія обязывалась прислать въ Рюгенъ 5000 войска. Король Шведскій принималъ надъ ними начальство. Онъ прибылъ на Рюгенъ Мая 12-го. Съ нимъ были Французскіе эмигранты, и воинскій жаръ его умножился, когда Іюня 17-го Каннингъ заключилъ въ посломъ его, Регаузеномъ, договоръ о немедленной присылкѣ 20,000 Англійскаго войска въ Стральзундъ, и когда Іюня 23-го подписана была конвенція о платежѣ Англіею Швеціи субсидій, по 12 ф. ст. 12 шилл. на каждаго солдата, съ выдачею третьей части сихъ субсидій на вооруженіе и припасы для войска. Густавъ Адольфъ обѣщалъ выставить 16,000 Шведовъ. Такимъ образомъ, съ Англичанами и Пруссаками, онъ могъ имѣть слишкомъ 40,000, и надѣялся уничтожить *хищника Бонапарте*, не рѣшаясь только въ одномъ: куда обратиться — отнять ли сначала Берлинъ, освободить ли сперва Колбергъ отъ осады? Пруссаки явились къ нему подъ предводительствомъ старика Блюхера, и присутствіе неукро-

тимаго рубаки усилило предпріимчивость Шведскаго героя. Вмѣстѣ съ Блюхеромъ, они мечтали уже не только о побѣдахъ, но о низверженіи Наполеона и возведеніи на мѣсто его Бурбоновъ. «Безъ сего условія,» писалъ Густавъ Адольфъ Прусскому Королю, отъ 12-го Іюня, «невозможно говорить о возстановленіи законнаго порядка въ Европѣ. Мы должны объявить себя защитниками правъ Бурбоновъ, никогда не теряя изъ вида коренныхъ основаній, на коихъ утверждается бытіе всѣхъ государствъ.» Наконецъ явилась часть Англійскихъ войскъ, предводимая лордомъ Каткартомъ. Нетерпѣливый воитель Шведскій не хотѣлъ дожидаться мѣсячнаго срока на объявленіе войны, и послалъ сказать Брюну, что не утверждая сего срока, произвольно положеннаго Бонапартомъ, черезъ десять дней хочетъ онъ начать военныя дѣйствія. Напрасно убѣждалъ его Брюнъ не спѣшить. Густавъ Адольфъ непремѣнно хотѣлъ воевать. Объявленіе войны учинено было Іюля 3-го — оно *опоздало*, какъ опоздали рѣшеніемъ Персеваль и Каннингъ.

Довольный тѣмъ, что связалъ на время свободу дѣйствій Швеціи перемиріемъ, въ то же время когда запутывалъ узлы политики, дѣятельно готовилъ Наполеонъ силы и средства разсѣчь ихъ мечемъ. Новые союзники умножили его Рейнскій Союзъ: договорами Апрѣля 18-го, приступили къ Союзу *Герцоги Ангальтскіе* (Дессаускій, Бернбургскій, Кетенскій), *Шварцбургскіе* (Рудольштадтскій и Зондерсгаузенскій),

князья *Валдекскій, Липпскіе* (Детмольдскій и Шаумбургскій) и *Рейсскіе* (Грецскій и Шлейцскій); участіе ихъ войсками образовало отрядъ изъ 2950 человѣкъ, немедленно поступившій въ ряды Наполеоновы. Польскіе полки составляли уже 20,000, раздѣленныхъ на двѣ дивизіи, Домбровскаго и Зайончека. Кромѣ того составлены были легкоконные полки, Сулковскаго и Гвардейскій. И когда клики воинскіе собирали войска на берегахъ Вислы и Одера, солдаты Итальянскіе поспѣшали съ береговъ По и Адижа въ Германію. Оставляя только Сенъ-Сира охранять Неаполь, Наполеонъ вызвалъ изъ Италіи Массену, и всѣ остальныя войска, дивизію Итальянцовъ и дивизіи Буде и Молитора. Страхъ имени Наполеонова, вмѣсто угроженія Франціи Испанскими ополченіями, обратилъ ихъ въ пользу его. Едва получено было въ Мадритѣ извѣстіе о побѣдѣ Іенской, въ Берлинъ явился посолъ Карла IV-го поздравлять побѣдителя, и извѣстить его о *клеветѣ*, которая представляла вооруженіе Испаніи знакомъ непріязни противъ Французскаго Императора. Наполеонъ *добродушно повѣрилъ*, и черезъ ловкій оборотъ перевернулъ сознаніе Испанцовъ вовсе неожиданнымъ образомъ: въ силу Ильдефонскаго трактата потребовалъ онъ корпуса войскъ Испанскихъ. Спорить не смѣли, и въ Мартѣ мѣсяцѣ 1807 г. увидѣли на Рейнѣ давно невиданные въ Германіи полки Испанцовъ. Подъ предводительствомъ маркиза Ла-Романа, они состояли изъ 16,000. Замѣчательно, что Князь Мира предлагалъ Наполеону

назначить начальникомъ Испанцовъ Кастаньоса, или О-Фарилля. Онъ отвѣчалъ, что ему все равно. Если-бы онъ предвидѣлъ, какой вредъ нанесутъ ему черезъ годъ Кастаньосъ и Ла-Романа! Марта 10-го отправлено Сенату повелѣніе о наборѣ 80,000 конскриптовъ за 1808-й годъ. Повелѣніе сопровождалось строгимъ приказомъ, сколько возможно поспѣшать ихъ вооруженіемъ. Они должны были составить пять внутреннихъ легіоновъ, а генераламъ, бывшимъ въ числѣ сенаторовъ, поручено устройство и вооруженіе конскриптовъ, «да покажутъ они имъ, что повиновеніе и терпѣніе въ тягостяхъ и трудахъ войны суть ручательства побѣды, и да научатъ они ихъ всемъ жертвовать славѣ престола и счастію отечества.» — «Все вооружается окрестъ насъ,» говорилъ Наполеонъ. «Англія набираетъ 200,000 войска, другія державы не менѣе. Сколь ни грозны, ни многочисленны наши арміи, новыя ополченія необходимы. Пусть видя тройной рядъ армій, подобный тройному ряду крѣпостей, непріятели лишатся всякой надежды на успѣхъ, оробѣютъ, и безсильные вредить намъ, увлекутся къ справедливости и разуму.» Исчисляя свои побѣды и трофеи, «ни что не удержало насъ,» говорилъ Наполеонъ — «пески Пруссіи, пустыни Польши, дожди осенніе, стужи зимнія не охладили рвенія нашего побѣдами достигнуть мира. И нынѣ мы требуемъ новыхъ средствъ не продолжать войну, нѣтъ — политика наша неизмѣнна. Мы предлагали миръ Англіи и предлагаемъ его. Мы готовы мириться съ

Россіею на прежнихъ условіяхъ, которыя разрушены были интригами и вліяніемъ Англіи. Мы готовы отдать Пруссіи ея земли и столицу. Но если такая умѣренность не побѣждаетъ ослѣпленія страстей, намъ остается скорбѣть о бѣдствіяхъ войны, и отбросить позоръ и осужденіе за нихъ на Англію, питающую свое властолюбіе кровью Европы.» Войска изъ Италіи, Испанцы и Голландцы образовали отдѣльный 50-ти тысячный корпусъ на Эльбѣ. Напоминая Брюну его побѣды въ Голландіи, въ 1799 г., Наполеонъ назначилъ его начальникомъ сего корпуса. Имѣя главную квартиру въ Шверинѣ, первую линію войскъ между Одеромъ и Везеромъ, и резервы въ Магдебургѣ, Брюнъ долженъ былъ охранять пространство земель отъ Амстердама до Берлина, обращая вниманіе на Шведскую Померанію. Такимъ образомъ, отъ Атлантическаго Океана войска Наполеона составляли три живыя стѣны — легіоны и охранныя войска въ самой Франціи, корпуса въ Германіи, между Рейномъ и Одеромъ, и наконецъ главныя силы, которыя были сосредоточены въ Польшѣ и между Вислою и Прегелемъ. Не менѣе дѣятельно заботился Наполеонъ объ артиллеріи и запасахъ. Велѣно было платить жителямъ деньгами за запасы и за перевозъ ихъ. Безчисленные обозы тянулись отвсюду; изъ Штеттина, Кюстрина, Бреславля, Варшавы; весною Эльба, Одеръ, Висла покрылись судами и лодками. «Запасовъ, запасовъ!» писалъ Наполеонъ ген. интенданту. «Никакія средства не будутъ излишни мно-

жать запасы, ибо *тутъ все* (car tout est là). Мое положеніе зависитъ отъ запасовъ — будутъ они и побѣда наша, а не будетъ ихъ—насъ побьютъ.» Такъ зимою велѣлъ онъ забрать и отправить въ армію всѣ запасы вина изъ Штеттина. «Берите все, хоть бы было ихъ на 20 милльоновъ. Зимой вино дастъ мнѣ побѣду (c'est le vin qui, dans l'hiver, me donnera la victoire)!» — «Вы приготовили въ Маріенвердерѣ 100,000 мѣръ овса, но для чего не отправить его три милльона мѣръ по Кюстринскому каналу, въ Бромбергъ? Не ужели въ Бромбергѣ не будетъ у насъ 400,000 пинтъ водки? Почему нѣтъ тамъ 100,000 квинталовъ муки и 50,000 квинталовъ хлѣба въ зернѣ? Запасовъ, повторяю, запасовъ!» Онъ входилъ притомъ во всѣ подробности. «Не посылайте въ армію муку съ Бреславскими извощиками — имъ ѣхать слишкомъ далеко.» — «Съ весною начнутся лихорадки. Приготовьте хины. На лекарства не жалѣйте денегъ, и чтобы вино всегда было въ госпиталяхъ.» Такая же заботливость являлась о булочницахъ, больничныхъ прислужникахъ (infirmiers), лекаряхъ. «Развѣ у васъ недостаетъ бабъ, или вы боитесь, что Пруссачки, какъ Парояшки, отравятъ хлѣбы? Посылайте, не бойтесь, только хорошо платите за все.»

Наполеонъ былъ готовъ. Слѣды потери войскъ его зимою 1806 и 1807 гг. были изглажены. Онъ не думалъ болѣе о дипломатикѣ. Засверкали штыки, приготовлены были пушки, и скоро вниманіе Европы и цѣлаго міра устремилось на то небольшое простран-

ство земель, гдѣ два исполина сходились на новую, рѣшительную, кровавую борьбу.

Война не прекращалась зимою. Ежедневно сражались передовыя войска, и казаки расплачивались за малѣйшую неосторожность непріятеля. Февраля 27-го Французы захватили Русскаго генерала Корфа. Въ тотъ же день Платовъ прогналъ ихъ изъ Гутштадта. Ней занялъ опять Гутштадтъ на другой день. Марта 19-го Рускіе разбили полкъ Заіончека близъ Ортельбурга; 24-го они уничтожили полкъ Домбровскаго. Важнѣйшими дѣлами зимней кампаніи были битвы на Наревѣ. Желая послѣ Эйлаускаго сраженія озаботить Наполеона, Беннигсенъ приказалъ Эссену аттаковать Французовъ. Февраля 16-го Эссенъ подошелъ къ Остроленкѣ, идя по обоимъ берегамъ Нарева; Газанъ остановилъ шедшихъ по правому берегу, пока Руффенъ и Компана три раза производили безполезную аттаку на Остроленко. Къ счастію ихъ, Удино, идя къ Эйлау изъ Варшавы, былъ тогда близко, подкрѣпилъ Савари, и послѣ жаркой схватки принудилъ Рускихъ отступить, съ потерею 1300 убитыми и 2 пушекъ, причемъ сами Французы потеряли одно орудіе. Французы донынѣ повторяютъ, что тутъ былъ убитъ «сынъ знаменитаго Суворова» (le fils du fameux Suwaroff). Мы знаемъ, что *единственный* сынъ Суворова утонулъ въ Рымникѣ, въ 1811-мъ году. Марта 6-го Эссенъ удачно бился на рѣкѣ Пассѣ; Мая 12-го Тучковъ, занявшій его мѣсто, узналъ о переходѣ Французовъ за Наревъ въ Сироцкѣ; Вит-

генштейнъ отправленъ былъ на правый берегъ, сбилъ отряды непріятельскіе въ Дрензевѣ и отнялъ 2 пушки. Французы поспѣшно обратились въ Сроцкъ, а на другой день Левизъ разбилъ сильный отрядъ ихъ; Мая 20-го Вреде съ Баварцами перешелъ Наревъ въ Пултускѣ, но былъ прогнанъ Васильчиковымъ.

Зима прошла. Глубокіе снѣга стаяли, весеннія грязи засохли, но Наполеонъ не начиналъ наступательныхъ движеній. Обезпечивая свои сообщенія, не думалъ ли онъ, что усиливъ между тѣмъ свои войска, онъ побудитъ къ движенію непріятеля, и воспользуется его планомъ военныхъ дѣйствій, можетъ быть, какою нибудь ошибкою? По крайней мѣрѣ, главная армія Французская оставалась въ прежнемъ положеніи. Наполеонъ заботился только объ осадѣ и покореніи Данцига и остальныхъ крѣпостей въ Силезіи.

Данцигъ (Гданскъ), древній, нѣкогда вольный городъ Польскій, находится на берегу Вислы, въ пяти верстахъ отъ впаденія ея въ Балтійское море. Здѣсь, за 72 года прежде, въ *первый разъ* сразились Русскіе съ Французами, когда Минихъ осаждалъ въ Данцигѣ Станислава Лещинскаго, и Французскій отрядъ присланъ былъ на помощь осажденнымъ. Ключъ сообщеній съ Балтійскимъ моремъ по Вислѣ, Данцигъ былъ важенъ, какъ мѣсто торговли и складки, но Пруссаки не думали укрѣплять его, ибо никогда не предполагали, что война перейдетъ такъ далеко. Наскоро поправили его старыя укрѣпленія, и ввели въ

него довольно сильный гарнизонъ, когда Французы были уже въ Берлинѣ. Осенью 1806 г. Французы блокировали Данцигъ, но не могли пресѣчь сообщеній его съ моремъ. Пруссаки усилили гарнизонъ, такъ что онъ состоялъ уже изъ 12,000 Прусскихъ войскъ, и 3-хъ батальоновъ Русскихъ, подъ начальствомъ ген. Щербатова. Калкрейтъ назначенъ былъ военнымъ губернаторомъ Данцига; ему придали въ помощники искусныхъ инженеровъ, генерала Лауренца и маіора Бусмарка. Марта 12-го началась осада Данцига, подъ начальствомъ Лефевра, но только 24-го Апрѣля открыли бомбардированіе, когда въ началѣ Апрѣля Французы съ бою заняли островъ Нерунгъ, на Вислѣ. Вскорѣ занятъ былъ другой островъ, Гольмъ; Лауренцъ былъ убитъ бомбою; сообщеніе Данцига съ моремъ пресѣчено. Изъ арміи союзниковъ отправлены были генералъ Каменскій, съ 8000 Русскихъ и Пруссаковъ, моремъ, и полковникъ Бюловъ, съ 4000 Пруссаковъ, по узкой Нерунгской косѣ отъ Пиллау. Каменскій занялъ крѣпость Вейхсельмюнде, въ устьи Вислы, и Мая 15-го устремился на островъ Гольмъ, но превозмогающая сила непріятелей показала ему невозможность успѣха. Онъ удалился съ потерею до 1500 человѣкъ. Кромѣ Лефевра съ его войсками, здѣсь были войска Ланна. Бюловъ былъ остановленъ отрядами Бомона и Алберта, и принужденъ возвратиться по Нерунгу въ Пиллау. Англичане хотѣли прорвать мостъ на Вислѣ судами, но были отбиты. Калкрейтъ еще упорствовалъ, ходилъ самъ на

вылазки, и въ одной изъ нихъ былъ убитъ Бусмаркъ. Недоставало наконецъ пороху, и Калкрейтъ предложилъ сдать Данцигъ, съ условіемъ, что гарнизонъ будетъ отпущенъ свободно. Наполеонъ не велѣлъ спорить. Мая 24-го подписана была капитуляція, послѣ 51 дневной осады. Гарнизонъ отправился по Нерунгу въ Пиллау. Въ числѣ его было 4000 больныхъ и раненыхъ. Огромные запасы хлѣба и 980 пушекъ достались Французамъ. За храброе защищеніе Данцига Калкрейтъ награжденъ былъ чиномъ фельдмаршала и званіемъ Кенигсбергскаго ген. губернатора. Наполеонъ также наградилъ услугу Лефевра титуломъ герцога Данцигскаго. Грамата на сіе достоинство отличалась какою-то насмѣшкою надъ незаслуженными родовыми отличіями, можетъ быть, потому, что Лефевръ, гренадеръ по его образованію, оставался солдатомъ въ высшихъ почестяхъ, и грамата его была сатирою на блестящихъ и знатныхъ щеголей Парижскихъ салоновъ. (*) Войска Каменскаго отправились

(*) «Постоянныя почести, и законное, честное и славное достояніе, коими хотимъ мы воздавать за оказанныя знаменитыя заслуги на гражданскомъ и военномъ поприщѣ, будутъ противоположны незаконному, скрытному, позорному богатству тѣхъ, кто въ исполненіи своихъ обязанностей искалъ только своихъ выгодъ, вмѣсто того, чтобы имѣть въ виду благо нашихъ подданныхъ и пользу нашей службы Сознаніе исполненія своего долга и благоволеніе наше достаточны удержать добраго Француза на пути чести. но порядокъ нашего общества такъ установленъ, что съ видимыми отличіями и знатностью соединены почтеніе и блескъ, коими хотимъ мы окру-

изъ Вейхсельмюнде моремъ, и Вейхсельмюнде былъ занятъ Мая 27-го. За Данцигомъ слѣдовало занятіе Нейсса въ Силезіи, гдѣ защищался, съ 6000-мъ гарнизономъ, генералъ Стеенсенъ. Клейстъ, коммендантъ Глаца, пытался освободить Нейссъ отъ осады и отнять Бреславль. Отрядъ Лефевра-Денуэтта прогналъ его отъ Нейсса, а Дюмюи уничтожилъ покушеніе его на Бреславль. Нейссъ сдался Іюня 1-го; черезъ двѣ недѣли сдался Козель, а 24-го Клейстъ, стѣсненный Вандамомъ, сдалъ Глацъ — *послѣднюю крѣпость* въ Силезіи. Въ восемь мѣсяцовъ корпусъ Вандама былъ покорителемъ *шести* большихъ крѣпостей, съ 1500 орудій и 20,000 гарнизоновъ. Изъ всѣхъ Прусскихъ крѣпостей оставались невзятыми *Колбергъ* и *Грауденцъ*. Виктору поручена была осада Грауденца, но взятіе его остановлено было извѣстіемъ о мирѣ, какъ равно и Колберга, гдѣ съ Гнейзенау заперся и защищался Шилль. Французы едва начали его осаду. По крайней мѣрѣ, Курбьеръ и Гнейзенау имѣли честь

жать нашихъ подданныхъ, великихъ дарованіями, заслугами, характеромъ, симъ первымъ даромъ человѣку.» Послѣ объясненія о возведеніи Лефевра въ достоинство Герцога Данцигскаго, Наполеонъ говорилъ: «Да, будетъ сей титулъ напоминать потомкамъ добродѣтели ихъ отца, и да почтутъ они себя недостойными его, если предпочтутъ *постыдный покой и праздность столицы опасностямъ на благородномъ полѣ битвъ.* Пусть ни одинъ изъ нихъ не кончитъ своего поприща, не проливши крови за честь и славу нашей прекрасной Франціи, и въ имени, которое носитъ, видитъ *не преимущество своего рода надъ другими, но обязанность къ отечеству.*»

быть единственными Прусскими коммендантами, не сдавшими ввѣренныхъ имъ крѣпостей.

Успокоенный взятіемъ Данцига, отнявши средства у Шведовъ безпокоить его съ тыла, Наполеонъ не имѣлъ уже досуга думать о Колбергѣ и Грауденцѣ. Паденіе Данцига, какъ будто напомнило Беннигсену, что медлить болѣе не должно. Войска Русскія были дополнены и готовы къ битвѣ, одушевленныя присутствіемъ своего монарха. Въ Шиппенбейлѣ осматривалъ онъ гвардію, приведенную цесаревичемъ Константиномъ. Мая 13-го былъ смотръ авангарду Багратіонову. Императоръ Александръ не хотѣлъ принять лично начальства надъ арміею, и приказомъ по арміи Беннигсену объявлено было, чтобы всѣ повелѣнія исходили отъ главнокомандующаго. Соображая планъ открывавшейся кампаніи, Беннигсенъ утвердилъ въ Гейльсбергѣ точку опоры движеній арміи, укрѣпивъ Гейльсбергъ и расположивъ войска окрестъ него по обоимъ берегамъ рѣки Алле. Главныя силы Русскія сосредоточились между Гейльсбергомъ и Бартенштейномъ; правое крыло было между Лаупеномъ и Зеебургомъ; влѣво стоялъ корпусъ, открывавшій сообщенія съ Эссеномъ къ Остроленкѣ. Главная квартира Русская перешла въ Гейльсбергъ Іюня 2-го. Съ гвардейскимъ корпусомъ, войсками на Наревѣ и корпусомъ Лестока, Русская армія простиралась до 130 тысячь. Дивизіи князя Лобанова-Ростовскаго и князя Горчакова, 30,000, сближались къ Нѣману. Предоставляя начальство Беннигсену, императоръ Але-

ксандръ удалился въ Тильзитъ на Нѣманѣ. Войска Наполеона, послѣ всѣхъ полученныхъ ими подкрѣпленій, составляя *семь* корпусовъ, изъ 19 дивизій, кромѣ гвардіи (8 батальоновъ и 10 эскадроновъ) и резервной кавалеріи Мюрата, простирались до 170,000. Они расположены были отъ Варшавы до Балтійскаго моря. Баварская дивизія находилась въ Варшавѣ, *Массена* былъ на Омулевой, Зайончекъ съ Поляками въ Нейдебургѣ, *Даву* въ Алленштейнѣ, Гогенштейнѣ и Деппенѣ, *Ней* въ Гутштадтѣ, *Сультъ* въ Либштадтѣ и Морунгенѣ, *Бернадоттъ* въ Голландѣ и Браунсбергѣ, *Ланнъ* въ Остероде, *Мортье* въ низовьяхъ Вислы, на походѣ къ главной арміи. Корпусъ Лефевра присоединенъ былъ къ корпусамъ Ланна и Мортье. Корпусъ Вандама оставался въ Силезіи. Наблюдательная армія Брюна находилась между Рейномъ и Эльбою.

Наполеонъ не двигался. Продолжались мѣлкія передовыя схватки, когда получено было извѣстіе объ усиленномъ движеніи Русскихъ войскъ. Видя, что корпусъ Нея, находившійся въ Гутштадтѣ, слишкомъ выдвинутъ впередъ и отдѣленъ отъ остальныхъ войскъ Наполеона, Беннигсенъ рѣшился отрѣзать и отдѣльно разбить его. Корпусъ Русскихъ войскъ двинулся отъ Гейльсберга по правому берегу Алле, черезъ Зеебургъ, и сталъ между Гутштадтомъ и Алленштейномъ. Главныя силы Рускихъ перешли на лѣвый берегъ, примыкая правымъ крыломъ къ Вормдиту близъ Пассарги, лѣвымъ къ Лаунау на Алле, и имѣя

центръ въ Аренсдорфѣ. Лестоку велѣно занять Бернадотта, направляясь на Шпанденъ, ниже Вормдита. Іюня 5-го Рускіе направились изъ-за Алле на Бергфридъ и аттаковали правый флангъ Нея; въ то же время лѣвый флангъ его былъ аттакованъ отъ Лаунау; главныя силы Рускихъ шли на Вольфсдорфъ, отрѣзывая сообщенія, а правое крыло Беннигсена сблизилось съ Сультомъ въ Ломиттенѣ. Гутштадтское дѣло было жаркое. Русскіе генералы Остерманъ и Сомовъ были ранены. Безъ медленности въ движеніяхъ Рускихъ и безъ упорной храбрости Французовъ, Ней могъ погибнуть, обхваченный отвсюду. Съ потерею 2000 убитыми и 1000 плѣнными, онъ успѣлъ отступить и стать въ Анкендорфѣ; при возобновленіи напора непріятельскаго на другой день, Іюня 6-го, перешелъ онъ за Пассаргу въ Деппенѣ. Нападеніе Лестока на Шпанденъ было неудачно. Въ упорной битвѣ Бернадотта ранили въ голову. Онъ принужденъ былъ сдать команду Виктору, но Пруссаки были отражены и отступили.

Недоумѣніе овладѣло Беннигсеномъ. Надлежало ли продолжать наступленіе, или принять прежнее оборонительное положеніе у Гейльсберга? Онъ оставался въ бездѣйствіи Іюня 7-е, стоя передъ Деппеномъ. Быстро сдвинулъ между тѣмъ войска въ одну громаду Наполеонъ, корпусъ Ланна изъ Остероде, гвардію и Мюрата изъ Финкенштейна, Мортье изъ Морунгена, Даву изъ Алленштейна. Угрожаемый всею тяжестью Французскихъ войскъ, слыша, что Сультъ,

выступившій отъ Ломиттена, перешелъ въ тылу его Пассаргу въ Либштадтѣ и идетъ на Вольфсдорфъ, Беннигсенъ началъ отступать, сближаясь съ Гейльсбергомъ, перешелъ за Алле въ Гутштадтѣ, и 9-го Іюня вступилъ въ свои Гейльсбергскія укрѣпленія. Наполеонъ неотступно шелъ за нимъ. Мюратъ бился 9-го Іюня съ Русскимъ арріергардомъ въ Глоттау близъ Гутштадта; на другой день Русскій арріергардъ отступилъ, и лѣвымъ берегомъ Алле Наполеонъ сблизился къ Гейльсбергу, усыпанному пушками. Укрѣпленія Гейльсбергскія составляли пять редутовъ съ трехъ сторонъ, и 16 флешей, защищаемыхъ войскомъ, простиравшимся до 85,000. Къ Беннигсену успѣлъ уже присоединиться подъ Гейльсбергомъ отрядъ Каменскаго, защищавшій Данцигъ. Бой начался у Беверника, впереди Гейльсберга, гдѣ стояла часть Багратіонова арріергарда. Руские уступали. Багратіонъ подкрѣпилъ ихъ. Не прежде 6-ти часовъ по полудни Французы придвинулись къ редутамъ. Сультъ аттаковалъ одинъ изъ нихъ и успѣлъ занять, но напрасно Ланнъ и Савари, съ гвардейскими фузелерами, хотѣли укрѣпиться въ редутѣ. Они были отбиты и конница Русская преслѣдовала поражаемыхъ картечами Французовъ. Новое нападеніе было упорно, и также безуспѣшно. Наполеонъ прекратилъ безполезную гибель солдатъ, и довольствовался сильною канонадою. Французы потеряли до 6000. Генералу Сегюру оторвало руку; гвардейскій генералъ Руссель былъ убитъ. Потеря Руских была не менѣе; гене-

ралы Кожинъ и Варнекъ были убиты; семь Русскихъ генераловъ, въ томъ числѣ Принцъ Мекленбургскій, ранены.

Въ ночь, послѣдовавшую за битвою, соображенъ былъ новый планъ Наполеона. Мнѣніе многихъ стратегиковъ упрекало его въ послѣдствіи, что вмѣсто безполезнаго нападенія на укрѣпленія Гейльсбергскія, онъ не перешелъ на лѣвый берегъ Алле, не дѣйствовалъ во флангъ Рускихъ, опираясь на Бишофштейнъ, распространяя крылья арміи на Бартенштейнъ и Гутштадтъ, и принуждая тѣмъ Рускихъ невыгодно отступить на Пассаргу и къ Куришъ-Гафу. Отступленіе къ Кенигсбергу представляло не менѣе невыгодъ, ибо Беннигсену оставалось, или стѣсниться въ Кенигсбергѣ, или встрѣтить Наполеона въ неудобной позиціи при сліяніи Алле съ Прегелемъ. Еще большимъ упрекамъ подвергалось новое распоряженіе Наполеона. Утромъ Іюня 11-го, оставя передъ Гейльсбергомъ 30,000-й корпусъ Даву, онъ двинулся по лѣвому берегу Алле на Ландсбергъ и Прейсишъ-Эйлау. Здѣсь подвергался онъ опасности, говорили стратегики, быть отрѣзаннымъ отъ своихъ сообщеній и стѣсненнымъ между Русскою арміею, моремъ и Прегелемъ. Наполеонъ оправдывался превосходствомъ силъ, дозволявшимъ ему надѣяться, что онъ можетъ дать отпоръ, когда главною цѣлью своего движенія имѣлъ онъ не армію Русскую, но Кенигсбергъ, коимъ дорожилъ Беннигсенъ, какъ послѣднимъ остаткомъ Пруссіи, гдѣ собраны были огромные магазины и за-

пасы. Главная ошибка союзниковъ состояла именно въ томъ, что Кенигсбергу придали излишнюю важность и не подумали перенесть изъ него магазины и запасы въ Гумбиненъ, выше впаденія Алле въ Прегель, когда Кенигсбергъ, представляя выгоды для сообщеній моремъ, не имѣлъ никакихъ удобствъ къ защитѣ его, и потому сдѣлался главною причиною несчастнаго окончанія войны. Наполеонъ превосходно разгадалъ тайну всего похода и характеръ своего противника. Онъ надѣялся, что смѣлое движеніе въ тылъ Французской арміи несообразно съ медленнымъ, осторожнымъ распоряженіемъ дѣйствій Беннигсена. Но тогда онъ хотѣлъ идти не далѣе Ландсберга, и могъ быстро перевернуться на встрѣчу Беннигсену, а въ крайнемъ случаѣ отступить влѣво на Мельзакъ и низовья Пассарги. Гораздо болѣе было надежды, что движеніе на Кенигсбергъ встревожитъ Беннигсена, заставляя его равно опасаться за Кенигсбергъ и за свои сообщенія, и тѣмъ принудитъ оставить недоступный Гейльсбергъ, поспѣшая предупрежденіемъ Наполеона на Прегелѣ.

Сбылось все точно такъ, какъ разсчитывалъ Наполеонъ. Не пользуясь Гейльсбергскою битвою, гдѣ Рускіе «побѣдили оборонительно,» Беннигсенъ оставался въ бездѣйствіи у Гейльсберга на другой день, и ожидалъ вторичнаго, усиленнаго нападенія Наполеонова. Замѣтивъ движеніе Французовъ на своемъ правомъ флангѣ, онъ уже возымѣлъ опасенія за Кенигсбергъ, куда ушелъ Лестокъ послѣ Шпанденской не-

удачи, отрѣзанный движеніемъ Наполеона къ Гейльсбергу. Немедленно отряженъ еще былъ туда Каменскій. Ему велѣно поспѣшать черезъ Бартенштейнъ, подкрѣпить Лестока и охранять Кенигсбергъ. Непріятелей не было видно, и казаки, отправленные въ Гросендорфъ, ниже Гейльсберга, открыли тамъ только аррієргардъ Даву. Не оставалось сомнѣнія, что Наполеонъ стоялъ уже далеко впереди со всею своею арміею, и что Кенигсбергъ былъ цѣлью его движенія. Ночью на 12-е Іюня Беннигсенъ поспѣшно оставилъ укрѣпленія, сооруженіе коихъ занимало четыре мѣсяца времени и было главною мыслью всей кампаніи, оставилъ даже магазины и раненыхъ въ Гейльсбергѣ, немедленно занятомъ Французами, перешелъ за Алле и старался предупредить Наполеона. Узнавъ, что Рускіе оставили Гейльсбергъ, Наполеонъ не останавливалъ своего похода, и достигъ, Іюня 12-го, знаменитаго Эйлаускаго поля, тогда уже покрытаго цвѣтущею, тучною зеленью. Здѣсь сталъ онъ въ срединѣ между Кенигсбергомъ и Беннигсеномъ, могъ наблюдать движеніе Рускихъ по Алле и протянуть руку на Кенигсбергъ. Онъ поворотилъ къ себѣ корпусъ Виктора изъ Мельзака, Іюня 13-го послалъ Ланна на Алле къ Домнау, велѣлъ Мортье и Нею двигаться за нимъ къ Лампаху, и отдѣлилъ Мюрата, съ частью резервной конницы и корпуса Даву, прямо на Кенигсбергъ; Сультъ подкрѣплялъ движеніе ихъ изъ Крейцбурга. Насталъ памятный день Маренгской битвы, Іюня 14-е, и по утру прискакали къ Напо-

леону съ извѣстіемъ отъ Ланна, что онъ бьется съ Рускими ниже Домнау, близъ Фридланда. Полагая, что тамъ началось какое нибудь частное дѣло, и Беннигсенъ только отвлекаетъ вниманіе, стараясь достигнуть Велау, Наполеонъ послалъ Мортье подкрѣпить Ланна. Считая себя въ силахъ удержать покушеніе Беннигсена, онъ не останавливалъ движенія Даву, Сульта и Мюрата на Кенигсбергъ. Нею велѣлъ онъ идти на Домнау, намѣреваясь перейдти оттуда съ нимъ, гвардіею и половиною резервной конницы, за Алле, достигнуть Алленбурга и отрѣзать путь Рускимъ на Велау, пока Ланнъ и Мортье будутъ драться у Фридланда. Между тѣмъ безпрестанно являлись адъютанты отъ Удино и Мортье, извѣщая, что противъ нихъ стоитъ «вся Русская армія.» Наполеонъ не вѣрилъ. «Я ближе Императора къ Рускимъ, могу видѣть лучше,» приказывалъ Удино своимъ адъютантамъ, «и если мы не удержимся, не моя будетъ вина.» Наполеонъ обратилъ къ Фридланду Нея, и на всякій случай послалъ приказаніе Мюрату и Даву поспѣшать къ Фридланду. «Говорятъ,» писалъ онъ, «что туда обратилась вся непріятельская армія и принимаетъ битву. Надѣюсь, вы уже заняли Кенигсбергъ. Тамъ довольно оставить Сульта. Спѣшите къ Фридланду. Я ѣду туда. Вѣроятно, дѣло продолжится до завтра. Старайтесь придти въ часъ утра. Если замѣчу, что непріятель весьма силенъ, протяну сегодня канонаду и буду ждать васъ.» При выѣздѣ Наполеона изъ Эйлау, прискакалъ адъютантъ Ланна

Сенъ-Маръ. Лошадь его была въ кровавой пѣнѣ. «Скачи, загони лошадь, но скажи Императору,» говорилъ ему Ланнъ, «что у насъ на рукахъ вся Русская армія!» — «Ну, что у васъ? Много Рускихъ?» — спросилъ Наполеонъ. «Государь! вся армія!» «Не можетъ быть! Съ чего вздумаетъ Беннингсенъ драться, ставши тыломъ къ рѣкѣ? Но поѣдемъ!» — Онъ поскакалъ, и по прибытіи въ Домнау не оставалось уже болѣе сомнѣнія — Рускіе сосредоточились у Алле и перешли ее въ Фридландѣ. Наполеонъ встрѣтилъ полки Виктора и Мезона, и любовался рядами солдатъ, спѣшившихъ въ бой по его приказу. «Удивительное войско!» воскликнулъ онъ радостно, призвалъ Сенармона, начальника артиллеріи, и спросилъ у него: «Много ли у васъ пушекъ?» — Тридцать шесть, отвѣчалъ генералъ. «Хорошо. Надобно будетъ разогрѣть дѣло — Рускіе любятъ пушки.» — «На вашу дивизію я считаю много — она сегодня моя гвардія,» говорилъ онъ Дюпону, кольнулъ шпорами лошадь и помчался во весь опоръ.

Его не обманули. Грозная битва горѣла на долинахъ Фридланда, и тутъ была вся Русская армія. Идя по правому берегу Алле, мимо Бартенштейна и Шиппенбейля, Беннингсенъ увидѣлъ корпуса войскъ на другомъ берегу, и достигнувъ Фридланда, рѣшился отрѣзать ихъ отъ Эйлау, разбить отдѣльно, и обезпечить себѣ путь на Велау, полагая главныя силы Наполеона въ направленіи на Кенигсбергъ. Можно подумать, что такое распоряженіе было любимымъ

маневромъ Беннигсена. Уже два раза не удалось оно ему противъ Наполеона, и еще разъ рѣшился онъ испытать его. Вечеромъ Іюня 13-го Русскіе уланы перешли Алле, выгнали изъ Фридланда три конные непріятельскіе полка, и отъ плѣнныхъ узнали, что тутъ находится только Удино съ 10,000. Почью переведено было за Алле 25,000 Русскаго войска, и по утру они расположились въ боевой порядокъ впереди Фридланда, примыкая лѣвымъ флангомъ къ Алле, а правымъ къ селенію Гейнрихсдорфъ; правое крыло Рускихъ составляли дивизія генерала Титова и полкъ Долгорукаго; далѣе были двѣ дивизіи Дохтурова, дивизія Сукина, корпусъ Горчакова, и авангардъ Багратіона передъ Фридландомъ; фланги прикрывала кавалерія; гвардія стала у Фридланда за Багратіономъ.

Начавшись перестрѣлкою, сраженіе усиливалось. Ланнъ и Удино, безпрерывно подкрѣпляемые приходившими войсками, бились оборонительно, превосходно пользовались мѣстоположеніемъ, и особенно лѣсами на правомъ и лѣвомъ флангахъ, прикрывались канонадою, ходили въ аттаки и скрывали силы свои. Къ несчастію, Беннигсенъ страдалъ тогда жестокою болѣзнью; дежурный генералъ Эссенъ и ген. квартирмейстеръ Штейнгейль были оконтужены въ одно время и однимъ ядромъ; генералы Багговутъ и Марковъ ранены, Сукину оторвало ногу. Около 5-ти часовъ по полудни полагали сраженіе конченнымъ, послѣ превосходной кавалерійской аттаки ген. Уварова.

Беннигсенъ видѣлъ неудачу своего распоряженія. Нападенія Рускихъ, мало упорныя и не сосредоточенныя, ничего не рѣшали, и явно видно было, что число Французовъ было здѣсь гораздо болѣе, нежели предполагали сначала. Продолжались только пальба и перестрѣлка. Но гроза невидимо готовилась. Уже во 2-мъ часу по полудни, Наполеонъ прибылъ на поле битвы. Черезъ два часа должны были придти Ней и Даву. Обозрѣвши позицію, Наполеонъ обратился къ Ланну. «Ты съ утра умѣлъ удержаться, Ланнъ?» — «Будто вы не знаете!» отвѣчалъ Ланнъ съ досадою. «Поздравляю тебя — ты великій полководецъ!» — «Ну, генералъ, теперь поскорѣе, поскорѣе покажите мнѣ теченіе Алле!» сказалъ онъ Удино, вглядываясь въ мѣстоположеніе Фридландскаго поля. Удино изъяснялъ ему. «Сколько тутъ Рускихъ, думаете вы?» — 80,000 — отвѣчалъ Удино. «Болѣе!» вскричалъ Наполеонъ, подъѣзжая ближе къ мѣсту битвы. «Государь! ваше мѣсто не здѣсь!» вскричалъ Удино, схватывая за узду лошадь Наполеона — «иное дѣло я — васъ засыплютъ пулями! Посмотрите, какъ они насъ отдѣлали!» Чѣмъ болѣе всматривался Наполеонъ, тѣмъ болѣе возрастало его удивленіе, соображая распоряженія Беннигсена и невозможность устоять противъ превосходнаго числа непріятелей, еслибы нападеніе было произведено дружно и упорно. «Удино! ты превзошелъ себя! Я только за тебя боюсь — береги себя! Терпѣніе! Старайся еще немного занять ихъ,» говорилъ Наполеонъ, и черезъ два часа побѣда на-

на, если только непріятель продолжитъ дѣло!» Быстрымъ взоромъ своимъ онъ уже угадалъ тайну битвы и побѣды.

Фридландъ (Friedland—*страна мира!*), старинный городокъ, построенный въ 1312 г. Тевтонскими рыцарями, находится на лѣвомъ берегу Алле, тамъ, гдѣ рѣка сія составляетъ извилинами два угла, обращенные исходящими сторонами на лѣвый берегъ; при одномъ изъ нихъ находится селеніе Сортлакъ; въ самой вершинѣ другаго, въ углубленіи Алле, Фридландъ. Онъ раздѣляется длиннымъ прудомъ, который образуетъ запруженный ручей съ мѣльницами, впадающій въ Алле. За нимъ, далѣе вправо, простирается долина, ограниченная лѣсомъ, по дорогѣ въ Велау; лѣсъ прикрываетъ также влѣво Сортлакъ; прямо противъ Фридланда, подлѣ лѣса, скрывающаго дорогу изъ Домнау, селеніе Пастененъ, и въ одну линію съ нимъ, на другой сторонѣ, близъ лѣса, селеніе Гейнрихсдорфъ. Занимая Гейнрихсдорфъ, Пастененъ и Сортлакъ, держались Удино, Ланнъ и Мортье, когда притомъ лѣса скрывали, какъ приходящія войска, такъ и движеніе Наполеона изъ Домнау. Багратіонъ занималъ мѣсто впереди Фридланда, выдвигаясь по берегу мѣльничнаго ручья и изгибу Алле на Пастененъ; Горчаковъ и Дохтуровъ были за ручьемъ, напирая на Гейнрихсдорфъ. Наполеонъ увидѣлъ, что ключъ позиціи составлялъ Фридландъ, гдѣ наведены были Рускими три моста. Надлежало уничтожить лѣвое крыло Рускихъ, взять Фридландъ, сжечь мосты;

тогда правое крыло и центръ будутъ отрѣзаны отъ остальной арміи Русской, оставшейся за рѣкою. Слѣдующая диспозиція была надиктована немедленно Наполеономъ:

«Маршалъ Ней возметъ вправо отъ Пастенена до Сортлака, и подкрѣпитъ позицію, занимаемую генераломъ Удино. Маршалъ Ланнъ составитъ центръ, который начнется влѣво отъ маршала Нея, съ Гейнрихсдорфа, почти до Пастенена. Гренадеры Удино, составляющіе теперь правое крыло маршала Ланна, нечувствительно уклонятся влѣво, дабы привлечь на себя вниманіе непріятеля. Маршалъ Ланнъ сдвинетъ свои дивизіи сколько возможно, и симъ сдвиженіемъ ему легко будетъ устроиться въ двѣ линіи. Лѣвое крыло образуетъ маршалъ Мортье, удерживая Гейнрихсдорфъ и Кенигсбергскую дорогу, и оттуда протягиваясь противъ праваго крыла Рускихъ. Маршалу Мортье не двигаться впередъ, ибо движеніе должно быть сдѣлано нашимъ правымъ крыломъ, которое повернется (pivotera) на лѣвомъ. Конница генерала Эспанья и драгуны генерала Груши, соединясь съ конницею лѣваго крыла, маневрируютъ, нанося сколько можно болѣе вреда непріятелю, когда онъ, тѣснимый сильною аттакою нашею праваго крыла, увидитъ необходимость отступать. Генералъ Викторъ и гвардія, конная и пѣшая, образуютъ резервъ и будутъ помѣщены въ Грунгофѣ, Бѣткейнѣ и за Пастененомъ. Драгунская дивизія Лагуссе будетъ подъ начальствомъ генерала Виктора, а драгуны Латуръ-

Мобура маршала Нея. Дивизія тяжелой конницы генерала Нансути передается въ распоряженіе маршала Лапна, и сражается, вмѣстѣ съ конницею резервнаго корпуса, въ центрѣ. Я нахожусь въ резервѣ. Должно оставить направленіе движеній маршалу Нею, который для начала ждетъ моего приказа. Только что правое крыло пойдетъ на непріятеля, всѣ орудія по линіи арміи должны удвоить огонь въ направленіи, которое подкрѣпляло бы аттаку праваго крыла.»

Въ пять часовъ данъ сигналъ громомъ 20-ти пушечной баттареи. Нерѣшительное сраженіе, продолжавшееся съ ранняго утра, было только вступленіемъ. Теперь начиналась битва, когда Бенингсенъ считалъ ее оконченною. Густыя колонны Французовъ появились на всемъ протяженіи отъ Сортлака до Гейнрихсдорфа. Едва Ланнъ и Мортье обратили на себя вниманіе Рускихъ, Маршанъ устремился по берегу Алле, Ней пошелъ отъ Постенена. Рускіе были изумительны. Какъ незыблемая скала, сталъ Багратіонъ, забывая утомленіе и не смотря на тройное число непріятелей. Скрытная баттарея осыпала дивизію Маршана картечью; Фриріонъ, командиръ 69-го полка, палъ; полкъ его былъ уничтоженъ; Русская конница ударила и довершила безпорядокъ аттакою; конница Латуръ-Мобура начала рубиться съ нею. Ней упорнѣе двинулъ свои колонны, но ни что не могло сломить рядовъ Русскихъ. Наполеонъ отправилъ Дюпона, и уже Рускіе уступали, когда Багратіонъ ввелъ въ дѣло Русскую гвардію. Видя ея сближеніе, Наполеонъ

прислалъ своего адъютанта Мутона, съ приказаніемъ приготовиться выдержать отчаянный натискъ. Дѣйствительно, ударъ былъ ужасенъ. Все сломили и поспали передъ собою великаны Русскіе гвардейцы. Раздался крикъ, что Ней убитъ. Русскіе конногвардейцы врѣзались въ пѣхоту, когда Измайловцы, Семеновцы и Петербургскіе гренадеры ломили ряды Французовъ штыками. Битва страшно ожесточилась. На пространствѣ полуверсты рѣзались на смерть шестдесятъ тысячь человѣкъ. Храбрость должна была наконецъ уступить числу. Сенармонъ подвезъ 40 орудій, и въ 50-ти саженяхъ осыпалъ Рускихъ картечью. Викторъ прикрылъ его драгунами Лагуссе. «Шалуны! Посмотрите, что они дѣлаютъ!» говорилъ окружавшимъ его Наполеонъ, потирая руки отъ удовольствія. Дюпонъ, Ней, Маршанъ соединили послѣднія усилія. Рускихъ втѣснили въ Фридландъ. Генералъ Мазовскій былъ убитъ. Городъ загорѣлся. Беннигсенъ велѣлъ спасать артиллерію и отступать. Стѣсненный между ручьемъ и рѣкою, Багратіонъ былъ грозенъ и неукротимъ, отступая по горѣвшимъ мостамъ и вбродъ, подъ защитою конницы Уварова, и канонады изъ 120-ти пушекъ, поставленныхъ на правомъ берегу.

Пока кровавое побоище происходило въ Фридландѣ, Горчаковъ и Дохтуровъ нерѣшительно бились съ Ланномъ и Мортье. Пожаръ Фридланда показалъ имъ гибель ихъ положенія. Они обратились къ Фридланду, ворвались въ него на штыкахъ, и среди смятенія, гдѣ смѣшались войска ихъ, Неевы и Багратіоновы, хотѣ-

ли пробиться къ мостамъ. Мостовъ уже не было. Окруженные отвсюду, придвинутые къ рѣкѣ, громимые картечью, поражаемые аттаками конницы и штыками пѣхоты, Руские не сдавались, предпочитая смерть позору плѣна, бросались въ рѣку, тонули, но успѣли спасти почти всю свою артиллерію, и строились на правомъ берегу рѣки. Генералъ Ламбертъ пробился по лѣвому берегу Алле, увезъ 29 орудій и соединился съ арміею уже въ Алленбургѣ. Ночь прекратила побоище. Скорбь и болѣзнь Беннигсена умножило извѣстіе, полученное отъ Лестока, что приближеніе сильныхъ Французскихъ войскъ принудило его и Каменскаго оставить Кенигсбергъ, и что онъ отступаетъ къ Тильзиту, упорно преслѣдуемый непріятелемъ. Немедленно началось отступленіе Беннигсена на Алленбургъ. Утромъ, Іюня 15-го, армія Русская достигла Белау. Багратіонъ оставался противъ Фридланда до 10 часовъ утра, и составилъ арріергардъ.

По первому извѣстію Беннигсена о Фридландской битвѣ, потеря Русской арміи простиралась до 10,000; въ послѣдствіи она объявлена была состоявшею изъ 4,362 человѣкъ. Наполеонъ говорилъ, что потеря Французовъ состояла изъ 1,500 *убитыми* и 4,000 ранеными — извѣстія, явно несправедливыя: изъ 8,000 гренадеровъ Удино едва оставалось 3,000; въ корпусѣ Ланна потеря была не менѣе. Руские, по словамъ Наполеона, потеряли 10 тысячь убитыми, 15-ть тысячь ранеными, и трофеи битвы составляли 80 пушекъ. Замѣчательно, что и по Французскимъ извѣ-

стіямъ, число плѣнныхъ Рускихъ не превосходило 1,500, не считая раненыхъ, оставленныхъ на полѣ битвы и въ госпиталяхъ. Рускіе умирали не сдаваясь. Подобно тому, какъ въ Аустерлицкой битвѣ, Рускіе могли гордиться, указывая на свои раны, и повторить знаменитыя слова коронованнаго плѣнника: «Все потеряно, кромѣ чести.»

Но послѣдствія придавали Фридландской битвѣ видъ великой побѣды. Рускіе и Пруссаки отступали. Кенигсбергъ былъ отданъ Французамъ. Лестокъ шелъ на Лабіау, преслѣдуемый Мюратомъ, бросая пушки и обозы, и потерялъ до 3,000 человѣкъ въ арріергардныхъ сшибкахъ, пока за Лабіау вступилъ въ болотистый Гроссъ-Баумскій лѣсъ, гдѣ разломалъ за собою узкую гать на двѣ мили, составлявшую единственный путь. Французы безъ бою заняли Кенигсбергъ, гдѣ нашли множество запасовъ, заготовленныхъ съ великими издержками и пожертвованіями въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцовъ, и арсеналъ со 160,000 ружей, привезенныхъ изъ Англіи. Около 200 большихъ и малыхъ судовъ, Англійскихъ, Шведскихъ, Прусскихъ и Русскихъ, было захвачено въ Фришъ-Гафѣ и Куришъ-Гафѣ.

Наполеонъ преслѣдовалъ Русскую армію главными силами. Ней шелъ на Инстербургъ, а потомъ обратился къ Гумбинену, соображая движенія съ Массеною, преслѣдовавшимъ Русскія войска, отступавшія съ береговъ Нарева на Бѣлостокъ. Даву, обращенный отъ Кенигсберга на Тапіау, шелъ лѣвѣе главной Рус-

ской арміи. Багратіонъ успѣлъ удержать натискъ Французовъ жаркими битвами близъ Велау и за Прегелемъ, при Клейнъ-Шпрау, Битененѣ и Попелкенѣ. Беннигсенъ былъ Іюня 15-го въ Шпрау, 16-го въ Попелкенѣ, 17-го соединился съ Лестокомъ и Каменскимъ въ Шилупишкенѣ, и 18-го сталъ на Нѣманѣ у Тильзита. Проведя четверо сутокъ въ безпрерывномъ бою и походѣ, Багратіонъ упорно отстаивалъ здѣсь нападенія, пока вся Русская армія перешла за Нѣманъ и расположилась между селеніями Миксотенъ и Погененъ; Пруссаки были въ Винге; часть Русскихъ войскъ находилась противъ Рагнита и Трапенена до Юрбурга. Мюратъ ворвался въ Тильзитъ, когда Багратіонъ очистилъ его. Запальчиво преслѣдовалъ онъ уходившій казацкій отрядъ, гнался за нимъ до зажженнаго моста, и упорно хотѣлъ скакать по мосту за Нѣманъ. «Жаль, что ваше высочество не переѣхали — у насъ было бы однимъ плѣннымъ больше!» сказалъ ему кто-то изъ Рускихъ, когда Мюратъ хвасталъ потомъ своею отвагою. Наполеонъ былъ 15-го въ Велау, 17-го въ Шпрау, 18-го въ Тильзитѣ. Нѣманъ раздѣлилъ двѣ воюющія арміи.

Передвинется ли кровавая война за Нѣманъ? Перейдутъ ли орлы Наполеона на завѣтную Русскую землю? Отважится ли онъ вступить въ безконечныя степи и лѣса Россіи? Нѣтъ! часъ судебъ еще не пробилъ! Еще должны пройдти пять лѣтъ, пока рука провидѣнія двинетъ побѣдителя за Нѣманъ, и заставитъ его возвратиться бѣглецомъ изъ-за Нѣмана!

Іюня 18-го, когда Русскія войска переходили за Нѣманъ, и Платовъ и Багратіонъ бились съ непріятелемъ, маіоръ Шеппингъ привезъ Багратіону письмо Беннигсена. Оно было немедленно отослано къ Мюрату, при слѣдующемъ письмѣ Багратіона: «Господинъ Главнокомандующій прислалъ мнѣ письмо, поручая мнѣ передать вамъ его содержаніе. Полагаю, что всего лучше исполню желаніе его, препроводя вамъ письмо его ко мнѣ въ подлинникѣ. Прошу васъ доставить мнѣ вашъ отвѣтъ, принимая увѣреніе въ особенномъ уваженіи, съ коимъ честь имѣю быть,» и проч. Письмо Беннигсена къ Багратіону было слѣдующее: «Послѣ рѣкъ крови, которыя текли въ послѣдніе дни въ битвахъ, сколько убійственныхъ, столько же и часто повторяемыхъ, я желалъ бы усладить бѣдствія разрушительной войны, предлагая перемиріе, прежде нежели вступимъ мы снова въ борьбу, начнемъ новую войну, можетъ быть, еще болѣе прежней страшную. Прошу васъ извѣстить начальниковъ Французской арміи съ моей стороны о семъ намѣреніи, слѣдствія коего будутъ, можетъ быть, тѣмъ болѣе быть спасительны, что уже прежде говорено было о всеобщемъ конгрессѣ; они могутъ предупредить безполезное пролитіе человѣческой крови. Извѣстите меня о слѣдствіяхъ вашего сношенія, и вѣрьте глубокому уваженію,» и проч.

Миръ! Россія предлагаетъ миръ, ибо нѣтъ сомнѣнія, что благородное, исполненное чувствомъ собственнаго достоинства письмо Беннигсена имѣло

цѣлью не *перемиріе*, но *миръ* прочный, столь необходимый обоимъ противникамъ.

Отвергнуть миръ было бы безуміемъ со стороны Наполеона. Стоявшій въ глазахъ Европы побѣдителемъ на предѣлахъ Россіи, онъ понималъ свое опасное положеніе, находясь съ своею побѣдившею, но растерзанною потерями арміею за 400 миль отъ Франціи, имѣя за собою оглушенную ударомъ, но готовую возстать Пруссію, Австрію, остановленную только сомнѣніемъ, Англію, уже начавшую исполненіе своихъ обѣщаній высадкою въ Померанію и договорами о субсидіяхъ Швеціи и Пруссіи. Передъ нимъ, за Нѣманомъ, стояла Русская армія, при Пултускѣ, Прейсишъ-Эйлау, Гейльсбергѣ, и даже Фридландѣ, показавшая, какъ трудно купить у нея побѣду. И ему, съ его истощенными войсками идти въ Россію, гдѣ сотни тысячь уже взялись за оружіе, въ государство, правимое непобѣдимою волею императора Александра, начинать походъ при наступавшей осени, въ лѣсахъ и болотахъ Литвы? Пусть еще разъ побѣдитъ онъ, и не воскликнетъ ли онъ, какъ Пирръ: «Еще побѣда, и я погибъ?»

Но возможенъ ли миръ? Какія будутъ его условія? Не ужели Наполеону согласиться на предложенія, коихъ не принялъ онъ не увѣренный въ торжествѣ, согласиться теперь, послѣ побѣды? Съ другой стороны, уступитъ ли императоръ Александръ? Неужели утвердитъ онъ все учиненное дотолѣ Наполеономъ, отдастъ ему первенство въ Европѣ, забудетъ

непримиримую ненависть свою и смѣнитъ ее искреннею дружбою? И вѣрна ли дружба, вынужденная необходимостью? Гордый и обрадованный при извѣстіи о предлагаемомъ перемиріи, Наполеонъ не смѣлъ порадовать своей арміи надеждою на миръ. Пославши къ Беннигсену племянника Талейранова, адъютанта Бертье, Лудовика Перигора, съ согласіемъ на перемиріе, онъ отправилъ въ Парижъ повелѣніе пѣть «Тебе Бога хвалимъ,» за Фридландскую битву и взятіе Кенигсберга, и говорилъ солдатамъ только о своихъ побѣдахъ и успѣхахъ — о мирѣ не было ни слова. «На насъ напала Русская армія въ нашихъ квартирахъ. Непріятель ошибся въ причинахъ нашего бездѣйствія, поздно замѣтилъ, что нашъ отдыхъ былъ отдыхъ льва, и раскаялся, потревоживъ его. Въ дни битвъ Гутштадтской, Гейльсбергской, и навсегда памятной Фридландской, въ десять дней похода, мы отняли 120 пушекъ, 7 знаменъ, убили, ранили и полонили 60,000 Рускихъ, захватили всѣ магазины, госпитали, обозы, взяли Кенигсбергъ, *триста судовъ* въ его портѣ, нагруженныхъ запасами, 160,000 ружей, присланныхъ Англіею для вооруженія нашихъ непріятелей. Какъ быстрый орелъ, пролетѣли мы отъ Вислы до Нѣмана. Подъ Аустерлицомъ праздновали мы годовщину коронованія, и достойно отпраздновали нынѣ годовщину битвы Маренгской, разрушившей второй союзъ противъ насъ!»

Наполеонъ не смѣлъ сказать, что Фридландская битва разрушила четвертый союзъ, какъ Аустерлицъ

разрушилъ третій. Сомнѣнія были напрасны — Александръ желала мира, и рѣшился купить его всѣми пожертвованіями.

Онъ видѣлъ свою армію бодрою, смѣлою, неуступившею врагу послѣ потери, жаждавшею расплатиться съ нимъ. Дивизія Лобанова, пришедшаго къ Тильзиту, и дивизія Горчакова, пришедшаго къ корпусу Эссена, дополнили убыль войска. Беннигсенъ, писавшій послѣ Фридландской битвы, что все погибло, ожилъ духомъ, и увѣрялъ въ готовности его и войска сражаться. Отношенія Австріи, Англіи, Швеціи, духъ народа въ Пруссіи, готовый возстать противъ притѣснителя народовъ, затруднительное положеніе Наполеона, все вызывало на продолженіе борьбы. Александръ слышалъ голосъ Россіи, требовавшей мести за мгновенныя удачи непріятеля. Но если осмѣлимся угадывать чувства, волновавшія тогда душу Александра, мы должны сказать, что онъ не могъ не сознавать трудности борьбы съ утомленнымъ, но страшнымъ соперникомъ, не могъ не сомнѣваться въ союзѣ Австріи и Англіи, послѣ всѣхъ событій съ 1799 года, послѣ оскорбительныхъ сношеній съ Англіею въ послѣднее время, безчувствія и эгоизма, оказаннаго въ семъ случаѣ министрами Австріи и Англіи. Что могли сдѣлать Пруссаки? Гибнуть, еслибы осмѣлились возстать. Одинъ Александръ долженъ былъ стать на борьбу, и онъ не могъ не видѣть опасностей борьбы, когда Россія воевала на Дунаѣ и войска Наполеоновы вступали въ предѣлы Литвы, гдѣ

могла возникнуть еще не вполнѣ заснувшая вражда жителей, какъ возникла она въ Прусской Польшѣ. Онъ не могъ не убѣдиться, что храбрыя войска его не имѣли предводителя, достойнаго состязаться съ Наполеономъ. Онъ не могъ не признать величія его генія, и наконецъ — скажемъ ли?—глубоко религіозный, онъ могъ видѣть въ событіяхъ опредѣленіе судебъ Бога, противъ коихъ тщетно противиться человѣку. Европа покорствовала. Пруссія умоляла о мирѣ, страдая подъ бѣдствіями войны, девять мѣсяцовъ опустошавшей ея области. Отъ всей монархіи Фридриха Великаго оставался уголъ земли, простирающійся по правому берегу Нѣмана отъ Юрбурга до Мемеля. Предлагая миръ безъ униженія, Александръ надѣялся, что Наполеонъ воздастъ справедливость государственной силѣ Россіи и величію ея Монарха; что онъ, довольный могуществомъ, коего достигъ, посвятитъ отнынѣ жизнь свою и геній свой благу и счастію народовъ. Но если честолюбіе его неукротимо, если всѣ пожертвованія Александра будутъ недостаточны, тогда — тогда будущее вознаградитъ временную уступку, Россія будетъ имѣть время осмотрѣться, приготовиться на новую борьбу, и — борьба сія будетъ тогда послѣднею, а миръ только отдыхомъ, временемъ на укрѣпленіе своихъ силъ.

Всѣ сіи соображенія необходимо исчислить, дабы понять совершенную перемѣну отношеній, и въ слѣдствіе того всѣхъ событій, послѣдовавшихъ послѣ

Тильзитскаго мира. Война и политика, все измѣнилось между Александромъ и Наполеономъ.

Вечеромъ Іюня 20-го въ Тильзитъ присланъ былъ князь Лобановъ-Ростовскій заключить перемиріе, и на другой день подписалъ договоръ съ Бертье. Договоръ былъ только о прекращеніи военныхъ дѣйствій. Фришъ-Нерунгъ до Пиддена, и берега Нѣмана, Бобра, Нарева до Вислы, составляли предѣлы власти Наполеона; плѣнные размѣнивались немедленно; ратификація утверждалась черезъ двое сутокъ. По первымъ словамъ Наполеона Лобанову были изъявленія глубокаго уваженія его къ императору Александру, и желаніе заключить перемиріе только для утвержденія прочнаго мира. Договоръ начинался слѣдующею статьею: «Да, будетъ перемиріе между арміею Французскою и арміею Русскою, *дабы можно было во время его договориться, заключить и подписать миръ, полагающій предѣлъ пролитію крови, столь противному человѣчеству.*» Далѣе сказано было, что «о разрывѣ перемирія, *отъ чего Боже сохрани* (ce que Dieu ne veuille), дано будетъ знать за мѣсяцъ до начатія военныхъ дѣйствій.» Не было болѣе слова о конгрессѣ, но статьею 5-ю опредѣлялось, что «Е. В. *Императоръ Французовъ* (титулъ императорскій Наполеону былъ признанъ безъ всякаго предварительнаго о томъ переговора) и Е. В. Императоръ Всероссійскій назначатъ въ самомъ непродолжительномъ времени уполномоченныхъ, *дабы договориться, заключить и под-*

писать миръ между двумя великими и могущественными народами.»

Наполеонъ ратификовалъ договоръ 22-го Іюня. Дюрокъ отправился съ нимъ, Іюня 23-го, въ Таврогенъ, мѣстопребываніе императора Александра, мѣстечко, недалеко отъ главной Русской квартиры. Александръ ратификовалъ договоръ, и долго, благосклонно бесѣдовалъ съ Дюрокомъ, знакомымъ ему лично послѣ посылки въ Петербургъ, въ 1802 году. Возвратясь въ Тильзитъ, Дюрокъ вскорѣ вторично отправился къ императору Александру, и радостное извѣстіе пролетѣло въ обѣихъ арміяхъ — Наполеонъ и Александръ опредѣлили свиданіе. На срединѣ Нѣмана, служившаго границею между двумя арміями, устроили обширный плотъ, и на немъ поставили два павильона, обтянутые бѣлымъ полотномъ; одинъ назначался для свиданія монарховъ, а другой для свиты ихъ.

Насталъ великій, торжественный день *Іюня* 25-е (Іюня 13-е). У Русскаго берега находилась барка съ гребцами, и по берегу стали полуэскадронъ кавалергардскаго и эскадронъ Прусскаго конно-гвардейскаго полка, близъ раззоренной мызы Оберъ-Мальшенъ-Кругъ. Къ 11-ти часамъ утра, императоръ Александръ съ свитою прибылъ въ селеніе Амтъ-Баублекъ, гдѣ собрались Русскіе генералы и адьютанты. Александръ сѣлъ въ коляску и помчался къ берегу Нѣмана; генералы и адьютанты скакали за нимъ. Въ Оберъ-Мальшенъ-Кругѣ вышелъ онъ изъ коляски, вошелъ въ домъ, бывшій на берегу и сѣлъ у окна.

Комната наполнилась его блестящею свитою. Александръ былъ въ Преображенскомъ мундирѣ и Андреевской лентѣ, молчаливъ, важенъ, но спокоенъ. Взоры всѣхъ устремлялись на противоположный (нагорный) берегъ, гдѣ въ Тильзитѣ замѣтно было движеніе, и гвардія Наполеона поставлена была до берега рѣки въ нѣсколько линій. Адьютантъ вошелъ въ комнату, гдѣ находился императоръ Александръ, и при словахъ: «Ѣдетъ, В. В.,» Александръ всталъ и тихо пошелъ къ лодкѣ. Громъ восклицаній: Vive l'empereur! шумѣлъ на другомъ берегу. Увидѣли Наполеона, скачущаго съ блестящею толпою генераловъ и адьютантовъ. Онъ поспѣшно вошелъ въ свою барку, съ Мюратомъ, Бертье, Бессьеромъ, Дюрокомъ и Коленкуромъ. На немъ былъ гвардейскій конно-егерьскій мундиръ и орденъ Почетнаго Легіона. Сложа руки, въ «историческої» шляпѣ своей, стоялъ онъ молча въ баркѣ. Тысячи взоровъ устремлены были на рѣку съ обоихъ береговъ. Рѣшалась судьба царствъ и поколѣній. Въ одно время обѣ барки пристали къ плоту, но Наполеонъ успѣлъ пройдти сквозь павильонъ, и привѣтствовалъ императора Александра при выходѣ его изъ барки. Съ Александромъ были Цесаревичъ Константинъ, Беннигсенъ, баронъ Будбергъ, Лобановъ и генералъ-адьютанты Ливенъ и Уваровъ.

Болѣе часа продолжалась бесѣда Александра и Наполеона. Исторія не знаетъ что было говорено въ продолженіе сего великаго, вѣковаго часа — *въ-*

коваго, говоримъ мы, ибо не вѣка ли вмѣщались въ часы въ то дивное время, когда дерзкій плебей, дитя Революціи, въ Октябрѣ 1799 года явился бѣглецомъ съ Востока, и черезъ три мѣсяца былъ владыкою Франціи, въ Маѣ 1800 г. побѣдителемъ Австріи, въ Мартѣ 1802 года примирителемъ вооруженной противъ него Европы; въ 1803 году снова возставилъ ее противъ себя; въ 1804 году схватилъ смѣлою рукою древній вѣнецъ Французскихъ монарховъ и желѣзную корону Италіи; въ Сентябрѣ 1805 г. подвергался гибели отъ союза Австріи и Россіи, а въ Ноябрѣ распоряжалъ судьбою побѣжденной Австріи и покорной Германіи; черезъ годъ, въ Октябрѣ 1806 г., былъ угрожаемъ новою гибелью, а въ Декабрѣ, уничтоживъ Пруссію, препнувшійся въ борьбѣ съ послѣднимъ оплотомъ Европы, Россіею, въ Февралѣ 1807 г. еще разъ страшимый гибелью, въ Іюнѣ стоялъ побѣдителемъ на предѣлахъ Россіи, и дружески подавалъ руку Русскому Монарху, согласному на все, что дотолѣ совершили воля и геній Наполеона? Такъ вѣка вмѣстятся въ часы при паденіи его, если онъ не остановится, не забудетъ, что есть же всему предѣлъ — потворству счастія и генію человѣка.

Радостны и веселы явились оба Императора, когда свита ихъ была приглашена въ большой павильонъ, гдѣ они находились. Начался живой, бѣглый разговоръ, и болѣе всѣхъ говорилъ Наполеонъ съ Бенингсеномъ. Дружески разстались властители судебъ народныхъ. Платя за встрѣчу его Наполео-

номъ, Александръ проводилъ Наполеона до его барки.

Ожиданіями волновались умы. На другой день происходило второе свиданіе на Нѣманѣ, гдѣ присутствовалъ Король Прусскій. Монархи казались друзьями. Оффиціяльные обряды были исполнены. Наполеонъ предложилъ, и Александръ согласился переѣхать въ Тильзитъ. Половина города была очищена отъ Французскихъ войскъ и въ ней назначены два дома, одинъ для пребыванія императора Александра, а потомъ другой, по желанію Александра, для Короля Прусскаго. Въ 6 часовъ по полудни Іюня 26-го (14-го), одинъ гвардейскій батальонъ Наполеона поставленъ былъ отъ берега до квартиры Наполеоновой. Императоръ Александръ переправился черезъ Нѣманъ, при выходѣ изъ барки былъ встрѣченъ Наполеономъ, и поѣхалъ рядомъ съ нимъ, верхомъ. Обѣдъ, къ коему приглашены были только цесаревичъ Константинъ Павловичъ и Мюратъ, былъ у Наполеона. Вечеромъ вступили въ Тильзитъ батальонъ Преображенскаго полка, съ полковникомъ Козловскимъ, и полуэскадронъ кавалергардовъ, съ ротмистромъ Левашевымъ (нынѣ графъ и ген. отъ кавалеріи), который вскорѣ былъ смѣненъ полуэскадрономъ лейбъ-гусаровъ, съ ротмистромъ Рейтерномъ, и нѣсколькими лейбъ-казаками.

Двѣ недѣли проведены были въ Тильзитѣ въ дружескихъ и безпрерывныхъ сношеніяхъ Александра съ Наполеономъ. Королева Прусская прибыла въ Тильзитъ за недѣлю до заключенія трактата. Блестящій

Дворъ находился при каждомъ изъ монарховъ. Наполеонъ окружалъ себя царскимъ великолѣпіемъ и Дворскимъ этикетомъ. Пажи принимали лошадь его, когда посѣщая Александра, онъ сходилъ съ нея, или садился на нее, и Коленкуръ, какъ оберъ-шталмейстеръ, въ своемъ шитомъ мундирѣ и звѣздахъ, держалъ стремя. Наполеонъ всегда ѣздилъ верхомъ, и скакалъ быстро, окруженный толпою маршаловъ, генераловъ, адьютантовъ и отрядомъ войскъ. Всегда былъ онъ веселъ и разговорчивъ. Александръ являлся съ небольшою свитою, ѣздилъ тихо, былъ очаровательно любезенъ, но неуклончиво важенъ. Каждый день, въ 6 часовъ вечера Наполеонъ пріѣзжалъ къ Александру, или Александръ ѣхалъ къ Наполеону, вмѣстѣ отправлялись на смотры и ученья Французскихъ войскъ, вмѣстѣ обѣдали часовъ въ восемь вечера, а въ 10, или 11 часовъ по полудни Наполеонъ приходилъ въ квартиру Александра, одинъ, безъ свиты, въ своемъ сѣромъ сюртукѣ, пѣшкомъ, пилъ у него чай, и въ тайной, уединенной бесѣдѣ проводилъ время до часа и до двухъ часовъ за полночь. Любуясь Преображенцами, зная по опыту мужество Русскихъ, Наполеонъ особенно изумлялся непобѣдимому терпѣнію ихъ и безмолвной твердости среди тяжкихъ походовъ, послѣ гибельныхъ пораженій. «Мои солдаты храбры, как только можно быть человѣку храбрымъ, но они слишкомъ много умничаютъ (mais ils raisonnent trop),» говорилъ Наполеонъ. «Будь у нихъ безстрастная твердость и послушливость Рус-

кихъ, *свѣтъ былъ бы тѣсенъ для меня.* Французскіе солдаты слишкомъ любятъ свою отчизну, и не могутъ быть Македонянами» (s'ils avaient l'impassible fermeté et la docilité du Russe, le monde ne serait pas assez grand pour moi. Les soldats français aiment trop leur pays, pour faire le Macédoniens).» Наполеонъ высказывалъ лестныя привѣтствія Русскимъ генераламъ, хотѣлъ видѣть Багратіона и Платова. «Подъ Эйлау были вы чрезвычайно злы,» говорилъ онъ Беннигсену, «но всегда особенно удивлялся я вашимъ дарованіямъ — вашей осмотрительности еще болѣе (votre prudence encore plus).» Платовъ засмотрѣлся однажды на Наполеона, бывшаго верхомъ на Арабскомъ бѣгунѣ. Кто-то изъ Французовъ отнесся къ нему съ вопросомъ: «Гетманъ, конечно, любуется Императоромъ?» — «Нѣтъ!» отвѣчалъ хладнокровно Платовъ, «переведи ему, что я любуюсь не Бонапартомъ, а его лошадью — Арабская, разбойница, и какой породы!» Не знаемъ, перевели ль замѣчаніе Платова Французу. «Ребята!» говорилъ казакамъ Платовъ — «примѣчайте примѣты этого злодѣя Бонапарта. Вѣдь мы съ нимъ въ мирѣ долго не проживемъ, такъ замѣтить хорошенько молодца не худо — авось еще попадетъ на арканъ!»

Не можемъ дополнять недостовѣрными догадками, чего не знаемъ изъ вѣрныхъ источниковъ. Осталось неизвѣстнымъ все что было говорено Наполеономъ и Александромъ въ ихъ тайныхъ бесѣдахъ. Излагаемъ факты.

Пока продолжалось пребываніе обоихъ Императоровъ въ Тильзитѣ, Талейранъ дѣятельно велъ переговоры съ Куракинымъ, Лобановымъ, Калкрейтомъ, замѣнившимъ Гарденберга, который не смѣлъ явиться въ Тильзитъ, и Гольцомъ. Слѣдствіемъ всѣхъ переговоровъ были два трактата, заключенные съ Россіею и Пруссіею, Іюля 7-го и 9-го.

Миръ, прекращеніе военныхъ дѣйствій и совершенная дружба были первыми условіями договора съ Россіею. «*Изъ уваженія къ Императору Всероссійскому, и въ изъявленіе искренняго своего желанія соединить обѣ націи узами довѣренности и непоколебимой дружбы,*» Наполеонъ *соглашался возвратить* Королю Прусскому всѣ земли его отъ Нѣмана до Эльбы, кромѣ Польскихъ областей, которыя долженствовали образовать особенное владѣніе, подъ именемъ *герцогства Варшавскаго*, и передавались подъ симъ титуломъ Королю Саксонскому, «управляемыя по «такой конституціи, которая, охраняя свободу и пре«имущества жителей, была бы согласна съ спокой«ствіемъ державъ сосѣдственныхъ.» Для сообщенія Варшавскаго герцогства съ Саксоніею опредѣлялся военный путь черезъ Силезію. *Данцигъ*, съ округомъ, объявлялся независимымъ, вольнымъ городомъ, какъ былъ до раздѣла Польши. *Бѣлостокская область*, изъ Польскихъ областей, *для постановленія сколько можно естественныхъ предѣловъ между Россіею*, предоставлялась во владѣніе Россіи. Объявлялось прощеніе всѣмъ Полякамъ за участіе ихъ въ дѣлахъ по-

литическихъ или военныхъ, въ послѣднюю войну. Саксенъ-Кобургъ, Голштейнъ-Ольденбургъ и Мекленбургъ-Шверинъ возстановлялись въ ихъ прежнихъ предѣлахъ, но Французскіе гарнизоны занимали области ихъ до заключенія всеобщаго мира. Императоръ Александръ принималъ на себя посредство въ заключеніи мира съ Англіею, въ *томъ предположеніи, что посредство сіе будетъ принято Англіею въ теченіе мѣсяца;* признавалъ Іосифа королемъ Неаполитанскимъ и Людовика королемъ Голландскимъ; признавалъ Рейнскій Союзъ, новые титулы членовъ его, также всѣхъ другихъ членовъ, которые приступятъ къ Союзу; уступалъ королю Людовику герцогство Эверское; признавалъ Іеронима королемъ новаго государства, которое, подъ именемъ *Вестфальскаго,* составится изъ земель, уступаемыхъ Пруссіею за Эльбою, «*и иныхъ, состоящихъ нынѣ* (какъ было сказано) *во владѣніи Наполеона.*» Россія прекращала войну съ Турціею и очищала Молдавію и Валахію, съ тѣмъ, что Турки не займутъ ихъ до заключенія мира, посредство коего пріемлетъ на себя Наполеонъ. Торговля возстановлялась между Россіею и Франціею на прежнихъ основаніяхъ. Церемоніалъ Дворовъ Россійскаго и Французскаго учреждался на совершенномъ равенствѣ.

Трактатомъ съ Пруссіею дополнялись разныя подробности уступокъ Пруссіи, и исчислялись тѣ изъ нихъ, о коихъ не было сказано въ договорѣ съ Россіею. Ни слова не было объ отношеніяхъ Пруссіи

съ Франціею, не требовались ни въ чемъ, ни ручательство, ни утвержденіе Пруссіи. То былъ не трактатъ между двумя державами, но грозный договоръ побѣдителя съ побѣжденнымъ. Казалось, самое существованіе Пруссіи оставлено было только въ уваженіе ходатайства императора Александра. Послѣ статей о *возвращеніи* Пруссіи областей по Эльбу, признаніи Пруссіею новаго королевства Вестфальскаго, составляемаго «изъ земель, уступаемыхъ Пруссіею, и другихъ, въ настоящее время обладаемыхъ Наполеономъ» (de provinces cédées par S. M. le roi de Prusse et d'autres états actuellement possédés par S. M. l'empereur Napoléon), Людовика Голландскимъ, Іосифа Неаполитанскимъ, Іеронима Вестфальскимъ королями, Пруссія утверждала *всѣ распоряженія, какія учинитъ Наполеонъ о земляхъ, въ сихъ статьяхъ упоминаемыхъ,* и кромѣ того уступала Королю Саксонскому Котбусскій округъ на Одерѣ. Изъ Польскихъ областей, отдаваемыхъ Саксоніи подъ именемъ герцогства Варшавскаго, исключался только округъ Вармскій, или Эрмеландъ. Послѣ упоминанія о Данцигѣ, военной дорогѣ черезъ Силезію и отдачѣ Бѣлостока Россіи, прибавлялось, что Данцигъ закрывается для Англичанъ до окончанія войны съ ними, какъ равно закрываются для нихъ всѣ Прусскіе порты. Плѣнныхъ опредѣлено размѣнять немедленно. Особенною конвенціею, въ Кенигсбергѣ, между Бертье и Калкрейтомъ, Іюля 12-го, положено, что Французы очистятъ Пруссію въ теченіе двухъ съ половиною

мѣсяцовъ, кромѣ части области Магдебургской на правомъ берегу Эльбы, которая остается занятою до 1-го Ноября, и Штеттина, о коемъ будетъ особый договоръ, но что сіе очищеніе Пруссіи послѣдуетъ тогда только, *когда Пруссія выплатитъ всѣ наложенныя на нее контрибуціи* — условіе, коимъ занятіе Пруссіи Французами дѣлалось вовсе неопредѣленнымъ.

Безмѣрный шагъ сдѣланъ былъ Наполеономъ въ Тильзитѣ. Съ оружіемъ въ рукахъ договариваясь съ послѣднимъ представителемъ независимой Европы, Россіею, на предѣлахъ ея, онъ не только утверждалъ всѣ учиненныя имъ дотолѣ перемѣны въ Европѣ, но и непримиримый до сихъ поръ врагъ его, императоръ Александръ дѣлался его другомъ и союзникомъ. Единственно по ходатайству новаго союзника оставлялъ онъ Пруссіи политическое бытіе и половину земель ея. Утверждалось основаніе двухъ новыхъ государствъ въ Польшѣ и Германіи — герцогства Варшавскаго, ставившаго власть Наполеона на предѣлахъ Россіи, и королевства Вестфальскаго, передаваемаго третьему брату Наполеона, и распространявшаго власть его въ Германіи. Ганноверъ, Гессенъ, Брауншвейгъ, Фульду, области Прусскія Наполеонъ передавалъ брату своему, какъ будто свою собственность. Россія брала на себя посредничество въ мирѣ съ Англіею, и принимала посредничество Наполеона въ мирѣ съ Турціею. Увидимъ далѣе, что союзъ Россіи съ Наполеономъ не ограничивался простымъ посред-

ничествомъ. Въ трактатѣ ничего не было сказано о континентальной системѣ, объ участи Іоническихъ острововъ, объ отношеніяхъ Наполеона къ Швеціи и Сициліи. Приступленіе Пруссіи къ континентальной системѣ, оставленіе гарнизоновъ Французскихъ въ Данцигѣ, Штеттинѣ, Мекленбургѣ и Ольденбургѣ, включеніе Ганновера въ Вестфальское королевство, и требованіе согласія Англіи на миръ въ теченіе мѣсяца, показывали, сколь новыя отношенія могутъ явиться для Англіи изъ Тильзитскаго трактата. Не говоримъ, что о прежнихъ, непремѣнныхъ требованіяхъ Россіи — свободѣ Германіи, Нидерландовъ, Швейцаріи, вознагражденіи Сардиніи, и также вознагражденіяхъ лишеннымъ владѣній государямъ Гессена и Браунввейга и Принцу Оранскому, не было сказано ни чего. Должно ли прибавить, что уже ни слова не было говорено объ участи Бурбоновъ, объ утвержденіи императорскаго титула Наполеону, дотолѣ именуемому во всѣхъ сношеніяхъ Россіи «начальникомъ Французскаго правительства?» Дружески подавая руку Наполеону, и называя его *братомъ*, Александръ рѣшилъ оба вопроса. Шагъ безмѣрный!

Потери Пруссіи были неисчислимы. Погубивъ свои арміи, нисходя съ степени первыхъ государствъ Европы, девять мѣсяцовъ страдая подъ игомъ военнаго занятія ея областей, видя гордаго побѣдителя во дворцѣ Фридриха Великаго, и нескончаемое бремя тяжестей, при условіяхъ, на коихъ Французы должны были очистить возвращаемыя Пруссіи области —

условія едва исполнимыя, ибо они заключались въ уплатѣ контрибуцій и мирѣ съ Англіею, Пруссія теряла притомъ половину своихъ земель. Области, уступаемыя Пруссіею, составляли народонаселеніе изъ 4,236,305 человѣкъ, (*) а съ присовокупленіемъ уступленныхъ прежде, Аншпаха, Невшателя и Клева, 4,636,305. Оставляемыя Пруссіи области заключали въ себѣ народонаселеніе изъ 5,043,504 человѣкъ. Болѣе *шести сотъ милльоновъ* составляли контрибуціи, поборы и разнаго рода поставки для Французскихъ войскъ, въ земляхъ, бывшихъ мѣстомъ войны 1806 и 1807 гг.

Трогательно было воззваніе Прусскаго монарха къ жителямъ уступаемыхъ имъ областей (кромѣ Польскихъ). «Чувства мои, любезные обитатели вѣрныхъ областей, вамъ извѣстны, какъ извѣстны событія прошедшаго года. Мои войска были побѣждены несчастіемъ. Усилія послѣднихъ остатковъ моей арміи явились безполезны. Отброшенный на край моего государства, лишенный пособія моего могущественнаго

(*) Округъ Котбусскій 33,300, Пруссія Западная и округъ Нетцскій 262,286, Пруссія Южная 1,282,189, Пруссія Восточная 904,318; на лѣвомъ берегу Эльбы. Старая Мархія и Прейгницъ 112,000, Магдебургъ 250,039, Галберштадтъ 148,232, Гильдесгеймъ 130,069, Эйхсфельдъ и Эрфуртъ 164,690, Минденъ и Равенсбергъ 159,776, Падерборнъ, Мюнстеръ, Менгенъ и Теклембургъ 268,342, Мархія, аббатства Эссенъ, Эльтенъ и Верденъ 162,401, Остъ-Фрисландія 119,803, Байрейтъ 238,560. Всего 4,236,305.

Союзника, принужденнаго заключить перемиріе и миръ, я могъ желать только одного — смѣнить миромъ для государства моего бѣдствія войны. Мнѣ надлежало принять миръ, какой предписываютъ обстоятельства. Тяжкихъ пожертвованій стоитъ онъ мнѣ и моему Дому. Должно было отказаться отъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ моими предками въ теченіе цѣлаго столѣтія, и отдѣлить области, соединенныя трактатами, привязанностью жителей, взаимною довѣренностью государя и подданныхъ. Таково опредѣленіе жребія, и отецъ разстается съ своими дѣтьми. Разрѣшаю васъ отъ всѣхъ обязанностей ко мнѣ и къ моему Дому. Пламенные обѣты наши о счастіи вашемъ сопровождаютъ васъ. Будьте для новыхъ государей вашихъ тѣмъ, чѣмъ были вы для меня. Никакія событія, никакое могущество не могутъ изгладить въ сердцѣ моемъ, и въ сердцахъ моихъ дѣтей, воспоминанія о вашей вѣрности.»

Первымъ слѣдствіемъ Тильзитскаго мира было прекращеніе военныхъ дѣйствій Англичанъ и Шведовъ въ Помераніи. Брюнъ успѣлъ протянуть на нѣсколько дней бездѣйствіе Густава Адольфа, послѣ объявленія имъ разрыва Шлатковскаго перемирія. Полюбивъ Брюна послѣ личнаго съ нимъ свиданія, Густавъ Адольфъ предложилъ даже ему заслужить славу Монка, соединиться съ Шведами, идти въ Парижъ и возстановить Бурбоновъ. Брюнъ отрекся отъ такой почести, и громовымъ ударомъ Густаву было письмо Короля Прусскаго отъ 30-го Іюня, гдѣ, благодаря,

его за предлагаемыя услуги, онъ извѣщалъ о перемиріи съ Наполеономъ. «Рядъ событій, отвратить которыя было не въ моей волѣ, произвели совершенную перемѣну въ системѣ Россіи,» писалъ Король. «Сіи событія и другія обстоятельства принудили императора Александра заключить съ Наполеономъ перемиріе, имѣвшее цѣлью возстановленіе мира. Нѣтъ надобности спрашивать у В. В., могъ ли я, въ ужасномъ положеніи моемъ, отдѣлиться отъ Россіи. Съ живѣйшею горестью уступилъ я строгой необходимости, подписалъ перемиріе и назначилъ министровъ договариваться о мирѣ. Корпусъ Блюхера подвергается условіямъ Тильзитскаго договора. Употреблю все отъ меня зависящее, чтобы Франція не разрывала перемирія съ вами, и прошу васъ съ вашей стороны принять мѣры, предписываемыя въ настоящихъ обстоятельствахъ благоразуміемъ, дабы обезпечить отъ гибельной войны ваши Германскія владѣнія.» Другимъ письмомъ, Іюля 16-го, Король Прусскій извѣстилъ Густава о заключеніи мира. «Вскорѣ послѣ перемирія,» писалъ Король, «Союзникъ мой заключилъ миръ. Оставленный безъ помощи на великомъ театрѣ войны, я увидѣлъ себя принужденнымъ, какъ ни тягостно мнѣ было, также заключить миръ. Желалъ я послѣ сего, чтобы за разрывомъ вами перемирія не послѣдовало войны, и рѣшился объясниться о томъ съ императоромъ Наполеономъ, предлагая ему начать съ вами переговоры и не проливать безполезно крови. Кажется, онъ охотно выслушалъ мое

предложеніе, и препоручилъ мнѣ озаботиться о прекращеніи вражды между нимъ и В. В., что почитаетъ онъ равно благопріятнымъ для обѣихъ сторонъ, ибо Швеція, по географическому положенію своему, не можетъ быть непріятелемъ Франціи. Прошу В. В. взвѣсить всѣ сіи обстоятельства, какъ равно и то, что произойдетъ теперь отъ совершенной перемѣны въ системѣ Россіи. Сколь ни велико благородное постоянство ваше защищать союзниковъ, въ настоящее время послѣдовали перемѣны, измѣнившія дѣло. Предлагаю къ услугѣ вамъ все что ускоритъ миръ, и по моей просьбѣ императоръ Александръ также пріемлетъ въ васъ самое живѣйшее участіе.» Густавъ не противорѣчилъ, и отпустилъ Блюхера съ Прусскими войсками. Блюхеръ плакалъ отъ прискорбія, принужденный оставить безъ возмездія «обиду» Французовъ, какъ называлъ онъ свой плѣнъ. Вскорѣ Англичане и Каткартъ получили повелѣніе оставить Померанію. Мечты Густава о побѣдахъ разсѣялись, но мысль покориться Наполеону была ему тяжеле смерти. Къ счастью, Наполеонъ избавилъ его отъ стыда покорности. Императоръ Александръ и Король Прусскій уговорили Наполеона пощадить Густава, но условіями пощады было занятіе Стральзунда Французскимъ гарнизономъ, и принятіе Швеціею континентальной системы при несоглашеніи Англіи на миръ. Густавъ оскорбился, предложилъ, Августа 4-го, перемиріе и переговоры о мирѣ. Наполеонъ отказался отъ всякихъ переговоровъ, велѣлъ насильно занять

Стральзундъ, и уполномочилъ Брюна объявить въ приказѣ, что Франція готова на миръ, и если начнется война, то причиною ея будетъ сумасбродный Король Шведскій. «Говорите объ немъ, какъ о сумасшедшемъ, который можетъ быть властителемъ дома ума лишенныхъ, а не королемъ храбраго Шведскаго народа,» писалъ Наполеонъ. Брюнъ заблокировалъ Стральзундъ. Жители умоляли Густава спасти ихъ отъ бѣдствій осады. Августа 20-го, ночью, Густавъ переѣхалъ, съ своимъ остальнымъ войскомъ, на островъ Дексгольмъ, и по договору съ городовымъ магистратомъ Брюнъ занялъ Стральзундъ. Вдругъ Густавъ раскаялся въ своемъ снисхожденіи, потребовалъ выхода Французовъ, даже началъ бомбардировать Стральзундъ. Брюнъ принужденъ былъ силою вытѣснить Шведовъ съ Дексгольма, въ ночь на 25-е Августа. Густавъ перебрался на островъ Рюгенъ и предлагалъ договоръ. Французы приготовились взять Рюгенъ. Сентября 6-го, Густавъ, больной, былъ увезенъ въ Швецію, и генералъ Толль заключилъ съ Брюномъ условіе, по коему Шведскія войска должны были очистить Рюгенъ въ теченіе мѣсяца. Въ числѣ трофеевъ, взятыхъ въ Стральзундѣ, находились знамена и жезлъ героя Тридцати-лѣтней войны, предка Густавова, Густава Адольфа.

Тильзитскій трактатъ прекратилъ войну на Дунаѣ и въ Далмаціи. Ограничивая дѣйствія на Дунаѣ и за Кавказомъ оборонительною войною, императоръ Александръ велѣлъ дѣйствовать наступательно флотамъ

своимъ въ Архипелагѣ и на Черномъ морѣ. Михельсонъ обложилъ Измаилъ и разбилъ Турковъ при Турбатѣ и Журжѣ. Храбрый Пегливанъ защищалъ Измаилъ. Байрактаръ, бывшій атаманъ разбойниковъ, потомъ паша и любимецъ Селима, заперся въ Рущукѣ. Руские подкрѣпили возстаніе Сербіи, гдѣ Георгій Черный осадилъ и взялъ Бѣлградъ. Сорокъ тысячь Турковъ шли на Дунай, но остановились, услышавъ о неожиданномъ событіи въ Царьградѣ: Мая 29-го Селимъ III-й былъ низверженъ янычарами, и юный Мустафа, сынъ Абдулъ-Хамида, возведенъ на престолъ. Себастіани ожидалъ погибели, но дѣло произошло не отъ политическихъ отношеній. Причиною бунта были вводимые въ Турцію Султаномъ Европейскіе обычаи, и особенно образованіе низамъ-джегита. Албанскіе ямаки, предводимые буйнымъ Сабаки-Оглу, подняли знамя возстанія; къ нимъ пристали янычары, и властью закона Муфти отрѣшилъ Селима по силѣ Корана, какъ «проклятаго приверженца обычаевъ невѣрныхъ гяуровъ.» Тюрьма была назначена Селиму, одному изъ самыхъ замѣчательныхъ властителей Турціи, послѣ 18-ти лѣтняго царствованія. Муфти и совѣтники юнаго султана Мустафы извѣстили Себастіани, что всѣ отношенія Турціи къ Великому Падишаху Франціи остаются прежнія. Визирю велѣно было продолжать походъ на Дунай. Корпусъ Турковъ, перешедшій за Дунай, былъ разбитъ Милорадовичемъ при Обилешти, хотя осада Измаила шла неудачно. За Кавказомъ Гудовичъ штур-

11*

мовалъ Ахалкалаки, былъ отбитъ, но разбилъ Турковъ на Арпачаѣ. Черноморскій флотъ разорилъ Анапу, и безполезно плавалъ къ Синопу и Трапезонту. Въ Архипелагѣ, послѣ несоглашенія Дукворта идти на Царьградъ, Сенявинъ блокировалъ Дарданеллы, занялъ Тенедосъ и сражался съ Турецкимъ флотомъ близъ Аѳонской горы. Тщетно Сенявинъ предлагалъ миръ Оттоманамъ, когда для переговоровъ присланъ былъ къ нему Поццо ди-Борго изъ Вѣны. Требованіе Сенявина подтверждалъ лордъ-Пажетъ, прибывшій въ Архипелагъ на эскадрѣ адмирала Мартенса. Турки даже не отвѣчали на предложеніе. Сенявинъ и Мартенсъ пошли къ Дарданелламъ, но осмотрѣвъ ихъ, согласно утвердили, что прорывъ флотомъ былъ невозможенъ послѣ новаго укрѣпленія пролива Дарданельскаго. Здѣсь прекратились военныя дѣйствія. Лошкаревъ, повѣренный императора Александра, и генералъ Гильемино, повѣренный Наполеона, прибыли въ Бухарестъ и отправились въ Слободзею, гдѣ, по увѣдомленію Михельсона, уже ожидалъ ихъ Турецкій повѣренный. Переговоры кончились перемиріемъ, Августа 12-го, но по вышедшимъ спорамъ въ условіяхъ Русскія войска не оставляли Молдавіи и Валахіи. Въ началѣ Августа Себастіани и Рейссъ-Эффенди извѣстили Сенявина о перемиріи. Вскорѣ было получено повелѣніе императора Александра объ отдачѣ Архипелажскихъ завоеваній Туркамъ, а Бока ди-Каттаро и Іоническихъ острововъ Французамъ, и объ отплытіи Русскаго флота въ Рос-

сію. Августа 25-го Сенявинъ отправился въ Корфу. Въ Далмаціи, въ 1807 году, дѣла ограничивались сшибками Французовъ и Турковъ съ Рускими и Черногорцами. Мармонъ готовилъ экспедицію на Кастель-Ново, а Али-Паша въ Корфу, но они были удержаны опасеніемъ Русскаго флота и войска. Іюля 29-го сдали Лористону Кастель-Ново. Августа 7-го Французскіе отряды заняли Корфу и другіе Іоническіе острова. Послѣ восьми-лѣтняго пребыванія на нихъ Русскихъ войскъ, Августа 22-го орелъ Наполеона безъ бою смѣнилъ Русскаго орла на укрѣпленіяхъ Корфіотскихъ.

Іюля 13-го Наполеонъ оставилъ Тильзитъ. Разставанье его съ императоромъ Александромъ было самое дружеское. Императоры обмѣнялись орденами Андрея Первозваннаго и Почетнаго Легіона, и взаимно награждали генераловъ обѣихъ армій. Осматривая однажды бывшій въ Тильзитѣ Преображенскій батальонъ, Наполеонъ попросилъ дозволенія наградить храбрѣйшаго изъ Преображенцовъ Почетнымъ Легіономъ, снялъ съ груди своей крестикъ Легіона, надѣлъ его на солдата, вызваннаго изъ строя, и опредѣлилъ ему 1200 франковъ пенсіи. Александръ вручилъ Наполеону Георгіевскій крестикъ, съ порученіемъ украсить имъ грудь храбрѣйшаго изъ Французскихъ гвардейцовъ. Наполеоновы усачи угощали Преображенцовъ обѣдомъ, для котораго выданъ былъ серебряный сервизъ Наполеона. Послѣ веселаго пира гости обнимались и не могли наговориться другъ съ

другомъ, хотя не понимали взаимно языка. Назначены были великолѣпныя посольства, Русское въ Парижъ и Французское въ Петербургъ. Когда императоръ Александръ отправился въ Петербургъ, войска, занимавшія оба берега Нѣмана, оставили ихъ, и только слѣды разрушенныхъ биваковъ и память великихъ событій знаменовали въ окрестностяхъ Тильзита и на берегахъ Нѣмана пребываніе здѣсь двухъ великихъ монарховъ, двухъ исполиновъ своего времени. Ты увидишь ихъ еще разъ, Нѣманъ, но какъ страшно измѣнятся тогда событія!

Августа 21-го (9-го) возвѣщено было Россіи о мирѣ. «Всевышній, пріосѣняя воинство наше своею помощію,» говорилъ императоръ Александръ, «благоволилъ положить счастливый конецъ кровопролитной брани, и даровалъ благословенный миръ. Въ основаніяхъ сего мира всѣ предположенія къ распространенію нашихъ предѣловъ, а паче изъ достоянія нашего союзника, признали мы несогласными съ справедливостью и достоинствомъ Россіи. Въ ополченіи нашемъ не расширенія пространной нашей имперіи, мы искали, но желали возстановить нарушенное спокойствіе, и отвратить опасность, угрожавшую державѣ, намъ сопредѣльной и союзной. Постановленіемъ настоящаго мира, не токмо прежніе предѣлы Россіи во всей ихъ неприкосновенности обезпечены, но и приведены въ лучшее положеніе присоединеніемъ къ нимъ выгодной и естественной грани, а союзнику нашему возвращены многія страны и области, жребіемъ

войны отторгнутыя и оружіемъ покоренныя.» Въ концѣ Сентября распущена была Русская милиція. Октября 27-го объявлено о присоединеніи къ Россіи Бѣлостокской области.

Наполеонъ проѣхалъ изъ Тильзита въ Кенигсбергъ и Познань. Іюля 20-го привѣтствовали его въ Дрезденѣ Саксонскій Король и другіе Принцы Саксонскіе. Здѣсь, особенно привѣтливый съ монархомъ Саксоніи, онъ принялъ депутацію Поляковъ и утвердилъ конституцію Варшавскаго герцогства. Время дѣлилось между весельемъ и дѣлами. Наполеонъ разсматривалъ Дрезденскія рѣдкости, пробѣжалъ по знаменитой картинной галлереѣ, каждый день посѣщалъ гошпитали, гдѣ лежали раненые подъ Іеною Французы, и велѣлъ составить планъ укрѣпленія Дрездена. Неужели предчувствіе говорило ему, что *здѣсь* нѣкогда будетъ онъ защищать вѣнецъ свой отъ соединенной противъ него Европы? Нѣтъ! предчувствія не было. Оглушенный громомъ битвъ, гордый успѣхами, непадмѣнно смотрѣлъ Наполеонъ съ высоты своего величія и не укрощалъ порыва ненасытныхъ страстей. Въ Дрезденѣ явилась къ нему депутація Берлина и Бранденбургской мархіи, съ просьбою уменьшить тягости, ихъ обременявшія. Наполеонъ не смягчился, и неумѣренно высказалъ досаду свою противъ монарха Пруссіи. «Не понимаю что за человѣкъ вашъ Король!» говорилъ онъ. «Я лишилъ бы его престола, еслибы Императоръ Россійскій не поспѣшилъ заключеніемъ мира. Васъ преобразовалъ бы я по своему,

и едва ли вы не были бы счастливѣе. Десять разъ предлагалъ я Королю вашему миръ. Зимою звалъ я его возвратиться въ Берлинъ, но онъ предпочелъ помощь Россіи. Я не хотѣлъ войны; съ меня довольно границы по Рейнъ. Вы теперь мнѣ не принадлежите. Вы были моими по праву завоеванія, но я возвратилъ васъ Королю. Теперь надобно отнять у него средства черезъ полгода опять воевать со мною. Я ни въ чемъ не могу быть увѣренъ. Онъ слѣдуетъ совѣтамъ злыхъ людей — у него нѣтъ твердой воли и системы. Отъ дружбы его мало мнѣ было пользы — пусть лучше будетъ онъ врагомъ моимъ, а я ужь знаю что мнѣ дѣлать!» Какъ горько было разочарованіе горделиваго властителя, когда черезъ семь лѣтъ потомъ монархъ Пруссіи, столь оскорбляемый и унижаемый имъ, рѣшалъ его участь!

Подобно походу Аустерлицкому, походъ Фридландскій 1807 года былъ ознаменованъ новымъ родственнымъ союзомъ Наполеона съ Европейскими государями Августа 12-го совершился бракъ Іеронима съ принцессою Виртембергскою, Софіею Доротеею Фридерикою Екатериною. Мы видѣли, что недовольный своевольною женидьбою Іеронима, Наполеонъ исключилъ его изъ своего семейства, даже запретилъ ему возвращеніе во Францію. Вѣтренный Іеронимъ скоро раскаялся, просилъ прощенія, искалъ покровительства Жозефины и сестеръ, наконецъ бросилъ жену и сына въ Сѣверной Америкѣ, и явился во Францію въ 1805 году. Ему было тогда 20 лѣтъ.

Наполеонъ долго не хотѣлъ его видѣть, требовалъ, чтобы онъ заслужилъ прощеніе, и сперва послалъ его въ Алжиръ, а потомъ отправилъ на эскадрѣ адмирала Вилломеза, назначивъ капитаномъ корабля, въ 1805 году. Храбрый, при вѣтренности и безразсудствѣ, Іеронимъ поссорился съ начальникомъ эскадры, когда онъ не хотѣлъ напасть на Англійскую эскадру Кохрана. Іеронимъ оставилъ его и самовольно отправился во Францію. Не только успѣлъ онъ счастливо избѣгнуть преслѣдованія Англичанъ, но даже захватилъ на пути богатые грузы; и укрылся въ Конкарноскомъ заливѣ, гдѣ не полагали дотолѣ возможнымъ пройдти фрегату. Отвага Іеронима заслужила ему прощеніе и чинъ контръ-адмирала. Послѣ торжественнаго расторженія брака его, Іеронимъ получилъ достоинство принца Французскаго Императорскаго Дома, переведенъ былъ въ армію, и вмѣстѣ съ Вандамомъ отличался въ завоеваніи Силезіи. Наградою его были тронъ новаго Вестфальскаго королевства, и рука прекрасной принцессы, примѣра доблестей царицы и добродѣтелей женщины, супруги и матери. Она была дочь Короля Виртембергскаго, племянница Россійской императрицы Маріи Ѳеодоровны. Передъ началомъ Прусской войны, любимецъ Наполеона, вѣрный спутникъ всѣхъ его походовъ, Бертье также вступилъ въ родство съ потомствомъ властителей Германскихъ; супруга его была принцесса Биркенфельдская, Марія Елисавета, дочь одного изъ князей Баварскаго Дома.

Іюля 27-го, въ пять часовъ по полудни, звонъ колоколовъ, пальба съ Дома инвалидовъ и флагъ на Сенъ-Клудскомъ дворцѣ возвѣстили Парижу возвращеніе Наполеона. Въ тотъ же день явились передъ нимъ Сенатъ и другія высшія правительственныя мѣста. Сколько поддѣльная лесть, столько и искреннее удивленіе вдохновили рѣчи и привѣтствія Наполеону. Чѣмъ-то фантастическимъ казалось лицо его, загорѣвшее среди пыли и огня сраженій, какимъ-то волшебнымъ очарованіемъ горѣлъ взглядъ его, закаленный зноемъ и холодомъ въ походѣ, и непобѣдимо уничтожало всѣхъ выраженіе лица его, привыкшее повелѣвать властителями и народами. «Государь! гдѣ сыщемъ хвалу, тебя достойную — твоя слава выше всѣхъ похвалъ! Надобно стать въ ряды потомства, дабы постигнуть все твое величіе!» говорилъ Сенатъ устами Ласепеда. «Одна только хвала возможна намъ — одна достойна тебя, Государь» — говорилъ другой ораторъ — «простой разсказъ о твоемъ царствованіи, разсказъ о томъ что ты хотѣлъ исполнить и что исполнилъ — причинъ, средствъ, дѣйствій, намѣреній твоихъ, и слѣдствій изъ того происшедшихъ!»

Какъ предвидѣлъ Наполеонъ, такъ все исполнилось. Успѣхъ прикрылъ все его неудачи, всѣ опасности, какимъ подвергалъ онъ себя и все созданное имъ. Все было приписано его уму, его генію — обвиненіе пало на побѣжденныхъ. Справедливо ли? Забыли Пултускъ, Эйлау, Гейльсбергъ, средства, копии

приготовилъ Наполеонъ побѣду, сомнительное положеніе его въ началѣ года.

Скажемъ, какъ говорили послѣ Австрійской войны: и здѣсь «всего менѣе можно было обвинять императора Александра и его доблестныхъ воиновъ. Пруссія оправдывалась коварною политикою Наполеона, принудившею короля Фридриха Вильгельма начать войну, когда силы Пруссіи не были еще готовы. Но какое оправданіе можно было найдти въ неосновательныхъ планахъ военныхъ дѣйствій, въ непостижимомъ страхѣ, обуявшемъ Пруссію послѣ Іены и Ауэрштедта, если и не допускать страшнаго обвиненія, что корысть и личныя выгоды руководствовали поступками многихъ Прусскихъ генераловъ и офицеровъ? (*) Позоръ малодушія падаетъ почти на всѣхъ бывшихъ тогда предводителей Прусской арміи, среди коихъ можно отличить имена только *Блюхера, Гнейзенау, Калкрейта, Лестока*, и одно мирить потомство съ виновниками гибели Пруссіи — непостижимое опредѣленіе судебъ, угнѣтавшее монархію Фридриха Великаго. Такъ въ битвѣ Ауэрштедтской гибнутъ одинъ за другимъ предводители Пруссаковъ. Такъ при осадѣ Данцига погибаютъ за-

(*) Строгому военному суду преданы были Штеттинскій коммендантъ Ромбергъ, Гамельнскій Лекокъ, Шпандаускій Бенекендорфъ, Кюстринскій инженеръ-полковникъ Бауманъ, маіоръ Раухъ, отдавшій шпагу Фридриха Великаго. Кюстринскій коммендантъ Ингерслебенъ бѣжалъ изъ Пруссіи. Многіе офицеры и генералы исключены изъ службы.

щитники его Лауренцъ и Бусмаркъ. Но прекрасенъ и величественъ является въ событіяхъ тогдашнихъ императоръ Александръ! Неизмѣнный при огромившемъ его извѣстіи о пораженіи Пруссаковъ, увлеченный въ войну съ Турціею, захваченный не готовымъ къ бою, онъ не уступаетъ бурѣ, не поддается ни сомнѣнію, ни робости, при нерѣшительности Австріи, при своекорыстной политикѣ Англійскаго министерства — стаетъ на борьбу одинъ. Мудро осторожный послѣ тяжкаго урока Аустерлицкаго, онъ не принимаетъ на себя распоряженій войною, не потому что страшится опасностей битвъ, но не довѣряя своей неопытности, не сознавая еще своихъ великихъ дарованій въ военномъ дѣлѣ. Твердый въ постигнувшемъ его бѣдствіи, онъ рѣшается уступить, но такъ, что самая уступка его внушаетъ сопернику уваженіе, а личное знакомство и сближеніе заставляютъ Наполеона отдать справедливость его необыкновенному уму и царственному величію. Полное право имѣлъ императоръ Александръ говорить, какъ говорилъ онъ послѣ Тильзитскаго мира: «Постоянно руководствовался я неизмѣнными правилами справедливости, безкорыстія, непреложной заботливости о моихъ союзникахъ, и ни чѣмъ не пренебрегъ для ихъ поддержанія и защиты. Независимо отъ дипломатическихъ сношеній, веденныхъ мною съ Наполеономъ, два раза былъ я съ нимъ въ борьбѣ, и конечно, не упрекнутъ меня въ какихъ либо личныхъ видахъ. Усматривая постепенное разрушеніе началъ, на коихъ нѣсколько вѣ-

ковъ основывалось спокойствіе и благоденствіе Европы, я чувствовалъ, что обязанность и санъ Россійскаго Императора предписывали мнѣ не оставаться празднымъ зрителемъ сего разрушенія. *Я сдѣлалъ все, что было въ силахъ человѣческихъ*, но въ положеніи, до коего, по неосмотрительности другихъ, доведены были дѣла, когда мнѣ одному пришлось сражаться съ Франціею, подкрѣпленною силами Германіи, Италіи, Голландіи, и даже Испаніи, когда я *былъ совершенно оставленъ союзниками, на коихъ полагался*, когда увидѣлъ я наконецъ, что границы государства моего подвергались опасности *отъ сцѣпленія ошибокъ и обстоятельствъ, коихъ мнѣ нельзя было тотчасъ отвратить*, я разсудилъ, что имѣю полное право воспользоваться предложеніями, нѣсколько разъ дѣланными мнѣ въ теченіе войны Наполеономъ. Въ свою очередь, я рѣшился предложить ему перемиріе, послѣ чего вскорѣ послѣдовалъ Тильзитскій миръ.»

Если поступки стараго фельдмаршала Каменскаго подлежатъ осужденію, тѣмъ болѣе, что онъ подвергалъ гибели Русскія войска своими распоряженіями, тѣмъ паппаче выставляются въ яркомъ свѣтѣ заслуги Беннигсена. Рѣшительность послѣ отказа Каменскаго, и Пултуская битва, вопреки приказа его, могли бы уже доставить ему честь замѣчательнаго полководца, но потомъ слѣдовалъ рядъ блестящихъ подвиговъ. Совершенная противоположность Наполеону, Беннигсенъ противопоставлялъ ему осторожность,

медленность, стараніе воспользоваться самонадѣянностью, ошибкою противника, и упорство защиты. Не знаемъ, отъ Беннигсена ли зависѣлъ выборъ Кенигсберга для учрежденія въ немъ складки запасовъ, выборъ, содѣлавшійся главною причиною невыгоднаго оборота военныхъ дѣлъ въ 1807 году? Сія ошибка повлекла за собою послѣдствія, коихъ онъ уже не могъ отвратить. Мы видѣли, что обвиненіе Беннигсена въ ошибкахъ при Эйлау было несправедливо. Императоръ Александръ оцѣнялъ его заслуги, наградивъ Беннигсена за Пултускъ орденомъ св. Георгія 2-го класса, и за Прейсишъ-Эйлау орденомъ св. Андрея Первозваннаго. Фридландское сраженіе было пагубно, и показало превосходство генія надъ великимъ дарованіемъ. Но и при Фридландѣ, какъ при Черновѣ, Пултускѣ, Голоминѣ, Морунгенѣ, отступленіи отъ Янкова, наступленіи отъ Гутштадта, и особливо при Прейсишъ-Эйлау и Гейльсбергѣ, Русскія войска явились превосходны. Багратіонъ, Дохтуровъ, Остерманъ, Голицынъ, Б. де-Толли, Рѣзвый, Кутайсовъ, Багговутъ, Ламбертъ, Паленъ, не уступили сподвижникамъ Наполеона, дотолѣ не знавшимъ равныхъ себѣ: 1806 и 1807 гг., не смотря на Тильзитскій миръ, ручались за 1812 годъ.

Не будемъ говорить о политическихъ ошибкахъ Австріи и Англіи, которыхъ не могли бы онѣ искупить въ послѣдствіи ни чѣмъ, безъ ошибокъ Наполеона и твердой воли Александра, но нельзя не удивляться здѣсь Наполеону. Какой необъятный трудъ

генія, при совершенной вѣрѣ въ свою всепобѣждающую судьбу, является въ событіяхъ отъ Пресбургскаго до Тильзитскаго мира! Политика готовитъ средства побѣды; побѣда довершаетъ созданное политикою. Запутать Пруссію своею дипломатикою, связать ее миромъ, принудить воевать, пасть на нее сокрушительнымъ громомъ, передвинуться на Вислу, при неудачѣ два раза приготовленнаго удара на Рускихъ, выиграть время хитрыми переговорами для собранія новыхъ силъ, дѣйствовать потомъ столь рѣшительно, быстро, окончательно — сколько ума, силы соображеній! Присовокупите планы кампаніи противъ Пруссаковъ, планы трехъ походовъ противъ Рускихъ въ 1806 и 1807 годахъ. Какъ глубоко угадана была тайна побѣды обходомъ Пруссаковъ вправо на Шлейцъ, Геру и Наумбургъ, какъ дѣятельно совершено было завоеваніе Пруссіи послѣ Іены и Ауэрштедта, какъ превосходно составленъ былъ планъ обхода Рускихъ на Голоминъ, Цѣхановъ и Маковъ, а потомъ планъ обхода Беннигсена, при сближеніи его на Нея и Бернадотта, безъ случайнаго открытія замысла непріятелю, подвергавшій гибели Русскую армію; наконецъ, какъ разгадана была тайна побѣды послѣ Гейльсберга, заключавшаяся въ соображеніи важности Кенигсберга и характера Беннигсенова! Не будемъ распространяться въ похвалѣ распоряженіяхъ Наполеона, когда онъ увидѣлъ свою излишнюю опрометчивость при Эйлау, и соображеній, посредствомъ коихъ умѣлъ онъ воспользоваться ошибкою Беннигсена

подъ Фридландомъ. Счастье было тогда вѣрнымъ его помощникомъ, но геній его всегда былъ готовъ опереться на самого себя, еслибы счастье измѣнило своему баловню.

ИСТОРІЯ

НАПОЛЕОНА.

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

СОБЫТІЯ ПОСЛѢ ТИЛЬЗИТСКАГО МИРА. ВОЙНА ИСПАНСКАЯ. 1807-1809 гг.

Тильзитъ надмѣннаго героя
Послѣдней славою вѣнчалъ.
Но праздный миръ, но хладъ покоя
Счастливца душу волновалъ.
Губитель! кто тебя подвигнулъ?
Кто обуялъ твой дивный умъ?

Пушкинъ.

Если Европу послѣ каждаго похода Наполеонова можно было уподоблять морю, взволнованному бурями, кипящему вихрями, выдвигающему новые острова со дна своего, и разрушающему вѣковые берега, то никогда такое сравненіе не могло быть столь вѣрно, какъ было оно послѣ Тильзитскаго мира. Буря пролетѣла, но волны Океана долго не могли улечься; тревога ихъ довершала разрушеніе и созданіе бури.

Вопреки договора 12-го Іюля, 150,000 войскъ Наполеоновыхъ не оставляли Прусскихъ областей, и содержались на счетъ Пруссіи. Миръ не облегчалъ ея бѣдственнаго положенія. Казалось, Наполеонъ хотѣлъ истощить всю мѣру мщенія на царство Фридриха Великаго, оставя Пруссіи бытіе, хотѣлъ раззо-

рить и уничтожить ее. Какъ во время войны, вездѣ оставались въ Пруссіи Французскіе чиновники, и гарнизоны находились въ Прусскихъ крѣпостяхъ. Предлогомъ представлялись разсчеты и невыплата контрибуцій. Кромѣ 100 милльоновъ, наложенныхъ Октября 15-го 1806 г., государственные доходы за все время пребыванія Французовъ, слѣдовавшіе Прусскому правительству, обращены въ пользу Франціи; ихъ велѣно взыскать, не допуская недоимокъ. Саксонія захватила всѣ Прусскіе казенные капиталы въ герцогствѣ Варшавскомъ, составлявшіе болѣе 43-хъ милльоновъ франковъ, платя изъ нихъ 20 милльоновъ Франціи за артиллерію и военные снаряды, оставленные Наполеономъ въ герцогствѣ. Происходили споры отъ самовольнаго назначенія границъ, при чемъ все жертвовано выгодамъ Франціи и ея союзниковъ. Король Прусскій принужденъ былъ наконецъ послать въ Парижъ брата своего, принца Вильгельма, въ Ноябрѣ 1807 г., но старанія принца укратить непріязнь Наполеона были тщетны. Онъ согласился наконецъ взять круглымъ числомъ съ Пруссіи 150 милльоновъ, и когда Пруссаки доказывали, что по всѣмъ разсчетамъ слѣдуетъ ему не болѣе 20-ти. — «Не шутятъ ли со мною?» вскричалъ онъ. «Если имъ мало 150, пусть отдадутъ 200 милльоновъ и кончимъ дѣло, а разсчетовъ ихъ я не хочу знать!» Новое требованіе было новымъ оскорбленіемъ. Наполеонъ хотѣлъ, чтобы число войскъ Прусскихъ было ограничено. «Съ кѣмъ будетъ воевать Пруссія?» говорилъ онъ. «Пусть

тѣмъ, что издерживала на войско, платитъ она мнѣ свой долгъ.» Должно было соглашаться, и тайнымъ условіемъ положено было ограничить войско Прусское 42,000 человѣкъ. Между тѣмъ Наполеонъ не отпускалъ изъ Франціи плѣнныхъ Пруссаковъ, и безпрерывно придумывалъ новые предлоги къ обремененію Пруссіи. Король Прусскій долго оставался въ Мемелѣ, а потомъ переселился въ Кенигсбергъ. Онъ не хотѣлъ явиться въ Берлинѣ; казалось, онъ не могъ видѣть бѣдствій своего народа, и себя плѣнникомъ въ своемъ прародительскомъ дворцѣ. Гаугвицъ, удаленный отъ дѣлъ, жилъ въ своихъ помѣстьяхъ. Гарденбергъ оставилъ Пруссію и поселился въ Ригѣ, гдѣ императоръ Александръ далъ ему убѣжище. Луккезини, столь замѣчательный въ прежнихъ сношеніяхъ Пруссіи съ Франціею, перешелъ въ службу сестры Наполеоновой, герцогини Элизы, и гордился званіемъ ея каммергера. Даже заступленіе императора Александра за Пруссію было недѣйствительно. «Не думаю измѣнять распоряженій императора Наполеона,» говорилъ Александръ, «но онъ самъ призналъ, что Пруссія обязана своимъ существованіемъ моему предстательству, и тѣмъ наложилъ на меня обязанность просить его великодушія къ сей несчастной странѣ. Сколь ни прискорбно мнѣ сказать, но не долженъ ли я иногда думать, что занимая войсками Пруссію, императоръ Наполеонъ опасается не Пруссіи, безсильной вредить ему, но меня, его вѣрнаго союзника?» Столь кроткія убѣжденія оставались безуспѣшны.

Изъ земель, отторгнутыхъ отъ Пруссіи, образовались два новыя царства. Однимъ изъ нихъ Наполеонъ исполнялъ слово, данное имъ Полякамъ. Мысль созданія Варшавскаго герцогства была одною изъ самыхъ хитрыхъ мѣръ Наполеоновой политики, удовлетворяя требованіямъ Поляковъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ, подчиненіемъ его Саксоніи и самымъ названіемъ, обезпечивая опасенія Россіи и Австріи. Династія Саксонская царствовала въ Польшѣ съ 1699 до 1764 года, и возобновленная въ Польшѣ власть Саксоніи не казалась новостью. Поляки удовольствовались тайнымъ обѣщаніемъ Наполеона, что Варшавское герцогство будетъ только началомъ всеобщаго возстановленія Польскаго царства. Они славили его имя, и готовы были умирать за своего возстановителя. Конституція герцогства была составлена въ Дрезденѣ особенною коммиссіею, гдѣ, подъ предводительствомъ Станислава Малаховскаго, были членами Гутаковскій, Потоцкій, Дзялинскій, Выбицкій, Бѣлинскій и Соболевскій. Наполеонъ утвердилъ конституцію 22-го Іюля. Престолъ долженствовалъ быть наслѣдственнымъ въ Саксонскомъ Домѣ. При неограниченной власти короля, лицо его представлялъ, въ его отсутствіе, вице-король, или президентъ государственнаго совѣта, управлявшаго герцогствомъ. Всѣ чиновники въ герцогствѣ назначались изъ природныхъ Поляковъ, и Польскій языкъ былъ языкомъ правительственнымъ. Проекты законовъ и финансовые бюджеты представлялись разсмотрѣнію Сейма, составленна-

го изъ двухъ палатъ: Сената, гдѣ засѣдали шесть епископовъ, шесть палатиновъ и шесть кастеляновъ, и Палаты Депутатовъ, гдѣ находились 60 членовъ, избранныхъ на сеймикахъ дворянами, и 40 членовъ, избранныхъ городами. Представленія разсматривались коммиссіями, и согласіе, или несогласіе Сейма рѣшало ихъ, съ представленіемъ окончательнаго рѣшенія королю. Существенными условіями были уничтоженіе права помѣщиковъ надъ крестьянами, равенство правъ каждаго передъ закономъ, введеніе Наполеонова уложенія въ судахъ, учрежденіе суда присяжныхъ и открытое судопроизводство. Король Саксонскій прибылъ въ Варшаву Ноября 20-го. Армія герцогства составила 12 полковъ пѣхоты, 6 конницы и бригаду артиллеріи, кромѣ Вислянскаго легіона, подъ начальствомъ Понятовскаго, Зайончека и Домбровскаго. Военное министерство ввѣрено было Понятовскому. Нѣмцевичъ, товарищъ Косцюшки, назначенъ государственнымъ секретаремъ герцогства. Первый Варшавскій сеймъ открытъ былъ въ Мартѣ 1809 года. Черезъ Силезію учреждена была изъ Саксоніи военная дорога для прохода Саксонскихъ войскъ и сообщеній. Король Саксонскій возстановилъ Польскій орденъ Virtuti militari.

Когда на берегахъ Вислы мечтали видѣть начало оживавшаго царства Ягеллоновъ, между Эльбою и Рейномъ образовалось по декрету Наполеона, Августа 18-го 1807 года, подъ древнимъ именемъ *Вестфаліи*, царство Іеронима, изъ смѣшенія Прусскихъ

областей, Ганновера, Брауншвейга и Гессена. Оно содержало въ себѣ, на пространствѣ до 700 квадр. миль, около двухъ милльоновъ жителей, съ 19-ю милльонами дохода. Столицею его былъ назначенъ *Кассель*, съ раздѣленіемъ всего королевства на восемь департаментовъ (*Эльбскій*, *Фульдскій*, *Гарцовскій*, *Лейнскій*, *Эккерскій*, *Саальскій*, *Верраскій* и *Везерскій*), главными мѣстами коихъ были *Магдебургъ*, *Кассель*, *Гейлигенштадтъ*, *Геттингенъ*, *Брауншвейгъ*, *Гальберштадтъ*, *Марбургъ* и *Оснабрюкъ*. Вестфалія причислялась къ Рейнскому Союзу, съ обязанностью выставлять 25,000 войска. Конституція, данная ей Наполеономъ, походила на уложеніе герцогства Варшавскаго, предоставляла полную власть королю, управлявшему посредствомъ Государственнаго Совѣта, объявляла равенство всѣхъ передъ закономъ, и прекращала всѣ феодальныя привиллегіи. Сохраняя свои титулы, дворянство не соединяло съ ними никакихъ преимуществъ. Уничтожая разнообразіе законовъ, раздѣленія, мѣръ, вѣсовъ, монетъ, Наполеонъ предписалъ свое уложеніе, дѣленіе на департаменты, управленіе префектурами, Французское счисленіе монетъ, мѣръ и вѣсовъ. Въ судопроизводство введены были присяжные и открытое судопроизводство. Государственные штаты собираемы были для разсужденія о бюджетѣ и новыхъ законахъ. Число ихъ состояло изъ ста, и въ числѣ ихъ было 70 помѣщиковъ, 15 купцовъ и 15 членовъ ученаго званія.

Впрочемъ, самобытность Варшавскаго герцогства

и Вестфаліи была мечтою. Неумолимая воля Наполеона правила всѣмъ. Даву остался съ корпусомъ войскъ въ герцогствѣ Варшавскомъ; часть казенныхъ имуществъ герцогства раздарена была Французскимъ генераламъ. Часть уступленныхъ Пруссіею областей (Эрфуртъ, Мюнстеръ, графства Маркъ, Лингенъ, Текленбургъ, округи Эльтенъ, Эссенъ, Верденъ и княжество Байрейтъ) не была включена въ Вестфалію, какъ равно часть Гессена (графство Ганау, участки графствъ Геннеберга и Катцеленбогена), а изъ Ганновера отданы только Геттингенъ и Грюбенгагенъ. За Котбусъ, отнятой у Пруссіи, Саксонія уступила Вестфаліи округъ Гаммерскій близъ Магдебурга, графство Барби, округъ Зандерсгаузенскій въ Тюрингіи, и часть Мансфельда, всего 10,000 жителей. Черезъ полгода возвратили ей Зандерсгаузенъ, но взяли другую часть Мансфельда. Всѣ не включенныя въ Вестфалію земли остались во временномъ владѣніи Франціи. Въ Январѣ 1808 г. Наполеонъ отдалъ Мюрату Эльтенъ, Эссенъ, Верденъ, Маркъ, Мюнстеръ, Текленбургъ, Лингенъ, Дортмундъ, 140 кв. миль и 362,000 жителей, и за то присоединилъ къ Франціи крѣпость Везель. Тогда же присоединены Кель и Кассель на правомъ берегу Рейна, противъ Страсбурга и Майнца. Французскій гарнизонъ оставался въ Магдебургѣ; регентство, составленное изъ четырехъ членовъ (Беньо, Симеона, Жоливе и Лагранжа) назначено управлять Вестфаліею, пока она не выполнитъ обязанностей своихъ къ Франціи. Сіи

обязанности состояли въ уплатѣ остальной части контрибуцій, передачѣ Наполеону всѣхъ, принадлежавшихъ прежнимъ владѣльцамъ капиталовъ, по праву завоеванія (en vertu du droit de conquête), и всѣхъ доходовъ, какіе должны были получить прежніе владѣльцы Вестфаліи во время занятія земель ея Французами. Онъ присвоилъ также половину принадлежавшихъ имъ собственно помѣстьевъ, для раздачи Французскимъ генераламъ, но согласился взять за то платежъ дохода по 7-ми милльоновъ франковъ. Всѣ требованія на Вестфалію составили болѣе 20 милльоновъ, и утверждены были договоромъ 22-го Апрѣля 1808 года.

Рейнскій Союзъ усиленъ былъ присоединеніемъ къ нему, въ Сентябрѣ 1806 г., Курфирста Вюрцбургскаго, не смотря на родство его съ Императоромъ Австрійскимъ. Онъ принялъ титулъ Великаго Герцога, и обязанность выставлять 2000 человѣкъ войска, отъ народонаселенія 300,000 душъ. Наконецъ, въ 1808 г. приступили къ союзу, въ Февралѣ и Мартѣ, оба Мекленбургскіе Герцога, съ обязанностью выставлять 2300 человѣкъ войска, а въ Октябрѣ 1808 г. герцогъ Голштейнъ-Ольденбургскій, съ участкомъ 800 человѣкъ войска.

Поздно опомнилась Австрія, болѣе войны встревоженная мирными событіями въ Тильзитѣ. Изъ Вѣны явился генералъ Стутергеймъ, въ пособіе барону Винценту. Наполеонъ и Александръ встрѣтили его холоднымъ привѣтомъ, и не допустили къ перегово-

рамъ. Не упоминая болѣе о Силезіи, повѣренные Австріи рады были увѣреніямъ Наполеона, что онъ не думаетъ брать у Австріи ея Польскія владѣнія. Онъ предложилъ имъ только приступить къ союзу противъ Англіи и объявить континентальную систему, если Англія не согласится на миръ. Австрія предложила съ своей стороны принять ея посредничество въ мирѣ съ Англіею, а за союзъ требовала части Иллиріи. Наполеонъ отказалъ рѣшительно, давая замѣтить, что время подобныхъ условій прошло. Въ утѣшеніе за то онъ указалъ на Турцію, какъ прежде указывалъ на Силезію. Надлежало соглашаться и молчать. Договоромъ, въ Октябрѣ 1807 г., Австрія положила границею между нею и Итальянскимъ королевствомъ рѣку Изонцо, и утвердила военную дорогу между Италіею и Далмаціею. За то въ Ноябрѣ 1807 г. Французы очистили Браунау, изглаживая послѣдній слѣдъ войны 1805 года въ земляхъ Австрійскихъ. Австрія усердно увѣряла въ дружбѣ, и посолъ ея, графъ Штарембергъ предложилъ Англіи посредство въ мирѣ между нею и Наполеономъ.

Важнѣе всего являлись тогда отношенія Россіи. Никто не сомнѣвался, что слѣдствія переговоровъ и дружбы въ Тильзитѣ не всѣ были высказаны въ обнародованномъ Тильзитскомъ трактатѣ. Дипломаты не ошибались. Талейранъ, улыбаясь, говорилъ, что въ договорахъ Тильзитскихъ были двѣ стороны условій, «положительная и мечтательная» (positif et les rêves), и что тамъ условились *обо всемъ, кромѣ воз-*

можнаго (excepté possible). Тайнымъ договоромъ, дѣйствительно, утверждены были, не только дружба, но и союзъ оборонительный и наступательный. Первымъ предметомъ заботливости Александра и Наполеона являлась Англія. Россія принимала на себя посредничество мира, съ тѣмъ, что Англія должна отвѣчать рѣшительно Ноября 1-го. Въ случаѣ несогласія, Декабря 1-го Россійскій посолъ долженъ былъ оставить Лондонъ. Тогда Россія закроетъ гавани Англичанамъ, и пригласитъ къ тому Швецію, Данію и Португалію, при несоглашеніи ихъ объявляя имъ войну. Первымъ условіемъ мира съ Англіею было *признаніе Англичанами независимости флаговъ всѣхъ Европейскихъ державъ на всѣхъ моряхъ*, а вторымъ возвращеніе Франціи и ея союзникамъ *всѣхъ Англійскихъ завоеваній съ 1805 года.* Еслибы Англія потребовала Ганновера, ей отдавали его, но тогда она должна была возвратить часть колоній, взятыхъ ею прежде 1805 года. Къ союзу противъ Англіи положено пригласить Австрію, но отказъ Австріи не навлекалъ однакожь войны съ нею.

Вторымъ вопросомъ была Турція. Наполеонъ принималъ на себя посредничество въ мирѣ ея съ Россіею, на условіи, что *Молдавія и Валахія присоединятся къ Россіи, и границею Русскою будетъ Дунай.* Наполеонъ не думалъ щадить своего прежняго союзника. Если Турція не согласится на миръ, предполагалось уничтожить дряхлѣющее царство Оттомановъ въ Европѣ. Здѣсь затрудненіе составлялъ *Царь-*

градъ, ключъ Средиземнаго и Чернаго морей. Ни Александръ, ни Наполеонъ не хотѣли уступить его другъ другу. Рѣшеніе задачи было остроумно придумано Наполеономъ. Султану хотѣли оставить Царьградъ, съ Адріанополемъ и землями отъ Бургаса до Эноса, объявляя Царьградъ всеобщимъ порто-франко, и уничтоживъ Дарданелльскія укрѣпленія. Россія брала себѣ Булгарію до Марицы, Франція занимала Боснію, Албанію, Эпиръ, Пелопоннезъ, Аттику, Ѳессалію. «Надобно же что нибудь дать Австріи,» говорилъ Наполеонъ, «и удовлетворить ея самолюбіе, ибо о честолюбіи она уже не думаетъ?» Участкомъ Австріи назначали Сербію, и потому Наполеонъ намѣкалъ о вознагражденіи Австрійцовъ за Польшу изъ Турецкихъ областей.

Остальными статьями договора императоръ Александръ передавалъ Наполеону Каттаро и республику Семи Островоъ, признавая Іосифа *королемъ Обѣихъ Сицилій,* съ условіемъ, что за Сицилію король Фердинандъ будетъ награжденъ Балеарскими островами, или островомъ Кандіею. Наполеонъ обязывался опредѣлить пенсіи, лишеннымъ владѣній ихъ, государямъ Гессенскому, Брауншвейгскому и принцу Оранскому.

Утверждали, что въ Тильзитѣ положены были также раздѣлъ Португаліи, передача Испаніи Іосифу, и присоединеніе Финляндіи къ Россіи. Мнѣніе едва ли справедливое, ибо никакихъ достовѣрныхъ доказательствъ нѣтъ. Мы увидимъ далѣе, какія случайности

довели къ тому и другому. Повторяя слова Талейрана, можно опредѣлить Тильзитскій договоръ тѣмъ, что *положительныя* условія его составляли миръ Франціи съ Англіею, на условіи свободы морей, со взаимными уступками, и миръ Россіи съ Турціею, съ границею Россіи по Дунай.

Невозможно было предполагать упорства со стороны Турціи. Средствомъ принудить къ миру Англію было принятіе всѣми державами Европы континентальной системы. Раздѣленіе Турціи было выводомъ изъ сей мысли, ибо невозможно было, при общественномъ устройствѣ Оттоманскаго царства, думать о правильномъ исполненіи запретительной системы. Императоръ Александръ видѣлъ въ сей мысли исполненіе намѣреній мудрой Екатерины. Оскорбленный Англіею, въ возстаніи противъ нея всей Европы видѣлъ онъ благодѣтельное освобожденіе народовъ отъ стѣснительной власти Британцовъ на моряхъ. Въ случаѣ покорности Оттомановъ, Александръ былъ доволенъ упроченіемъ предѣловъ Россіи на югѣ. Наполеонъ говорилъ ему о необходимости присоединить также къ Россіи Мемель, опредѣливъ Нѣманъ до самаго устья его границею Россіи съ Пруссіею. Александръ не согласился на выдѣлъ добычи, взятой у бѣдствующей Пруссіи. Если не сомнѣвались въ согласіи Англіи и Турціи, можно ли было подозрѣвать упорство Швеціи и Португаліи, имѣвшее послѣдствія столь важныя?

Въ слѣдствіе Тильзитскаго договора, Себастіани

долженъ былъ предложить Султану посредничество Франціи и условія мира, о коемъ переговоры должны были начаться въ Парижѣ. На случай отказа, ему велѣно приготовить планъ раздѣленія Турціи между Франціею, Россіею и Австріею. Мармону приказано собрать и представить свѣдѣнія о Босніи, Молдавіи, Өракіи, Албаніи, тамошнихъ жителяхъ, ихъ бытѣ, расположеніи похода въ Турцію, дорогахъ, средствахъ продовольствія армій и благопріятномъ для похода времени.

Предложеніе Англіи, въ слѣдствіе Тильзитскихъ условій, учинено отъ императора Александра черезъ министра его въ Лондонѣ, Алопеуса. Каннингъ отвѣчалъ, что Англія согласна на миръ, если Россія откроетъ ей всѣ тайныя статьи Тильзитскаго трактата, и предложитъ условія, которыя не оскорбляли бы достоинства Англіи. Отвѣтъ столь гордый былъ сопровождаемъ поступкомъ, коего не могли извинить никакіе разсчеты политики. Сильное вооруженіе производилось въ Англіи. Говорили, что цѣлью его при тогдашней войнѣ Россіи и Пруссіи съ Наполеономъ, были высадки въ Голландію и Померанію. Война кончилась, но вооруженіе продолжалось. Въ Августѣ вышелъ въ море Англійскій флотъ, состоявшій изъ 23-хъ линейныхъ кораблей, 9-ти фрегатовъ, 22-хъ другихъ судовъ и 500 транспортовъ. На немъ находилось 35,000 войска, считая бывшія въ Помераніи. Каткартъ былъ назначенъ ихъ начальникомъ. Артуръ Веллеслей, побѣдитель Типпо-Саиба, опредѣленъ его

помощникомъ. Флотъ направился въ Балтійское море, и остановясь у береговъ острова Зеландскаго, Англичане потребовали немедленнаго союза Даніи съ Англіею, а въ залогъ его отдачи Англичанамъ Датскаго флота. Наслѣдный Принцъ Датскій, мужественно защищавшійся отъ Нельсона въ 1801 году, отвергъ позорное предложеніе. Англичане вышли на берегъ и двинулись прямо къ Копенгагену. Датскія войска находились въ Голштиніи. Наслѣдный Принцъ спѣшилъ увезти въ Глюкштадтъ дряхлаго своего родителя, короля Христіана VII-го, наскоро собралъ милицію, но пока успѣли придти войска, милиція Датская была разбита; Англичане начали, Сентября 2-го бомбардировать Датскую столицу, и черезъ три дня двѣ трети города лежали въ развалинахъ. Не имѣя средства защищаться, губернаторъ Нейманнъ открылъ переговоры и сдалъ Копенгагенъ, Сентября 7-го. Немедленно захватили и отправили Англичане весь Датскій флотъ въ Англію, 18 лин. кораблей, 15 фрегатовъ, 6 бриговъ, 22 канонерскія лодки. Геройскій приказъ Наслѣднаго Принца — «сжечь корабли, но не отдавать ихъ непріятелю,» былъ уже поздно полученъ Нейманномъ, вмѣстѣ съ другимъ приказомъ— «умереть подъ развалинами, но не сдавать непріятелю столицы.» Слыша, что Датскія и Французскія войска поспѣшно идутъ къ Копенгагену, Англичане удалились изъ Даніи Октября 12-го, разграбивъ арсеналы, уничтоживъ верфи, предавши огню купеческія суда. Дряхлый Король Датскій недолго пережилъ бѣдствіе

подданныхъ; онъ скончался въ Мартѣ 1808 года. Преемникъ его, король Фридрикъ VI-й клялся мщеніемъ и ненавистью Англичанамъ. Изъявивъ въ манифестѣ свое презрѣніе къ «разбою и хищенію» Британцовъ, онъ объявилъ имъ войну, велѣлъ арестовать бывшихъ въ Даніи Англичанъ, захватить имѣнія, имъ принадлежащія, подъ смертною казнью запрещая всякія сношенія съ Англіею. Въ Октябрѣ заключенъ былъ трактатъ Даніи съ Наполеономъ. Бернадоттъ, смѣнившій Брюна, поступками коего былъ недоволенъ Наполеонъ, вступилъ въ Данію съ Испанскимъ корпусомъ Ла-Романа, и 16,000-ми Голландскихъ и Датскихъ войскъ. Англія объявила войну Даніи въ Ноябрѣ, и немедленно захватила Датскія колоніи, острова св. Ѳомы и св. Креста.

Напрасно хотѣло Англійское министерство оправдать свой поступокъ декларацією Сентября 25-го, слагая вину на Наполеона, увѣряя, что собственная безопасность Англіи, угрожаемой союзомъ Европы, требовала принятія мѣръ предосторожности. Всеобщее негодованіе было отзывомъ на дипломатическія увертки. Австрія требовала отвѣта на свое посредничество. Ей отвѣчали, что Англія не можетъ принять его, если Австрія не уполномочена отъ Французскаго правительства предварительно объявить условія мира. Графъ Штаренбергъ оставилъ послѣ сего Лондонъ, и въ Февралѣ 1808 г. Австрія приступила къ континентальной системѣ Наполеона. Испанія приняла сію систему въ Декабрѣ 1807 года, и въ

деклараціи своей осыпала упреками «вѣроломную Британію за ея нестерпимый деспотизмъ на моряхъ, поддерживаемый злодѣйствомъ и хищеніемъ.» Гавани Прусскія были уже закрыты Англичанамъ послѣ Тильзитскаго мира.

Общее оскорбленіе особенно раздѣлилъ императоръ Александръ. «Англійскій флотъ явился въ Балтійскомъ морѣ,» говорилъ онъ Французскому повѣренному, слыша о прибытіи Англичанъ въ Балтику, «не меня ли хотятъ испугать Англичане? Трудъ напрасный!» Отъ посла Англійскаго въ Петербургѣ, лорда Говера, потребованы были объясненія. Онъ смѣло сказалъ, что Англичане явились взять Датскій флотъ, и что того требуетъ охраненіе Англіи отъ ея непримиримаго врага. Императоръ Александръ потребовалъ немедленнаго удаленія Англійскаго флота, угрожая разрывомъ, ибо связи дружбы и родства, говорилъ онъ, обязывали его защищать Данію. Говеръ отвѣчалъ требованіемъ открытія Тильзитскихъ тайныхъ статей. Сентября 22-го получено было въ Петербургѣ извѣстіе о бѣдствіи Копенгагена. Отвѣтомъ на оправданіе въ томъ Каннинга была декларація Россійскаго Двора о немедленномъ разрывѣ всякихъ сношеній съ Англіею. «Два раза принимался Императоръ Россійскій за оружіе, въ такихъ случаяхъ, гдѣ съ его рѣшеніемъ соединены были непосредственныя пользы Англіи, и тщетно ожидалъ онъ помощи, не требуя соединенія войскъ ея съ своими, но только пособія отвлеченіемъ силъ непріятеля,» сказано

было въ декларацін. «Хладная зрительница кроваваго позорища войны, ею возженной, Англія посылала войска въ Буэносъ-Айресъ, и вмѣсто предположенной экспедиціи въ Неаполь, отправила изъ Сициліи войско свое занять Египетъ. Но всего прискорбнѣе было Е. И. В. видѣть, что вопреки всѣхъ трактатовъ, Англія разрушала на моряхъ торговлю его подданныхъ, и въ какое время? Когда кровь Русская лилась въ славныхъ битвахъ противъ всѣхъ силъ Императора Французскаго, съ коимъ находилась и нынѣ находится Англія въ войнѣ. Миръ Россіи съ Франціею долженъ былъ послужить основаніемъ всеобщему миру, но тогда Англія оставила свое мнимое усыпленіе, и рѣшилась бросить въ сѣверъ Европы пламенникъ, долженствующій возжечь снова и усилить огнь войны, который опасается она видѣть потушеннымъ.» Изъяснивъ безчеловѣчный поступокъ съ Даніею, императоръ Александръ объявлялъ, что «оскорбленный хищеніемъ Англіи въ его достоинствѣ, пользахъ его народа и обязанностяхъ къ союзникамъ, при нарушеніи неутралитета Балтійскаго моря,» онъ разрываетъ всѣ сношенія съ Англіею, уничтожаетъ всѣ съ нею договоры, возобновляетъ основанія вооруженнаго неутралитета, требуетъ вознагражденія Россіи и Даніи, и мира съ Франціею. — Манифестъ Англіи, въ отвѣтъ на Россійскую декларацію (Декабря 18-го), былъ наглый и дерзкій. «Мы думали,» говорила Англія, что «несчастный договоръ Тильзитскій, безславный и раззорительный для Россіи, вы-

нужденный въ минуты бѣдствія и униженія, будетъ немедленно устраненъ Россіею, и ошиблись въ надеждѣ. Насъ упрекаютъ, что мы не помогали Пруссіи, забывая, что мы были тогда въ войнѣ съ Пруссіею; вспоминаютъ, что мы пошли въ Египетъ, а не въ Неаполь, но чьи пользы защищали мы нашимъ походомъ, если не пользы Россіи? И когда наконецъ, мы готовы были помогать всѣми средствами, Россія заключила постыдный миръ. Намъ также предлагаютъ теперь мириться, когда мы знаемъ о тайныхъ условіяхъ Тильзитскихъ, отъ насъ скрываемыхъ, когда Пруссія предана Россіею, когда тиранская власть Франціи уничтожаетъ остатки ея независимости. Разореніе Даніи было слѣдствіемъ Тильзитскаго трактата. Говорятъ о неутралитетѣ Балтійскаго моря, когда оно вполнѣ подчинено своевластію Франціи; жалуются на небывалыя оскорбленія Русской торговли на моряхъ, и возобновляютъ забытыя рѣчи о военномъ морскомъ неутралитетѣ, коего никогда не допускала Англія, нынѣ единственная преграда безпрерывному усиленію и хищеніямъ Франціи.»

Такъ была разрушена всякая надежда на миръ съ Англіею, и поступки преемниковъ Питта показывали, что система его, основанная на преобладаніи Англіи на моряхъ, была принята ими въ основаніе, и Англія готова выступить за нее на борьбу со всею Европою. Надлежало ли уступать? Должно ли было безусловно отдать владычество надъ морями Англіи? Ни Наполеонъ, ни Александръ такъ не думали. Они рѣши-

лись на борьбу упорную. Геній Наполеона изыскивалъ средства побѣды. Александръ готовъ былъ помогать ему, и раздоръ Россіи съ Англіею еще болѣе укрѣпилъ союзъ Франціи и Россіи.

Дружба императора Александра была Наполеону дороже всѣхъ побѣдъ и завоеваній. Всевозможную заботливость прилагалъ онъ поддержать ее, и увѣрить императора Александра въ искренности своихъ чувствъ. «Новыя отношенія наши съ Россіею,» говорилъ онъ Законодательному Корпусу, «основаны на взаимномъ почтеніи двухъ великихъ народовъ, и если Домъ Бранденбургскій еще царствуетъ, онъ одолженъ тѣмъ искренней дружбѣ, внушенной мнѣ могущимъ Императоромъ Сѣвера.» Не менѣе дружески отзывался о Наполеонѣ императоръ Александръ. Савари былъ изъ Пруссіи отправленъ въ Петербургъ, и удостоивался особенной внимательности Александра. Прежняя жизнь Савари, и должность его при Наполеонѣ, ставили однакожь императора Александра въ странное положеніе въ отношеніи его, и Наполеонъ спѣшилъ замѣнить его Коленкуромъ, который явился облеченный титуломъ Герцога Виченцскаго, съ званіемъ полномочнаго министра. Великолѣпное посольство Русское отправилось въ Парижъ. Посломъ былъ графъ П. А. Толстой, пользовавшійся особенною довѣренностью императора Александра. Его сопровождали: графъ Нессельроде, юный, но уже начавшій свое знаменитое дипломатическое поприще; каммергеръ Гурьевъ, родственникъ его; Бенкендорфъ, любимый адью-

тантъ Александра; секретаремъ посольства былъ князь Гагаринъ. Особенное отличіе передъ всѣми было оказываемо Русскому послу. Онъ былъ любимымъ гостемъ Наполеона.

На высшей степени величія казался тогда стоящимъ Наполеонъ. Повелитель Франціи, Италіи, Германіи, Голландіи, Швейцаріи, при покорности Австріи, Испаніи, Турціи, при дружбѣ Россіи, онъ являлся первенствующимъ среди монарховъ Европы. Не только считали родъ его навсегда утвердившимся на престолѣ Франціи, но казалось, не было предѣловъ власти его. Въ первомъ не сомнѣвалась даже Англія. Людовикъ XVIII-й видѣлъ неудобство своего пребыванія въ Россіи послѣ Тильзитскаго мира, и рѣшился удалиться. Онъ не зналъ, гдѣ преклонить ему скитальческую голову. Только Англія могла быть убѣжищемъ, гдѣ не достигала его власть Наполеона. Отправясь на Шведскомъ кораблѣ, съ Герцогомъ Ангулемскимъ и его супругою, въ Готенбургѣ соединился онъ съ Герцогомъ Беррійскимъ. Близъ Англійскихъ береговъ остановили Людовика XVIII-го, и объявили, что Англія дастъ ему убѣжище съ условіемъ: «не признавать въ немъ Французскаго короля, но видѣть простаго изгнанника, ищущаго крова и гостепріимства,» и съ тѣмъ притомъ, что онъ будетъ жить въ Шотландіи. Людовикъ заспорилъ. «Мы не поддерживаемъ правъ графа Лилля,» отвѣчали ему. «Англія ведетъ народную войну, и не можетъ допустить въ нее никакихъ другихъ отноше-

ній. Положеніе Франціи и Европы представляетъ ли нынѣ болѣе надежды Графу Лиллю, нежели какое другое время? Можетъ ли Англія быть увѣрена, что Европа подтвердитъ ея признаніе? Напротивъ, покорность всего материка Европы Бонапарту нѣкоторымъ образомъ утверждаетъ нынѣшній порядокъ дѣлъ во Франціи, и не время теперь оставлять мудрую и предусмотрительную политику для событій въ будущемъ. Признавши Людовика XVIII-го, мы присоединимъ постороннюю причину къ войнѣ, которую ведемъ теперь единственно для пользы своего отечества.» Надлежало согласиться, и съ именемъ *графа Лилля*, потомокъ Бурбоновъ нашелъ себѣ убѣжище въ замкѣ герцога Буккингама. Онъ вскорѣ переселился въ Гацфельдъ, гдѣ жилъ въ глубокомъ уединеніи, раздѣляя время между немногими друзьями и занятіями литтературою. Съ грустною улыбкою слушалъ онъ разсказы о торжествахъ Наполеона, о великолѣпіи Двора его, о новой аристократіи, имъ основанной, и насмѣшливо говорилъ, что къ Наполеону идетъ стихъ Лафонтена: c'est moi qui suis Guillot, berger de ce troupeau.

Роскошью и блескомъ отличался Дворъ Наполеона, гдѣ были послы всѣхъ державъ Европы, и являлся посолъ Персіи, гдѣ Русскій посолъ договаривался о мирѣ съ Турецкимъ посломъ, и говорилъ съ Наполеономъ о раздѣленіи Оттоманскаго царства, гдѣ рѣшались судьба войны и мира, жребій Европы, и замыслы честолюбія неслыханнаго безпрерывно роп-

лись въ душѣ властителя. Подобно Людовику XIV-му, Наполеонъ переселялся иногда съ Дворомъ своимъ въ Фонтенебло. Здѣсь возобновлена была старинная королевская охота, съ неслыханнымъ дотолѣ великолѣпіемъ. Возвращаясь въ Сенъ-Клу и Тюльери, охоту смѣняли обѣдами и балами. Въ числѣ дипломатовъ явился молодой, блестящій посолъ Австрійской имперіи — Меттернихъ. Наполеонъ, шутя, замѣтилъ ему, что онъ слишкомъ молодъ для представителя столь древней монархіи (ему было тогда 34 года). «Въ мои годы Ваше Величество были подъ Ау-«стерлицомъ,» отвѣчалъ ему Меттернихъ.

Парижъ подражалъ своему Императору, и упивался восторгами славы и наслажденіями роскоши, горделиво указывая на двѣ новыя улицы, именами своими напоминавшія побѣды Риволи и Кастильоне, на мостъ, передававшій потомству память Аустерлица, на колонну Вандомскую, на торжественныя ворота, заложенныя у заставы Звѣзды, на Магдалининскую площадь, гдѣ предполагали воздвигнуть храмъ Славы. На театрѣ дали тогда новую оперу: *Торжество Траяна.* Вся роскошь искуства, всѣ пособія сцены, мимики и музыки были истощены въ великолѣпномъ спектаклѣ, но очарованіе состояло въ томъ, что когда Траянъ являлся въ величіи тріумфа, въ Императорѣ Римскомъ узнавали Наполеона, и рукоплесканія сливались съ изступленными кликами: Vive l'empereur! Возвращеніе гвардіи, не видѣнной въ Парижѣ два года, гвардіи, бывшей подъ Аустерлицомъ, Іе-

пою, Фридландомъ, произвело восторгъ неописанный. Она шла подъ торжественными вратами, осыпаемая вѣнками и лаврами, и при угощеніи ея, подъ шатрами на Елисейскихъ поляхъ, явились тысячи народа, зрители со всѣхъ концовъ Европы. То было время какого-то упоительнаго очарованія.

Доволенъ ли онъ? Остановится ли онъ? Въ часы уединенныхъ бесѣдъ онъ самъ говоритъ своимъ искреннимъ о невозможности удержать потомству его настоящее состояніе Франціи. «Послѣ меня границами Франціи будутъ Альпы, Рейнъ, Пиренеи!» восклицаетъ онъ. Но черезъ минуту глаза его горятъ, голова въ огнѣ. Онъ смотритъ на карту Европы и высказываетъ все — кромѣ возможнаго. «Азія и Востокъ Александру — Европа и Западъ мнѣ! Франція должна быть первою державою въ мірѣ. Она будетъ обладать морями. Италія соединится съ нею — Италіи суждено быть морскою областью Франціи. Мы раздѣлимъ съ Александромъ Турцію. Адріатика, Средиземное, Черное море должны слиться воедино. Прочь Дарданеллы и Гибралтаръ! Вся Италія должна принадлежать Франціи. Онѣ родныя. Голландія, Германія, Польша, Греція, Швейцарія будутъ нашими опорами!» И взоръ Наполеона останавливался на Иберійскомъ полуостровѣ. «А *Испанія?* А *Португалія?*» Онъ задумывался, переносился въ Египетъ, слѣдилъ путь въ Индію... Нѣтъ! онъ не остановится — онъ не умѣетъ остановиться! Мысль перемѣнить свой титулъ на названіе *Императора Запада* (Empereur

d'Occident) занимала тогда Наполеона. «Парижъ долженъ быть столицею Запада, и Папа епископомъ Парижскимъ!» говорилъ онъ. Нѣтъ! ему не остановиться. . .

Въ Августѣ явились въ Парижъ Италіянскіе депутаты, предводимые Венеціянскимъ патріархомъ. «Государь! посѣтите Италію, взгляните на ваше твореніе!» говорили они. Наполеонъ съ жаромъ заговорилъ съ ними о мужествѣ, оказанномъ, послѣ столькихъ вѣковъ бездѣйствія, Италіянцами на поляхъ битвъ. Въ Ноябрѣ оставилъ онъ Парижъ и совершилъ *четвертое* путешествіе въ Италію. Путь лежалъ по созданной имъ Симплонской дорогѣ. Онъ посѣтилъ Туринъ, Миланъ, Венецію. Король и Королева Баварскіе изъ Мюнхена, и Іосифъ изъ Неаполя, явились къ нему. Всюду все было осмотрѣно Наполеономъ, приказаны новыя работы, назначены мѣста новыхъ зданій и памятниковъ. Милости и награды были безсчетныя. Новый уставъ данъ былъ ордену Желѣзной Короны, и 365 особъ были вновь имъ украшены. Вице-король Евгеній объявленъ старшимъ кавалеромъ ордена. Наполеонъ наградилъ его тогда титуломъ Князя Венеціянскаго. Новорожденная дочь его, принцесса Жозефина (нынѣшняя Королева Шведская) получила титулъ Княжны Болонской. Канцлеру Мельци данъ титулъ Герцога Лоди. «Италіянцы!» говорилъ Наполеонъ, «съ удовольствіемъ вижу васъ окрестъ моего трона. Многое сдѣлано, но еще болѣе надобно намъ сдѣлать, дабы загладить ошибки нашихъ

предковъ, быть достойными жребія, какой я готовлю Италіи. Смотрите на Французовъ, какъ на старшихъ братьевъ вашихъ, и помните, что источникъ вашего благоденствія, ручательство за ваши постановленія, за вашу независимость, заключаются въ соединеніи Желѣзной Короны съ императорскимъ вѣнцомъ на головѣ моей!» Въ управленіи королевствомъ введена была перемѣна отдѣленіемъ консультантовъ, подъ именемъ Сената (Senato consulente). Торжественна была минута, когда, при пѣніи *Тебе Бога хвалимъ* въ Миланскомъ соборѣ, вице-король преклонилъ колѣно и почтительно цѣловалъ руку Наполеона. Умиленные зрители плакали. «Миланъ любимая столица моя,» отвѣчалъ растроганный Наполеонъ — «горжусь въ немъ славою Карла Великаго!» Во время пребыванія Наполеона въ Италіи уничтожилось его волею еще одно царство, имъ созданное, *королевство Этрурское*. Слабоумный Король Этрурскій умеръ въ 1803 году, оставя 4-хъ лѣтняго сына, подъ опекою матери его. Независимо правила она Этруріею, когда явилось объявленіе ея, Декабря 10-го, что призываемые властвовать надъ другими странами, по силѣ договора между Франціею и Испаніею, они оставляютъ Италію. Немедленно отправилась она съ сыномъ своимъ въ Мадритъ. Французскія войска вступили въ Тоскану. Спрашивали: что готовится Этруріи? Гдѣ будетъ царствовать король ея? О какомъ договорѣ говорила королева? Но ни чему не изумлялись, ибо разучились изумляться. Не описываемъ торжествъ и праздниковъ.

Особенностію отличались праздники Венеціянскіе, гдѣ производимъ былъ бѣгъ въ гондолахъ, и раззолоченный Буцентавръ выплывалъ въ море. Семь кораблей строились на Венеціянской верфи, и въ присутствіи Наполеона спустили два изъ нихъ. Онъ велѣлъ проложить обширный каналъ въ Маламокко, возобновить портъ въ Лидо, и объявилъ островъ св. Георгія порто-франкомъ. Наполеонъ не хотѣлъ заѣхать въ Падую. Причиною неудовольствія его была неосторожность нѣсколькихъ Падуанцовъ при угощеніи Русскаго полка, возвращавшагося изъ Корфу черезъ Италію. За столомъ Русскіе офицеры не скрывали сожалѣнія, возбужденнаго въ нихъ Тильзитскимъ миромъ и отдачею Наполеону Семи острововъ. Нѣкоторые изъ угостителей раздѣляли ихъ жалобы и укоризны противъ Наполеона. Чезаротти, извѣстный литтераторъ, выcланъ былъ съ депутатами привѣтствовать Наполеона на пути. Въ отвѣтѣ ему Наполеонъ изъявилъ неудовольствіе на Падуанскихъ болтуновъ, и сказалъ, что потому не хочетъ онъ посѣтить Падуи. Депутаты трепетали. Чезаротти успѣлъ умилостивить Наполеона шуткою. «Государь!» сказалъ онъ, «если нѣсколько дураковъ огорчили васъ, за что же наказываете вы цѣлый городъ нашъ за ихъ глупость?» Наполеонъ засмѣялся, наградилъ Чезаротти Почетнымъ Легіономъ и пенсіею, и сказалъ, что онъ заѣдетъ въ Падую при первомъ своемъ путешествіи по Италіи, но теперь спѣшитъ далѣе.

Неужели среди упоенія величія ни что не на-

поминаетъ Наполеону о бренности и суетѣ человѣка? Нѣтъ! Они являются безпрерывно, сіи грозныя напоминанія, какъ будто карканье зловѣщей птицы, и не среди битвъ, гдѣ опасность смерти заглушается громами битвъ, но среди отдыха въ величіи и упоеніи почестями. Такъ послѣ Фридландской побѣды Наполеонъ получилъ извѣстіе о смерти прелестнаго, пятилѣтняго ребенка, сына Людовика и Гортензіи, принца Карла Наполеона. Забывая побѣды и мечты честолюбія, Наполеонъ нерѣдко игралъ съ маленькимъ Карломъ, баловалъ его, хохоталъ, когда нахлобучивши на себя шляпу его, Карлъ ѣздилъ верхомъ на его грозной шпагѣ, и заставлялъ его выкидывать солдатскія экзерциціи своимъ дѣтскимъ ружьемъ. Дитя умерло отъ крупа. Наполеонъ заплакалъ при извѣстіи объ его смерти, и велѣлъ великолѣпно похоронить Карла въ аббатствѣ Сенъ-Дени. Разсуждая о болѣзни, погубившей его любимца, и слыша, что медики считаютъ ее неизлечимою, онъ назначилъ милльонъ франковъ награды за открытіе вѣрнаго противъ нея лекарства.

Среди торжествъ въ Италіи, передъ Наполеономъ явилось укоряющее воспоминаніе прошедшаго — братъ его Люціанъ, исключенный изъ семейства Наполеонова. Никогда, по особеннымъ обстоятельствамъ тогдашнихъ дѣлъ, не чувствовалъ Наполеонъ въ такой степени важности пособія Луціанова, и введенія дѣтей его въ свое императорское семейство. Онъ уважалъ умъ Люціана, помнилъ его услугу въ день 18-го

брюмера, но неувѣрное республиканство Люціана переходило всякое вѣроятіе. Послѣ смерти жены своей, онъ на зло брату женился вторично на вдовѣ какого-то маклера Жубертона, и въ Римскомъ убѣжищи своемъ разыгрывалъ роль покровителя всѣхъ недовольныхъ Наполеономъ, всѣхъ либераловъ Итальянскихъ, поддерживая сторону Папы при начавшейся тогда ссорѣ съ нимъ Наполеона. По просьбѣ Іосифа, Наполеонъ согласился еще разъ видѣться и говорить съ Люціаномъ. Свиданіе было прикрыто глубокою тайною. Оно происходило въ Мантуѣ. Только Евгеній, Мюратъ и Дюрокъ были его свидѣтелями. Люціанъ пріѣхалъ съ братомъ первой жены своей и двумя друзьями. Онъ не велѣлъ откладывать лошадей, и смѣло вошелъ въ комнату, гдѣ былъ братъ его. Поспѣшно пошелъ къ нему Наполеонъ на встрѣчу. Люціанъ преклонился, поцѣловалъ его руку; братья обнялись. По данному знаку всѣ удалились. Наполеонъ и Люціанъ начали ходить по комнатѣ и разговаривать. Постепенно разговоръ становился живѣе. Наполеонъ заговорилъ наконецъ громко. «Спрашиваю тебя, Люціанъ,» вскричалъ онъ наконецъ, «хочешь ли ты идти одной дорогой со мною?» — Какая она? Какая эта твоя дорога? — «Смотри!» воскликнулъ Наполеонъ, указывая на карту Европы — «выбирай себѣ любое царство, и — оно твое! Мнѣ все повинуется! Клянусь тебѣ дружбою брата, я исполню всякое твое требованіе! Люціанъ! ты мнѣ необходимъ — помоги мнѣ! Чего не сдѣлаемъ мы вмѣстѣ

съ тобою? У меня нѣтъ помощниковъ. Людовикъ и Іеронимъ люди безъ способностей. На тебя всѣ мои надежды!» — Такъ это твоя дорога? отвѣчалъ Люціанъ. Хорошо! Знай, что она не доведетъ тебя къ добру, и ты никогда не дойдешь по ней до конца! Я помогалъ тебѣ сдѣлаться консуломъ — повиновался даже тебѣ императору, но не хочу быть твоимъ слугою съ королевскимъ титуломъ, не хочу быть властителемъ людей, которые проклянутъ мою власть. Что ты дѣлаешь съ народами? Что ты дѣлаешь съ твоими королями? — «Упрямецъ! Ты долженъ мнѣ повиноваться — я старшій въ нашемъ родѣ — я приказываю тебѣ!» — Я не подданный твой. Вспомни 18-е брюмера: кто трепеталъ тогда? Кажется, не я. Что создаетъ сила, будетъ разрушено силою, и ты погибнешь!» Наполеонъ поблѣднѣлъ отъ гнѣва, но удержался, говорилъ еще, говорилъ долго и горячо. Люціанъ молчалъ. «Люціанъ! до завтра — подумай! Ночь добрый совѣтникъ!» сказалъ Наполеонъ, провожая брата до дверей. Онъ затворилъ дверь, и долго ходилъ одинъ по комнатѣ, мрачный и задумчивый. Ни кто не смѣлъ сказать ему потомъ слова о свиданіи его съ братомъ. Онъ молчалъ, и даже не говорилъ ничего, когда узналъ, что Люціанъ, не остановливаясь, сѣлъ въ свою карету и уѣхалъ изъ Мантуи. Урокъ пропалъ безполезно. Наполеонъ никогда послѣ сего не упоминалъ о Люціанѣ, и не препятствовалъ ему продолжать странную оппозицію его. Люціанъ удалился въ свое Канинское помѣстье близъ

Витербо, когда Французы заняли Римъ, и въ 1810 г. рѣшился переѣхать въ Сѣверную Америку, но на пути былъ захваченъ Англичанами и увезенъ въ Англію. Ему позволили купить небольшое помѣстье Томгравъ, близъ Лудлова, въ графствѣ Шропскомъ. Люціанъ поселился тамъ. Плохой поэтъ, но неутомимый риомачъ, онъ написалъ тамъ двѣ огромныя поэмы, *Карлеиду* и *Цирнеиду*, въ 24 и 12-ти пѣсняхъ.

Приводя въ исполненіе всѣ честолюбивыя мечтанія, какія только могли придти въ голову, и немедленно переводя ихъ въ дѣйствительность, Наполеонъ полагалъ, что ему надлежало теперь употребить прежде всего всѣ силы на побѣду надъ Англичанами. Континентальная система казалась ему самымъ вѣрнымъ средствомъ, и исполинская сила его заставила почти всю Европу принять ее. Но континентальная система была средство отрицательное. Положительною мѣрою была высадка. Наполеонъ разсчитывалъ, что соединенная Европа могла выставить до 180 кораблей: Франція 60, Испанія 40, Россія 25, Швеція 15, Голландія 15, Данія 15, Португалія 10. Сто кораблей, отправленные во всѣ части свѣта, должны были развлечь силы Англичанъ, а восемдесятъ прикрыть высадку, возможность коей не оспоривали сами Англичане. Для того хотѣлъ онъ усилить кораблестроеніе, поощрялъ его въ Генуѣ и Венеціи, и былъ особенно огорченъ потерею Датскаго флота. Нѣсколько лѣтъ потребно было устроить Европейскіе флоты. До тѣхъ поръ оставалось усиливать конти-

нентальную систему. На повелѣніе Англійскаго Королевскаго Совѣта, Января 7-го, Наполеонъ отвѣчалъ декретомъ, изданнымъ въ Миланѣ, коимъ объявилъ Англію въ блокадѣ, и всякій корабль, коснувшійся земель ея, лишеннымъ правъ своей націи (denationalisé) и законною добычею Французовъ, какой ни былъ бы флагъ его. Такому же условію подвергались всѣ корабли, допустившіе Англичанамъ осмотръ, или заплатившіе имъ пошлину. «Сіи мѣры,» говорилъ декретъ Наполеона, «суть возмездіе за варварскую систему, принятую Англійскимъ правительствомъ, образовавшимъ свои законы по образцу Алжирцовъ. Онѣ будутъ прекращены для того государства, флагъ коего уважитъ Англія. Онѣ продолжатся, пока Англія не возвратится къ правамъ государственнымъ, на коихъ утверждаются отношенія государствъ образованныхъ въ военное время, правамъ справедливости и чести.» Императоръ Александръ не замедлилъ исполнить опредѣленное Тильзитскимъ договоромъ обязательство его, требовать приступленія Швеціи къ континентальной системѣ. Здѣсь вполнѣ открылась вся безразсудность Густава Адольфа. Вмѣсто согласія, онъ вновь поклялся вѣчною ненавистью къ Наполеону, и даже утвердилъ клятву свою въ церкви причащеніемъ св. Тайнъ, объявляя, что почитаетъ поступки Англичанъ въ Даніи совершенно справедливыми, ибо съ такимъ непріятелемъ, какъ Наполеонъ, должно употреблять всѣ мѣры, «даже отвергаемыя нравственностью, но служащія къ пагубѣ и истреб-

ленію тирана.» Послѣ разрыва съ Англіею, Ноября 16-го, отъ Швеціи потребовали также разрыва съ нею. Отвѣта не было. Императоръ Александръ зналъ, что Густавъ Адольфъ готовитъ войска. Было извѣстіе, что по договору съ Англіею, онъ долженъ былъ соединенно съ Англичанами напасть на Данію и занять Норвегію, которую Англія обѣщала утвердить за нимъ при заключеніи всеобщаго мира. Договоръ былъ дѣйствительно заключенъ, Февраля 8-го 1808 г., но объ Норвегіи въ немъ ничего не было сказано. Густавъ Адольфъ отдавалъ Англіи все свое войско и весь свой флотъ; Англія платила ему по 100 тысячь ф. ст. ежемѣсячныхъ субсидій, и обѣщала пособіе флотомъ и войсками въ случаѣ нападенія на него. Тогда послѣдовалъ отвѣтъ Густава Адольфа Россіи. Онъ требовалъ снятія блокады со всѣхъ портовъ Балтійскаго моря и свободной торговли въ Балтикѣ всѣмъ народамъ, обѣщая свое посредничество на уваженіе сей свободы Англичанами. Начавъ дипломатическіе переговоры съ Швеціею, императоръ Александръ подкрѣплялъ ихъ силою оружія, и вмѣстѣ съ новымъ требованіемъ, 24,000 Русскаго войска вступили въ Финляндію, предводимыя графомъ Буксгевденомъ. Февраля 22-го объявлено было о томъ Шведскому Двору. «Исполняя свои обязанности, Императоръ Россійскій готовъ перемѣнить принимаемыя имъ мѣры на мѣры кроткія, если Король Шведскій немедленно соединится съ Россіею и Даніею, дабы запереть Англичанамъ Балтійское море до всеобщаго

мира. Онъ приглашаетъ въ послѣдній разъ короля, какъ родственника своего, со всею горячностью истинной дружбы, не колебаться исполненіемъ своихъ обязанностей, и принять единственную систему, приличную выгодамъ сѣверныхъ державъ.» — «Е. В., Король Шведскій,» сказано было въ прокламаціи къ жителямъ Финляндіи, «не раздѣляетъ миролюбивыхъ усилій, коими Императоръ Россіи старается утвердить спокойствіе Европы, невозможное безъ союза двухъ сильнѣйшихъ державъ Европейскихъ. Напротивъ, онъ соединяется съ общимъ врагомъ, утѣснительная система коего, и неслыханное поведеніе съ союзниками Россіи и Швеціи, не могутъ быть равнодушно созерцаемы Е. И. В. Сіи побужденія и забота о безопасности собственныхъ владѣній заставляютъ Е. И. В. подвергнуть Финляндію его покровительству, и занять ее, дабы имѣть достаточное ручательство на случай, если Е. В. Король Шведскій будетъ упорствовать въ рѣшеніи, не принимая условій мира, предложенныхъ ему Е. В. Императоромъ Французовъ, при посредствѣ Императора Россійскаго. Добрые сосѣди! Храбрые Финны! Останьтесь безъ страха и тревоги въ вашихъ жилищахъ. Мы идемъ къ вамъ, какъ друзья и покровители, утвердить ваше благоденствіе и удалить отъ васъ бѣдствія войны, жертвами коей можете вы сдѣлаться.» Другою прокламаціею Россія объявила, что она не начнетъ битвъ, и убѣждаетъ Финскую милицію добровольно положить оружіе. Рѣшеніе Густава Адольфа доказало справедливость объ немъ

мнѣнія Наполеона, и даже друга его Людовика XVIII-го. Рядъ поступковъ, коими ознаменовано былъ все его царствованіе, надлежало заключить рѣшительнымъ безразсудствомъ. Называя вѣроломствомъ дѣйствія Россіи, и хвалясь тѣмъ, что въ свое время онъ отвергъ предложенія, дѣланныя ему Наполеономъ, обѣщавшимъ за союзъ съ нимъ возвратить Швеціи отнятыя Рускими земли, «видимъ теперь,» говорилъ онъ, «что утверждено было въ Тильзитѣ. Нелѣпость, которую выставляетъ Франція, стараясь покорить Европу, мнимая опасность, коею угрожается будто бы отъ Англіи Европейская торговля, представлена къ убѣжденію сѣверныхъ государствъ, дабы и на сѣверъ перенесть рабство и бѣдствіе, которыя изъ порта въ портъ, изъ государства въ государство распространены по всей Европѣ. Ни кому не позволяютъ слѣдовать собственному разуму и опыту, запрещаютъ свойственную каждому народу промышленность, не полагаютъ различія между покорностью и враждою. Союзъ и подчиненность сдѣлались нынѣ равносильны, и въ Парижѣ пишутъ законы и уставы союзникамъ, которыхъ называютъ независимыми, уставы, всюду распространяющіе преобладаніе Франціи, уничтожающіе все что было священно народамъ.» Манифестъ Шведскій былъ послѣдуемъ дѣломъ неслыханнымъ: Русскаго посла, Алопеуса, всѣхъ чиновниковъ его, и Русскаго консула въ Готенбургѣ, арестовали, отняли у нихъ бумаги, запретили имъ выходъ изъ жилищъ, приставили къ нимъ стражу, даже перехватили курьера Рус-

скаго, ѣхавшаго изъ Петербурга въ Стокгольмъ, и отняли у него бумаги. Алопеусъ протестовалъ противъ поступка, нарушавшаго всѣ права государственныя, отказался отъ всѣхъ удобствъ, предлагаемыхъ ему въ его заключеніи, и угрожалъ мщеніемъ своего монарха. Протестъ его подтвердили другіе послы, бывшіе въ Стокгольмѣ. Оправданіе Густава Адольфа умножило вину его — онъ публиковалъ содержаніе бумагъ, захваченныхъ у Русскаго посла. Императоръ Александръ долженъ былъ соблюсти величіе монарха, въ дѣлѣ, оскорблявшемъ государственную честь Россіи. Объявляя, что не хочетъ пользоваться правомъ возмездія противъ находящагося въ Петербургѣ Шведскаго посла, и руководствоваться «правилами, однимъ Туркамъ свойственными,» онъ объявилъ манифестомъ войну Швеціи, Марта 4-го, а черезъ недѣлю, обнародовано было, что Финляндія, куда вступили тогда Русскія войска, навсегда присоединяется къ Россіи. За нѣсколько дней прежде, Февраля 29-го, послѣ тщетныхъ переговоровъ, Данія также объявила войну Швеціи. Густавъ Адольфъ не унывалъ, готовилъ войско и флотъ, ждалъ Англичанъ и дерзко упрекалъ въ вѣроломствѣ Россію и Данію.

Когда такъ поступали для поддержанія континентальной системы, какъ средства побѣды надъ Англичанами, союзники его, Наполеонъ имѣлъ полное право оружіемъ принудить къ сей системѣ всѣхъ, кто осмѣлился бы противиться ему и отвергать сію систему. Сверхъ ожиданія, такими противниками явля-

лись на югѣ Европы Папа и Португалія, хотя по различнымъ причинамъ.

Несогласія съ Папою начались вскорѣ послѣ пребыванія его въ Парижѣ и коронованія Наполеонова въ 1804 г. Не смотря на дружескую переписку, Римскій первосвященникъ видѣлъ намѣреніе Наполеона не допускать духовной власти Папской въ земляхъ, покорныхъ его скипетру. Мысль Наполеона, касательно католической религіи, была постоянно прежняя: предоставлять духовенству исправленіе священныхъ обрядовъ христіанства и Папѣ администрацію Церкви, при подчиненіи ему людей духовнаго званія, но допуская притомъ совершенную свободу совѣсти каждаго, устраняя монашескія общества и ордена, и удаляя всякое покушеніе духовенства на пріобрѣтенія имѣній и гражданской власти. Наполеонъ самовластно распоряжалъ духовенствомъ во Франціи и Италіи, ссылаясь на конкордатъ. Папа изъявилъ наконецъ явное неудовольствіе, отказавшись отъ пропуска войска въ Неаполь въ 1805 году, и оборонительнаго союза съ Наполеономъ противъ Англіи. «Я владыка мира,» говорилъ онъ, «и не благословляю на войну.» Наполеонъ распространилъ конкордатъ на Италію. Папа противился, и объявилъ также, что не допуститъ введенія континентальной системы въ своихъ владѣніяхъ. Взаимное раздраженіе являлось изъ всѣхъ сношеній. Папа не утверждалъ епископовъ, не соглашался на разводъ Іеронима, спорилъ о подаркѣ Талейрану и Бернадотту Беневента и Понте-Корво, утверждая, что

они принадлежатъ ему. Наполеонъ купилъ Римскій музей у зятя своего, князя Боргезе; Папа не позволялъ вывезть его изъ Рима. Напрасно указывалъ Наполеонъ Папѣ предѣлы власти его. «Ваше Святѣйшество должны имѣть такое же отношеніе ко мнѣ въ свѣтскихъ дѣлахъ, какое я имѣю къ вамъ въ духовныхъ,» говорилъ Наполеонъ. «Вы обладатель Рима, но я императоръ его. Мои враги должны быть вашими врагами.» Такъ писалъ Наполеонъ въ началѣ 1806 года. «Неужели Папа считаетъ права трона менѣе священными, нежели права тіары?» писалъ онъ вице-королю въ Іюлѣ 1807 г., изъ Дрездена. «Цари были прежде Папъ. Я больше сдѣлалъ добра религіи, нежели Папы причинили ей зла. Онъ хочетъ обнести меня передъ христіанами, но такая мысль достойна не нашего вѣка, а временъ варварскихъ. Его Святѣйшество обсчитывается тысячью годами. Осмѣлься онъ на подобное дѣло, и я объявлю его самого антихристомъ, посланнымъ волновать народы. Слава Богу! онъ безсиленъ. Неужели онъ думаетъ, что отъ его проклятія выпадетъ оружіе изъ рукъ моихъ солдатъ? Не прикажетъ ли онъ мнѣ идти каяться въ монастырь? Если онъ не воздаетъ *кесарю кесарево,* развѣ онъ считаетъ себя болѣе Іисуса Христа? Если онъ продолжитъ сопротивленіе, я соберу соборъ и все устрою безъ него. Спасеніе идетъ отъ вѣры, а не отъ Папы, и его обязанность смиряться и молиться. Богъ и народъ мой дали мнѣ корону, и я отвѣчаю за нее только Богу и моему народу. Всегда буду

я Карломъ Великимъ для Римскаго престола, но никогда не буду Людовикомъ Добродушнымъ. Іисусъ Христосъ не установлялъ пилигримства въ Римъ.» Положено было наконецъ переговаривать о всѣхъ причинахъ къ неудовольствіямъ. Кардиналъ Байонъ присланъ былъ въ Парижъ. Наполеонъ предложилъ нему слѣдующія условія: Папа будетъ союзникомъ Наполеона во всѣхъ войнахъ съ невѣрными и съ Англіею, принимаетъ континентальную систему, допускаетъ Французскіе гарнизоны въ Анкону, Остію и Чивита-Веккію, признаетъ всѣ государства, учрежденныя Наполеономъ, отказывается отъ Беневента и Понте-Корво, вводитъ конкордатъ во всѣ владѣнія Наполеона, въ католическія земли Рейнскаго Союза, и наконецъ увеличиваетъ число Французскихъ кардиналовъ, такъ, чтобы оно составило треть всего ихъ числа. Папа видѣлъ, что подписавши сіи условія, онъ будетъ просто старшимъ епископомъ католическимъ, съ титуломъ Римскаго Папы. Умноженіе Французскихъ кардиналовъ давало Франціи перевѣсъ въ конклавѣ, и преемникомъ Папы долженствовалъ быть тотъ, кого назначитъ Наполеонъ. Папа отвергъ условія. Французскія войска немедленно вступили въ Римскія владѣнія, заняли Анкону, Остію, Чивита-Веккію, и подъ предлогомъ укрощенія волненій въ Римѣ, вошли въ Папскую столицу, Февраля 22-го, предводимыя генераломъ Міоллисомъ. Гвардія Папская была обезоружена; замокъ св. Ангела занятъ; пушки, поставленныя на стѣнахъ его, и на площадяхъ Рим-

скихъ, смирили народъ. Нотою Шампаньи, Апрѣля 3-го, Наполеонъ оправдывалъ свой поступокъ неоспоримыми силлогизмами. «Если Св. Отецъ приступитъ къ оборонительному и наступательному союзу, тѣмъ кончится все наше несогласіе. Если откажется, онъ покажетъ тѣмъ, что *объявляетъ войну* Императору. Первое слѣдствіе войны — *завоеваніе*, а первое слѣдствіе завоеванія — *измѣненіе правительства въ завоеванной землѣ*. Слѣдственно, воюя съ Папою, Императоръ можетъ *завоевать его государство и перемѣнить въ немъ образъ правленія*, сообразно королевствамъ Итальянскому и Неаполитанскому. Какое остается ручательство за спокойствіе Италіи, если между сими двумя королевствами будетъ находиться земля, гдѣ враги Императора всегда найдутъ вѣрное убѣжище?» — Сильнѣйшимъ доказательствомъ неоспоримости силлогизмовъ Наполеона былъ декретъ, подписанный имъ наканунѣ того дня, когда Шампаньи вручилъ ноту свою Папскому легату. Папа отказывается воевать съ Англіею, и тѣмъ нарушаетъ безопасность Италіи. «Соображая, что *славный предмѣстникъ нашъ*, Карлъ Великій подарилъ Папѣ Римскія области для блага христіанъ, а не для пользы враговъ нашей святой религіи,» Императоръ *беретъ обратно у Папы*, и присоединяетъ къ своей имперіи Урбино, Анкону, Мачерато и Камерано. Папская власть была немедленно уничтожена во всѣхъ означенныхъ городахъ.

Презирая въ сношеніяхъ съ Папою опасную борь-

бу противъ католическаго изувѣрства, Наполеонъ не видѣлъ никакого затрудненія принудить къ покорности два милліона Португальцовъ, лишенныхъ всякой возможности защищаться, управляемыхъ дряхлою королевою и нѣсколькими олигархами, государствомъ, безъ финансовъ, безъ науки, безъ знаній, обломкомъ Среднихъ вѣковъ въ Европѣ. Но Наполеону казалось недостаточнымъ введенія Португаліи въ континентальную систему. Мы видѣли, что еще до похода 1806 года, онъ уже предполагалъ уничтожить ея политическое бытіе. Причины были важныя. Теперь настало время исполнить замыселъ.

Но прежде нежели приступимъ къ изложенію неожиданныхъ событій, повлекшихъ за собою величайшія послѣдствія, изложимъ рядъ кровавыхъ явленій на югѣ Европы, изобразимъ первое дѣло, гдѣ геній Наполеона впалъ въ непростительную ошибку, гдѣ счастіе впервые измѣнило ему, необходимо обозрѣть систему политики, какую утвердилъ онъ послѣ Тильзитскаго мира, его дѣйствія въ теченіе трехъ лѣтъ, какъ завоевателя и государя, для блага и счастія народовъ, подвластныхъ ему. Въ Тильзитѣ утвердилъ Наполеонъ все что дотолѣ изобрѣталъ его геній въ своихъ исполинскихъ замыслахъ, все что осуществляли изъ замысловъ его политика и оружіе. Франція была первымъ государствомъ въ Европѣ. Онъ былъ первымъ среди монарховъ Европейскихъ. Властитель земель по Альпы, Рейнъ и Пиренеи, онъ присоединилъ къ власти своей за Альпами Италію,

Далмацію, и бывшую республику Семи островов. Неаполь, удѣлъ брата, Тоскана и Римъ, вскорѣ перешедшіе въ его владѣнія, дополняли здѣсь единство его воли. Такъ за Рейномъ подчинялись волѣ его Голландія и Вестфалія, государства братьевъ его, а землями подвластнаго ему, Рейнскаго Союза власть его простерлась за Эльбу, и съ Варшавскимъ герцогствомъ стала на берегахъ Вислы. Недовольный покорностью Пиренейскаго полуострова при самобытности Испаніи и Португаліи, онъ хотѣлъ дополнить здѣсь внѣшнее единство власти, какъ увидимъ далѣе. Такимъ образомъ образовывалъ онъ великую имперію, дотолѣ невиданную въ Европѣ. Швейцарія и Данія были его покорными союзниками, Пруссія его данницею. Швеція не могла долго замедлить подчиненностью. Австрія являлась безсильною вредить ему. Турція составляла вопросъ, который предоставлялъ онъ себѣ рѣшить въ будущемъ. Сей вопросъ зависѣлъ отъ отношеній его къ Россіи и Англіи, отъ того, какими и въ какой степени должны быть союзъ и раздѣленіе власти надъ другими между нимъ и Императоромъ Александромъ, и отъ побѣды надъ Англіею, необходимой для прочности воздвигнутаго имъ великаго царства. Единство воли его въ политикѣ всѣхъ союзныхъ съ нимъ государствъ, и не только воли его въ политикѣ, но и власти въ управленіи государствами, подвластными ему и братьямъ его, Италіи, Неаполѣ, Голландіи и Вестфаліи, были неизмѣннымъ закономъ и твердымъ условіемъ. Не только всѣ

войска принадлежали Наполеону въ Неаполѣ, Голландіи и Вестфаліи, но тамъ находились Французскіе министры, Французскіе чиновники, при коихъ туземная власть была только исполнителемъ его приказовъ. Голландіи, Италіи, Неаполю оставлены еще были измѣненія въ формѣ правительства, но Вестфалія, послѣднее твореніе Наполеона, должна была принять даже мѣстныя дѣленія, мѣры, вѣсы и законы Франціи. Французскіе гарнизоны находились здѣсь и въ герцогствѣ Варшавскомъ.

Въ Наполеонѣ сосредоточивалась такимъ образомъ политика Европейская. Не было посредника между нимъ, народами и властителями народовъ. Сопротивленіе ему было преступленіемъ, сомнѣніе въ мудрости его и желаніи блага оскорбленіемъ. И онъ дѣйствительно хотѣлъ блага, хотѣлъ, чтобы обширная іерархія Европейская стремилась къ той великой цѣли, какую постигалъ его геній.

Но постигалъ ли онъ сію цѣль, какая была она, и точно ли была совершенствомъ въ устройствѣ общественномъ?

Наполеонъ полагалъ, что ему, какъ избранному Провидѣніемъ, должна была принадлежать вся власть, безъ всякихъ условій. «Франція — это *я!*» говорилъ Людовикъ XIV-й. «Европа — это *Франція,* а Франція — это *я!*» говорилъ Наполеонъ. Отъ него, какъ отъ центра и источника, власть нисходила ниже, сосредоточиваясь въ единствахъ частныхъ, и нисходя до послѣдняго мера въ селеніи, съ правомъ аппеля-

ціи отъ нисшаго къ высшему, но съ условіемъ безпрекословнаго повиновенія. Такъ во внѣшней политикѣ Франція должна была повелѣвать и всѣ другія государства повиноваться. Франціи надлежало имѣть средства заставить уважать власть свою, и потому ей необходимо было имѣть грозныя воинскія силы. Государь Франціи, какъ владыка другихъ государей, долженъ былъ окружить себя величіемъ Двора и власти. Народы должны быть ведомы волею правительства. При воинской силѣ, какъ защитѣ внѣшней, практическое благо составляетъ обязанность правительствъ. Основаніе общественнаго благоденствія заключается въ равенствѣ каждаго передъ закономъ, въ полномъ обладаніи тѣмъ, чего онъ не жертвуетъ для блага общаго, въ возможности возвышаться, если къ тому ведутъ средства и способности, но прежде всего въ исполненіи своихъ обязанностей, употребленіи находящихся у него средствъ на томъ мѣстѣ и тамъ, гдѣ каждый поставленъ родомъ и общественными отношеніями.

На такихъ основаніяхъ устроена была форма правленія въ царствѣ Наполеона.

Предназначая Францію быть воинственнымъ государствомъ, онъ утвердилъ систему *конскрипціи*, безъисключительнаго набора рекрутовъ со всѣхъ званій и состояній. Каждый поступалъ солдатомъ въ ряды воинскіе, и заслуживалъ отличія трудами и подвигами. Управленіе воинскими силами сосредоточивалось въ Наполеонѣ. Титулы и почести не придавали пол-

ководцамъ его никакого старшинства одного надъ другимъ, если не было на то приказа Наполеонова, передаваемаго начальникомъ штаба его, но строжайшее повиновеніе наблюдалось отъ низшаго къ высшему, отъ солдата къ капралу, капитану, полковнику, начальнику бригады, дивизіи, и маршалу, начальнику корпуса, на которые дѣлилась армія. Въ управленіи гражданскомъ была та же система. Должность начальника главнаго штаба представлялась здѣсь Сенату, исполнителю повелѣній Наполеона, лишенному всякой самобытной власти.

Но отнявъ у подвластныхъ ему всякое право на противорѣчіе, не принималъ ли на себя Наполеонъ излишне самонадѣянной обязанности, и какъ могли доходить до него потребности и мнѣнія подвластныхъ ему?

Уничтожая всякую власть другихъ, Наполеонъ считалъ необходимостью дать каждому право совѣта и совѣщанія, не только съ совершенно свободнымъ допущеніемъ каждаго голоса и мнѣнія до него, но даже съ усиленіемъ средствъ къ тому. Условіемъ притомъ было сообщеніе совѣтовъ и мнѣній правительству порядкомъ іерархическимъ. Такъ, воспрещая всякое независимое публичное мнѣніе, и еще болѣе осужденіе мѣръ правительства, или обнародованіе чьихъ либо произвольныхъ мнѣній, онъ основалъ Совѣты при префектахъ, мнѣнія коихъ префекты доводили постепенно къ нему черезъ министровъ. Повѣрку ихъ производилъ Наполеонъ годовыми отчетами мѣст-

ныхъ управленій, и ревизіею особенныхъ чиновниковъ, посылаемыхъ имъ ежегодно. Всѣ сіи отчеты и ревизіи читалъ самъ Наполеонъ. Такимъ образомъ ни одно слово, кѣмъ нибудь и гдѣ нибудь сказанное, не ускользало отъ его вниманія. Наконецъ, надъ всемъ было наблюденіе тайной полиціи, доносившей Наполеону обо всѣхъ частныхъ управленіяхъ.

Съ другой стороны, всѣ постановленія Наполеоновы были предварительно обсуживаемы въ Государственномъ Совѣтѣ, гдѣ присутствовалъ онъ самъ, требовалъ откровенности, поощрялъ самые смѣлые споры, съ условіемъ глубокой тайны обо всемъ происходившемъ въ Совѣтѣ. Подозрѣніе въ неискренности и нескромности были равно непростительными преступленіями въ глазахъ его. Министры передавали потомъ постановленія, обсуженныя въ Совѣтѣ, Законодательному Корпусу, получившему новое образованіе. Въ 1808 году, когда съ монетъ императорскихъ исчезли слова: Republique française (республиканскій календарь былъ отмѣненъ, и вмѣсто его возобновленъ прежній Грегоріанскій еще въ 1806 г.), Наполеонъ изгладилъ послѣдній остатокъ революціоннаго правленія, *Трибунатъ*. Постепенно лишаемый правъ своихъ, онъ былъ уничтоженъ вовсе, и Законодательный Корпусъ раздѣленъ на три отдѣленія, которыя въ тайныхъ совѣщаніяхъ разсуждали о законодательствѣ, внутреннемъ управленіи и финансахъ. Исключая изъ совѣщаній мечтательныя головы юношей, Наполеонъ опредѣлилъ, что члены Корпуса должны быть не мо-

ложе 40 лѣтъ. Утвержденныя Законодательнымъ Корпусомъ, постановленія вносились въ Сенатъ. Протоколы и мнѣнія Корпуса были представляемы Наполеону; онъ тщательно прочитывалъ ихъ. Нерѣдко призывалъ онъ къ себѣ членовъ Корпуса, требовалъ отъ нихъ изъясненій, приглашалъ постороннихъ особъ, мнѣнія коихъ могли пояснить ему дѣло, и нерѣдко въ слѣдствіе сихъ совѣщаній останавливалось исполненіе.

Наполеонъ полагалъ, что для благоденствія государства потребны: простые и краткіе законы; порядокъ и экономія въ управленіи финансовъ; поощреніе торговли и промышленности; просвѣщеніе, основанное на религіи, направленное къ пользамъ положительнымъ. — «Вотъ главное,» говорилъ онъ.

Одно изъ дѣлъ, коими гордился Наполеонъ, было изданіе его *Уложенія*, начатаго еще при Директоріи, но имъ вполнѣ пересмотрѣннаго и при немъ изданнаго. Краткое, ясное изложеніе правъ и обязанностей каждаго, однообразіе суда и судопроизводства, замѣнило громаду прежнихъ разнообразныхъ законовъ и постановленій. Отвергая теоріи экономистовъ, Наполеонъ постоянно былъ врагомъ всѣхъ системъ кредита государственнаго. Не менѣе гордился онъ тѣмъ, что ведя огромныя войны, не только не прибавлялъ тягостей народныхъ, но удовлетворяя всѣмъ потребностямъ государственнымъ, могъ еще ежегодно откладывать огромные капиталы звонкою монетою, въ запасъ. Въ 1808 г. доходы Франціи со-

ставляли 811 милльоновъ, и за употребленіемъ 377 милльоновъ на военную часть, съ столь малыми средствами у него доставало денегъ на огромныя постройки, устройство дорогъ, каналовъ, портовъ, мостовъ, дворское великолѣпіе, щедрыя жалованья и пенсіи. Загадка объяснялась, сколько огромными посторонними доходами, столько и удивительною бережливостію и порядкомъ въ расходахъ. Война съ Англіею и континентальная система лишили подданныхъ Наполеона морской и колоніальной торговли. Тѣмъ дѣятельнѣе ободрялъ онъ торговлю сухопутную, и замѣнъ предметовъ иностранной торговли произведеніями отечественной промышленности. Возвративъ Франціи религію, Наполеонъ хотѣлъ удалить злоупотребленіе католицизма. Здѣсь руководила его также мысль единства въ управленіи, какъ мы видѣли выше, при изложеніи споровъ его съ Папою. Въ просвѣщеніи и образованіи народномъ онъ хотѣлъ также единства и направленія къ одной цѣли, даваемаго правительствомъ. Однообразіе въ воспитаніи, одинаковая система ученія, стремленіе къ полезному, все при ручательствѣ и совѣтѣ избранныхъ людей — таковы были основанія учебнаго управленія Франціи, названнаго *Университетомъ*, и раздѣленнаго на академіи, съ училищами, раздѣленными на шесть степеней (факультеты, лицеи, коллегіумы, институты, пансіоны, первоначальныя училища). «Воспитатель,» говорилъ Наполеонъ, «есть чиновникъ въ государствѣ, и столь важная часть, какъ воспитаніе, должна быть удалена

отъ всѣхъ прихотей и произвола частныхъ людей.» Воспитаніе было раздѣляемо имъ сообразно состоянію и назначенію воспитанниковъ. Строго опредѣлены были для каждаго курсы ученія, назначены учебныя руководства.

Такъ, въ девять лѣтъ, поставивъ Францію первымъ государствомъ въ Европѣ, и оградивъ ее политикою и оружіемъ, изъ хаоса безначалія создалъ Наполеонъ *монархію,* въ 1808 году, заключавшую въ себѣ 122 департамента и 36 милльоновъ жителей. Правимая его обширнымъ геніемъ, его могущею волею, она казалась какимъ-то волшебнымъ зданіемъ, обтянутымъ заколдованными струнами, оживляемыми рукою чародѣя, и ни къ одной струнѣ никто не могъ прикоснуться безъ того, чтобы его прикосновеніе не было вѣдомо чародѣю.

Какъ на полѣ битвы ни одинъ солдатъ не дѣйствовалъ безъ точной воли и вѣдома Наполеона, такъ ничто не совершалось въ государственномъ управленіи безъ его воли и вѣдома. Непостижима была тяжесть заботъ, принятая имъ на себя, если кто не зналъ его необыкновенной дѣятельности, его неизъяснимой способности разнообразить свои занятія, при удивительномъ порядкѣ и системѣ въ дѣлахъ. Ни война, ни походы не разстроивали механизма работъ, единожды имъ устроеннаго. Наканунѣ битвы, на другой день послѣ сраженія, при первой остановкѣ на бивакѣ, дорогою въ каретѣ, при свѣтѣ особо устроеннаго фонаря, Наполеонъ выслушивалъ доклады, ди-

ктовалъ рѣшенія, замѣтки, справки, письма, переходя отъ финансоваго дѣла къ литтературному вопросу, отъ Европейской дипломатики къ сельской школѣ, отъ проэкта новой конституціи къ плану крѣпости, города, гавани. Когда воевалъ онъ на берегахъ Инна и Вислы, всѣ части государственнаго правленія во Франціи оживлены были удвоенною дѣятельностью. Пріѣзжая куда либо, Наполеонъ лично осматривалъ всѣ работы, призывалъ къ себѣ чиновниковъ, расправшивалъ жителей, посѣщалъ фабрики и мастерскія. Все, что поражало его новостью за границею, приказывалъ онъ описать и объяснить ему. Когда гремѣли битвы Эйлау и Фридланда, во Франціи оканчивались дороги на протяженіи 13,000 миль, ведены были работы Сенъ-Цениской и Симплонской дорогъ; на 18-ти рѣкахъ производились работы для облегченія сообщеній, и 10 каналовъ оканчивались отдѣлкою, а кромѣ Антверпена, производились еще работы въ 5-ти портахъ. Въ Парижѣ строили Луврь и два великолѣпные моста. Въ Ліонѣ открыто было тогда училище изящныхъ художествъ; въ другихъ городахъ 12 училищъ юридическихъ и 9 медицинскихъ. Въ Парижѣ назначена была выставка промышленности, и прилагались дѣятельныя старанія о конскихъ заводахъ, свекловичномъ сахарѣ, тонкорунныхъ овцахъ, и тогда же изыскивались средства истребить нищихъ во Франціи. Въ очеркъ нашъ не могутъ войдти подробности, на которыя безпрерывно обращалось безконечно разнообразное вниманіе Наполеона,

и тѣ свѣтлыя мысли его, въ коихъ могутъ почерпать руководство и наставленіе правители народовъ. Приведемъ здѣсь нѣсколько отдѣльныхъ примѣровъ частныхъ распоряженій Наполеона. Онъ велѣлъ представлять себѣ ежегодно списки о земледѣльцахъ и сельскихъ хозяевахъ, которые отличатся лучшими произведеніями, и опредѣлилъ имъ награды. Институту приказано было представить отчетъ обо всѣхъ литтературныхъ произведеніяхъ, вышедшихъ въ свѣтъ въ теченіе 20-ти лѣтъ, и признаннымъ за лучшія велѣно выдать награды, или пособія ихъ авторамъ. Въ Парижѣ приказано собраться Еврейскимъ раввинамъ, и опредѣлить вопросъ о томъ, до какой степени допускаетъ законъ Еврейскій подчиненіе Евреевъ законамъ той земли, гдѣ они живутъ, дабы въ слѣдствіе того опредѣлить ихъ гражданскія права. «Мнѣ кажется,» писалъ Наполеонъ за нѣсколько дней до Гейльсбергскаго сраженія, «что большую пользу принесъ бы хорошій литтературный и критическій журналъ, удаленный отъ брачливости и полемики нынѣшнихъ журналовъ. Онъ будетъ примѣромъ другихъ и исправитъ ихъ, ибо опасно вмѣшивать непосредственную власть правительства тамъ, гдѣ долженъ рѣшать вкусъ публики.» — «Для образованія общественнаго не полезно ли будетъ,» писалъ онъ тогда же, «учредить особенный коллегіумъ, гдѣ даромъ читали бы лекціи приходящимъ, и давали ученыя пособія каждому, кто потребуетъ? Тѣмъ дополнялось бы воспитаніе людей, не имѣвшихъ возможности получить

его въ дѣтствѣ или въ юности.» Такъ во время Аустерлицкаго похода писалъ онъ о распространеніи прививанья коровьей оспы, приказывалъ произвесть опыты насажденія хлопчатой бумаги, и спрашивалъ, отъ чего происходитъ уменьшеніе издѣлій на Руанскихъ фабрикахъ?

Безопасные подъ покровительствомъ закона, если повиновались ему, видя попеченіе правительства о благѣ ихъ, равные передъ правосудіемъ, подданные Наполеона забывали о мечтахъ свободы и бѣдствіяхъ революціи. Они не могли не увлекаться торжествами Франціи, величіемъ, въ какомъ являлся имъ Наполеонъ, видя государей, приходившихъ благоговѣть передъ его трономъ; созерцая трофеи, привозимые изъ Рима, Вѣны, Берлина; войска его — легіоны героевъ; имя Франціи грозное всюду; полководцовъ его, обремененныхъ лаврами и почестями. Въ 1808 году Наполеонъ издалъ установленіе, коимъ хотѣлъ онъ учредить порядокъ новой аристократіи во Франціи. Извѣстныя степени чиновъ давали чиновникамъ права на званія князей, герцоговъ, графовъ, бароновъ, а Почетный Легіонъ на званія кавалеровъ, передаваемыя старшему изъ сыновей, при учрежденіи маіоратовъ, съ опредѣленнымъ количествомъ дохода. Тогда даны были почетные титулы герцоговъ семнадцати генераламъ Наполеона: Монсею *герцога Конельянскаго,* Сульту *Далматскаго,* Массенѣ *Ривольскаго,* Ожеро *Кастильонскаго,* Мортье *Тревизскаго,* Нею *Эльхингенскаго,* Даву *Ауерштедтскаго,* Бессьеру

Истрійскаго, Виктору *Беллунскаго*, Келлерману *Вальмійскаго*, Мармону *Рагузскаго*, Жюно *Абрантскаго*, Коленкуру *Виченцскаго*, Дюроку *Фріульскаго*, Арриги *Падуанскаго*, Лану *Монтебельскаго*, Савари *герцога Ровиго*. Лефевръ имѣлъ, какъ мы видѣли, титулъ герцога *Данцигскаго* съ 1807 года.

Казалось, при безпрекословномъ повиновеніи, при полномъ, могущественномъ образованіи царства Наполеонова, должна была уничтожиться всякая оппозиція. Буйные республиканцы искали титуловъ и почестей. Прежніе аристократы добивались мѣстъ при Дворѣ Наполеона. Родственными союзами старался онъ довершить смѣшеніе старинныхъ аристократовъ съ новыми. Сегюры, Монморанси, Нарбонны были царедворцами Наполеона. Онъ могъ наконецъ презирать сплетни и эпиграммы салоновъ, гдѣ укрывались остатки старой королевской и республиканской Франціи, могъ не дорожить частными жалобами оскорбленныхъ самолюбій и обманутыхъ разсчетовъ, могъ не внимать ропоту людей, терпѣвшихъ при необходимыхъ пожертвованіяхъ, коими думалъ искупать общее благо и достигать цѣли своей Наполеонъ. Но оппозиція не уничтожалась. Она измѣнила только форму и направленіе, и являлась изъ самого порядка управленія Наполеонова. Мы изобразили здѣсь одну свѣтлую сторону предмета — была и темная сторона. Мы будемъ говорить объ ней въ послѣдствіи. Обращаемся къ изображенію событій.

Мысль о политическомъ уничтоженіи Португаліи

являлась изъ географическаго положенія и государственныхъ отношеній сего королевства. Лишенная флотовъ и колоній, Португалія давно сдѣлалась данницею и рабою Англичанъ, обладавшихъ сокровищами, коими надѣлила Португалію природа, снабжавшихъ ее товарами, овладѣвшихъ торговлею съ принадлежавшею ей Бразиліею, усиливавшихъ иго суевѣрія и невѣжества, въ какомъ находилась Португалія. Освободить ее отъ власти Англіи и обратить выгоды отношеній къ Франціи — такова была первая мысль Наполеона. Далѣе онъ видѣлъ, что Португалія была средствомъ преобладанія Англичанъ надъ Испаніею, всегда тревожимою сосѣдствомъ Британцовъ въ Португаліи, при вѣковой ненависти между Испанцами и Португальцами. Что должно было сдѣлать съ Португаліею? Отдать ли ее какому нибудь вассалу Наполеонову, брату, родственнику, маршалу? Но тѣмъ навлекалось подозрѣніе Испаніи, а отдаленіе Португаліи давало средства Англичанамъ къ защитѣ ея, отнимая средства Наполеона удержать тамъ власть его. Онъ думалъ присовокупить Португалію къ Испаніи, но тѣмъ усиливалась Испанія, безъ всякаго ручательства за пользы Франціи и политику Испаніи, когда и безъ того Испанія составляла въ политикѣ Наполеона вопросъ затруднительный. Дотолѣ покорная Франціи, не могла ли она измѣнить свои отношенія, какъ едва не измѣнила ихъ въ 1806 году? Тогда къ Англичанамъ обращались всѣ выгоды отъ Пиренейскаго полуострова, и въ случаѣ войны въ

Европѣ, Франціи угрожалъ съ тыла сильный непріятель. Надлежало обезопасить себя со стороны Испаніи. Наполеонъ находилъ рѣшеніе всѣхъ затрудненій въ овладѣніи Португаліею, занятіи Лиссабона и Таго Французскими войсками, передачѣ части земель ея Испаніи, съ уступкою за то Испанскихъ земель по Эбро. Тогда *уничтожались Пиренеи.* Наполеонъ держалъ Испанію покорною, вполнѣ обладалъ Португаліею, и отнявъ притомъ Гибралтаръ, наносилъ жестокіе удары Англичанамъ. Мысль была рѣшена. Надлежало начать войну и согласиться съ Испаніею въ дѣлежѣ. Континентальная система и союзъ Португаліи съ Англіею такъ же оправдывали войну Наполеона съ Португаліею, какъ войну Россіи съ Швеціею и Турціею. Соединившись съ другими Европейскими державами противъ Франціи въ 1793 году, принуждаемая къ миру съ Испаніею и защищаемая Англичанами, Португалія купила себѣ неутралитетъ въ 1797 г., нарушила его новымъ союзомъ съ врагами Франціи въ 1799 г., была занята Испаніею и Франціею въ 1801 г., еще разъ купила себѣ миръ Бадахозскимъ и Мадритскимъ трактатами въ 1801 г., умоляла о неутралитетѣ въ 1803 г., и заплатила за него договоромъ въ томъ же году, не смѣя противорѣчить Франціи. Наполеонъ оставлялъ безъ вниманія Португалію въ 1804 и 1805 гг., но потому, что тогда уже предположено имъ было окончательное рѣшеніе участи Португаліи, допускавшей при неутралитетѣ Англійскіе флоты и Англійскую торговлю,

говорившей о мирѣ въ Парижѣ, и заключавшей въ то же время договоры о союзѣ въ Лондонѣ. Испанія была совершенно согласна на раздѣлъ Португаліи, и договоръ съ нею давалъ еще Наполеону средство, за часть Португаліи, вымѣнять себѣ Тоскану, распространяя власть его на послѣднее, кромѣ Папскаго, независимое владѣніе въ Италіи. Но чего не понимала, о чемъ не догадывалась Испанія, было требованіе за Португалію уступки земель Испанскихъ по рѣку Эбро. Сію часть плана своего глубоко скрывалъ Наполеонъ. Онъ хотѣлъ тогда только открыть ее, когда вступленіе Французскихъ войскъ въ Испанію, подъ предлогомъ Португальской войны, отниметъ средства сопротивляться, еслибы Испанія вздумала спорить. Столь сложная политическая интрига Наполеона основывалась на характерѣ правителей Испанскихъ, расположеніи умовъ въ Испаніи, и слабости силъ Испаніи и Португаліи.

Съ 1788 года, уже около двадцати лѣтъ, царствовалъ въ Испаніи король Карлъ IV-й, сынъ Карла III-го, послѣдняго изъ властителей Испаніи, помышлявшаго еще о благѣ своего одряхлѣвшаго государства. Не таковъ былъ безпечный, небрежный сынъ его, покорный власти супруги, женщины гордой и властолюбивой, преданной чувственнымъ наслажденіямъ, неумѣренной въ страстяхъ, въ гнѣвѣ, въ милостяхъ. Охота и музыка занимали Карла IV-го. Дѣлами правили Королева и министры. Но съ давняго времени вся власть уже сосредоточивалась въ рукахъ

любимца Короля и Королевы, *Мануэля Годои*, столь извѣстнаго подъ именемъ *Князя Мира*. Бѣдный гидальго Бадахозскій, онъ пришелъ въ Мадритъ съ братомъ своимъ искать счастья, и скоро нашелъ его. Совершенный невѣжда, лишенный способностей военнаго и гражданскаго чиновника, онъ былъ высокаго роста, красивъ собою, хитеръ, ловокъ, превосходно пѣлъ, аккомпанируя себѣ на гитарѣ. Любимица королевы, каммеръ-фрау ея, увидѣла Мануэля, услышала его романсы, говорила объ немъ Королевѣ. Введенный во дворецъ, онъ восхитилъ своимъ пѣніемъ Короля и Королеву. Оба полюбили его, и вскорѣ не могли уже разстаться съ нимъ. Милости посыпались на счастливаго пѣвуна. Записанный въ гвардію маіоромъ, онъ не былъ доволенъ, хотѣлъ власти, богатствъ, былъ неутомимъ въ интригѣ; въ 1795 г. онъ уже самовластно правилъ Испаніею, былъ первымъ министромъ, герцогомъ, и за постыдный миръ съ Франціею возведенъ былъ въ княжеское достоинство, съ титуломъ Князя Мира. Но здѣсь было только начало его возвышенія. Онъ получилъ потомъ званія генералиссимуса, генералъ-адмирала, былъ обвѣшенъ орденами, и хотя женатый тайно, имѣя дѣтей отъ жены, обвѣнчался съ принцессою королевскаго дома, и въ слѣдствіе того, получилъ титулъ Высочества. Исторія немного представляетъ позорищъ столь соблазнительныхъ, какое представляютъ жизнь и дѣла Князя Мира. Власть его надъ Королемъ и Королевою казалась какимъ-то колдовствомъ, хотя

не оправдывалась ни умомъ его, ни дѣлами. Жадный обогащенія, при обладаніи несмѣтными богатствами, онъ не зналъ мѣры своему корыстолюбію, торговалъ мѣстами и правосудіемъ. Гордый и тщеславный, онъ не вѣдалъ предѣловъ своему высокомѣрію. Ненавидимый всѣми, проклинаемый народомъ, недостойный временщикъ не думалъ о ненависти и проклятіяхъ. Дѣла его, какъ политика, мы видѣли въ событіяхъ Испаніи, ибо Князь Мира совершенно распоряжалъ внѣшними и внутренними дѣлами Испаніи. Среди грозныхъ событій революціи, и потомъ при владычествѣ Наполеона, онъ покупалъ дружбу Франціи совершенною отъ нея зависимостью, жертвуя несчастнымъ отечествомъ. Испанія потеряла свои колоніи, погубила свои флоты, истребила послѣднія средства доходовъ, была игрушкою въ рукахъ Наполеона. Если несправедливое возвышеніе временщиковъ всегда возбуждаетъ ропотъ и ненависть, въ неизобразимой степени возбуждалъ ихъ противъ себя Князь Мира. Но никто не смѣлъ возстать явно, хотя во главѣ враговъ его былъ наслѣдникъ престола, Принцъ Астурійскій. Не отличаясь ни умомъ, ни мужествомъ, проводя жизнь въ праздности, въ обществѣ католическихъ монаховъ, Фердинандъ не былъ лишенъ чувства гордости и сознанія обиды, унижаемый временщикомъ, терпя отъ него болѣе всѣхъ. Хитрые монахи и гордые вельможи Испанскіе готовили въ Фердинандѣ избавителя Испаніи отъ позорной власти Годои. Супруга Фердинанда, дочь Неаполитанской

Королевы, Итальянка съ пламенными страстями, оживляла тайные замыслы. Но напрасно старались возбудить въ Фердинандѣ какое либо живое чувство, кромѣ робкой ненависти. Привыкшій повиноваться, заочно онъ соглашался съ другими, но трепеталъ, являясь передъ Княземъ Мира, особливо когда умерла супруга Фердинанда. Князь Мира, знавшій всѣ замыслы враговъ, не могъ однакожь не задумываться о своей будущности. Онъ видѣлъ, что смерть Короля, даже смерть Королевы, положитъ предѣлъ его власти, и тогда страшно заставятъ его расплатиться за все враги его. Онъ колебался въ замыслахъ, не рѣшаясь что дѣлать. Покорность его Наполеону происходила всего болѣе отъ старанія сохранить себѣ сильнаго покровителя. Иногда хотѣлъ онъ лишить наслѣдства Фердинанда, замѣняя его вторымъ сыномъ Короля, инфантомъ донъ Карлосомъ, юношею кроткимъ, готовымъ покорствовать, но у временщика недоставало смѣлости на такое дѣло. Зная, что союзъ Франціи и пожертвованія, коими искупала его Испанія, происходятъ отъ угодливости Князя Мира Наполеону, Испанцы, народъ, Дворъ, монахи, войско, Принцъ Астурійскій, не раздѣляли въ ненависти своей гордаго временщика и Наполеона, друга и покровителя его. Нѣсколько разъ всеобщее волненіе потрясало умы. Испанія готова была требовать перемѣны отношеній къ Франціи. Извѣстія о битвѣ Трафалгарской, о низверженіи Бурбонской династіи въ Неаполѣ были такими тревожными минутами. Темные

слухи носились объ уступкѣ Испаніею Балеарскихъ островововъ, и они не были неосновательны. Безпрерывно ожидалъ народъ даже вторженія Французовъ въ Испанію. Самъ Король иногда раздѣлялъ общія опасенія. Но довольно было нѣсколькихъ словъ Князя Мира, или ласковаго письма Наполеонова, дабы успокоить его. И повѣрятъ ли, что отвращеніе отъ союза съ *еретиками* Англичанами, необходимо слѣдовавшаго при непріязни съ Франціею, было одною изъ причинъ колебанія Испаніи? Ненависть Испанцовъ къ Англіи была не менѣе ненависти къ Князю Мира и Наполеону. Слухъ о войнѣ Наполеона съ Пруссіею и Россіею сильно встревожилъ Дворъ Испанскій. Русскій посолъ въ Мадритѣ умѣлъ представить дѣла Наполеона въ столь неблагопріятномъ видѣ, что общій голосъ заставилъ Князя Мира думать о войнѣ, даже начать вооруженіе. Онъ хотѣлъ заслужить тѣмъ одобреніе народа, становясь исполнителемъ общаго желанія. Мы видѣли, какъ безразсудно высказано было намѣреніе его при ложномъ извѣстіи о пораженіи Наполеона въ Пруссіи, и какъ политика Наполеона обратила замыселъ и вооруженіе Испанцовъ въ его пользу. Князь Мира трепеталъ однакожь, что по возвращеніи изъ похода Наполеонъ потребуетъ отъ него изъясненій болѣе удовлетворительныхъ. Къ изумленію, онъ увидѣлъ противное. Ловкій интриганть Изкіердо, подъ видомъ ученыхъ сношеній посланъ былъ отъ Годои въ Парижъ, и донесъ ему, что далекій отъ гнѣва на него, Наполе-

онъ готовъ теперь исполнить прежнее предположеніе о занятіи и раздѣлѣ съ Испаніею Португаліи. Надлежало имѣть предлогъ къ войнѣ, и его уже имѣли: Португаліи предложено принять континентальную систему, а дабы отвѣтъ ея сдѣлать затруднительнымъ, принять немедленно, захватить всѣ товары и имѣнія Англичанъ, находившіяся въ Португаліи, съ арестомъ всѣхъ подданныхъ Англіи. Португалія хотѣла промедлить отвѣтомъ, и объявила наконецъ, Августа 12-го, что готова сохранить неутралитетъ, даже запереть гавани Англичанамъ, но только дозволяя удалиться купцамъ Англійскимъ изъ Португаліи, ибо несправедливо было бы раззорять людей, которые, надѣясь на защиту правительства, учредили въ Португаліи обширныя заведенія и конторы. Наполеонъ отвѣчалъ, что онъ несогласенъ, но посолъ Португальскій напрасно требовалъ какихъ нибудь дальнѣйшихъ объясненій. Впрочемъ, если Наполеонъ ничего не говорилъ, дѣло объяснялось поспѣшностію Англичанъ вывозить капиталы и товары изъ Португаліи, сборомъ войскъ Французскихъ на границахъ Испаніи, и отъѣздомъ изъ Лиссабона Французскаго и Испанскаго пословъ. Октября 20-го трепещущая Португалія объявила, что согласна на всѣ требованія. Англичане, остававшіеся въ Португаліи, были арестованы. Чрезвычайный посолъ Португальскій, маркизъ Маріальва поѣхалъ даже въ Парижъ предложить супружество сына Принца Регента Португальскаго съ дочерью Мюрата. Такимъ предложеніемъ думали по-

льстить тщеславію Наполеона. Все было поздно, ибо 23-го Октября Французы уже вступили въ Испанію. Наполеонъ зналъ, что льстя ему, въ то же время Португалія говоритъ съ Англіею о тѣснѣйшемъ оборонительномъ союзѣ. Дѣйствительно, договоромъ Октября 12-го положено было, что Англичане пришлютъ сильное войско въ Португалію, и объявленіе о покорности Португаліи, Октября 20-го, было хитростью, которою хотѣли только выиграть время. Португалія не знала, что жребій ея былъ уже тогда рѣшенъ. Октября 27-го Дюрокъ и Изкіердо подписали въ Фонтенебло договоръ между Франціею и Испаніею. Положено, что Опорто и область между Миньо и Дуеро составятъ *королевство Лузитанское*, которое обмѣняютъ на Этрурію, уступаемую Наполеону, а области Алентехо и Алгарвія образуютъ независимое королевство, которымъ будетъ владѣть Князь Мира, съ титуломъ *короля Алгарвскаго*. Оба королевства будутъ состоять подъ покровительствомъ Испаніи. Лиссабонъ, и области Беира, Тразосъ-Монтесъ и Эстремадура будутъ заняты Французами, съ тѣмъ, что при заключеніи всеобщаго мира ихъ возвратятъ Браганцскому Дому, если Англичане согласятся уступить Испаніи Гибралтаръ. Наполеонъ утверждалъ кромѣ того Королю Испанскому титулъ *Императора обѣихъ Америкъ*.

Французскими войсками, собранными въ Португальскій походъ, начальствовалъ генералъ Жюно. Ему велѣно было сколько возможно спѣшить походомъ, и

стараться захватить въ Лиссабонѣ Королеву, Регента сына ея, Дворъ ихъ, сокровища королевскія, и особенно флотъ, соединясь съ отрядомъ Испанцовъ, предводимыхъ генераломъ Караффою, когда другіе отряды Испанцовъ, подъ начальствомъ генерала Солано и маркиза Таранко, пойдутъ въ Алентехо и Дуро Ноября 19-го Жюно сталъ на границахъ Португаліи, и избирая кратчайшую, горную дорогу, Ноября 24-го достигъ Абрантеса на рѣкѣ Таго, въ 30-ти миляхъ отъ Лиссабона. При слухѣ о походѣ Французовъ величайшее смятеніе началось въ Лиссабонѣ. Сражаться никто не смѣлъ подумать, но не знали, оставаться ли Королевѣ и Двору въ Лиссабонѣ, или исполнить давнишнюю мысль Англичанъ объ удаленіи ихъ изъ Лиссабона въ Бразилію? Страхъ умножило появленіе Русскихъ кораблей, совершенно случайное. Сенявинъ возвращался изъ Архипелага, видѣлъ невозможность достигнуть осенью до Петербурга и зашелъ зимовать въ Лиссабонъ. Опасеніе отъ Рускихъ разсѣяли мирные поступки ихъ, и особливо Сидней Смитъ, явившійся съ Англійскимъ флотомъ близъ устья Таго, Ноября 22-го. Объявляя блокаду, онъ оказывалъ, по видимому, непріязнь, но вражда была притворная, Англійскій адмиралъ вошелъ въ дѣятельныя сношенія съ Португальскимъ правительствомъ. Жюно думалъ успокоить Португалію своимъ объявленіемъ, что вступаетъ съ войсками Наполеона въ Португалію, дабы «общими силами, соединенно съ правительствомъ Португальскимъ, возстать

противъ тиранніи морей, и спасти столицу Португаліи отъ жребія Датской столицы.» Согласно съ объявленіемъ Португаліи 20-го Октября, Жюно «надѣялся, что его дружески примутъ въ стѣнахъ Лиссабона, куда спѣшитъ онъ съ арміею, стараясь не допустить столицу Португальскую сдѣлаться жертвою вѣчныхъ враговъ Европы.» Англичане легко опровергли притворныя рѣчи Жюно, показавъ, что въ Парижѣ всѣ знаютъ о жребіи, готовимомъ Португаліи. Въ самомъ дѣлѣ, нетерпѣливый Наполеонъ уже объявилъ въ Монитерѣ, Ноября 13-го, что «Бурбоны перестали царствовать въ Португаліи.» Черезъ Англію объявленіе Наполеона скорѣе войска Жюно перелетѣло въ Лиссабонъ. Сидней Смитъ прибавлялъ, что допустивъ Жюно въ Лиссабонъ, заставятъ его начать военныя дѣйствія, и жребій Копенгагена будетъ тогда дѣйствительно жребіемъ Лиссабона. Рѣшились спасать престарѣлую Королеву и удалиться въ Бразилію, ибо безполезная жертва безопасностью королевскаго Дома не могла спасти Португаліи, которую брались защищать Англичане. Наскоро стали готовить Португальскіе корабли. Зрѣлище было трогательное. Жители Лиссабона со слезами окружили пристань, куда привезли семидесятилѣтнюю королеву Марію Франциску Изабеллу, почти лишенную отъ старости разсудка. Туда явились принцъ Іоаннъ, сынъ ея, регентъ Португаліи, супруга его, двое сыновей, 9-ти лѣтній принцъ Педро (Петръ), 5-ти лѣтній принцъ Мигюэль (Михаилъ), и пять дочерей,

изъ коихъ старшей было тогда 14-ть лѣтъ, младшей 2 года. Море бурно волновалось. Царственные изгнанники трепетали при видѣ свирѣпыхъ волнъ Океана и соображеніи опасностей въ зимнее плаваніе. Затмѣніе солнца, бывшее въ тотъ день, умножало суевѣрный страхъ. Принцъ Регентъ нѣсколько разъ хотѣлъ даже возвратиться въ Лиссабонъ, но слухъ, что Жюно уже близко, превозмогалъ его рѣшимость. Народъ шумѣлъ, готовъ былъ бунтовать, видя, что Королева везетъ съ собою сокровища, что за нею слѣдуютъ знатнѣйшіе вельможи, Дворъ, гвардія, и Лиссабонъ предается беззащитно мщенію Французовъ. Многіе заговорили, что при поспѣшномъ походѣ Жюно разбросалъ на пути свои войска, идетъ съ небольшимъ отрядомъ, и можно будетъ отразить его при помощи Англичанъ, а потомъ ожидать ихъ дальнѣйшаго пособія. Но гнѣвъ Наполеона за подобное сопротивленіе былъ страшнѣе опасностей морскаго путешествія. Отъѣздъ королевскаго семейства совершился, когда Французы находились уже въ двухъ миляхъ отъ Лиссабона. Жюно былъ взбѣшенъ, услышавъ, что у него вырвали богатую добычу. Не думая объ опасности, онъ поспѣшилъ впередъ съ 2000 конницы. Лиссабонъ встрѣтилъ его покорностью. Англійскій флотъ, и присоединенные къ нему Португальскіе 3 фрегата, 8 лин. кораблей, 4 брига, были задержаны противнымъ вѣтромъ въ устьи Таго. Жюно зналъ, что оба флота были наполнены народомъ, и завалены сокровищами

королевскими (ихъ цѣнили въ 250 милльоновъ крузадовъ), имѣніемъ вельможъ, ѣхавшихъ съ Королевою и сыномъ ея, даже многими драгоцѣнностями, взятыми изъ церквей. Онъ велѣлъ палить по флоту съ баттарей Белемскаго дворца, хотѣлъ послать въ бой оставшіяся Португальскія суда, просилъ Русскаго адмирала содѣйствовать ему. Сенявинъ отказался неимѣніемъ приказа своего правительства. Надлежало удовольствоваться занятіемъ Лиссабона и покорностью Португаліи. Въ королевскомъ дворцѣ закочевалъ Жюно, и въ качествѣ намѣстника Наполеонова принималъ привѣтствія властей, оставленныхъ въ Лиссабонѣ, увѣщевая Португальцовъ къ покорности. «Мы спасли васъ отъ Англичанъ,» говорилъ онъ. «Вашъ Государь увлекся злыми совѣтами. Заботясь только о себѣ, онъ оставилъ васъ, но не бойтесь, Португальцы: мы страшны только врагамъ нашимъ. Великій Наполеонъ другъ вашъ, и покровительствуетъ вамъ.»

Занятіе Португаліи совершилось по предположенію Наполеона, и могло радовать Князя Мира надеждою, что скоро вѣнецъ королевскій украситъ его голову. Но при Мадритскомъ Дворѣ происходили между тѣмъ явленія странныя. Ободренный дружбою и союзомъ Наполеона, Князь Мира презрѣлъ всѣ предосторожности. Наглость его противъ принца Фердинанда увеличилась. Принужденный унижаться передъ временщикомъ, Фердинандъ рѣшился наконецъ просить у него пощады, объявляя, что готовъ испол-

нить всѣ его приказанія. Князь Мира объявилъ, что онъ «проститъ Фердинанда,» и даже примиритъ его съ родителями, если онъ согласится жениться на его родственницѣ. Такое условіе показалось Фердинанду обидою нестерпимою, и его легко уговорили испытать послѣднее средство — писать къ Наполеону и просить его покровительства. Посломъ въ Мадритѣ былъ въ то время Богарнс, братъ перваго мужа Жозефинина, нѣкогда жаркій приверженецъ Бурбоновъ, но тогда раболѣпный поклонникъ Наполеона, и подобно другимъ, мечтавшій о престолахъ. Онъ предложилъ Фердинанду просить Наполеона о женитьбѣ на его дочери, дѣвицѣ Богарнс. Фердинандъ съ радостью согласился. Въ униженномъ письмѣ, называя Наполеона «героемъ, предъ коимъ изглаживаются всѣ предшествовавшіе ему, посыланные Провидѣніемъ спасать Европу отъ разрушенія, ей грозившаго, утвердить троны и возвратить народамъ миръ и благоденствіе,» онъ «умолялъ о чести соединиться съ принцессою, принадлежащею къ его августѣйшему Дому.» «Свѣтъ изумится благости В. В., а во мнѣ найдете вы сына благодарнаго и преданнаго,» прибавлялъ Фердинандъ. Какъ ни тайно производились сношенія, Князь Мира открылъ ихъ, и ужаснулся, что Наполеонъ промѣняетъ его на Фердинанда. Онъ могъ даже считать сватовство Принца Астурійскаго тайною интригою Наполеона. Спастись находилъ онъ одно средство: оклеветать Фердинанда передъ его родителями и погубить его. Легковѣрный король Карлъ

IV-й всему вѣрилъ. Фердинанда арестовали, Октября 30-го; нашли у него переписку первой супруги его съ матерью и съ друзьями, гдѣ открывались мѣры, принимаемыя заговорщиками противъ Годои, и Фердинанда объявили опаснымъ заговорщикомъ. Судьба донъ Карлоса не казалась Князю Мира достаточною наказать дерзкаго противника. Король соглашался съ нимъ. Фердинанда и нѣсколькихъ друзей его предали суду. Отчужденіе его отъ наслѣдства было объявлено Испанцамъ. Декретомъ Испанскому народу возвѣщены страшные замыслы Фердинанда. «Трепеща отъ ужаса, вижу, что самая темная интрига возникла въ моемъ семействѣ,» писалъ Карлъ IV-й Наполеону. «Увы! сердце мое обливается кровью, извѣщая васъ, Государь, о злодѣйствѣ столь ужасномъ! Мой сынъ хотѣлъ низвергнуть меня съ трона, покушался на жизнь своей матери, и его преступленіе накажется примѣрно. Разыскиваю подробности ужаснаго злодѣйства, и прошу васъ помочь мнѣ вашимъ совѣтомъ и умомъ.» Но малодушный временщикъ былъ испуганъ волненіемъ, какое арестъ Фердинанда произвелъ въ народѣ и при Дворѣ. Никто не вѣрилъ винѣ его, явно порицали Князя Мира, страшно грозили ему, и онъ принужденъ былъ удовольствоваться тѣмъ, что Фердинандъ изъявилъ раскаяніе и покорность ему. Стараго Короля легко было снова разувѣрить, и онъ простилъ своего сына, но за то велѣно было судить его сообщниковъ. «Голосъ природы обезоруживаетъ мое правосудіе, и ощущая жа-

лость отецъ прощаетъ виновнаго сына,» сказано было въ декретѣ Короля. Въ приложенномъ при декретѣ письмѣ Фердинанда объявляемо было обвиненіе на друзей его. «Раскаяваюсь въ невольной забывчивости, увлеченный злодѣями,» писалъ Фердинандъ, «умоляю простить меня, и позволить облобызать ваши родительскія ноги, предавая правосудію вашему преступниковъ, завлекшихъ меня въ преступленіе.»

Князь Мира думалъ, что никто не посмѣетъ спорить за головы нѣсколькихъ знатныхъ Кастилланцовъ. Здѣсь явилась отличительная черта Испанскаго характера. Не противясь ни въ чемъ волѣ Короля, судьи объявили всѣхъ приверженцовъ Фердинанда невинными. Никакіе подкупы, обѣщанія и угрозы не могли преклонить ихъ на угодливость презрѣнному, ненавистному временщику. Старшій изъ судей, донъ Евгеній Кабальеро велѣлъ принесть себя въ судъ, ибо не въ силахъ былъ ходить, смертельно больной, и подписавъ рѣшеніе суда, скончался на другой день. Тысячи провожали гробъ его, воздавая ему хвалу и проклиная Князя Мира.

Временщикъ увидѣлъ, что играетъ въ свою голову. Онъ полагалъ, что ему пора оставить Испанію, и предавая неизвѣстной судьбѣ своего Короля и отечество, обезопасить себя удаленіемъ въ свое Алгарвское королевство. Тогда неожиданное обстоятельство поразило низкаго интриганта новымъ страхомъ.

Положено было, что завоеваніе Португаліи произведено будетъ корпусомъ Французскихъ войскъ,

состоящимъ изъ 28,000 человѣкъ, и что 40,000 соберутся еще близъ Испанской границы, въ Байоннѣ, на случай, еслибы Англичане явились защищать Португалію. Вмѣсто того, кромѣ корпуса Жюно, Дюпонъ вступилъ въ Испанію, въ Январѣ 1808 г., съ 28,000, и занялъ Валладолидъ и Саламанку. Здѣсь еще цѣлью могла быть Португалія, но уже ничто не оправдывало вступленія въ Испанію маршала Монсея, съ 32,000, и занятія имъ Бургоса, а потомъ прибытія Дюгема, съ 15,000, въ Аррагонію. Еще страннѣе было, что Французы обманомъ захватили крѣпости Пампелунскую, Барцелонскую, Санъ-Себастіанскую, Фигуерскую. Изумленные Испанцы не смѣли приняться за оружіе, и уступили имъ. *Сто тысячь* войска Наполеонова растянулись такимъ образомъ отъ Лиссабона до Барцелоны. Португалія и вся сѣверная Испанія принадлежали Наполеону. Распоряжаясь произвольно, изъ Милана послалъ онъ приказъ Жюно, объявить Португалію «занятою во имя Императора Французовъ,» и наложить на нее, въ пользу Франціи, 100 милльоновъ контрибуціи. Тоскана была занята въ то же время Французами; Королева Этрурская принуждена удалиться въ Мадритъ, и тогда же рѣшалась въ Италіи участь Папы. Лузитанское и Алгарвское королевства, вопреки Фонтенеблоскому договору, разрушались, какъ несбыточныя мечты, хотя цѣли поступковъ Наполеона все еще невозможно было опредѣлить. Онъ не только не отвѣчалъ Фердинанду на его предложеніе родственнаго союза, но вознегодо-

валъ на Богарне, упрекая его за самовольныя сношенія съ Принцомъ Астурійскомъ, которыя «могли довести до порядка дѣлъ, смѣшивающаго всѣ планы, предположенные Наполеономъ.» Дочь Богарне, которой отецъ готовилъ Испанскій престолъ, выдана была немедленно за князя Аремберга, богатаго владѣльца небольшаго княжества въ Германіи, подарившаго невѣстѣ на свадебную корзинку милліонъ франковъ. Богарне оскорбился, ибо подобное родство считалъ онъ униженіемъ. Разсерженный Наполеонъ велѣлъ старому роялисту немедленно удалиться въ его помѣстья, и не показываться въ Парижъ. Отказывая въ покровительствѣ Фердинанду, Наполеонъ не упоминалъ также ничего о королевствѣ Князю Мира. Чего же хотѣлъ онъ? На вопросъ о введеніи многочисленныхъ войскъ въ Испанію, оффиціяльнымъ отвѣтомъ было, что Испаніи угрожаетъ вторженіе Англичанъ, собравшихъ сильное войско въ Гибралтарѣ. Мюратъ отправленъ былъ главнокомандующимъ въ Испанію, и назначилъ главную квартиру свою въ Бургосѣ. Страхъ, недоумѣніе, злоба, раскаяніе терзали Князя Мира. Изкіердо поскакалъ опять въ Парижъ, и здѣсь разкрылась непостижимая тайна. Не имѣя болѣе надобности скрываться, Наполеонъ хладнокровно потребовалъ уступки земель Испанскихъ по Эбро, и предложилъ замѣнить ихъ равнымъ числомъ земли и жителей изъ Португальскихъ областей. Противиться волѣ его было невозможно, но Князя Мира ужаснула, не требуемая уступка земель Испанскихъ, но

молчаніе объ его Алгарвскомъ королевствѣ и неминуемая гибель головы его. Онъ предвидѣлъ, что уступка Испанскихъ земель оскорбитъ Испанцовъ, что дѣло припишутъ ему, и онъ погибнетъ отъ ярости народной. Съ высоты величія, онъ видѣлъ себя падающимъ на эшафотъ. Не зная что дѣлать, онъ рѣшился уговорить короля Карла IV-го удалиться въ Севиллу, собрать тамъ войско и защитить Испанію союзомъ съ Англичанами, или оставить все и бѣжать въ Мексику, какъ бѣжалъ въ Бразилію Португальскій Дворъ. Король Карлъ IV-й и Дворъ его находились тогда въ Аранхуезѣ, загородномъ дворцѣ близъ Мадрита. Встревоженный извѣстіями и совѣтами Годои, Король во всемъ согласился съ нимъ, и велѣлъ готовиться гвардіи въ походъ. Сокровища и мебели поспѣшно укладывали въ фуры. Корпусу войскъ Солано послали приказъ обратиться къ Севиллѣ. Слухъ объ отъѣздѣ Короля разнесся въ Мадритѣ и взволновалъ умы. Нелѣпые слухи ходили по городу. Говорили, что Годои продалъ Испанію Наполеону, что Французы идутъ въ Мадритъ, что они введутъ въ Испанію свою безбожную вѣру и увезутъ въ плѣнъ Короля. Монахи, солдаты, народъ собирались толпами, кричали, и все слилось наконецъ въ одинъ голосъ: *Смерть измѣннику Годои!* Съ оружіемъ и безъ оружія, толпы бросились въ Аранхуезъ. Народъ окружилъ дворецъ королевскій, требуя головы временщика; стража, которой велѣно было разогнать мятежниковъ, пристала къ нимъ. Король и Королева

затрепетали. Напрасно выслали сказать народу, что Князь Мира скрылся, неизвѣстно куда. Народъ не вѣрилъ, искалъ его во дворцѣ, грабилъ домы друзей его. Палаты временщика уцѣлѣли, ибо надъ ними успѣли прибить надпись, что они принадлежатъ Королю, но Мадритскій домъ Годои былъ разграбленъ и опустошенъ. Волненіе не прекращалось. Съ кликами о смерти Годои начали сливаться восклицанія: «Да, здравствуетъ Принцъ Астурійскій!» Сообщники Фердинанда спѣшили воспользоваться страхомъ Короля и Королевы, и предложили имъ за спасеніе Годои отречься отъ престола. Негодованіе при опасности любимца оживило силы Короля. Онъ осыпалъ упреками возмутителей и ни на что не соглашался. Тогда радостные клики народа возвѣстили, что Князь Мира былъ найденъ. Онъ не убѣжалъ, но спрятался на чердакѣ дворца, лежалъ тамъ 36 часовъ подъ тюфяками и одѣялами, и мучимый жаждою, рѣшился выйдти и сыскать нѣсколько капель воды. Его замѣтили, узнали, схватили и заперли въ дворцовую гауптвахту. Народъ ломился туда, яростно требовалъ крови его. Королева въ отчаяніи бросилась къ Фердинанду, умоляя спасти ея любимца, «бѣднаго Мануэля.» Она отдавала за то тронъ Испанскій. Народъ уже вырвалъ тогда Годои изъ рукъ солдатъ, тащилъ, билъ, ругалъ его, и только появленіе Фердинанда спасло ему жизнь. Объявляя о своемъ восшествіи на престолъ, онъ просилъ не убивать самовольно Годои и предать его въ руки правосудія. «Онъ будетъ осуж-

день; наградою его злодѣйствъ будетъ висѣлица, а вы будете плясать около трупа нашего общаго врага," говорилъ Фердинандъ. Народъ согласился. «Дарю тебѣ жизнь!» презрительно сказалъ Фердинандъ, приблизясь къ опозоренному временщику. Его потащили въ тюрьму при радостныхъ кликахъ и ругательствахъ. Голова Годои сдѣлалась такимъ образомъ цѣною Испанскаго трона, и Карлъ IV-й подписалъ отреченіе, объявляя о слабости здоровья, принуждавшей его оставить правленіе. На другой день, Марта 20-го, извѣстилъ онъ о томъ Наполеона оффиціяльными письмами.

Мюратъ услышалъ въ Бургосѣ о событіяхъ Арангуезскихъ и Мадритскихъ, и думалъ видѣть въ нихъ восходящую звѣзду своего счастія, изъясняя по своему посылку его въ Испанію. Онъ воображалъ, что Наполеонъ ему прочитъ тронъ Испанскій, и хотѣлъ сдѣлать чрезвычайно важную услугу Наполеону, двинувши войска къ Мадриту и овладѣвши Испанскою столицею. Его встрѣтили радостно. Приверженцы Карла IV-го полагали, что онъ присланъ защищать права его. Сообщники новаго короля, Фердинанда VII-го, были увѣрены, что Французы заступятся за него. Мюратъ увидѣлъ себя въ затруднительномъ положеніи, когда съ одной стороны Карлъ IV-й прислалъ ему свой протестъ и письмо къ Наполеону, гдѣ умолялъ о защитѣ противъ мятежниковъ, принудившихъ его отречься отъ престола, а между тѣмъ, Марта 24-го, торжественно въѣхалъ въ Мадритъ Фердинандъ

VII-й, и опредѣлилъ, что бывшій Король, родитель его, съ супругою, должны отправиться въ Бадахосъ, гдѣ назначалось мѣсто ихъ пребыванія. Мюратъ рѣшился не дѣлать гласнымъ протеста отца, но не только воспротивиться отправленію Карла IV-го въ Бадахосъ, даже не признавать королемъ Фердинанда VII-го, отзываясь тѣмъ, что ждетъ на все рѣшенія Наполеонова. Карлъ IV й и Королева, супруга его, умоляли Мюрата всего болѣе объ одномъ: «спасти бѣднаго Мануэля» Для убѣжденія Мюрата Королева прислала къ нему дочь свою, бывшую Королеву Этрурскую, и собственноручными письмами порицала сына своего, называя его кровожаднымъ врагомъ Французовъ и Наполеона. Она и Король готовы были заключиться въ монастырь, но только *друга* своего умоляли они спасти. Мюратъ готовъ былъ исполнить просьбу. Изъявляя во всемъ другомъ согласіе, касательно участи Князя Мира не слушали ни совѣтовъ, ни приказовъ его. Годои заключенъ былъ въ Вилла-Вициозскую крѣпость. Смягчая отказъ, старались залестить Мюрата и Наполеона. Мюратъ казался полновластнымъ властителемъ Испаніи. Не зная чѣмъ угодить Наполеону, послали ему въ подарокъ шпагу Франциска I-го — памятникъ плѣна короля Французскаго въ Испаніи, въ 1525 году. Три знатнѣйшіе гранда Испанскіе, герцоги Фріаръ, Медина-Цели и графъ Пюнецъ, повезли въ Парижъ письмо Фердинанда. «Возведенный на престолъ волею Провидѣнія,» писалъ Фердинандъ, «я спѣшу изъявить почтеніе и

удивленіе великому союзнику моему, готовый соединить всѣ усилія противъ общихъ враговъ нашихъ.»

Одно за другимъ приходили къ Наполеону извѣстія о бунтѣ Марта 19-го, отреченіи короля Карла IV-го, возведеніи на престолъ Фердинанда VII-го, вступленіи Французовъ въ Мадритъ. Письма Богарне во всемъ оправдывали Фердинанда; письма Мюрата во всемъ винили его; наконецъ были получены письмо Фердинанда и протестъ Карла IV-го. Одно понималъ тутъ Наполеонъ, что во всемъ крылась какая-то сложная интрига, гдѣ запутаны были Богарне и Мюратъ, Князь Мира, Карлъ IV-й, Королева, Фердинандъ и сообщники его. Не рѣшаясь еще что дѣлать, онъ послалъ на мѣсто Богарне Лафорета, бывшаго посломъ въ Берлинѣ, и велѣлъ поспѣшно ѣхать въ Мадритъ Савари, только что прибывшему изъ Петербурга. «Распутайте мнѣ всю эту интригу,» говорилъ Наполеонъ. «Я ожидалъ волненія въ Испаніи, но не такого. Для чего Богарне не предупредилъ революціи, которую теперь мнѣ припишутъ? Что онъ тутъ дѣлалъ? Узнайте намѣренія отца. Если онъ насильно лишенъ престола, я снова возведу его на тронъ. Выходитъ, что онъ справедливо говорилъ о заговорѣ сына. Согласіе на беззаконное дѣло Фердинанда обезславитъ мою политику и повредитъ мнѣ. Если Фердинандъ уже царствуетъ прочно, мнѣ надобно знать, что это за человѣкъ и кто его окружаетъ? Согласится ли онъ на все, на что былъ согласенъ отецъ его?»

Во всякомъ случаѣ, что должно было дѣлать Наполеону? Утвердить ли отца, и съ нимъ возстановить Князя Мира, или подкрѣпить сына, съ условіемъ тому и другому уступки сѣверныхъ Испанскихъ областей Франціи? Но не возбудить ли сія уступка рѣшительнаго возстанія Испанцовъ, и не заставитъ ли ихъ передаться Англичанамъ? Наконецъ, не открывается ли здѣсь случай къ чему нибудь дальнѣйшему? Если, пользуясь смятеніемъ, можно заставить Бурбонскую линію добровольно отречься отъ престола, и возвести вмѣсто ихъ своего короля? Но кого? Всего менѣе безразсуднаго Мюрата. Мысль о томъ занимала Наполеона еще въ Миланѣ. Полагали, что онъ хотѣлъ примириться съ Люціаномъ именно для того, что въ Люціанѣ у него былъ кандидатъ на Испанскій престолъ. Упрямство Люціана разрушило предположеніе. Дѣло было всячески столь важно и затруднительно, что Наполеонъ рѣшился самъ ѣхать въ Испанію. Назначивъ свой отъѣздъ Апрѣля 1-го, онъ писалъ Мюрату, Марта 27-го. Мы приведемъ вполнѣ письмо его, ибо оно объясняетъ всю тогдашнюю политику Наполеона съ Испаніею. «Весьма опасаюсь,» писалъ Наполеонъ, «что вы обманываетесь во взглядѣ вашемъ на Испанію, и обманываете себя самого. Дѣла 19-го Марта спутали все, такъ, что я многаго тутъ не понимаю. Не думайте, что вы нападаете на безоружный народъ, и что стоитъ только намъ явиться съ войскомъ, Испанія покорится. Событія 19-го Марта доказали, что у Испанцовъ есть сила

души. Они народъ новый, и въ нихъ уцѣлѣли мужество и способность увлеченія, какія бываютъ у народа, не одряхлѣвшаго въ политическихъ волненіяхъ. Аристократія и духовенство господа въ Испаніи. Возбуждая опасенія за ихъ преимущества и существованіе, вы заставите ихъ возмутить толпы народа, и война будетъ безконечною. У меня есть въ Испаніи друзья, но явись я побѣдителемъ, у меня ихъ не будетъ. Князя Мира ненавидятъ, думая, что онъ намъ продалъ Испанію: вотъ чѣмъ оправдано возстаніе Фердинанда. Партія народная еще слаба. У Принца Астурійскаго нѣтъ качествъ, необходимыхъ властителю государства, но для сопротивленія намъ его превозгласятъ героемъ. Не хочу никакихъ насильствъ противъ членовъ королевскаго семейства, ибо никогда не можетъ быть полезно сдѣлать себя, кому бы то ни было, ненавистнымъ, и воспламенять чью нибудь неприязнь. У Испанцовъ 100,000 человѣкъ подъ ружьемъ — довольно поддержать внутреннюю войну. Раздѣленныя повсюду, они послужатъ точками соединенія всеобщему возстанію. Таковы неизбѣжныя препятствія, но есть еще другія. Англія не упуститъ случая затруднить насъ. Если королевское семейство не уѣхало въ Америку, необходима революція, дабы перемѣнить положеніе дѣлъ, и Европа всего менѣе ее ожидаетъ. Въ Испаніи мало людей, видящихъ чудовищные пороки и безсиліе настоящаго правительства, и большая часть находятъ въ нихъ свою выгоду. Соблюдая пользы моей имперіи, я могу сдѣлать

много добра Испаніи, но какъ? Ѣхать ли мнѣ въ Мадритъ? Быть ли только посредникомъ? Трудно, кажется, будетъ утвердить на престолѣ Карла IV-го. Онъ и любимецъ его не удержатся трехъ мѣсяцовъ. Фердинандъ врагъ Франціи, и не потому ли Испанцы стоятъ за него? Но подкрѣпить его, значитъ усилить враговъ Франціи. Семейныя связи слабая порука за дружбу. Примѣръ королева Елисавета и другія Французскія принцессы, погибшія въ Испаніи. Думаю, что паче всего должно не торопиться, и смотрѣть что будетъ, усилить войско на границахъ Португаліи и ждать послѣдствій. Напрасно вошли вы въ Мадритъ. Надлежало только держаться вблизи отъ него. Вы не были увѣрены, что народъ и управленіе городское признаютъ Фердинанда. У Князя Мира были тамъ приверженцы, а старому Королю Испанцы привыкли повиноваться. Приходъ вашъ въ Мадритъ встревожилъ Испанцовъ и укрѣпилъ Фердинанда на тронѣ. Вотъ что мнѣ кажется надобно теперь дѣлать: свиданіе мое съ Фердинандомъ можетъ быть тогда только, когда я увижу, что долженъ признать его королемъ. Съ старымъ Королемъ, его Королевою и Годои должно продолжить до времени прежнія отношенія. Дѣлайте такъ, чтобы Испанцы не могли догадаться, что я хочу и буду дѣлать. Это не трудно для васъ, ибо я самъ еще ничего не рѣшилъ. Дворянство и духовенство увѣряйте, что Франція не тронетъ ихъ привиллегіи, и что я желаю только усовершенствовать политическое образованіе

Испаніи, дабы уравнять его съ другими государствами Европы и навсегда избавить Испанію отъ правленія временщиковъ. Гражданскимъ чиновникамъ и горожанамъ, людямъ болѣе другихъ образованнымъ, внушайте, что Испаніи необходимо перерожденіе, законы противъ произвола и владычества феодализма, постановленія, оживляющія земледѣліе, промышленность и искуства. Представьте имъ благоденствіе Франціи, не смотря на войны, нами веденныя, величіе религіи, утвержденной на конкордатѣ, выгоды политической реформы, порядокъ и тишину внутреннюю, уваженіе и могущество внѣшнее. Такъ должны вы говорить и писать, но — ничего рѣшительнаго. Я могу подождать въ Байоннѣ, могу пріѣхать въ Испанію, отправиться въ Португалію. *Объ вашихъ личныхъ выгодахъ не думайте, и предоставьте заботу объ нихъ мнѣ: Португалія въ моемъ распоряженіи.* Никакое личное отношеніе ваше не должно занимать васъ и руководить вашими дѣлами—это повредитъ мнѣ, а вамъ еще болѣе. Вы слишкомъ поторопились посылкою Дюпона. Наблюдайте строжайшую дисциплину. Наказаніе за малѣйшую вину, уваженіе жителямъ, особливо церквамъ и монастырямъ. Съ Испанскими солдатами отнюдь не начинать ссоръ. Требую, чтобы съ обѣихъ сторонъ ни одно ружье не выстрѣлило. Не сближайте даже нашихъ войскъ съ Испанскими. *Если начнется война, тогда все пропало.* Политика и негоціяція должны рѣшить судьбу Испаніи. Съ Испанскими генералами не входите ни въ какія объясненія.»

Видимъ, какъ хорошо понималъ Наполеонъ всѣ обстоятельства дѣла. Къ несчастію, мнимая легкость добычи ослѣпляла его. Наканунѣ отъѣзда изъ Парижа призвалъ онъ къ себѣ Талейрана и Шампаньи. Говорили долго и ничего не рѣшили, хотя Талейранъ болѣе склонялся на смѣну династіи Бурбоновъ, вѣроятно, замѣтивъ, что втайнѣ всего болѣе желалъ того Наполеонъ. Онъ оставилъ Парижъ ни о чемъ не условясь. Встрѣтивъ между Туромъ и Пуатье трехъ пословъ Фердинанда, онъ не принялъ ихъ, приказывая имъ ѣхать въ Байонну. Спѣша поѣздкою, онъ замедлилъ только въ Бордо. Ночью на 15-е Апрѣля прибылъ онъ въ Байонну, и остановился въ замкѣ Маракъ.

Пріѣздъ Савари въ Мадритъ не рѣшилъ недоумѣнія Испанцовъ. Онъ былъ равно вѣжливъ съ Карломъ и Фердинандомъ, требовалъ освобожденія Годои, и наконецъ извѣстилъ о намѣреніи Наполеона пріѣхать въ Испанію. «Императоръ хочетъ быть мирнымъ посредникомъ между Фердинандомъ и его родителемъ,» говорилъ Савари. Обѣ стороны спѣшили высказать ему свои жалобы. Фердинандъ изъявилъ желаніе встрѣтить Наполеона, надѣясь польстить ему такою вѣжливостью, предупредить навѣты враговъ своихъ, и можетъ быть, въ случаѣ нужды, утвердить за собою тронъ обмѣномъ Португаліи на Испанскія области. Съ нимъ отправлялись знатнѣйшіе вельможи, герцогъ Инфантадо, президентъ Кастильскаго Совѣта, герцогъ Санъ-Карлосъ, старшій маіордомъ,

и тайные совѣтники и любимцы, каноникъ Эскойк-вицъ и министръ Цеваллосъ. Управленіе Испаніею ввѣрялось верховной Юнтѣ, подъ предводительствомъ дяди Фердинандова, инфанта донъ Антонія. Савари сопровождалъ Фердинанда. Достигнувъ Бургоса, Фердинандъ былъ остановленъ опасеніями своихъ совѣтниковъ. Они просили его не ѣздить далѣе. Совѣты Савари были убѣдительнѣе. Но когда достигли Витторіи, здѣсь ни за что не хотѣли отпустить Фердинанда, хотя Савари убѣждалъ его ѣхать въ Байонну, и тамъ встрѣтить Наполеона. Говорили, что Фердинандъ унижаетъ себя и свое королевское достоинство поѣздкою, что его нарочно стараются завлечь въ сѣти, что ступивъ на Французскую землю, онъ будетъ плѣнникомъ Наполеона. Другіе возражали, что «герой Наполеонъ не обезславитъ себя подобнымъ вѣроломствомъ.» «Читайте Плутарха и посмотрите, такія ли дѣла дѣлали герои Греціи и Рима, и ихъ славятъ, ибо успѣхъ все рѣшаетъ,» возражалъ старый маркизъ Урквихо, угрюмый Бискаецъ. Савари не спорилъ, отправился въ Байонну и повезъ письмо Фердинандово Наполеону. Жалуясь, что до сихъ поръ его не признаютъ королемъ, и увѣряя въ своей преданности, онъ превозносилъ свое почтеніе, свою дружбу къ Наполеону.

Ничего положительнаго не было тутъ сказано, и послѣ подробнаго разговора съ Савари, Наполеонъ не хотѣлъ рѣшать дѣла, пока не узнаетъ лично Фердинанда. Савари отправился обратно, и передалъ

Фердинанду отвѣтъ Наполеоновъ. «Позвольте мнѣ говорить откровенно,» писалъ онъ. «Я самъ хотѣлъ совѣтовать вашему родителю сдѣлать необходимыя измѣненія въ правленіи Испаніи, и удалить Князя Мира для блага отечества. Меня задержали дѣла, а между тѣмъ совершились событія Арангуезскія. Я не судья того что уже сдѣлано, не судья и Князя Мира, но скажу одно, въ чемъ искренно убѣжденъ, что государямъ опасно пріучать народъ проливать кровь и дѣлаться судьею въ своемъ дѣлѣ. Дай Богъ, чтобы вы не испытали вреда подобныхъ опасныхъ рѣшеній. Не должно было вамъ позорить человѣка, женатаго на принцессѣ королевской крови и долго правившаго Испаніею. У Князя Мира нѣтъ теперь друзей, но при бѣдствіи и у васъ ихъ не будетъ. Народъ охотно мститъ за почести, которыя онъ воздаетъ намъ. Судъ надъ Княземъ Мира обезславитъ васъ. Не слушайте совѣта его враговъ. Преступленія его прикрыты правами высшей власти. Бѣдные мы люди! Слабость и заблужденіе девизъ нашъ! Изгоните Князя Мира, пришлите его ко мнѣ во Францію. Что касается до отреченія вашего родителя, оно совершилось въ присутствіи моихъ войскъ. Европа и потомство могутъ подумать, что я послалъ ихъ низвергнуть моего союзника и друга. Хочу знать подробности, прежде нежели признаю отреченіе. Говорю вамъ, Испаніи, цѣлому міру, что если отреченіе было добровольное, я признаю васъ королемъ и буду защищать васъ. Событія Октябрьскія меня весьма

печалями, и я старался тогда вамъ быть полезнымъ. Вы были во многомъ виноваты. Вы тогда писали ко мнѣ. Когда вы сами будете королемъ, то убѣдитесь, какъ священны права государя. Всякое произвольное отношеніе наслѣдника престола къ чужестранному государю есть уже преступленіе. Опасайтесь, повторяю, вмѣшивать въ дѣла ваши народъ. Напоминаю вамъ еще, что всякое непріязненное покушеніе противъ моихъ солдатъ будетъ гибелью Испаніи. Вы видите, что я колеблюсь между различными идеями. Одно только твердо во мнѣ — желаніе дружбы и согласія.»

Намъ кажется, Наполеонъ говорилъ искренно; и Фердинандъ, послѣ столь угрюмаго и строгаго выраженія мыслей Наполеона, не придававшаго Фердинанду титула королевскаго, могъ избирать открытую вражду, или совершенную покорность. Не опредѣляя ни того ни другаго, Фердинандъ рѣшился ѣхать въ Байонну, и послалъ впередъ брата своего, донъ Карлоса, поздравить Наполеона съ благополучнымъ пріѣздомъ. Народъ собрался вокругъ его кареты, и шумно противился отъѣзду короля своего во Францію, даже обрубилъ постромки у кареты. Ничто не могло убѣдить Фердинанда. Апрѣля 20-го онъ явился въ Байоннѣ.

Наполеонъ немедленно пришелъ къ нему, обнялъ его дружески и долго говорилъ съ нимъ. Вечеромъ Фердинандъ приглашенъ былъ обѣдать въ замокъ Маракскій. Довольно было двухъ свиданій. Наполеонъ

думалъ, что онъ уже понялъ Фердинанда, и — судьба Испаніи рѣшилась.

На другой день Фердинанду объявили волю Наполеонову. Онъ долженъ отречься отъ Испанскаго престола. Ему предложили въ замѣнъ Тоскану и руку родственницы Наполеоновой.

Если неожиданно было предложеніе Фердинанду, еще неожиданнѣе была Наполеону встрѣча необыкновеннаго сопротивленія. Фердинандъ не соглашался ни на какія уступки, и когда рѣшились было оспоривать права его на престолъ Испанскій, утверждая, что отреченіе короля Карла IV-го было принужденное, онъ отвѣчалъ, что если и не было на то воли отца, желаніе всей Испаніи передало ему престолъ. Зная, что Фердинандъ говоритъ слова своихъ совѣтниковъ, Наполеонъ старался убѣдить Цеваллоса и Эскойквица въ необходимости перемѣнить царствовавшую въ Испаніи династію, по неспособности Фердинанда и его родителя. Онъ доказывалъ также, что пользы Испаніи и Франціи требуютъ соединенія ихъ взаимныхъ выгодъ, изъяснялъ и потребность измѣненій общественнаго порядка въ Испаніи. Всѣ старанія Шампаньи, Савари, и Прадта, епископа Пуатьескаго, взятаго Наполеономъ съ собою, были тщетны. Любопытный разговоръ Наполеона съ Эскойквицомъ лучше всего высказываетъ тогдашнія требованія и отношенія съ обѣихъ сторонъ. Тщетно старавшись доказать несправедливость отреченія Карлова, Наполеонъ заговорилъ наконецъ прямо: «Пока Бурбоны царствуютъ

въ Испаніи, я не могу быть безопасенъ. Они будутъ мнѣ льстить до времени, но выкажутъ свою ненависть, если только опять загорится война на сѣверѣ, *что можетъ легко случиться.* Развѣ вы забыли вѣроломство ваше передъ Іенскимъ сраженіемъ? Никогда, никогда, я повторяю, нельзя мнѣ полагаться на Испанію, пока ею обладаютъ Бурбоны! При силахъ Испаніи, найдись умный человѣкъ для ея управленія, и я не безопасенъ.» — Государь! это противорѣчитъ пользамъ Испаніи. Родство, которое предлагалъ вамъ король Фердинандъ, не обезопаситъ ли васъ вполнѣ? — «Сказки, сказки! Что за ручательство союза женщина, на которой женится Фердинандъ! Станетъ ли онъ слушать ее? А при смерти ея не разрушится ли все? Полноте строить воздушные замки (les chateaux en Espagne)!» — Но Европа обращаетъ теперь взоры на Байонну. Поступивъ великодушно, вы увлечете ее удивленіемъ. Самые враги ваши сознаются, что вы столько же справедливы къ союзникамъ, сколько страшны врагамъ. Умѣренность ваша обезоружитъ завнсть, охладитъ ненависть, разсѣетъ опасенія и уничтожитъ клеветы Англичанъ. Противное будетъ имѣть слѣдствія противныя. Страхъ за свою безопасность усилится въ каждомъ, видя ужасный жребій вашихъ союзниковъ. Англія восторжествуетъ. Страшитесь также, Государь, возбудить ненависть Испанцовъ! — «Вы напрасно увеличиваете трудности дѣла. Теперь я ничего и ни отъ кого не опасаюсь, *даже отъ единственной монархіи, кото-*

рая могла бы меня тревожить. Русскому Императору говорилъ я о моихъ намѣреніяхъ, касательно Испаніи; онъ одобрилъ ихъ и на все согласился. Вотъ главное, а другіе не посмѣютъ даже пошевелиться. Сопротивленіе Испаніи ничтожно. Знатные и богачи, боясь потери своихъ выгодъ, останутся спокойны и постараются укрощать народъ. Духовенство и монахи, на которыхъ возложу я отвѣтственность за безпорядки, также употребятъ свое вліяніе, а оно всего важнѣе. Чернь начнетъ шалить, да ее скоро образумятъ два, три примѣра наказанія. Повѣрьте, что землю, гдѣ много монаховъ, легко покорить. И съ ума развѣ сойдутъ Испанцы, что станутъ мнѣ противиться, когда увидятъ, что я сохраняю неприкосновенность, независимость ихъ земли, и при уваженіи религіи и обычаевъ, даю имъ лучшіе и свободные законы!»

Какъ ужасно ошибался Наполеонъ, какъ мгновенно страсти могли помрачить свѣтлыя идеи, которыя за мѣсяцъ прежде онъ излагалъ Мюрату! Дѣло было имъ рѣшено невозвратно. Оставалось насиліемъ дополнить начатое хитростью, ибо вся дипломатика Наполеонова уничтожалась передъ непреодолимою волею Испаніи, выражаемою ея горделивыми и вѣрными представителями. Здѣсь началось печальное позорище, гдѣ Наполеонъ не постыдился принять роль защитника правъ отцовскихъ противъ непокорнаго сына, выставить себя покровителемъ обезславленнаго Князя Мира, употребить его своимъ орудіемъ для возбуж-

денія ненависти отца и матери противъ дѣтей, и стараться только о томъ, чтобы вѣроломство противъ государя, пришедшаго къ нему съ довѣренностью, было прикрыто дипломатическими формами.

По волѣ Наполеона, Мюратъ настоятельно потребовалъ свободы Князю Мира. Правительственная Юнта не соглашалась, пока не представили ей повелѣнія Фердинандова. Подъ прикрытіемъ Французовъ, Годои черезъ два дня привезенъ былъ въ Байонну къ своему избавителю. Дыша злобою на своихъ гонителей, онъ готовъ былъ исполнить все, что прикажутъ. Немедленно писалъ онъ къ Карлу IV-му и супругѣ его, призывая ихъ въ Байонну, гдѣ ждали ихъ дружба и помощь, когда въ Испаніи угрожали имъ неволя и оскорбленіе. Карлъ и супруга его спѣшили исполнить призывъ своего друга. Всюду, на пути и въ Байоннѣ, Французы воздавали имъ королевскія почести. Со слезами радости обняли они Князя Мира. При входѣ въ домъ, назначенный для ихъ пребыванія, встрѣтили ихъ Фердинандъ и Карлосъ. Отецъ отвернулся отъ дѣтей. Фердинандъ хотѣлъ слѣдовать за нимъ. «Осмѣлишься ли идти за мною?» гнѣвно воскликнулъ Карлъ IV-й. «Развѣ не довольно обезславилъ ты мои сѣдые волосы?» Фердинандъ остановился. Родителю его представлены были всѣ бывшіе въ Байоннѣ Испанцы, и колѣнопреклоненные, цѣловали его руку. Онъ удалился во внутреннія комнаты. Здѣсь Годои кончилъ дѣло въ немногихъ словахъ. Представляя Карлу IV-му неблагодарность Ис-

панцовъ и невозможность царствовать послѣ всего совершившагося, возбуждая ненависть его къ сыну, онъ легко убѣдилъ его, для счастія Испаніи, отнять власть у Фердинанда, передать ее брату Наполеонову и удалиться во Францію, гдѣ почести, дружба и тихое уединеніе усладятъ его старость. Ослѣпленный ненавистью, Карлъ IV-й забылъ, что у него было еще два сына. Тогда явился Наполеонъ. Съ изъявленіями дружбы съ его стороны соединились жалобы Короля и слезы Королевы. Хотѣли воспользоваться минутою раздраженія. Фердинандъ былъ призванъ и почтительно сталъ передъ отцомъ своимъ. Король, Королева и Наполеонъ сидѣли. «Доволенъ ли ты скорбями, какія причинилъ мнѣ?» говорилъ Фердинанду отецъ. «Видишь ли до чего ты довелъ меня и Испанію? Откажись отъ власти, которую ты у меня отнялъ, отдай мнѣ мою корону — такова воля моя. Если ты не будешь повиноваться, я поступлю съ тобою, какъ съ мятежникомъ!» — «Я не мятежникъ,» отвѣчалъ твердо Фердинандъ. «Вы добровольно отреклись отъ короны, и она принадлежитъ мнѣ. За то спасъ я жизнь вашему Мануэлю.» — «Корону мою! Отдай мнѣ мою корону!» вскричалъ Карлъ, дрожа отъ гнѣва. Королева вскочила съ креселъ и осыпала сына своего упреками. «Судить и казнить его!» кричала она. «Несчастный!» воскликнула она, когда Фердинандъ напомнилъ ей, что онъ сынъ королевскій — «ты *мой* сынъ, но *не сынъ твоего отца!* Я не постыжусь моего позора, но опозорю

тебя!» Слезы брызнули изъ глазъ Фердинанда. Онъ затрепеталъ. Наполеонъ остановилъ раздраженныхъ родителей, и хотѣлъ объясняться спокойно. «Родитель, государь и король!» сказалъ наконецъ Фердинандъ — «я отдамъ вамъ корону, но съ тѣмъ, что мы возвратимся вмѣстѣ въ Мадритъ. Я буду послушнымъ сыномъ, вѣрнымъ помощникомъ вашимъ. Изгоните только людей недостойныхъ, доведшихъ обоихъ насъ до погибели.» —Ты предлагаешь мнѣ условія?— вскричалъ Карлъ. «Предлагаю, и не уступлю,» отвѣчалъ Фердинандъ. «Если хотите моей короны, знайте, что не вы, мнѣ передалъ ее народъ — пусть онъ рѣшитъ нашу судьбу! Соберемъ кортесовъ!» Гнѣвъ Короля перешелъ всѣ предѣлы. Наполеонъ спѣшилъ удалить Фердинанда.

На другой день Фердинандъ прислалъ къ родителю своему условія, на коихъ возвращалъ ему престолъ Испанскій. Они вмѣстѣ возвратятся въ Мадритъ, и тамъ, въ собраніи кортесовъ, Фердинандъ отречется отъ престола, излагая причины тому: любовь къ подданнымъ, желаніе успокоить ихъ и удалить междоусобія. Родитель его не допуститъ въ Мадритъ «людей, справедливо заслужившихъ ненависть народную.» Если онъ не хочетъ возвратиться въ Испанію, Фердинандъ будетъ управлять отъ его имени, ибо говорилъ онъ, «ни кого нельзя предпочесть мнѣ: за меня законъ, обѣты и любовь подданныхъ; никто не желаетъ имъ столь усердно добра, и никто не имѣетъ на то столькихъ обязанностей. Бывши прави-

телемъ Испаніи во имя моего отца, я покажу Испанцамъ, что благо ихъ дороже мнѣ моего честолюбія, и Европа почтетъ меня достойнымъ властвовать надъ государствомъ, спокойствію коего пожертвовалъ я всемъ, что обольщаетъ человѣка.»

Съ принятіемъ такихъ условій замыслы Наполеоновы разрушались. Ему уже мало казалось уступки Испанскихъ областей — всею Испаніею самовластно хотѣлъ онъ обладать, и никакія средства не казались ему недостойными для исполненія его пагубныхъ мечтаній. Годоп призванъ былъ къ нему, и не удостоивая совѣщаться съ нимъ, Наполеонъ грозно приказалъ ему кончить дѣло.

«Завтра же отреченіе безъ условій! Мнѣ оно необходимо. Богатство и спокойствіе вамъ съ Королемъ и Королевою. У васъ будетъ все — охота, искуства, миръ, тишина, но прежде всего — отреченіе! Угрожайте судомъ за неповиновеніе, осудите — я не хочу медлить! Карлъ IV-й король — другаго я не признаю, и всякій, кто противникъ ему — преступникъ передъ закономъ!» — Онъ продиктовалъ отвѣтъ Фердинанду. Оправдывая свою дружбу съ Франціею, король Карлъ оправдывался отвѣтомъ своимъ въ бѣдствіяхъ, какія сія дружба навлекла на Испанію — во всемъ были виноваты злые люди и — Англія. «Ты былъ достоинъ эшафота, но я простилъ тебя,» говорилъ онъ сыну. «Мои права ясны, мои обязанности еще яснѣе. Щажу кровь моихъ подданныхъ и не хочу опозорить старости моей бѣдствіями отечества.

Еслибы, вѣрный своимъ обязанностямъ и чувствамъ природы, ты отвергалъ пагубные совѣты, еслибы ждалъ ты вѣнца до моей кончины, вѣроятно, близкой, я могъ бы еще примирить политику и благо Испаніи съ твоими выгодами. Но срывая корону съ моей головы, ты разбилъ свою собственную корону — ты отнялъ у вѣнца все, что дѣлаетъ его священнымъ въ глазахъ подданныхъ. Страшись возжигать огнь раздора, единственнымъ и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ коего будутъ твоя гибель и бѣдствія Испаніи! Я король по праву отцовъ моихъ. Мое отреченіе было дѣломъ насилія. Отъ тебя нечего мнѣ получать, и мнѣ нечего дѣлить съ тобою.»

Ночью 3-го Мая получены были извѣстія изъ Мадрита — кровь уже обагрила тогда столицу Испаніи.

Со дня отъѣзда Фердинандова, глухой ропотъ жителей Мадрита не могъ утаиться отъ Французовъ. Слухи о плѣнѣ Короля умножали негодованіе. Освобожденіе ненавистнаго Годои окончило все, что готовилось прежними событіями. Уже видно было шумное движеніе въ народѣ, и монахи явно проповѣдывали возстаніе въ толпахъ его, когда вдругъ разнесся слухъ, что инфантъ Паула и Королева Этрурская ѣдутъ въ Байонну, и правитель Испаніи, донъ Антоній слѣдуетъ за ними. «Смерть Французамъ! Смерть сообщникамъ Годои!» раздалось всюду. На восьмидесяти церквахъ Мадритскихъ завылъ набатъ. Разъяренный народъ началъ рѣзать Французовъ; толпы его

бросились къ арсеналу, къ жилищу Мюрата. Французы были готовы на встрѣчу мятежникамъ. Картечные выстрѣлы начали очищать улицы. Мятежники уступили, бѣжали, разсѣялись, и Мюратъ торжествовалъ печальную побѣду, стоившую ему до 200 убитыми. Испанцовъ погибло болѣе тысячи, всѣхъ званій и возрастовъ, ибо дрались всѣ — старики, женщины, дѣти, монахи, и только солдаты Испанскіе не принимали участія, ибо члены Юнты строго запретили имъ вмѣшиваться, хотя и тщетно старались они уговорить разъяренный народъ, какъ тщетно потомъ умоляли Мюрата пощадить ослѣпленныхъ. Думая удержать въ повиновеніи страхомъ, онъ велѣлъ разстрѣлять нѣсколько захваченныхъ съ оружіемъ мятежниковъ. Наполеонъ пошелъ съ донесеніемъ Мюрата къ королю Карлу. «Я предвидѣлъ бѣдствія! Погубивъ насъ, злодѣи погубятъ и бѣдную Испанію!» вскричалъ Король, со слезами. Призвали Фердинанда. «Знаешь ли ты новости Мадритскія?» грозно спросилъ его отецъ, и на отрицательный отвѣтъ пересказалъ ему о *бунтѣ* Мадритскомъ. «Станешь ли увѣрять, что ты не имѣлъ участія въ злодѣйствѣ?» продолжалъ Карлъ. «Развѣ для того, чтобы рѣзать моихъ подданныхъ и моихъ союзниковъ, отнялъ ты у меня власть? Кто присовѣтовалъ тебѣ не страшиться имени убійцы?» Фердинандъ молчалъ — молчалъ, когда мать осыпала его позорными упреками. Тогда началъ рѣчь Наполеонъ, и послѣ изложенія беззаконныхъ замысловъ Фердинанда, сказалъ, что онъ не признаетъ его королемъ,

и заставитъ Испанію повиноваться ея законному властителю. «Мнѣ возвратиться въ Испанію?» вскричалъ Карлъ — никогда! Мнѣ ли безславить себя борьбою съ мятежниками? И если они не хотятъ меня, мнѣ ли быть палачемъ моихъ подданныхъ? Ты думаешь легко укротить зло, какое ты началъ,» говорилъ онъ, обращаясь къ сыну — ты думаешь легко царствовать? Несчастный! ты узнаешь на опытѣ! Пріучая народъ къ мятежамъ — ты горько заплатишь за то, и проклятіе памяти твоей повторятъ потомки!»

Надлежало уступить. Фердинанду оставался выборъ между трономъ и судомъ, послѣдствіемъ коего могло быть вѣчное заточеніе, даже — смерть. Совѣтники его видѣли невозможность избавиться власти Наполеона. На его сторонѣ была воля отца, была сила. Сопротивленіе не спасало Испаніи. Покорность могла еще спасти ее, ибо новая династія, можетъ быть, осчастливитъ Испанію. Они не могли не сознаться въ гибельномъ тогдашнемъ состояніи отечества. Съ покорностью волѣ Провидѣнія, они подчинились приговору судьбы неумолимой.

Мая 6-го, 1808 года, Фердинандъ прислалъ отреченіе. Въ тотъ же день Дюрокъ и Князь Мира подписали трактатъ между королемъ Карломъ IV-мъ и императоромъ Наполеономъ, по коему, «видя, что въ настоящихъ обстоятельствахъ пагубный раздоръ раздѣлилъ даже его семейство, уступаетъ онъ тронъ Испанскій и обладаніе обѣихъ Индій Наполеону, какъ единственному спасителю, который можетъ

возстановить порядокъ.» Наполеонъ утверждалъ неприкосновенность и отдѣльность Испаніи отъ Франціи, соблюденіе католицизма, и обѣщалъ убѣжище во Франціи королю Карлу и его семейству. Онъ дарилъ имъ замки Компіенскій и Шамборскій. Король Карлъ получалъ ежегодной пенсіи по 30 милльоновъ реаловъ (около 8 милльоновъ франковъ); Королева по смерти его получала два милльона; инфанты получали по 400 тысячь франковъ. Мая 10-го Дюрокъ и Эскойквицъ подписали трактатъ Наполеона съ Фердинандомъ. Наполеонъ дарилъ Фердинанду имѣнія въ Наваррѣ, и опредѣлялъ ему милльонъ франковъ пенсіи. Дешево куплено было царство Карла V-го и Филиппа IV-го, царство, въ коемъ «никогда не заходитъ солнце!» Португалія и Тоскана шли въ придачу къ Испаніи. Король Карлъ IV-й немедленно отправился въ Компіенъ, съ Королевою и дѣтьми, инфантами Карлосомъ и Франциском, дочерью, бывшею Королевою Этрурскою, и сыномъ ея. Фердинанду отведенъ былъ для жительства замокъ Талейрана, Валансей. Королевскія почести отдаваемы были повсюду царственнымъ плѣнникамъ. Короля сопровождалъ Годои. Все имѣніе его, цѣнимое въ 500 милльоновъ ливровъ, осталось въ Испаніи. Онъ унесъ съ собою только стыдъ, позоръ, имя предателя и необъяснимую привязанность погубленнаго имъ монарха. Первая жена его, съ которою явно жилъ онъ, женатый на другой, не оставила Испаніи, не отпустила къ нему и дѣтей его.

Надлежало устроить будущій жребій Португаліи и Испаніи. Но о Португаліи ничего не было говорено. Жюно управлялъ ею, оставляя прежнія мѣстныя доначальства. Мая 5-го донъ Антоній сложилъ должность предсѣдателя верховной Юнты, и простился съ Испанцами «до свиданія въ долинѣ Іосафатовой.» Мая 12-го изъ Бордо, онъ и Карлосъ прислали свои подтвержденія Байонскому договору, и вмѣстѣ съ Фердинандомъ убѣждали Испанію повиноваться Наполеону. Фердинандъ прислалъ даже поздравленіе своему преемнику. Послѣднимъ распоряженіемъ короля Карла IV-го было возведеніе Мюрата въ санъ намѣстника. Мюратъ рѣшительно вѣрилъ послѣ сего, что Наполеонъ ему назначалъ Испанію. Онъ уже распоряжался въ Мадритѣ, какъ король, даже собиралъ голоса людей, которые должны были просить Наполеона о назначеніи его монархомъ Испаніи. Разочарованіе было скорое, и жестоко оскорбило Мюрата. Наполеонъ прислалъ ему выговоръ за его самовольство, строго упрекая Лафорета за поддержаніе честолюбивыхъ мечтаній Мюратовыхъ. Юнтѣ и верховному Совѣту велѣно было требовать на престолъ Испанскій старшаго брата Наполеонова, Іосифа. Мюратъ занемогъ отъ огорченія. Наполеонъ сжалился, и утѣшилъ его титуломъ короля. Іосифъ долженъ былъ уступить ему Неаполь. Великое герцогство Бергское переходило къ Наполеону; онъ дарилъ его сыну короля Людовика. Царствами металъ онъ, какъ игральными костями!

Въ Байоннѣ собралась немедленно юнта, составленная изъ знатнѣйшихъ Испанцовъ и депутатовъ отъ областей Испанскихъ и разныхъ правительственныхъ мѣстъ. Число всѣхъ членовъ юнты простиралось до 150. Всѣ спѣшили преклониться предъ избранникомъ Наполеоновымъ, который прибылъ въ Байонну Іюня 7-го. Іосифъ нашелъ уже готовый тронъ, подданныхъ, раболѣпно привѣтствовавшихъ его, и новую конституцію Испаніи, утвержденную Наполеономъ. Излагать ли содержаніе ея, отвергнутой Испаніею и разрушенной событіями? Она была спискомъ съ другихъ конституцій, почитаемыхъ Наполеономъ за возможное на землѣ совершенство: власть въ рукахъ короля; равенство подданныхъ передъ закономъ; отличіе по заслугѣ; собраніе депутатовъ съ правомъ совѣщанія (въ Испаніи должны были составлять его 25 духовныхъ особъ, 25 дворянъ, 62 депутата отъ областей, 30 отъ городовъ, 15 отъ купцовъ, 15 отъ университетовъ). Юнта разсуждала о конституціи, во многомъ спорила и Наполеонъ соглашался — онъ хотѣлъ добра Испаніи. Допущено было изгнаніе всѣхъ вѣроисповѣданій и единство католицизма въ Испаніи; ограждены были разныя права областей. Наполеонъ требовалъ одного: истребить даже имя инквизиціи, «похоронить трупъ чудовища, уже умершаго.» О другихъ частныхъ предметахъ положено разсуждать въ послѣдствіи отдѣльно. Наполеонъ избралъ совѣтниковъ и министровъ брату своему, людей отличенныхъ умомъ, хотя стоявшихъ за

права Фердинанда — *Офарилла, Цеваллоса, Пинуэллу, Азанцу, Массаредо, Кабарусса, Урквихо.* Знатнѣйшіе Испанцы — герцоги Инфантадо, Фріасъ, Гинхаръ, Дельпарко, князь Кастель-Франко, графъ Нюнецъ, составили придворный штатъ Іосифа. Іюля 7-го Іосифъ изрекъ присягу и принялъ ее отъ юнты. Архіепископъ Толедскій благословилъ союзъ новаго короля съ его подданными. Тогда возвысилъ голосъ Наполеонъ въ прокламаціи. «Испанцы!» говорилъ онъ, «послѣ долгаго томленія, вы погибали. Я видѣлъ ваши бѣдствія и хотѣлъ пособить вамъ. Величіе ваше составляетъ теперь часть моего величія. Ваши государи уступили мнѣ права на васъ. Не хочу царствовать надъ вами, но хочу пріобрѣсть вѣчныя права на любовь и признательность вашего потомства. Ваше царство одряхлѣло — мое призваніе возобновить юность его. Я улучшу всѣ ваши уставы, и вы будете, если пособите мнѣ, наслаждаться благами преобразованія, не испытывая золъ его. Испанцы! собравши васъ, хочу узнать ваши потребности, ваши желанія. Тогда отдамъ права на васъ и Испанскую корону другому мнѣ (un autre moi-même), утверждая конституцію, которая соединитъ легкую и благодѣтельную власть государя съ свободою и правами народа. Испанцы! вспомните что были ваши отцы, и что вы теперь стали. Не вы виноваты, но ваше прежнее правительство. Надѣйтесь и вѣрьте, ибо я хочу, чтобы позднѣйшіе потомки ваши вспомнили меня, и говорили: «Онъ былъ обновителемъ нашего отечества!»

Оставалось согласiю Европейскихъ государей утвердить перемѣну династiи въ Испанiи. Она повиновалась Iосифу, дала ему клятву вѣрности въ лицѣ своихъ представителей. Дѣло было совершено. Обширный замыселъ Наполеона исполненъ. «Вотъ планъ твоихъ дѣйствiй въ Испанiи,» говорилъ Наполеонъ, прощаясь съ Iосифомъ — «уважай религiю; понемногу преобрази монастыри; опирайся на горожанъ, и не заботься о знатныхъ выродкахъ; умѣренность и покровительство католицизму привлекутъ къ тебѣ народъ. Мюратъ много повредилъ мнѣ — старайся загладить его ошибки. Впрочемъ, всячески — Испанiя должна быть моею: *такова моя воля!*»

Не знаемъ, съ упрекомъ ли совѣсти, но торжественно возвращался онъ изъ Байонны въ Парижъ, и всюду былъ привѣтствуемъ своимъ народомъ, особливо западною Францiею, въ первый разъ видѣвшею тогда своего монарха. Но привѣты народа и гордость успѣха были отравлены, прежде нежели Наполеонъ достигъ Парижа. Если дѣла его въ Португалiи и Испанiи были преступны, наказанiе не замедлило.

Судъ совѣсти не принадлежитъ исторiи. Мудрость властителей есть ихъ историческая совѣсть. Достигнувъ того времени въ жизни Наполеоновой, которое можно назвать временемъ перелома его судьбы, должно разсмотрѣть: соотвѣтствовали ль дѣла его въ Испанiи другимъ дѣламъ, какъ политика и полководца?

Нельзя прежде всего не остановиться въ изумленіи передъ силою, какая была тогда въ рукахъ Наполеона. Могла ли она не казаться другимъ непобѣдимою, могъ ли онъ самъ не убѣдиться въ своей непобѣдимости, если уничтоживъ Пруссію, раздвинувъ власть въ предѣлахъ Польши, принудивъ Россію уступить, Австрію покорствовать, создавъ новое царство брату своему въ Германіи, онъ однимъ словомъ подчинилъ себѣ Римъ и Тоскану, не страшась угрозъ Папы, духовнаго владыки католиковъ, безъ боя овладѣлъ Португаліею, отнялъ средства сопротивленія у Испаніи, свелъ съ престола короля Испаніи, и отдалъ престолъ его своему другому брату, обмѣнявши нѣсколько царствъ? Европа безмолвствовала. Оставался одинъ противникъ — Англія, но отчужденная волею Наполеона отъ Европы, лишенная всѣхъ союзовъ. Сопротивленіе Густава Адольфа и Султана Турецкаго волѣ Наполеоновой казалось крайнею степенью безразсудства. Здѣсь начинается разочарованіе. Испанія не повиновалась ему. Темною интригою лишена была она короля своего, но признала ли короля, даннаго ей Наполеономъ? Іосифа привѣтствовали царедворцы Испаніи, ему присягнули правители областей, но не народъ, не Испанія. Введеніемъ войскъ въ Испанію, она не была лишена воли противиться, и здѣсь въ страшной силѣ возстали тѣ два врага Наполеоновы, о которыхъ говорили мы, описывая возстаніе общественнаго мнѣнія и народности въ Германіи и Неаполѣ.

Изъ письма Наполеонова къ Мюрату мы видѣли, что обширный умъ Наполеона постигалъ сущность положенія Испаніи. Легкость начала, ошибочныя донесенія другихъ, самоувѣренность въ силѣ, ослѣпили его. Онъ не могъ убѣдить себя притомъ, что люди пойдутъ противъ явныхъ выгодъ, какія представляла имъ перемѣна династіи, не надѣялся дѣятельности отъ Англичанъ, не думалъ наконецъ, что соединенныя вмѣстѣ, Англія и Испанія, могли бороться съ его силами — онъ уже забылъ тогда объ остальной Европѣ.

Давно сошедшая съ политической сцены, Испанія была, подобно Португаліи, памятью Среднихъ вѣковъ, сложенная изъ разнообразныхъ, странныхъ частей, нравственно и географически. Какъ безотчетно слагались, такъ и спаялись сіи части въ крови невѣрныхъ, въ кострахъ инквизиціи, въ гордости обладателей Индіи и Америки, въ правахъ феодализма, *фуэросахъ* областей, преимуществахъ городовъ, вольности поселянъ, хранимыя невѣжествомъ, одушевляемыя полуденнымъ солнцемъ. Главная ошибка была въ томъ, что короля Испанскаго считали самодержавнымъ властителемъ. Король Испанскій былъ Испанецъ не знатнѣе другихъ, правитель, которому ввѣрили внѣшнюю защиту *государства*, называемаго *Испаніею*, но которое собственно было соединеніе различныхъ областей, раздѣленныхъ правами, обычаями, характеромъ жителей, правами, даже взаимною народною ненавистью, и управлявшихся своими юнта-

ми, своими уставами. Они давали королю людей и деньги, не заботились о томъ, какъ онъ управлялъ, что онъ дѣлалъ, если только каждый Испанецъ могъ поступать такъ, какъ ему хотѣлось. Успѣхи науки, просвѣщенія пролетали надъ Испаніею, не касаясь ея. Только торговцамъ, имѣвшимъ связи съ Европейцами, и немногимъ дворянамъ Испанскимъ, не чужда была Европа. Для остальной Испаніи Европа не существовала, но были отношенія, скрѣплявшія всю Испанію и неизвѣстныя Европѣ. Первымъ изъ нихъ былъ изувѣрный католицизмъ, при невѣжествѣ народа, считавшаго еретиками всѣхъ другихъ Европейцовъ. Вторымъ было чувство народной гордости, считавшее Испанію выше всѣхъ другихъ государствъ и замѣнявшее Испанцамъ просвѣщенную любовь къ отечеству. Для Испанца отечество и честь Испаніи ограничивались въ сохраненіи вѣры его и личныхъ правъ. Испанскій монахъ поддерживалъ католицизмъ, обогащавшій его, и дававшій ему способы обладать умами. Испанскій помѣщикъ защищалъ свои права феодальныя, и имѣнія, доставлявшія ему возможность грубой, безпечной, лѣнивой роскоши. Испанскій дворянинъ гордился своею праздною лѣнью, и тѣмъ, что никто не смѣлъ заставить его работать. Испанскій крестьянинъ наконецъ, довольствовался немногимъ, суевѣрный, безпечный, лѣнивый. Но въ сихъ зачерствѣлыхъ умахъ, въ тяжелыхъ, неподвижныхъ толпахъ народа, таились пламенныя южныя страсти — раздражительность, если возбудили ее, гнѣвъ, не

знавшій предѣловъ мщенію, свирѣпость, не щадившая крови врага. Испанія давно перестала быть военнымъ государствомъ, но Испанцы были народъ воинственный. Устремленный къ какой нибудь цѣли, Испанецъ мгновенно измѣнялся, дѣлался дѣятеленъ, неутомимъ, свирѣпъ, непобѣдимъ. Неимѣніе средствъ жизни составляло въ Испаніи многочисленныя толпы внѣ общества. Таковы были контрабандисты, разбойники, горцы, наемные солдаты, и въ нихъ нельзя было узнать лѣниваго, безпечнаго, городскаго или сельскаго жителя Испаніи.

Такую общественность представляла Испанія, земля, куда доступъ Франціи былъ только по Пиренейскому перешейку, когда со всѣхъ другихъ сторонъ охраняло ее море, дававшее удобства Англичанамъ доставлять, еслибы потребовалось, всякія пособія, земля, палимая Африканскимъ солнцемъ, гибельная для непривычнаго здоровья, разрѣзанная горами, доставлявшими средства защиты, и не допускавшими непріятеля свободно удалиться, если онъ былъ побѣжденъ, земля, гдѣ города, съ укрѣпленіями феодальныхъ временъ, раздѣлены были пустынями, а дороги были непроходимы, гдѣ безчисленные монастыри являлись крѣпостями, каждое селеніе, по образу постройки, дѣлалось мѣстомъ защиты, состоя изъ каменныхъ домовъ и оградъ. Каждый житель былъ воиномъ, за себя сражавшимся, когда въ жизни терять ему было нечего, а пожертвованіе жизнью благословляла религія надеждою мученичества и блаженства

небеснаго. Угроза возмездія только сильнѣе возбуждала чувство мести Испанцовъ. Гордость заставляла ихъ не признавать себя побѣжденными, хвастливость преувеличивала успѣхъ, невѣжество, при пламенномъ воображеніи, наполненномъ романсами и легендами Среднихъ вѣковъ, допускало убѣждать себя въ самыхъ нелѣпыхъ идеяхъ, а отчаяніе восходило до героизма и совершеннаго самоотверженія. Народонаселеніе Испаніи состояло изъ десяти съ половиною милльоновъ, изъ коихъ до 900 тысячь семействъ были земледѣльцы, 400,000 владѣльцы земель, 500,000 откупавшіе ихъ у помѣщиковъ. Сіе народонаселеніе, кромѣ многихъ большихъ городовъ, составляло до 25,000 мѣстечекъ и селеній, изъ коихъ 10,000 принадлежали власти свѣтскихъ властителей, 4000 власти духовенства. Монаховъ, живущихъ въ монастыряхъ, считалось болѣе 100,000, и монаховъ странствующихъ по Испаніи болѣе 40,000.

Власть чужеземцовъ оскорбляла народную гордость Испанца. Мысль, что *чужеземецъ* былъ *Французъ,* отвергнувшій католическую вѣру, поругавшійся Папѣ, властителю царей, смѣявшійся надъ предметами обожанія, не щадившій священныхъ Испаніи предметовъ, вела къ непримиримой ненависти. Именно то, чѣмъ хотѣлъ Наполеонъ обольстить Испанію, конституція, права, законы, вооружало всѣ званія. Мысль его о пользахъ преобразованія понимали развѣ немногіе горожане и немногіе молодые либералы. Богатые дворяне, духовенство, области, города, боялись лише-

нія выгодъ, пріобрѣтенныхъ злоупотребленіемъ правъ. Кто находилъ пользы въ новомъ порядкѣ дѣлъ, тотъ страшился грѣха, принимая ихъ, боялся наложенія новыхъ обязанностей, лишавшихъ его независимости. Вообще всѣ опасались нововведеній, разрушавшихъ нравы, привычки, понятія Испаніи, и уже потому готовы были отвергнуть самыя благодѣянія, что ихъ предлагали насильно, держа въ рукѣ мечъ. Самыя обстоятельства событій были невыгодны Наполеону. Онъ являлся Испанцамъ покровителемъ ненавистнаго Годои, хитрецомъ, вѣроломно заманившимъ въ плѣнъ Короля Испанскаго и отнявшимъ престолъ его, тираномъ, который обманомъ ввелъ свои войска въ Испанію и хотѣлъ заставить повиноваться ему. Наконецъ, враги Наполеона, Фердинандъ и его совѣтники, видя, что они должны уступить, употребили всѣ силы возставить противъ него Испанію. Не помышляя о бѣдствіяхъ, какія навлекали на отечество, они требовали мщенія. Едва узнали они мысль Наполеона, тайныя письма посланы были въ Мадритъ, возмутительныя воззванія разсѣяны во всей Испаніи. «Старайся оградить себя отъ злости проклятыхъ Французовъ,» писалъ Фердинандъ донъ Антонію. Мая 5-го послано было повелѣніе его юнтамъ: «стараться сдѣлать все, что необходимо для блага короля и отечества,» и когда Фердинанда влекли во Францію, въ Испаніи читали воззваніе его, гдѣ говорилъ онъ: «Испанцы! я сдѣлался жертвою враговъ. Не требую отъ васъ моей короны, но спасайте отече-

ство, охраняйте вашу независимость, собирайтесь на защиту отъ ига чужеземца, не покоряйтесь вѣроломному врагу, который лишилъ престола вашего несчастнаго короля!» (Мая 8-го).

Страшно и мгновенно взволновалась Испанія. Съ крестомъ въ рукахъ, монахи призывали народъ къ возстанію, обѣщая вѣнцы небесные. Въ областяхъ, въ городахъ, въ селеніяхъ составлялись народныя юнты. «Къ оружію, Испанцы, къ оружію,» восклицали они въ своихъ воззваніяхъ, «если не хотите видѣть вашихъ женъ и дочерей обезчещенныхъ варварами, ваши поля опустошенными, ваши домы выжженными, если не хотите подчиниться законамъ Наполеона, законамъ кровожаднымъ, порожденію революціи, если не хотите быть записанными въ его конскрипцію! Вооружитесь противъ тирана, не знающаго ни вѣры, ни чести! Какое право имѣетъ на насъ сей чужеземецъ? Онъ, нечестивецъ, воздвигаетъ синагоги Жидамъ, грабитъ святѣйшаго отца Папу, и въ основаніи потрясъ бы Церковь, еслибы врата адовы могли одолѣть ее. Сражайтесь за вашу родную землю, ваше достояніе, ваши законы, вашего короля, вашу вѣру, вашу будущую жизнь! Подкрѣпитесь страхомъ Божіимъ, испросите помощь пресвятыя Богородицы, и она, заступница милосердая, не оставитъ васъ!» Явились тысячи патріотическихъ пѣсенъ, ругательствъ на Французовъ, изображеній Наполеона въ аду, въ бесѣдѣ съ дьяволомъ и съ Годои. Учредили церковные ходы, служили панихиды въ память страдальцовъ, убитыхъ

Мая 2-го въ Мадритѣ. Изданъ былъ катихизисъ, гдѣ, сообразно понятіямъ простолюдиновъ, изображали Наполеона и обязанности Испанцовъ. (*) Монахи разсказывали о чудесахъ: образа плакали, передъ Мадонами загарались свѣчи, въ церквахъ слышно было по ночамъ пѣніе, видѣли ангеловъ и святыхъ, нисходящихъ съ неба съ пламенными мечами. Народъ читалъ, смотрѣлъ, слушалъ, плакалъ, и все возстало, вооружилось, кто чѣмъ могъ. Вездѣ загремѣлъ набатъ. Разбойники приходили въ юнты, не только были прощаемы, но какъ люди искусные въ ѣздѣ и стрѣльбѣ, вездѣ были принимаемы въ войско и опредѣлялись начальниками. Изъ монаховъ образовались воины, сдѣлавшіеся потомъ извѣстными, подъ именами Мины, Эмпечинадо, Эль-Пастора. Изъ университетовъ бѣжа-

(*) Вотъ нѣсколько вопросовъ и отвѣтовъ изъ Испанскаго катихизиса, который заставляли тогда учить наизустъ въ школахъ Испанскихъ: *В.* Кто ты? *О.* Испанецъ. *В.* Что такое Испанецъ? *О.* Честный человѣкъ. *В.* Сколько у тебя обязанностей? *О.* Три. Быть христіаниномъ, защищать отечество, умереть, но не поддаваться врагамъ. *В.* Кто врагъ твой? *О.* Французскій Императоръ. *В.* Кто онъ такой? *О.* Злой честолюбецъ, начало всякаго зла, губитель всякаго добра, смѣшеніе пороковъ и злости. *В.* Какія въ немъ природы? *О.* Двѣ: дьявольская и нечеловѣческая. *В.* Одинъ ли онъ? *О.* Нѣтъ, ихъ трое: Наполеонъ, Іоахимъ и Мануель. *В.* Кто изъ нихъ злѣе? *О.* Всѣ равно злы. *В.* Откуда явился Наполеонъ? *О.* Изъ ада, ибо онъ сынъ грѣха. *В.* Кто такіе Французы? *О.* Были христіане, а теперь еретики. *В.* Чему они насъ учатъ? *О.* Измѣнѣ, разврату, беззаконію, и проч.

ли студенты, и смѣшивая схоластику съ изувѣрствомъ, назывались Брутами и Сцеволами. Не требовали ни денегъ, ни запасовъ, ни плана войны — только оружія. Десять милльоновъ Испанцовъ составили такимъ образомъ одну громаду воиновъ.

Нашлись и предводители. Юнты избирали начальниковъ, и насильно отдавали имъ мѣста генераловъ и полковниковъ. Гибель грозила тому, кто не соглашался съ народомъ, и особливо кто хотѣлъ укротить волненіе. Въ Овіедо былъ зарѣзанъ губернаторъ, графъ Агвиларъ, и едва спаслись отъ ножей члены Кастильскаго Совѣта. Канонпкъ Кальво принялъ начальство въ Валенціи, и по его повелѣнію жители изрубили генералъ-капитана области, дона Сааведру. Тѣло губернатора Малагскаго, генерала Трухилло, съ радостными воплями волочили по улицамъ Гренады. Такъ погибли думавшіе укротить ярость народа: губернаторъ Тортозы, донъ Виллоріа, губернаторъ Бадахоза, графъ Торре-Фреско, губернаторъ Картагены, донъ Жуанъ де-Тода, генералы Цевалосъ, Филанджіери, генералъ Солано, думавшій утишить возстаніе Кадикса. Селенія, не пристававшія къ другимъ, были осуждены на разграбленіе и сожженіе. «*Отечество и Фердинандъ!* (Patria et Fernando)! *Смерть Французамъ! Слава Богоматери!*» были кликами народа.

Первая юнта, провозгласившая войну Наполеону, и составившая правильное ополченіе, учредилась въ Валенціи, областномъ городѣ Аррагоніи, Мая 23-го.

Черезъ три дня составилась Андалузская юнта въ Севиллѣ; Мая 27-го Аррагонцы составили юнту въ Сарагоссѣ, 29-го Андалузцы въ Кадиксѣ. Черезъ двѣ недѣли поднялась вся Испанія. Войска, пришедшія изъ Португаліи, десяти тысячный корпусъ генерала Кастаньоса, стоявшій подлѣ Гибралтара, и 10,000 бывшихъ въ Галиціи, съ генераломъ Блакомъ, пристали къ возстанію. Севильская юнта назвала себя Верховною. Все исполнялось именемъ короля Фердинанда. Всюду Французы были захвачены и умерщвлены, и 120,000 Испанскаго ополченія, составленнаго изъ всѣхъ званій, всѣхъ возрастовъ, отъ 17 до 60-ти лѣтъ, образовались, признавая начальниками въ Андалузіи Кастаньоса и графа Морла, въ Галиціи Блака, въ Кастиліи маркиза Куэста, въ Валенціи генерала Каро, въ Аррагоніи генерала Палафокса. Французскіе корабли, находившіеся въ Кадиксѣ со времени Трафальгарской битвы, были захвачены. Юнты отнеслись къ Англійскимъ адмираламъ, плававшимъ около береговъ Испаніи, и послали въ Гибралтаръ, требуя оружія и пороху. Все немедленно было имъ доставлено. Когда Наполеонъ обратилъ вниманіе на Португалію и Испанію, Англійская политика увидѣла важность сопротивленія ему на Пиренейскомъ полуостровѣ. Каннингъ немедленно отправилъ тайныхъ агентовъ въ Испанію и Португалію. Они управляли всѣми переговорами Фердинанда и возмущали народъ. Англійскіе флоты близъ Испанскихъ и Португальскихъ береговъ были усилены. Гибралтаръ сдѣлался мѣстомъ

огромной складки оружія и запасовъ, и 50,000 Англійскаго войска готовилось въ Англіи для высадки въ Португалію и Испанію. Овіедская юнта первая отправила посольство въ Лондонъ. Пословъ встрѣтили, угощали торжественно, народъ провожалъ ихъ по улицамъ Лондонскимъ съ кликами радости. Іюля 4-го объявлено о прекращеніи войны Англіи съ Испаніею, о снятіи блокады съ береговъ Испанскихъ. Сотни кораблей повезли въ Испанію оружіе, деньги, запасы. Не говоря уже о политическихъ видахъ, Англійская торговля открыла себѣ неистощимый источникъ сбыта своихъ издѣлій въ Испаніи, давно лишенной всякой промышленности и торговли. Преувеличивая свои собственныя средства, и опасаясь, что появленіе Англійскихъ войскъ будетъ оскорбительно народу, даже охладитъ ревность его, при мысли о пособіи еретиковъ, предводители Испанцовъ отказались отъ принятія Англійскихъ войскъ, увѣряя, что они управятся сами съ Французами. Европа видѣла неожиданное геройство въ изувѣрномъ упрямствѣ, и вся Англія требовала отъ министровъ истощенія всѣхъ возможныхъ средствъ для пособія Испанцамъ деньгами и оружіемъ.

Возстаніе Испаніи изумило Европу. Еще не зная, чѣмъ оно кончится, самые приближенные Наполеона винили его. Не смѣли говорить объ его властолюбіи, источникѣ зла, но обвиняли его, какъ политика, въ томъ, что онъ возбудилъ ненависть Испаніи, являясь покровителемъ Годои, вѣроломцомъ, захватившимъ

Короля Испанскаго, еретикомъ, говоря объ измѣненіяхъ существовавшаго порядка, тираномъ, принуждая къ принятію придуманныхъ имъ нововведеній. Національная гордость и нравственность Испаніи были оскорблены. Надлежало, говорили обвинители, явиться защитникомъ Фердинанда, оставить его на тронѣ, быть покровителемъ его. Если же Наполеонъ убѣдился, что союзъ Фердинанда съ Франціею былъ невозможенъ, онъ долженъ былъ явиться въ Испаніи посредникомъ между отцомъ и сыномъ, защитникомъ отца. Онъ могъ, въ благодарность за то, честно взять отъ него корону и передать ее брату, но не разрушая притомъ существовавшаго въ Испаніи порядка, даже льстя страстямъ, обезпечивая права духовенства и фуэросы областей. Была ли на то возможность, еслибы въ то же время Наполеонъ отвергнулъ Годоя? Въ такомъ случаѣ, говорили обвинители, Наполеонъ не долженъ былъ вмѣшиваться въ семейныя дѣла Испанскихъ королей, и требовать только уступки Испаніи по Эбро, вознаграждая за то Португаліею, и подкрѣпляя требованіе оружіемъ. Онъ былъ бы тогда справедливъ, предписывая условія и законы Испаніи, какъ побѣдитель. Испанія не возстала бы на него, и все кончилось бы, можетъ быть, обыкновенною войною. Но обвинители забыли участіе Англіи, безъ котораго не могло быть, ни возстанія, ни средствъ къ нему, ни успѣховъ его.

Гораздо вѣрнѣе были обвиненія Наполеона, какъ полководца. Поступая такъ или иначе, во всякомъ

случаѣ онъ долженъ былъ принять сильныя мѣры. Сто тысячь войска Французскаго было введено имъ на Пиренейскій полуостровъ, но сіи войска были не тѣ грозные полки, которые побѣждали подъ Ульмомъ и Ауерштедтомъ — они остались въ Германіи. Войско, занявшее Испанію и Португалію, состояло изъ конскриптовъ, никогда не видавшихъ огня битвы. Къ нимъ прибавили 8 батальоновъ Польскихъ, 8 полковъ Итальянскихъ, 3 Швейцарскихъ, и нѣсколько тысячь плѣнныхъ Пруссаковъ. Изъ старыхъ полковъ были только Парижская гвардія, полкъ фузелеровъ гвардейскихъ и два полка морскіе; артиллерія была устроена наскоро и весьма плохо. Въ штабѣ не было даже картъ Испаніи. Офицеры, едва вышедшіе изъ училищъ, предводили молодыми солдатами. Такъ сильно надѣялся Наполеонъ на страхъ своего имени. Вступивши въ Испанію, войско его не нашло, ни хлѣба, ни запасовъ. То, что могли собрать у жителей, исчезло при ихъ возстаніи. Выборъ полководцовъ Французскихъ былъ не менѣе странный. Главнокомандующими были Жюно въ Португаліи, Мюратъ въ Испаніи, оба лишенные всякаго дарованія воинскаго, кромѣ личной храбрости, пагубной тѣмъ, что она переходила у нихъ въ безразсудную самонадѣянность. Только робость Португальцовъ спасла Жюно отъ погибели при его первомъ появленіи. Поспѣшный походъ до Лиссабона по горнымъ областямъ, безъ обозовъ, безъ запасовъ, довелъ войско его до того, что оно превратилось въ безпорядочную толпу, грабившую

жителей, и мы видѣли, что Жюно едва могъ собрать 2000 человѣкъ для занятія Лиссабона. Роскошествуя во дворцѣ Королей Португальскихъ, онъ не думалъ потомъ, какъ устроить армію, послѣ удачнаго достиженія цѣли похода. Такъ ни о чемъ не заботился Мюратъ въ великолѣпныхъ чертогахъ Королей Испанскихъ. Онъ отказался отъ начальства, когда Наполеонъ не подарилъ ему Испанской короны. Савари долженъ былъ заступить его мѣсто, никогда не бывши прежде полководцомъ, и теперь неожиданно брошенный въ волканъ такихъ событій, въ коихъ ошибался даже великій умъ Наполеона. Таковы были ослѣпленіе и ошибка Наполеона, что слухи о возстаніи Испанцовъ ни сколько не потревожили его. Онъ считалъ сіи слухи преувеличенными, и невольно принужденный приняться за оружіе, думалъ, что ничтожные мятежники разсѣются при первомъ появленіи побѣдительныхъ орловъ его, при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ. Предписано было даже ни гдѣ не начинать битвы, стараться уговаривать къ покорности, немилосердо наказывать непослушаніе и усиливать быстроту движеній, дабы обезоруживать возмутителей. Мѣры пагубныя!

Юнты составили и предписали общій планъ дѣйствій, состоявшій въ томъ, что съ Французами не должно было ни гдѣ начинать большихъ битвъ, надлежало сражаться отрядами, защищаться въ горахъ и въ селеніяхъ, уничтожая мосты, переправы, дороги, истребляя и увозя запасы, стараясь бить фуражировъ,

отхватывая отдѣльные отряды, обозы, отсталыхъ — въ плѣнъ брать было запрещено: смерть опредѣлялась каждому Французу, попавшемуся въ руки Испанцовъ.

Война началась на всемъ пространствѣ Испаніи, отъ Галиціи до Валенціи. Слѣдуя предписанію стараться занять болѣе пространства и обезоруживать возмутителей, Монсей пошелъ къ Валенціи, Бессьеръ къ Вальадолиду, Лефевръ-Денуэттъ къ Сарагоссѣ; Дюпону велѣно идти на Севиллу и занять Кадиксъ — столь легкимъ дѣломъ казалась побѣда надъ Испанцами.

Предлагаемое Французами помилованіе только увеличивало гордость и самонадѣянность Испанцовъ. Начались строгія наказанія — они ожесточали ихъ. Едва проходили гдѣ нибудь Французскія войска, за ними все снова возставало въ усиленномъ видѣ. Палимые зноемъ, изнуряемые тягостнымъ походомъ, потерявъ сообщеніе одни съ другими, идя по непроходимымъ путямъ, угрожаемые изъ-за каждаго пригорка, не имѣя даже хлѣба, и нигдѣ не находя его, безъ картъ и безъ руководства Французы дѣйствовали на удачу. Курьеры, обозы, фуражиры, отсталые, все было неизбѣжною добычею непріятеля. Монсей едва съ 6000 достигъ Валенціи. Предложеніе его о покорности отвергли. Онъ видѣлъ невозможность овладѣть городомъ, и принужденъ былъ отступить къ Мадриту. Бессьеръ успѣлъ захватить Вальадолидъ. Лефевръ-Денуэттъ заперъ Палафокса въ Сарагоссѣ. Но Бес-

сьеръ вскорѣ увидѣлъ себя отвсюду окруженнымъ Испанцами. Блакъ изъ Галиціи, съ войсками, оставившими Опорто въ Португаліи, соединился съ Куэстою, и составилъ армію въ 35,000, съ 30-ю орудіями. Бессьеръ рѣшился уничтожить его отважнымъ ударомъ. Онъ устремился на битву. Надежда Испанцовъ на успѣхъ дошла уже до того, что они не отказались отъ открытой битвы, были разбиты при Медина дель-Секко, Іюля 14-го, потеряли 4000 плѣнными, 15 пушекъ, и разсѣялись. Путь въ Мадритъ былъ очищенъ. Король Іосифъ, дожидавшійся въ Витторіи слѣдствій похода Бессьерова, съ многочисленнымъ поѣздомъ своимъ, Дворомъ и юнтою, могъ въѣхать въ свою столицу, предшествуемый плачевнымъ торжествомъ побѣды надъ своими подданными. Его не встрѣтили радостными привѣтами. Только пушка и штыкъ удерживали народъ, и Французы охраняли великолѣпные чертоги, гдѣ онъ являлся похитителемъ престола. Пораженіе Блака и Куэста вознаграждалось Испанцамъ тѣмъ, что Блакъ вскорѣ успѣлъ собрать новую армію въ Галиціи, когда Монсей отступилъ отъ Валенціи. Но восторгъ Испанцовъ возбуждали Палафохсъ и Сарагосса. Принужденный затвориться въ Сарагоссѣ, Палафохсъ умѣлъ возбудить обитателей ея къ отчаянной защитѣ. Семдесятъ тысячь жителей поклялись умереть. Напрасно Вердье подкрѣпилъ Лефевра-Денуэтта, началъ бомбардированіе, опустошалъ городъ пожарами, превращалъ его въ развалины. За ветхими городскими стѣнами без-

страшно сражались осажденные. Оказался голодъ. Появились болѣзни. Все было пренебрежено. Нѣсколько упорныхъ приступовъ было отбито. Сражались старики, жены, дѣти. Французы вломились наконецъ въ обширный монастырь Санта-Энграція, составлявшій родъ цитадели. *Сдаться!* написалъ Вердье Палафоксу. *Рѣзаться на ножахъ* (Guerra a cuchillo)! отвѣчалъ Палафоксъ. Каждая улица, каждый домъ дѣлались недоступною крѣпостью. Безчеловѣчіе и свирѣпость битвъ съ обѣихъ сторонъ были неописанны, мужество неистощимо. «Слава здѣсь!» говорилъ сражавшимся Палафоксъ. «Вѣнцы на небесахъ!» восклицали монахи, напутствуя умиравшихъ.

Торжество Испанцовъ увеличило событіе вовсе неожиданное. Продолжая походъ на югъ, Дюпонъ, съ корпусомъ своимъ, перешелъ Сіерра-Моренскія горы, разбилъ Испанскій корпусъ генерала Этшеварри, и приблизился къ Кордуѣ. Послѣ отказа въ сдачѣ города, Французы ворвались въ него штурмомъ, и великолѣпная Кордуя предана была неистовому грабежу раздраженныхъ солдатъ. Не пощадили ни церквей, ни монастырей; жителей рѣзали безпощадно, и нѣсколько сотъ фуръ нагружено было добычею. Дюпонъ оправдывался тѣмъ, что хотѣлъ и долженъ былъ показать примѣръ строгости, исполняя повелѣніе Наполеона. Обозы, съ награбленною въ Кордуѣ добычею, тянулись за нимъ, и умножали затрудненія похода по странѣ пустынной, откуда разбѣжались жите-

ли. Съ изнуренными войсками, Іюня 7-го, достигнувъ Андухара, на роскошныхъ берегахъ Гвадалквивира, Дюпонъ узналъ, что мщеніе за Кордую готово, и что войска Морла и Кастаньоса идутъ на него, въ числѣ 40 тысячь. Дюпонъ имѣлъ не болѣе 18,000. Онъ отдѣлилъ впередъ генерала Веделя съ 6000, но едва Ведель занялъ Байленъ, Кастаньосъ, обойдя его, сблизился къ Дюпону. Столь мужественный при Ульмѣ, Дирнштейнѣ, Аустерлицѣ, Іенѣ, Фридландѣ, Дюпонъ потерялся въ распоряженіяхъ, звалъ къ себѣ Веделя, писалъ въ Мадритъ, требуя помощи. Бельяръ посланъ было къ нему съ 8000, но увидѣлъ путь прегражденнымъ, и вскорѣ услышалъ горестную вѣсть объ участи Дюпона — гибели позорной, дѣлѣ неслыханномъ дотолѣ въ арміяхъ Наполеоновыхъ! Безъ труда соединился съ Дюпономъ Ведель, оставя въ Байленѣ отрядъ Гобера, и предлагалъ ударить на Кастаньоса. Дюпонъ колебался, услышалъ, что Испанцы окружили Гобера, и снова отправилъ Веделя выручать его. Ведель засталъ Байленъ уже во власти Испанцовъ и Гобера отступавшимъ къ Каролинѣ. Здѣсь онъ соединился съ нимъ. Байленъ былъ снова занятъ 15,000 Испанцовъ. Дюпонъ остался совершенно отрѣзаннымъ и окруженнымъ. Онъ рѣшился пробиться къ Веделю, Іюля 19-го, но былъ отбитъ. Испанцы заняли Андухаръ. Изнуренный голодомъ, приведенный въ отчаяніе, Дюпонъ предложилъ сдаться на капитуляцію, съ условіемъ, что войска его будутъ перевезены во Францію. Испанцы не спорили,

даже согласились, что генераламъ и офицерамъ предоставятъ по одному фургону, въ распоряженіе каждаго — въ нихъ хотѣли Французы сохранить часть Кордуйскаго грабежа. Послали просить утвержденія Кастаньоса, и до его отвѣта заключили перемиріе. Ведель сблизился къ Байлену, и хотѣлъ сражаться, но перемиріе остановило его. Испанцы протянули двои сутки въ переговорахъ. Войска Дюпона были доведены до послѣдней крайности въ сіи двои сутки, истаявая голодомъ и жаждою. Повиновеніе исчезло. Поляки, Пруссаки, Швейцары, Итальянцы, бывшіе у Дюпона, бѣжали толпами къ Испанцамъ. Тутъ объявили Дюпону, что Кастаньосъ несогласенъ на капитуляцію, и Французы должны сдаться безусловно. Дюпонъ повиновался, не имѣя рѣшительности умереть. Оставался Ведель, умѣвшій сохранить порядокъ въ своемъ отрядѣ. Ему предложили сдаться, но съ условіемъ перевесть его во Францію съ войскомъ и оружіемъ. Ведель принялъ предложеніе. Испанцы потребовали безусловнаго плѣна, и обратились къ Дюпону. Онъ имѣлъ малодушіе послать приказъ Веделю. Тотъ не хотѣлъ повиноваться. Согласились на его упорства, но едва *семнадцать тысячь* войскъ Наполеоновыхъ положили оружіе, и были отправлены въ Кадиксъ и другія мѣста, юнта объявила, что она не утверждаетъ договора съ Веделемъ, и весь корпусъ Дюпона остался военноплѣннымъ. Плѣнъ Французовъ былъ ужасенъ. Видя въ нихъ грабителей Кордуи, ихъ морили голодомъ, били, терзали,

позорили, и наконецъ отвезли на безплодный, почти необитаемый островъ Кабреру подлѣ Маіорки, гдѣ только пять тысячь дожили до освобожденія въ 1814 году. Шесть лѣтъ страшнаго плѣна превратили несчастныхъ въ дикарей, едва сохранявшихъ образъ человѣческій. Слѣдствіемъ Байленскаго успѣха было усиленное, изступленное возстаніе Испанцовъ. Іосифъ не смѣлъ ожидать слѣдствій его въ Мадритѣ, и столица Испанская была оставлена новымъ королемъ ея, послѣ десяти-дневнаго царствованія. Онъ удалился въ Бургосъ. Всѣмъ войскамъ Французскимъ велѣно сосредоточиться за Эбро и Дуро. Кастилія и Аррагонія были очищены. Только въ Барцеллонѣ оставался генералъ Дюгемъ. Вердье принужденъ былъ снять осаду Сарагоссы, Августа 13-го, послѣ двухъ-мѣсячной осады. Испанцы не находили словъ, коими можно было прославить геройство Сарагосцовъ и Палафокса. По оставленіи Іосифомъ Мадрита, въ Арангуезѣ составилась верховная юнта Испанская. Въ главѣ ея явились Цеваллосъ, Инфантадо, Дельпаркъ, и другіе знатнѣйшіе вельможи, ибо огромность возстанія соединила уже тогда всѣхъ Испанцовъ. *Іозефиносы*, какъ называли людей, поддавшихся Іосифу, избѣгая гибели, должны были бѣжать, или передаваться вѣрнымъ Испанцамъ.

Извѣстія о событіяхъ Испанскихъ преслѣдовали Наполеона, то радуя успѣхами, то тревожа неудачами. Медина-Секская побѣда утвердила его прежнія надежды. «Видите ли?» говорилъ онъ — «это наша

Вилла-Вициозская битва!» (*) Тѣмъ страшнѣе было для него извѣстіе о Байленскомъ бѣдствіи. Гнѣвъ и печаль его были невыразимы. Французы въ позорномъ плѣну! Орлы его посмѣшище Испанскихъ мятежниковъ! «Посмотрите, что Испанцы нарушатъ договоръ съ Веделемъ!» говорилъ Наполеонъ въ Рошфорѣ, гдѣ получилъ онъ первое извѣстіе. Предсказаніе его сбылось. Какъ Августъ Вара, онъ обвинялъ во всемъ Дюпона. «Можно ли оправдываться тѣмъ, что войска его были плохи! Развѣ лучше были тѣ, которыми я начальствовалъ нѣкогда при Монтеноттѣ и Лоди? Солдаты хороши генераломъ,» говорилъ Наполеонъ когда оправдывали Дюпона плохимъ состояніемъ его солдатъ. «А между тѣмъ Дюпонъ храбрый генералъ!» восклицалъ Наполеонъ, ходя по комнатѣ, въ горестномъ размышленіи. «Жалкое человѣчество! Одна минута слабости губитъ цѣлую жизнь! Можетъ быть, нечаянная болѣзнь, мгновеніе забывчивости! Но *жребій государствъ не долженъ зависѣть отъ случайностей*. Благо общее требуетъ примѣрной строгости!» Дюпонъ, Ведель, Мареско, и другіе генералы, отпущенные Испанцами во Францію, были преданы суду. Веделя оправдали. Дюпонъ и другіе были строго осуждены, Наполеонъ не утвердилъ однакожь рѣшенія, и подсудимые оставались въ неизвѣстности своего жребія подъ стражею.

(*) Одержанная Вандомомъ, въ 1710 году, во время войны за Испанское наслѣдство, послѣ чего вся Испанія покорилась внуку Людовика XIV-го.

Неудача дѣлъ въ Испаніи не была единственнымъ бѣдствіемъ. Вскорѣ Наполеонъ услышалъ объ оставленіи Португаліи, хотя менѣе постыдномъ, но разрушавшемъ всѣ его планы, подкрѣплявшемъ надежды Испанцовъ, и показавшемъ трудность борьбы съ Англіею при дѣятельности новаго Англійскаго министерства.

Безпечность Наполеонова въ отношеніи Португаліи была еще болѣе поступковъ его въ Испаніи неизвинительною. Успокоенный легкимъ покореніемъ, онъ не думалъ замѣнить Жюно кѣмъ либо другимъ, даже наградилъ его и возвелъ въ званіе герцога, съ титуломъ Абрантскаго, и не только оставлялъ безъ подкрѣпленія, но при началѣ возстанія Испанцовъ приказалъ ему помогать Дюпону и Бессьеру движеніемъ изъ Португаліи, куда, кромѣ 24,000, первоначально пришедшихъ съ Жюно, послано было еще не болѣе 5000. Жюно имѣлъ полную возможность составить армію въ теченіе полугода. Онъ распустилъ часть Португальскаго войска, другую отправилъ во Францію, на службу въ полкахъ Наполеона, но пируя въ чертогахъ Белемскихъ, онъ не видѣлъ скоплявшихся окрестъ него опасностей, довольствуясь раболѣпствомъ окружавшихъ его, и возгласами Лиссабонскаго патріарха, видѣвшаго въ Наполеонѣ «мужа чудесъ, его же не являли предшедшіе вѣка.» Тягость контрибуцій, ненависть духовенства, своевольство Французовъ, покорность чужеземцамъ, и страхъ, внушаемый слухами объ уничтоженіи самобытности

Португальской, тревожили всѣхъ, волновали умы и сердца. Депутація отправлена была къ Наполеону въ Байонну. Онъ велѣлъ собраться юнтѣ. Нетерпѣливо ждали, и ничего не узнали изъ его рѣшенія. «Не знаю, господа, что съ вами дѣлать!» говорилъ Наполеонъ. «Участь ваша зависитъ отъ участи Испаніи. Вашъ Государь сдѣлалъ величайшую глупость, уѣхавши въ Бразилію, и вѣроятно, раскаявается въ томъ, но уже поздно. Можете ли вы быть самобытнымъ государствомъ? Вѣдь васъ будетъ милльона съ два?»— Болѣе трехъ — отвѣчалъ ему твердо графъ Лима, предсѣдатель юнты. — «Право? А въ Лиссабонѣ жителей вѣдь тысячь полтораста?» — Болѣе трехъ сотъ — отвѣчалъ Лима. «Чѣмъ же хотите вы быть? Хотите ли быть Испанцами?» — Глаза графа Лима засверкали. Онъ схватился за эфесъ своей шпаги, и громко отвѣчалъ: «*Нѣтъ! Не хотимъ!*» Наполеонъ посмотрѣлъ на него въ изумленіи, и послѣ говорилъ своимъ ближнимъ, что «Лима сказалъ: *нѣтъ*, превосходно.» Юнта тщетно ожидала: *да*, Наполеонова. Многіе полагали, что Португалія будетъ удѣломъ Мюрата или Люціана, и мы видѣли, что едвали не такова была мысль Наполеона. Между тѣмъ время проходило. Вспыхнуло возстаніе Испанцовъ. Войска Испанскія, занимавшія Опорто и Алгарвію, оставили ихъ, и обратились въ отчизну, захвативъ на пути мѣлкіе отряды Французовъ. Удаленіе ихъ было знакомъ возстанія Португаліи. Въ Опорто составилась юнта, подъ предсѣдательствомъ епископа, и собирала

войска. Алгарвія возмутилась. Жюно, отправившій 4000 въ Бадахосъ, и 4000 въ Ціудадъ-Родриго, обратилъ ихъ въ Португалію, и послалъ Луазона въ Опорто, но вскорѣ принужденъ былъ потребовать его въ Лиссабонъ, гдѣ находилась дивизія Испанцовъ съ генераломъ Караффою, и народъ волновался. Испанцовъ успѣли обезоружить, но напрасно патріархъ предавалъ анаоемѣ возмутителей. Съ кликомъ: *Смерть Французамъ* (Mora os Francesos)! народъ возсталъ всюду. Изъ Алгарвіи, гдѣ высаженъ былъ отрядъ Англичанъ, Французовъ прогнали. Въ Эворѣ собралось до 10,000 Португальцовъ, подкрѣпленныхъ дивизіею Испанскою. Луазонъ напалъ на нихъ и овладѣлъ Эворою, но послѣ упорной и кровопролитной битвы.

Подобно Испанской, Опортская юнта просила помощи Англіи, въ слѣдствіе договора съ Англіею Декабря 26-го, коимъ Португальцы передали за то во временное владѣніе Англичанъ Гоу въ Индіи, Мадеру и Азорскіе острова. На Азорскихъ островахъ учредили складочное мѣсто оружія и сборное мѣсто войскъ. На первый случай велѣно плыть въ Португалію части войскъ, бывшихъ въ Копенгагенской экспедиціи, подъ начальствомъ генерала Артура Веллеслея. Къ нему долженъ былъ присоединиться генералъ Спенсеръ изъ Гибралтара. Іюля 30-го, въ Мондего, между Лиссабономъ и Опорто, сталъ на Португальской землѣ генералъ Веллеслей, коему предназначено было здѣсь въ грядущемъ поприще почестей,

и громкое имя *Веллингтона*. Подкрѣпленный Спенсеромъ, Португальцами и Испанцами, онъ двинулся къ Лиссабону. Генералъ Делабортъ, имѣвшій не болѣе 3000, былъ имъ разбитъ въ Ролисѣ, Августа 17-го, и 19-го Веллеслей сталъ въ крѣпкой позиціи при Вимеиро. За оставленіемъ части войскъ въ Эворѣ, Лиссабонѣ, Алмейдѣ, и другихъ мѣстахъ, Жюно могъ противопоставить Веллеслею не болѣе 12,000, но онъ рѣшился на битву. Сраженіе происходило Августа 20-го, и было кровопролитно. Французы отступили въ порядкѣ, но потеряли пушки, были отрѣзаны отъ Лиссабона. Видя всю Португалію возставшею, и Англичанъ подкрѣпленныхъ вновь прибывшимъ корпусомъ генерала Мура, Жюно предложилъ очистить Португалію. Веллеслей, осторожный среди торжества, бережливый на растрату людей, и довольный тѣмъ, что одною битвою принуждалъ войска Наполеона оставить Португалію, согласился. Договоръ былъ подписанъ въ Цинтрѣ, Августа 30-го. Англичане условились перевесть Жюно, и 22,000 остальнаго войска его, въ Рошфоръ, съ артиллеріею и обозомъ. Черезъ нѣсколько дней, побѣжденные орлы Наполеоновы неслись по волнамъ Океана отъ береговъ той земли, гдѣ еще такъ недавно располагалъ онъ жребіемъ трехъ милльоновъ ея жителей.

Когда Цинтра и Байленъ столь внезапно разрушили власть Наполеона на Пиренейскомъ полуостровѣ, съ береговъ Даніи явилась неожиданная помощь Испанцамъ. Мы говорили о корпусѣ Бернадотта, вве-

деннымъ въ Данію, гдѣ находился Ла-Романа съ Испанцами. По возведеніи на престолъ Испанскій Іосифа, имъ велѣно присягнуть новому властителю. Ла-Романа, съ 6000 занимавшій островъ Фіонію, согласился, и даже изъявлялъ величайшее усердіе, хотя 4000 Испанцовъ, бывшихъ на островѣ Лангеландѣ, и 3000, находившихся въ Ютландіи и на островѣ Зеландіи, отреклись отъ присяги. Эскадра адмирала Гуда подошла къ Фіоніи, и Ла-Романа оставилъ притворство, объявилъ себя защитникомъ Фердинанда, и переправился на Англійскіе корабли. Бернадоттъ поздно увидѣлъ свою оплошность. Десять тысячь лучшаго Испанскаго войска были высажены въ Коруньи на Галиційскіе берега, и Ла-Романа привѣтствовалъ восторгъ земляковъ.

Англія торжествовала. Забывая Аустерлицъ и Ауерштедтъ, она провозглашала, что въ три мѣсяца заставила сто тысячь Французовъ очистить Португалію и Испанію; въ глазахъ Наполеона принудила *сорокъ тысячь* Французскаго войска заключить двѣ постыдныя капитуляціи, заставила брата его бѣжать, оставя беззаконно занятой тронъ, успѣла, наконецъ, вырвать изъ рукъ Наполеона Шведскій, Датскій, Испанскій, Португальскій флоты, захватить Рускіе и Французскіе корабли въ Лиссабонѣ и Кадиксѣ, и въ Даніи похитить 10,000 Испанцовъ изъ среды многочисленныхъ полчищъ Наполеоновыхъ. Новыя усилія положено было употребить для дальнѣйшихъ успѣховъ. Недовольные побѣдою Веллеслея, его обви-

пяли, почему не принудилъ онъ Жюно сдаться военноплѣннымъ, вызвали изъ Португаліи, и предали строгому изслѣдованію его поступки. Дюмурье, врагъ непримиримый, бывшій въ Австріи въ 1805 году, и у Густава Адольфа въ 1807 г., представилъ планъ войны въ Испаніи, вызываясь ѣхать туда. Хотѣли избрать регента Испанцамъ — одни назначали герцога Орлеанскаго, Людовика Филиппа, жившаго тогда въ Англіи, другіе эрцъ-герцога Австрійскаго Карла. Агенты Испанскіе явились въ Вѣнѣ, Берлинѣ, Петербургѣ, вездѣ провозглашая побѣду, призывая къ брани, и доказывая легкость борьбы съ Наполеономъ своими успѣхами.

Скажемъ ли, что Наполеонъ былъ побѣжденъ? Вещественныя потери его въ Португаліи и Испаніи были ничтожны. Но онъ изнывалъ отъ прискорбія, и трепеталъ отъ гнѣва. Онъ страшился, что разрушено было очарованіе его всемогущества, его непобѣдимости, нанесенъ былъ ударъ его нравственной силѣ. Вещественное могущество его было безмѣрно, но и противъ него могла возстать сила также безмѣрная. Здѣсь, не Англія, не Испанія страшили его. Среди интригъ Байонскихъ мысль его улетала на берега Невы и Дуная, въ Вѣну и въ Петербургъ.

Вѣрная своей привычной политикѣ, Австрія успѣла уже тогда опомниться отъ страха, наведеннаго Тильзитскимъ миромъ, осмотрѣться, сосчитать свои потери, сообразить свои остальныя средства, и снова направиться къ своей цѣли — твердою, упорною

настойчивостью укрѣплять и увеличивать свое могущество, равно при побѣдѣ и пораженіи, пользуясь каждымъ представлявшимся случаемъ. Едва заключенъ былъ союзъ Австріи съ Наполеономъ, едва Австрія приступила къ континентальной системѣ, какъ предпріятія Наполеона въ Италіи, Португаліи и Испаніи, заставили ее пристальнѣе взглядываться въ настоящее, ибо для Австрійской политики никогда не было ни прошедшаго, ни будущаго.

Наполеонъ не вѣрилъ дружбѣ Австріи, зналъ, что не смотря на разрывъ съ Англіею, она тайно, но дѣятельно сносится съ Англичанами, допуская нарушеніе континентальной системы. При первомъ замѣчаніи его о томъ, Австрія спѣшила устранить всѣ поводы къ упреку. Но чѣмъ далѣе тонулъ Наполеонъ въ запутанныхъ дѣлахъ Испаніи, тѣмъ явнѣе становилось непріязненное движеніе Австріи, и когда бѣдственное окончаніе дѣлъ въ Испаніи и Португаліи отозвалось радостью и трепетомъ народовъ во всей Европѣ, въ союзныхъ съ Франціею земляхъ, даже въ самой Франціи, Австрія совершенно измѣнила свои дружескія отношенія. Кромѣ сильной партіи, составившейся при Вѣнскомъ Дворѣ, повелѣніе о составѣ земской милиціи (Landwehr), Іюня 9-го, 1808 г., явно высказало намѣренія Австріи. Народъ раздѣлялъ расположеніе правительства. Едва велѣно было собирать полки охотниковъ, и обучать ихъ строю и ружью, явились тысячи. Милиція составила 300,000 человѣкъ строевыхъ и 60,000 резервныхъ солдатъ.

Армію Австрійскую дѣятельно комплектовали до 400,000, и даже раздѣлили ее на 9 корпусовъ. Укрѣпленія Браунау и Эгра велѣно было уничтожить, а Коморнъ въ Венгріи укрѣплять. Венгерцы вызвались поставить 80,000, вмѣсто требуемыхъ 12,000, и въ случаѣ надобности вооружить еще 50,000 пѣхоты и 30,000 конницы. Богатые люди вносили правительству капиталы. Правители областей издавали воззванія. Войско и милиціонеры Австрійскіе не скрывали своего назначенія, хотя правительство Австрійское еще ничего не объявляло. Въ домѣ Французскаго консула въ Тріестѣ народъ выбилъ окна. Патріотическія пѣсни, театральныя пьесы возглашали призывъ на брань. Адмиралъ Коллингвудъ доставилъ эрцъ-герцогу Карлу письмо, гдѣ Испанія предлагала ему регентство. Австрійскій агентъ явился въ Испанію, и велъ переговоры объ избраніи въ короли Испанскіе сына Короля Сицилійскаго. Наполеонъ не хотѣлъ терпѣть болѣе. Кромѣ объясненій съ Меттернихомъ въ Парижѣ, и представленій Андреосси въ Вѣнѣ, Шампаньи потребовалъ объясненій Австріи письмами изъ Байонны, Іюля 10-го, изъ Тулузы 27-го, изъ Бордо 30-го. «Чего хочетъ Австрія?» спрашивалъ Шампаньи. «Для чего возмущаетъ она вооруженіемъ Европу? Она не только вооружается, но принимаетъ такія мѣры, какъ будто ей угрожаетъ величайшая опасность. Эрцъ-герцоги ѣздятъ по областямъ и призываютъ къ защитѣ отечества. Все народонаселеніе, отъ 18 до 40 лѣтъ, становится подъ

ружье. Часть милиціи обращена на дополненіе арміи. Все приведено въ движеніе, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ коего будетъ война.» — «Австрія хочетъ уравнять себя съ сосѣдями,» отвѣчали Наполеону. «Въ Европѣ все измѣнилось. Силы другихъ государствъ умножены. Войска Французскія усиливаютъ вооруженіе Германскихъ государствъ. Они находятся въ герцогствѣ Варшавскомъ. Въ Баваріи введена конскрипція. Во Франціи производятся безпрерывные наборы конскриптовъ, какъ равно и въ Италіи. Австрія лишена пособій, которыя прежде имѣла отъ другихъ Германскихъ государствъ. Она хочетъ дополнить недостатокъ своихъ войскъ, и привесть въ исполненіе давно предположенный планъ преобразованія военнаго.»

Наполеонъ не повѣрилъ объясненію, и здѣсь всего важнѣе было убѣдиться въ расположеніи Россіи. Ни какіе шпіоны не могли открыть ни какихъ тайныхъ сношеній Россіи съ Англіею, или съ Австріею. Постоянный въ дружбѣ, какъ упоренъ былъ прежде во враждѣ, императоръ Александръ строго поддерживалъ континентальную систему, и совѣтовалъ Австріи прекратить ея непонятное вооруженіе. Коленкуръ пользовался при Россійскомъ Дворѣ особенною благосклонностью. При каждомъ случаѣ показывалъ Александръ уваженіе и дружбу Наполеону. Коленкуръ былъ приглашенъ однажды на обѣдъ къ Австрійскому послу. Въ присутствіи его явился также на обѣдъ герцогъ Блаказъ, сопутникъ Людовика XVIII-го, съ крестомъ св. Людовика и бѣлою кокар-

дою. Коленкуръ изъявилъ неудовольствіе. Австрійскій посолъ заступился за Блаказа, и Россійскій посолъ въ Вѣнѣ потребовалъ отзыва его изъ Петербурга. Дружба продолжалась постоянно, хотя вскорѣ оказалась разница въ направленіи политики Александра и Наполеона. Одинъ хотѣлъ упрочить и основать, другой увлекался мечтательными надеждами; одинъ довѣрялъ и требовалъ искренности, другой хитрилъ и не вѣрилъ ни чему. Между тѣмъ Наполеонъ изъявлялъ всевозможное почтеніе императору Александру, ласковость послу его, уваженіе ко всему, что касалось Россіи. По первому требованію Александра, Французскія войска вышли изъ герцогства Ольденбургскаго. Ни слова не говорилъ онъ послѣ объявленія о присоединеніи къ Россіи Финляндіи — *географическаго врага Россіи*, ennemi géographique, какъ называлъ ее Александръ. Наполеонъ особенно усилилъ ласку и вѣжливость, рѣшая жребій Испаніи и Португаліи, и вздохнулъ свободно, когда Александръ утвердилъ всѣ его распоряженія, и даже акредитовалъ немедленно посла своего, бывшаго въ Испаніи, посломъ при королѣ Іосифѣ, и посла, бывшаго въ Неаполѣ, посломъ при королѣ Іоахимѣ, какъ назвалъ себя Мюратъ. Но когда совершились бѣдственныя событія въ Испаніи и оказывалась столь явно непріязнь Австріи, Наполеонъ снова началъ недовѣрять, не смотря на откровенныя рѣчи Александра. «Если Австрія надѣется на событія въ Испаніи,» говорилъ императоръ Александръ, «и думаетъ найдти себѣ союзниковъ, она

весьма ошибается. У нее могутъ быть только два союзника — Турція и Англія. Я говорю открыто, что я останусь союзникомъ императора Наполеона. Не хочу, чтобы кто нибудь въ Европѣ сомнѣвался въ моихъ намѣреніяхъ, и основываясь на такомъ сомнѣніи, нарушалъ всеобщій миръ. Непріятности, какія могутъ встрѣтиться императору Наполеону въ покореніи Испаніи и Португаліи, и при войнѣ его съ Австріею, дадутъ ему случай оцѣнить искренность моихъ чувствъ. При бѣдствіи его еще болѣе соединюсь я съ нимъ, нежели при благоденствіи.» Встрѣтилось обстоятельство не важное, но оно мелькнуло темной чертой между Александромъ и Наполеономъ. Въ Парижъ явились депутаты Варшавскаго герцогства, и начали говорить объ обѣщанномъ возстановленіи Польши. Имъ было отказано, и велѣно немедленно уѣхать изъ Парижа. Довольный объясненіемъ дѣла, императоръ Александръ потребовалъ однакожь подтвержденія о томъ, что Варшавское герцогство никогда не будетъ увеличено и Польша возстановлена. Требованіе было неожиданно. Александръ изъявилъ неудовольствіе, когда Коленкуръ смѣшался въ изъясненіяхъ. «Съ чего вздумали возобновлять объясненія о Польшѣ?» говорилъ Наполеонъ. «Тутъ отвѣтъ простой: до Польши ли мнѣ теперь, когда у меня на рукахъ Испанія! Но,» прибавилъ онъ, «будущаго я не могу предсказать — вѣдь я не Провидѣніе, и объ этомъ мы говорили въ Тильзитѣ. Не для того ли возобновляется вопросъ, что я нахожусь

въ затруднительномъ положеніи? Намъ надобно видѣться и переговорить лично. Боюсь, что мы начинаемъ не понимать другъ друга!»

Онъ положилъ требовать свиданія съ императоромъ Александромъ, но до того предварительно надлежало ему рѣшить вопросъ объ Испаніи. Отдать ли ее Фердинанду, объявляя, что по несогласію Испанцовъ на измѣненія, какихъ желалъ Наполеонъ для пользы ихъ, онъ предоставляетъ Испанію ея жребію? Но тогда не покажетъ ли онъ, что сознается въ своемъ безсиліи, не передастъ ли Испанію Англіи, и не утвердитъ ли мысли о возможности борьбы съ нимъ, мысли, столь мгновенно всколебавшей Европу? Какими клятвами, какимъ ручательствомъ можетъ обезпечить его Фердинандъ? И приметъ ли Испанія Фердинанда съ условіемъ покорности Наполеону? Нѣтъ, не только всемогущество, непобѣдимость, но и безошибочность свою долженъ онъ доказать, чего бы то ни стоило, долженъ убѣдить всѣхъ, что воля его не ошибается. Ошибка сдѣлана — ее надобно прикрыть непроницаемымъ покровомъ упорства. Франція новыми пожертвованіями подкрѣпитъ его громадныя средства. Громкія фразы заглушатъ голосъ истины. Наполеонъ не долженъ ошибаться. Угрозы Австріи онъ долженъ встрѣтить еще большими угрозами, а между тѣмъ увлечь дружбою и согласіемъ на различные предметы возникнувшаго спора Россію, заставить тѣмъ Австрію поколебаться въ своемъ намѣреніи, и дать ему время задавить Испаніею своею силою. Ге-

ній его изобрѣтетъ новыя средства. Быстрота удара не дастъ никому опомниться, и тогда потребуетъ онъ отчета у тѣхъ, кто сомнѣвался въ яркомъ свѣтѣ его неугасающей звѣзды.

Утвердившись въ мысли своей, онъ спѣшилъ осуществить ее. По возвращеніи въ Парижъ, Дворъ его, войско, дипломаты Европейскіе, увидѣли его гордымъ, величавымъ, спокойнымъ. Непроницаемое безстрастіе лица скрывало бури, волновавшія его душу. Изумлялись, недоумѣвали, начали недовѣрять зловѣщимъ слухамъ, какіе распространялись по Европѣ изъ Испаніи.

Уже давно императоръ Александръ также изъявлялъ желаніе видѣться съ Наполеономъ, и лично кончить возникавшія между ними недоумѣнія. По пріѣздѣ въ Парижъ, Наполеонъ предложилъ прежде всего свиданіе немедленное, и назначилъ мѣстомъ его Эрфуртъ, тогда ни кому не принадлежавшій. По полученіи согласія императора Александра, въ Эрфуртъ приглашены были пріѣхать члены Рейнскаго Союза. Они должны были умножить собою величіе, окружающее двухъ монарховъ.

Хитро составленными извѣстіями о событіяхъ въ Испаніи и Португаліи, оправданы были всѣ ошибки Наполеона, и всѣ бѣдствія, отъ нихъ происшедшія. Сопротивленія Испаніи и неудачь Французовъ скрыть было невозможно. Вину сложили на трусость Дюпона, на злодѣйство Англичанъ, на вѣроломство бунтовщиковъ, превозносили Медина дель-Секскую побѣ-

ду, описывали ужасы Сарагосской осады, даже оправдывали оставленіе Мадрита, говоря, что планъ военныхъ дѣйствій требовалъ сосредоточенія Французскихъ силъ на сѣверѣ Испаніи. Сентября 4-го Шампаньи представилъ Сенату два отчета, поданные имъ Наполеону, гдѣ доказывалъ необходимость политическихъ измѣненій въ Испаніи, и величіе мысли Наполеоновой, дополняющей дѣло Людовика XIV-го. Онъ утверждалъ, что отъ Испаніи зависѣло благоденствіе и спокойствіе Франціи. «Что политика совѣтовала, то утвердила справедливость, и сдѣлало необходимымъ состояніе Испаніи.» Обозрѣвая положеніе Европы, Шампаньи говорилъ, что Франція и Россія вмѣстѣ сражаются противъ Англіи, что Данія съ честью поддерживаетъ общее дѣло, и что Швеція идетъ къ погибели, неминуемому слѣдствію всякаго союза съ Англичанами. Испанія должна быть областью Французскою. Можемъ ли допустить флагъ Англіи въ гаваняхъ Франціи? Вся Европа спокойна и ждетъ всеобщаго мира. Англія не хочетъ сего мира — она врагъ всей Европы, и въ Испаніи открывается средство поразить Англію. — «Я рѣшился,» говорилъ Наполеонъ, въ своемъ посланіи Сенату, дополняя объясненія Шампаньи, «дѣятельно окончить дѣла Испаніи. Мой союзъ съ Императоромъ Россіи не оставляетъ Англіи никакой надежды. Вѣрю, что миръ въ Европѣ сохранится, но не хочу зависѣть отъ ложныхъ разсчетовъ и заблужденія другихъ, и если мои сосѣди умножаютъ свои силы, нашъ долгъ умножить

наши силы. Французы! у меня одна цѣль: ваше счастіе, ваша безопасность. Вы часто говаривали мнѣ, что любите меня. Узнаю справедливость вашихъ словъ по усердію, съ коимъ будете вы помогать мнѣ въ предпріятіяхъ, столь тѣсно связанныхъ съ вашею пользою, съ честью моей имперіи, *съ моею славою!»* Заключеніе было извѣстное: требовалось войско. Французы, занимая Польшу, Пруссію, Данію, Далмацію, Албанію, Италію, Неаполь, должны имѣть 200,000 войска въ Испаніи, гдѣ понесена значительная потеря, *въ слѣдствіе непонятнаго и пагубнаго для чести Французовъ поступка Дюпонова.* Сенатъ опредѣлилъ немедленно собрать 80,000 конскриптовъ, за 1806, 1807, 1808 и 1809 гг., и 80,000 за 1810 годъ. Въ утѣшеніе народу обѣщано было не налагать новыхъ податей. «Воля Императора есть воля Франціи. Война въ Испаніи есть дѣло политики мудрой и необходимой,» говорилъ Сенатъ.

Увѣрясь въ средствахъ защиты, и надѣясь на дружбу Россіи, надлежало высказать Австріи угрозы за одну мысль ея, что она можетъ сопротивляться волѣ Наполеона. На другой день по прибытіи его въ Парижъ, дипломатическій корпусъ собрался во дворцѣ, и увидѣлъ сцену, похожую на выходку Наполеона противъ Витворта, въ 1803 году. Онъ подошелъ прямо къ Меттерниху, послѣ легкаго привѣтствія другимъ, и заговорилъ о вооруженіи Австріи. Австрійскій дипломатъ старался сохранить всевозможное спокойствіе. Наполеонъ разгорячился. «Кто вамъ

угрожаетъ? Кто нападаетъ на васъ?» говорилъ онъ. «Со времени Пресбургскаго мира между нами не было слова неласковаго, а вы призываете теперь народъ и войско къ защитѣ отечества, какъ будто я стою въ Леобенѣ! Не думаете ли, что теперь благопріятное время для войны? Ошибаетесь. Моя политика открытая, потому что я знаю свою силу. Пошлю 100,000 въ Испанію, и все еще останется у меня столько, что я могу управиться съ вами. Вооружайтесь, и я вооружусь. Союзниковъ у васъ не будетъ. Императоръ Россійскій, я осмѣливаюсь вамъ объявить почти отъ его имени, заставитъ васъ быть спокойными. Онъ очень недоволенъ вашими сношеніями съ Сербіею. И ему, какъ мнѣ, угрожаетъ также ваше вооруженіе. Онъ знаетъ, что у васъ есть виды на Турцію. Вы мнѣ ихъ приписываете, но я объявляю вамъ, что все это ложь, и что я ничего не хочу, ни отъ Турціи, ни отъ Австріи. Все еще думаю я, что вашъ Императоръ не хочетъ воевать, все еще вѣрю я слову его. Я имѣлъ въ моей власти его столицу, большую часть его государства, и почти все ему возвратилъ. Какъ вы думаете: *какой нибудь побѣдитель войскъ моихъ и покоритель Парижа былъ бы такъ умѣренъ?* Нѣтъ, я вѣрю, что ни Императоръ, ни министры ваши не хотятъ войны, а между тѣмъ движеніе ваше по неволѣ доведетъ до нея. Вы запретили говорить о войнѣ, но мы вѣримъ дѣламъ, а не объявленію. Повторяю: вы увлекаетесь невольно. Неосторожное возбужденіе народа, интрига Ан-

гличанъ, и запосчивость вашихъ дворянъ, ведутъ къ войнѣ. Императоръ Россійскій, можетъ быть, остановитъ васъ, но если только посредству его будемъ мы обязаны миромъ, то ни Европа, ни я не будемъ вамъ за то обязаны. Если вы продолжите ваше упрямство, что произойдетъ? Вы собрали 400,000 — я соберу 200,000, выдвину войска Рейнскаго Союза, и Германія, начинавшая отдыхать, увидитъ снова открытыми свои тяжкія раны. Если слѣдовать вашему примѣру, надобно вооружить даже самыхъ женщинъ. При такомъ положеніи дѣлъ, лучше скорѣе начать воевать. Въ физическомъ мірѣ, удушливое состояніе природы, при сближеніи бури, заставляетъ желать, чтобы она скорѣе разразилась, потому что дыханіе облегчается при ясномъ небѣ. Сильное, но кратковременное зло лучше продолжительнаго томленія. Теперь всѣ надежды на морской миръ исчезаютъ, а отъ кого? Отъ васъ. Англичане смѣются, видя наши раздоры — вы за нихъ воюете. Если миръ, такъ миръ вполнѣ, а я готовъ съ моей стороны дать вамъ всѣ за него ручательства.»

Странный способъ высказывать свои неудовольствія и требованія въ собраніи пословъ, казался Наполеону признакомъ силы и величія. Все говоренное имъ Меттерниху было передано Андреосси, и Шампаньи предписывалъ даже ему сообщить рѣчи Наполеона Императору Австрійскому. «Австрійскій посолъ былъ при семъ случаѣ въ затруднительномъ положеніи. Императоръ явился откровеннымъ въ его вели-

чiи, соблюдающимъ всѣ приличiя при одушевленiи краснорѣчiемъ чувства, жаромъ ко благу человѣчества. Можно было видѣть, что равно готовый къ войнѣ и миру, онъ желалъ мира, не страшась войны, и всѣ убѣдились, что на рѣчь столь благородную, столь высокую, можно было отвѣчать, или немедленно принимаясь за оружiе, или дѣлами, а не словами только доказывая желанiе мира.»

Императоръ Александръ выѣхалъ изъ Петербурга Сентября 12-го. Съ нимъ находился цесаревичъ Константинъ Павловичъ, и при немъ были оберъ-церемонiймейстеръ, графъ Толстой, князь А. Н. Голицынъ, канцлеръ, графъ Румянцовъ, Сперанскiй, тогда секретарь Императора, и нѣсколько генералъ-адъютантовъ. Русское посольство, прiѣхавшее изъ Парижа, ждало Императора въ Эрфуртѣ. Коленкуръ и его чиновники слѣдовали при Императорѣ. Ланнъ встрѣтилъ его въ Брамбергѣ, и сопровождалъ до Эрфурта. Сультъ привѣтствовалъ его въ Кюстринѣ. Императоръ Александръ остановился въ Веймарѣ у великой княгини Марiи Павловны. Наполеонъ прибылъ въ Эрфуртъ Сентября 27-го. Съ нимъ были Бертье, Дюрокъ, Савари, Лористонъ, Нансути, и кромѣ Шампаньи и Маре, Талейранъ. Пальба и колокольный звонъ ознаменовали его прибытiе. Саксонскiй Король ожидалъ его на крыльцѣ своего жилища. Нѣсколько отборныхъ полковъ Французскихъ введено было въ Эрфуртъ. Многочисленный Дворъ составлялъ свиту Наполеона. Тальма явился съ Французскими актерами.

Въ день пріѣзда императора Александра войска выстроились по Веймарской дорогѣ. Наполеонъ отправился впередъ верхомъ, и въ нѣсколькихъ верстахъ встрѣтилъ коляску императора Александра. Они обнялись и поѣхали обратно вмѣстѣ, провожаемые и встрѣчаемые властителями народовъ, министрами, генералами, войскомъ, тысячами народа, съѣхавшагося отвсюду. На Александрѣ была лента Почетнаго Легіона, на Наполеонѣ лента Андреевская. Въ Эрфуртѣ находились, кромѣ Короля Саксонскаго, короли Виртембергскій, Баварскій, Вестфальскій, Князь Примасъ, Великіе Герцоги Баденскій и Дармштадтскій, Герцоги Веймарскій, Саксенъ-Готскій, Ольденбургскій, два принца Мекленбургскіе, принцы Ангальтскіе, принцъ Вильгельмъ Прусскій, Леопольдъ Кобургскій, (нынѣшній Бельгійскій король), князья Рейсскіе, Вальдекскій, и проч. Со многими изъ нихъ пріѣхали ихъ супруги, семейства, Дворы, и вообще насчитывали, кромѣ двухъ императоровъ и четырехъ королей, до 40 владѣтельныхъ особъ и принцовъ, и до 60 высшихъ гражданскихъ, и воинскихъ чиновниковъ, включая министровъ Даніи и Пруссіи. Все являлось по утрамъ на выходы Наполеона. «Знаете ли,» сказалъ однажды Бертье Дарю, смотря на собраніе владѣтелей Европейскихъ въ залѣ Наполеона, «здѣсь только двое, съ которыхъ вы не брали реквизицій!» — Кто же эти двое, такіе ловкіе, или такіе незамѣтные, что отъ меня ускользнули? спросилъ, смѣясь, Дарю. — Князь Нёвшательскій и Князь Беневентскій отвѣчалъ Бертье — я и Талейранъ!»

Пребываніе Александра и Наполеона въ Эрфуртѣ продолжалось до 14-го Октября. Какъ въ Тильзитѣ, каждый день сходились они у того или у другаго, и ежедневно смотрѣли войска. Обѣдъ всегда былъ у Наполеона, и къ нему приглашались немногіе. Каждый день оба Императора посѣщали театръ, и оканчивали вечера вьдвоемъ у императора Александра, бесѣдуя иногда до 2-хъ часовъ по полуночи. Рѣдко допускались къ бесѣдѣ ихъ Румянцовъ и Талейранъ. Всѣ дѣла рѣшали монархи лично сами. Между тѣмъ ежедневно происходили безконечные толки Талейрана, Маре и Шампаньи съ министрами Россіи, Пруссіи, Баваріи, Даніи, Вестфаліи, Виртемберга, Саксоніи, и другихъ государствъ. Ничто не могло сравниться съ великолѣпіемъ спектаклей, гдѣ передъ «партеромъ, составленнымъ изъ государей» (parterre de rois), играли лучшія произведенія Французскаго театра, по выбору Наполеона (*Цинну*, *Андромаху*, *Британника*, *Заиру*, *Митридата*, *Магомета*, *Радомиста и Зенобію*, *Сида*, *Манлія*, *Баязета*). Но Тальма не могъ похвалиться вниманіемъ зрителей. Взоры всѣхъ устремлялись на великую современную драму, происходившую передъ глазами зрителей, обращались на двухъ монарховъ, всегда сидѣвшихъ впереди, рядомъ, дружески и весело разговаривавшихъ между собою. Одинъ случай врѣзался въ память всѣхъ свидѣтелей, при представленіи Эдипа. Едва Филоктетъ произнесъ: *Дружба великаго человѣка есть благодѣяніе боговъ* (L'amitié d'un grand homme est un bienfait des

dieux)! Александръ быстро обратился къ Наполеону, и крѣпко пожалъ ему руку. Наполеонъ отвѣчалъ ему также крѣпкимъ и дружескимъ пожатіемъ руки. Радостное движеніе взволновало всѣхъ зрителей. Они думали, что видятъ въ поступкахъ двухъ великихъ царей, въ дружбѣ владыкъ сѣвера и запада, юга и востока, залогъ мира и счастія. Блестящіе вечера и балы давались у разныхъ государей, но Александръ и Наполеонъ не являлись на нихъ. Вмѣстѣ, въ одной каретѣ, поѣхали они въ Веймаръ, гдѣ приготовлена была большая охота. Вечеромъ Тальма съ товарищами игралъ тамъ *Смерть Юлія Цезаря*, по назначенію Наполеона, и послѣ спектакля загремѣлъ великолѣпный балъ. На другой день осматривали поле Іенской битвы. Наполеонъ на мѣстѣ разсказывалъ Александру всѣ ея подробности. Онъ испугалъ всѣхъ, поскакавши во весь опоръ съ крутой горы, гдѣ во время сраженія стоялъ съ своею гвардіею. Положено было назвать ее *Наполеоновою горою*. Оба монарха ѣхали изъ Веймара и возвращались въ Эрфуртъ въ одной каретѣ.

Во все время Эрфуртскаго конгресса Наполеонъ былъ очаровательно веселъ, любезенъ и говорливъ. Съ Виландомъ проговорилъ онъ весь балъ въ Веймарѣ, шутилъ надъ Греками, хвалилъ Римлянъ. «Безпрерывные споры мѣлкихъ республикъ Греческихъ не произвели ничего великаго,» говорилъ онъ, «но Римляне создали державу, обладавшую міромъ.» Виландъ заступился за искуства и художества Грековъ. На-

полеонъ называлъ ихъ игрушками. Онъ говорилъ, что Оссіанъ для него выше Омира, называлъ Аріоста болтуномъ, и испугалъ своего собесѣдника, сказавши, что «Юлій Цезарь былъ бы великій человѣкъ, еслибы не сдѣлалъ величайшей глупости.» На вопросъ, какая это была глупость, Наполеонъ отвѣчалъ, смѣясь: «Цезарь зналъ людей, которые хотѣли отъ него освободиться, и долженъ былъ самъ освободить себя отъ нихъ.» Виландъ осмѣлился спросить, почему, возстановляя Римско-католическую религію, онъ не учредилъ ее болѣе философскою, болѣе сообразною съ духомъ времени? «Mon cher Wieland!» отвѣчалъ, улыбаясь, Наполеонъ, «религія не для философовъ, а кто вѣритъ, тому не надобно вашей философіи!» — «Я не видывалъ человѣка,» говорилъ потомъ Виландъ, «который обладалъ бы такимъ даромъ читать мысли въ душѣ другаго, не видывалъ ни въ комъ такой простоты, такого спокойствія, такой невзыскательности въ обращеніи. Ничто не показывало въ немъ его величія. Мы разговаривали, какъ равные, какъ старые знакомые. Я замѣтилъ, что въ поэзіи для него существовала только высокая поэзія, и особенно любилъ онъ трагедію, презирая все легкое и все веселое. У него была во всемъ какая-то опредѣленность идей и мыслей, такъ, что не смотря на любезность его, онъ самъ и рѣчь его казались, какъ будто вылитыми изъ бронзы.» Гёте представлялся Наполеону въ Эрфуртѣ, завтракалъ съ нимъ, пока нѣсколько владѣтельныхъ князей дожидались выхода, и былъ также очарованъ

разговоромъ его. Гёте и Виланду даны были знаки Легіона. Однажды за обѣдомъ у Наполеона сидѣли нѣсколько государей. Разговорились о Золотой Буллѣ. Князь Примасъ сказалъ годъ ея изданія. Наполеонъ замѣтилъ, что показаніе невѣрно, и сказалъ другой годъ. Велѣли справиться, и онъ оказался правъ. Собесѣдники изъявили удивленіе. «Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго,» отвѣчалъ Наполеонъ, «у меня всегда была необыкновенная память чиселъ (la mémoire des chiffres), и кромѣ того, я особенно занимался исторіею, когда былъ *артиллерійскимъ поручикомъ въ Валансѣ* (quand j'étais lieutenant d'artillerie en seconde à Valance)...» Общее изумленіе при словахъ его было столь явно, что не могло скрыться. Наполеонъ оглянулся кругомъ, улыбнулся, и повторилъ спокойно: «*Да, когда я имѣлъ честь быть подпоручикомъ артиллерійскимъ,*» и продолжалъ разсказъ о томъ, какъ все время его было тогда отдано чтенію и ученію.

Въ тайныхъ бесѣдахъ два монарха создавали современную исторію, рѣшая участь царей и народовъ. Наполеонъ увѣрился въ неизмѣнной искренности дружбы императора Александра. Тайными условіями подтверждены были миръ и взаимная помощь. — Александръ утвердилъ всѣ преобразованія Наполеоновы на Пиренейскомъ полуостровѣ и въ Италіи. Наполеонъ согласился на присоединеніе къ Россіи Молдавіи Валахіи и Финляндіи, съ тѣмъ, что если надобно будетъ для того воевать, Наполеонъ не вмѣшивается въ

дѣла Россіи съ Турціею и Швеціею. Но при объявленіи войны Наполеону Австріею, Александръ обязывался помогать ему. Положено предложить Англіи миръ отъ имени обоихъ императоровъ, но если онъ будетъ отвергнутъ, назначить черезъ годъ новое свиданіе, гдѣ опредѣлить окончательно средства принудить Англію къ миру силами обѣихъ имперій. Условіями мира было утвержденіе за каждою стороною владѣемаго ею (uti possidetis). Нѣсколько времени продолжался споръ о Ганноверѣ, о Римѣ, объ Этруріи. Наканунѣ отъѣзда императоръ Александръ согласился на все, и написалъ Наполеону: «Государь братъ мой! Растроганный дружбою, какую В. В. не перестаете мнѣ свидѣтельствовать при всякомъ случаѣ, и желая дать очевидный знакъ моей къ вамъ дружбы, спѣшу увѣдомить, что я отказываюсь отъ исполненія статьи Тильзитскаго трактата, касательно Ганновера, и признаю все, что вы опредѣлите объ Этруріи и другихъ государствахъ Италіи. Надѣюсь, что вы сознаете здѣсь новое доказательство моихъ къ вамъ чувствъ.» За то Наполеонъ увѣрилъ Александра, что онъ навсегда отказывается отъ мысли, *не только о возстановленіи Польши, но даже о возрожденіи когда либо имени ея* — обстоятельство особенной важности.

Императоръ Александръ настоятельно возобновилъ свои просьбы облегчить Пруссію, требуя вывода войскъ Французскихъ. Наполеонъ исполнилъ его желаніе и распорядился выводомъ ихъ, тѣмъ охотнѣе,

что они потребны были ему въ Испаніи, кромѣ того, что часть ихъ хотѣлъ онъ сдвинуть ближе къ границамъ Австріи. Сентября 8-го заключенъ былъ въ Парижѣ договоръ между Пруссіею и Франціею, коимъ остальная контрибуція ограничена суммою *ста сорока милльоновъ франковъ,* съ уплатою въ годъ и полтора года, и съ залогомъ въ половинѣ ея королевскихъ имѣній. Французскіе гарнизоны оставались до выплаты только въ Глогау, Штеттинѣ и Кюстринѣ. Императоръ Александръ просилъ о складкѣ изъ столь ужасной контрибуціи, и дальнѣйшей разсрочкѣ ея. Наполеонъ сложилъ еще 20 милльоновъ, и обязался очистить Пруссію до Одера въ Ноябрѣ, до Эльбы въ Декабрѣ. За всѣми уступками тяжесть была нестерпимая и раззоряла Пруссію. (*) Онъ согласился отпустить плѣнныхъ Пруссаковъ, и въ концѣ года явились они на родину, но часть ихъ, до 15,000, пришла не прежде Января 1809 года. Изъ нѣсколькихъ тысячь, записанныхъ во Французскія войска, бывшія въ Испаніи, немногіе увидѣли отечество, и то не прежде 1814 года.

(*) Въ два года, съ Октября 1806 по Октябрь 1808 г., Пруссія, кромѣ 120 милльоновъ остававшагося на ней долга, потерпѣла контрибуціями, заборами и конфискаціями, 447 милльоновъ, и издержала на содержаніе войскъ Французскихъ 90 милльоновъ, деньгами и запасами. О количествѣ употребленныхъ запасовъ можно судить потому, что Французскіе коммисары продали кожъ, сала и роговъ скотины, поставленной для продовольствія войска, на 803, 804 франка.

За два дня до отъѣзда императора Александра приготовлено было, отъ имени обоихъ Императоровъ, слѣдующее письмо къ Англійскому Королю:

«Событія Европы соединили насъ въ Эрфуртѣ. Первою мыслью нашею было уступить желаніямъ и потребностямъ всѣхъ народовъ, и въ мирѣ съ В. В. искать самаго дѣйствительнаго пособія бѣдствіямъ, тяготѣющимъ надъ всѣми народами. Сообщаемъ желаніе наше В. В. симъ письмомъ. Продолжительная и кровавая война, раздиравшая материкъ Европы, кончилась и не можетъ возобновиться. Много перемѣнъ совершилось въ Европѣ; много государствъ ниспровергнуто. Причина тому заключается въ тревожномъ и бѣдственномъ состояніи, въ какое поставляетъ народы прекращеніе морской торговли. Могутъ быть еще великія измѣненія, и всѣ они будутъ противны политикѣ Англіи. Миръ необходимъ для пользы народовъ материка Европейскаго и для пользъ Британіи. Мы соединяемся, дабы просить В. В. услышать голосъ человѣчества, и заставляя умолкнуть голосъ страстей, постараться, съ цѣлью до того достигнуть, примирить взаимныя выгоды, и тѣмъ упрочить всѣ существующія нынѣ государства, утверждая благоденствіе Европы и настоящаго поколѣнія, во главу коего мы поставлены Провидѣніемъ.

Наполеонъ. Александръ.

Австрійскій Императоръ не былъ приглашенъ въ Эрфуртъ. Александръ помнилъ прошедшее, Наполеонъ боялся будущаго. Баронъ Сенъ-Винцентъ, кото-

раго прозвали *«посломъ для изъясненій»* (l'embassadeur des explications), явился однакожь съ письмомъ императора Франца. Среди условныхъ вѣжливостей Императоръ писалъ, что «почитаетъ разсѣянными ложныя предположенія, какія распространены были о внутреннихъ распоряженіяхъ въ его имперіи, и подали на мгновеніе поводъ сомнѣваться въ постоянствѣ его дружескихъ отношеній.» Что значили эти слова? Доказательство ли желанія сохранить миръ, или только стараніе протянуть время? Сенъ-Винцентъ имѣлъ у Наполеона аудіенцію, продолжавшуюся четыре съ половиною часа, но онъ не участвовалъ въ министерскихъ конференціяхъ, хотя являлся у Талейрана, когда тотъ по вечерамъ дремалъ въ своихъ креслахъ. Октября 14-го Винцентъ былъ отпущенъ съ отвѣтомъ Наполеона, въ коемъ грозно поддержана была рѣчь его Меттерниху. «Никогда не сомнѣвался я въ правотѣ В. В.,» писалъ Наполеонъ, «но тѣмъ не менѣе страшусь возобновленія между нами непріязни. Въ Вѣнѣ есть люди, увлекающіе васъ въ бѣдствія, которыя будутъ вамъ тяжеле прежнихъ. Я могъ раздробить вашу монархію, или по крайней мѣрѣ, оставить ей менѣе силы, но я не хотѣлъ. Такова, какова она есть теперь, она существуетъ по моей волѣ. Вотъ самое очевидное доказательство, что наши счеты кончены, и я ничего отъ васъ не желаю. Всегда готовъ я обезпечить неприкосновенность вашей монархіи, никогда не трону вашихъ выгодъ, но не возобновляйте того, что кончено пятнадцатилѣтнею войною. Ваши

вооруженія, еслибы я только могъ подозрѣвать, что они производятся съ согласія Россіи, ведутъ къ войнѣ. Я распущу войска Рейнскаго Союза, и пошлю въ Булонь сто тысячь моихъ войскъ, дабы возобновить мои предпріятія противъ Англіи. Удержитесь и вы отъ вооруженія, которое можетъ тревожить меня и отвлекать отъ войны съ Англіею. Мнѣ казалось, при личномъ нашемъ свиданіи, что дѣла между нами кончены навсегда, и я могу заняться морскою войною. Остерегитесь отъ вредныхъ вамъ внушеній. Прямымъ, простымъ, откровеннымъ поведеніемъ утвердите вы свое спокойствіе и благоденствіе подданныхъ. Внушите довѣренность мнѣ вашими дѣлами. Лучшая политика—простота и истина. Сообщайте мнѣ каждое опасеніе ваше, и я всегда разсѣю его немедленно. Позвольте мнѣ сказать послѣднее слово: слушайтесь вашего чувства и вашего мнѣнія, а не вашихъ совѣтниковъ. Примите письмо мое съ доброй стороны, какъ желаніе тишины и спокойствія Европы и Австріи.»

Октября 14-го императоръ Александръ оставилъ Эрфуртъ. Богатые подарки были розданы съ обѣихъ сторонъ. Наполеонъ подарилъ на память драгоцѣнную саблю цесаревичу Константину, и поднесъ два драгоцѣнные золотые несессера, императору Александру. Ланну, Коленкуру и Шампаньи пожалованъ былъ Андреевскій орденъ, Бертье и Талейрану даны бриллъянтовыя звѣзды его. Наполеонъ наградилъ Почетнымъ Легіономъ Толстаго, возвращавшагося въ Россію, и

канцлера Румянцова, ѣхавшаго въ Парижъ. Онъ проводилъ императора Александра, ѣхалъ съ нимъ въ одной каретѣ, вышелъ изъ нея на томъ мѣстѣ, гдѣ встрѣтилъ его за двѣ недѣли, и когда, послѣ дружескаго объятія, помчался экипажъ императора Александра, долго стоялъ Наполеонъ и смотрѣлъ въ слѣдъ за нимъ. Они уже не увидѣлись въ другой разъ въ здѣшнемъ мірѣ. Не вспомнилъ ли о сихъ минутахъ прощанія Наполеонъ, когда, черезъ пять лѣтъ потомъ, былъ недалеко отъ Эрфурта, и готовился на великую Лейпцигскую битву!

На другой день Эрфуртъ опустѣлъ. Наполеонъ спѣшилъ въ Парижъ. Здѣсь уже все готовилось на грозную брань. Маршалы Наполеоновы вели сто тысячъ войскъ его изъ Пруссіи. Ихъ велѣно было встрѣчать и угощать на всемъ пути отъ имени городовъ. «Велите заказать пѣсни, гдѣ было бы говорено о славѣ, нами пріобрѣтенной, о той, которую мы еще пріобрѣтемъ, и о свободѣ морей, слѣдствіи нашихъ подвиговъ. Надобно приготовить нѣсколько пѣсенъ, чтобы отнюдь не повторять одной, два, или три раза.» — «Солдаты!» говорилъ Наполеонъ въ приказѣ войскамъ, «вы мнѣ надобны. Злобный леопардъ безславитъ насъ своимъ присутствіемъ въ Испаніи и Португаліи. Явитесь, и онъ убѣжитъ со страхомъ. Понесемъ орловъ нашихъ къ Столпамъ Геркулесовымъ, и тамъ расплатимся за обиды. Вы превзошли славою всѣ новые народы, но сравнялись ли вы съ Римлянами, въ одно время воевавшими на Рейнѣ и Эвфра-

тѣ, въ Иллиріи и Лузитаніи? Миръ и благоденствіе будутъ плодами нашихъ трудовъ. Мы возвратимъ свободу морямъ. Все, что вы сдѣлали и сдѣлаете для счастія Франціи и моей славы, вѣчно напечатлѣется въ моемъ сердцѣ.»

Октября 25-го, Наполеонъ открылъ рѣчью собранія Законодательнаго Корпуса. Упомянувъ о благоденствіи Франціи, о событіяхъ въ Европѣ, онъ изъявилъ радость, что Англичане хотятъ наконецъ бороться съ нимъ на землѣ. «Ѣду, стану во главѣ моихъ армій, при помощи Божіей, коронуя въ Мадритѣ Испанскаго Короля, и поставлю орловъ моихъ на стѣнахъ Лиссабона.» Объ Австріи не было ни слова. «Съ Императоромъ Россійскимъ мы видѣлись въ Эрфуртѣ, и первою мыслью нашею былъ миръ. Мы рѣшились даже на пожертвованія, дабы скорѣе доставить выгоды морской торговли ста милльонамъ, которыми мы обладаемъ. Мы согласились во всемъ, и неизмѣнно соединились на миръ и на войну.» Черезъ два дня Корпусъ отвѣчалъ ему почтительнымъ привѣтомъ, а черезъ два дня еще Наполеонъ оставилъ Парижъ. Ноября 3-го онъ былъ въ Байоннѣ, а 7-го переѣхалъ за Пиренеи и явился въ Витторіи. На другой день началось наступательное движеніе Французскихъ войскъ.

Готова ли ты, Испанія, встрѣтить раздраженнаго властителя милльоновъ? Только теперь начинается твоя настоящая борьба. Гнѣвъ Наполеона неумолимъ.

Недостаточно было возмутить невѣжественный,

изувѣрный народъ, собрать толпы его, воспользоваться оплошностью какого нибудь непріятельскаго генерала, и потомъ гордиться побѣдою. Надлежало упрочить успѣхъ, воспользовавшись имъ, изъ безобразной народной толпы устроить полки, сыскать средства защиты, расположить планъ войны, дѣйствовать единодушно. Ничего подобнаго не было сдѣлано въ Испаніи.

Послѣ занятія Мадрита, въ Арангуэзѣ учредилась верховная юнта, подъ предсѣдательствомъ графа Флорида-Бланка; ее составили присылкою двухъ членовъ изъ каждой областной юнты, но никто не хотѣлъ признавать ея власти. Раздѣльность Испаніи, служившая къ успѣху первоначальнаго возстанія, вредила необходимому сосредоточенію дальнѣйшихъ усилій. Каждая областная юнта распоряжалась сама собою, не думая помогать другимъ. Начальники войскъ, въ свою очередь, не слушали юнтъ и спорили между собою. Не было ни денегъ, ни запасовъ, не говоря уже о дурномъ состояніи артиллеріи и конницы. Бездарные и неопытные Испанскіе полководцы не имѣли понятія о штабахъ, о планахъ войны. Преувеличивая свои успѣхи, они хвастали побѣдами, презирали непріятеля и не думали дѣйствовать. Народъ, проникнутый суевѣрствомъ, свирѣпствовалъ, своевольничалъ, шумѣлъ по городамъ, рѣзалъ, кого подозрѣвалъ въ измѣнѣ, и ожидалъ чудесъ, о которыхъ предрекали ему предводители его, католическіе монахи. Было въ Испанцахъ одно неоспоримое достоинство:

личная храбрость, происходившая отъ готовности умереть, но не поддаваться, и подкрѣпляемая изувѣрною ненавистью къ *еретикамъ*-Французамъ. Грубое невѣжество заставило юнты отвергнуть всѣ предложенія о регентствѣ, когда тому противилась съ тѣмъ вмѣстѣ гордость правителей Испаніи, доходившая до смѣшнаго тщеславія. Верховная юнта приписала себѣ титулъ величества, назвала президента своего высочествомъ и членовъ превосходительствами. Другія юнты заспорили съ нею. Онѣ не соглашались на вступленіе Англичанъ въ Испанію, сколько боясь имѣть помощниками еретиковъ, столько и опасаясь возмущенія народнаго при видѣ союзниковъ. Удерживаемая отказомъ Испанцовъ, Англія медлила, и Испанцы не воспользовались робостью Іосифа, который, слыша о сильныхъ ополченіяхъ Испанцовъ, оставилъ даже Бургосъ, и сосредоточился около Витторіи, имѣя не болѣе 40,000 войска.

Постепенно приходили въ Испанію ополченія Наполеона. Число всѣхъ назначенныхъ туда войскъ, превышало 200 тысячь. Они были раздѣлены на 9 небольшихъ корпусовъ: Виктора, 28 тысячь, Бессьера 20, Монсея 18, Лефевра 20, Мортье 24, Нея 29, Сенъ-Сира 35, Жюно 19, и резервъ 35,000. Не дожидаясь прихода всѣхъ войскъ, и имѣя уже въ сборѣ до 120,000, Наполеонъ не хотѣлъ медлить.

Предлежало два плана войны: одинъ медленный — собрать запасы, занимать постепенно мѣста, укрѣпляться въ нихъ, и кончить завоеваніе въ годъ, или

въ два, привлекая довѣренность жителей строгою дисциплиною войскъ, кротостью обхожденія, платежемъ за все забираемое, и постепенно убѣждая ихъ въ благѣ и пользѣ власти Наполеоновой. Такой образъ войны не соотвѣтствовалъ расположенію Наполеона. Раздраженный неожиданнымъ сопротивленіемъ Испанцовъ, онъ, напротивъ, хотѣлъ поразить ихъ быстротою дѣйствій, убѣдить страхомъ, и укротить отнятіемъ всѣхъ средствъ сопротивленія. Къ сей мысли похода присоединилась всегдашняя система Наполеона — довольствовать войска на счетъ жителей. Онъ хотѣлъ наказать Испанію за ея возстаніе, и забывая, что воевалъ въ царствѣ брата своего, поступать съ нею, какъ съ завоеванною землею. Впрочемъ, его принуждали на такой выборъ плана войны обстоятельства, ибо всего дороже было ему время. Воюя на берегахъ Эбра и Тага, главное вниманіе обращалъ онъ на Германію. Здѣсь хотѣлъ онъ огромить ударомъ — тамъ готовилъ средства вести войну, гораздо болѣе важную.

Въ слѣдствіе всѣхъ сихъ разсчетовъ предположено было быстрое уничтоженіе защитниковъ Испаніи, обширное раздвиженіе войскъ по всему полуострову, грозное наказаніе главнымъ виновникамъ возстанія, власть страха надъ народомъ, обѣщаніе помилованія покорнымъ, гибели сопротивленію.

Надмѣнные своимъ успѣхомъ, Испанцы оставили предположенный ими сначала образъ защиты мѣлкою войною. Они собрали многочисленныя войска, числомъ

до 120,000, и надѣялись вновь увидѣть событія Байлена и Вимеры. Примѣръ Сарагоссы убѣждалъ ихъ, что въ городахъ можно надежно защищаться отъ силъ Наполеона. Велѣно было укрѣпить Таррагону, Тортозу, Жиронну, Бадахозъ, Ціудадъ-Родриго, возобновить и усилить укрѣпленія Сарагоссы и Валенціи. Войска Испанскія раздѣлились на четыре арміи; влѣво сталъ генералъ *Блакъ*, съ 45,000, составленными изъ корпуса Ла-Романа и Галиційскихъ войскъ. Онъ перешелъ за Билбао, стараясь отрѣзать сообщенія Французовъ; въ центрѣ былъ графъ *Бельведеръ*, съ Эстремадурскими войсками, до 20,000, занимая Бургосъ; правѣе находился генералъ *Кастаньосъ*, съ 30,000, Андалузскою арміею, стоя по Эбру, отъ Калагора до Туделы, и *Палафоксъ*, съ 25,000, Аррагонскою арміею, на лѣвомъ берегу Аррагоны. Генералъ Вивесъ блокировалъ Дюгема въ Барцелонѣ. Резервъ, 10,000, стоялъ передъ Мадритомъ, гдѣ собралось еще до 40,000 вооруженной черни, монаховъ и буйной сволочи, со всѣхъ концовъ Испаніи. Главное управленіе военными дѣйствіями отдано было Военному Совѣту, гдѣ засѣдали графъ Морла, Кастаньосъ, маркизъ Кастеларъ. Но начальники армій не слушали приказовъ Совѣта, какъ областныя юнты не слушали повелѣній главной юнты, гдѣ президентъ Флорида-Бланка и товарищи его гордились званіемъ верховныхъ правителей Испаніи. Каждый дѣйствовалъ по своему, и подчиненные не уважали начальниковъ до такой степени, что нерѣдко власть въ той, или

въ другой области, или арміи, принадлежала какому нибудь монаху, либо отважному бойцу, подвиги котораго разсказывали за чудо и прославляли въ пѣсняхъ. При первой неудачѣ являлось подозрѣніе въ измѣнѣ; народъ и войско бунтовали, и жизнь каждаго, кто осмѣливался противиться, либо защищать обвиняемаго ими, подвергалась опасности. Казалось, не было ничего легче побѣды надъ такими защитниками Испаніи, но черты, отличавшія возстаніе Испанцовъ, были свирѣпое изувѣрство и непримиримая ненависть къ Французамъ. При первомъ кликѣ военномъ соединялось все — сражались и умирали безтрепетно; монахъ, съ крестомъ въ рукѣ, велъ конный полкъ, простой пастухъ дѣлался генераломъ. Наполеонъ могъ не только разбить, но просто разогнать толпы вооруженныхъ Испанцовъ своими штыками и пушками, но каждый бѣглецъ, ушедшій съ поля битвы дрался за себя; первый утесъ, гдѣ могли собраться нѣсколько человѣкъ, становился крѣпостью, и если присовокупимъ къ тому, что для истребленія врага, Испанцы считали позволенными всѣ средства — ядъ, измѣну, тайное убійство, всякое безчеловѣчное злодѣйство, то согласимся, что такихъ враговъ побѣждать было трудно.

Войска, приходившія въ Испанію, сосредоточивались около Витторіи. Здѣсь были Ней и гвардія; вправо сталъ Викторъ, близъ Ордунья, Лефевръ близъ Дуранго; влѣво Монсей въ Таффолѣ, на Аррагонѣ, Сультъ въ Мирандо, на Эбро; Сенъ-Сиръ собиралъ

войска въ Перпиньянѣ; ему велѣно было идти въ Каталонію и освободить Дюгема.

Первое наступательное движеніе начато Сультомъ. Онъ напалъ на Эстремадурскую армію Бельведера, Ноября 10-го, и послѣ первой кавалерійской атаки Мутона, Испанцы побѣжали и разсѣялись. Французы взяли 3000 плѣнныхъ, 25 пушекъ, 12 знаменъ. Наполеонъ вступилъ въ Бургосъ. Сультъ пошелъ въ обходъ направо къ Рейнозѣ; онъ долженъ былъ отрѣзать армію Блака отъ Астуріи, Галиціи и Леона; Лефевру и Виктору предписано тѣснить ее съ фронта и съ фланга. По слуху, что Англичане идутъ изъ Португаліи на Валладолидъ, три дивизіи Сульта отдѣлились на рѣку Дуро къ Медина дель-Ріо-Секко. Ничто не могло сравниться съ гордостью Ла-Романа и Блака, и съ надеждою Испанцовъ на свои лучшія отборныя войска. Лефевръ сразился съ ними при Билбао, легко оттѣснилъ ихъ, Октября 31-го, заставилъ отступать отъ Генеса (Guenes), и остановился, когда Блакъ сталъ на рѣкѣ Труебѣ, въ крѣпкой Эпинозской позиціи, вблизи Рейноза. Ноября 10-го Викторъ напалъ на него, разбилъ его, возобновилъ нападеніе на другой день, и заставилъ Испанцовъ разбѣжаться, бросая пушки и обозы. Здѣсь погибъ батальонъ, составленный изъ студентовъ Саламанкскаго и Леонскаго университетовъ, и уничтожена была Испанская гвардія. Часть Испанцовъ побѣжала на приморье, къ Сантандеру; другую догналъ и разсѣялъ близъ Виларсао Себастіани. Блакъ и Ла-Романа укрылись

въ Рейнозѣ. Потеря Испанцовъ составляла 10,000. Сультъ не успѣлъ достигнуть Рейноза, гдѣ Испанцы не остановились, и ушли съ остатками войскъ, черезъ горы въ верховья Эбро, въ Леонъ, гдѣ едва могли собрать 15,000, изъ бывшихъ у нихъ 45-ти.

Когда уничтожены были такимъ образомъ лучшія войска Испанскія, гибельное пораженіе постигло другую надежду Испанцовъ, войска Палафокса и Кастаньоса, въ коихъ находились храбрые защитники Сарагоссы и побѣдители Байленскіе. Палафоксъ ссорился съ старикомъ Кастаньосомъ, не уважавшимъ молодаго генерала, до знаменитой защиты Сарагоссы извѣстнаго только щегольствомъ, и любовными шалостями при Дворѣ Мадритскомъ. Онъ звалъ къ себѣ на помощь Бельведера, но въ отвѣтъ получилъ извѣстіе объ его разбитіи. Ней шелъ на него съ юга, въ обходъ черезъ Соріо и Агреду, а Ланнъ, съ корпусомъ Монсея, ударилъ прямо на Лаграно. Палафоксъ и Кастаньосъ отступили на Эбро, и 23-го Ноября остановились въ крѣпкой позиціи при Тудедѣ, прикрывая Сарагоссу. Ссоры начальниковъ дошли до того, что Аррагонцы съ Палафоксомъ, не соединяясь съ Кастаньосомъ, стали правѣе; отъ нихъ отдѣлились еще Валенційцы и Кастилланцы, ставшіе въ срединѣ; Кастаньосъ стоялъ лѣвѣе. Число Испанцовъ составляло болѣе 45,000, и они имѣли 40 пушекъ. Съ 20,000 войска и 60 пушками, Ланнъ уничтожилъ ихъ, пользуясь несогласіемъ начальниковъ и растянутымъ расположеніемъ войскъ. Испанцы потеряли 30

пушекъ, 3000 плѣнными, 3000 убитыми и ранеными. Палафохсъ бѣжалъ, и опять затворился въ Сарагоссѣ. Кастаньосъ ушелъ на Таррагону, столь поспѣшно, что Ней не успѣлъ перерѣзать ему дороги, замѣшкавшись въ Соріи. Безостановочно прошелъ Кастаньосъ по лѣвому берегу Таго, и укрылся въ Аррагоніи, за рѣкою Хасарою, расположась около Куэнсы. Солдаты его забунтовали и убили генерала Пиньятелли. Избѣгая ихъ ярости, Кастаньосъ сдалъ начальство генералу Лапенѣ и бѣжалъ въ Трухилло, гдѣ народъ хотѣлъ растерзать его, обвиняя въ измѣнѣ. Лапена, также подозрѣваемый войскомъ, бѣжалъ въ слѣдъ за нимъ, и герцогъ Инфантадо принужденъ былъ заступить его мѣсто.

Наполеонъ жаловался даже на излишнюю поспѣшность, съ какою были произведены нападенія Виктора при Эспинозѣ и Ланна при Тудслѣ, ибо побѣды были одержаны столь быстро, что Сультъ и Ней не успѣли сдѣлать предписанныхъ имъ, обходныхъ движеній, послѣ чего обѣ арміи Блака и Ла-Романа, Палафохса и Кастаньоса, были бы истреблены окончательно. Теперь, убѣжавшіе остатки ихъ служили средствомъ соединенія новыхъ полчищъ Испанскихъ.

Тремя легкими битвами разсѣявъ сто тысячь Испанцовъ и овладѣвши нѣсколькими областями сѣверной Испаніи, Наполеонъ быстро выступилъ изъ Бургоса на Мадритъ, съ Викторомъ и гвардіею. Передъ выѣздомъ своимъ объявилъ онъ, Ноября 12-го, прощеніе и забвеніе прошедшаго, всѣмъ безъ исключенія,

кто покорится, и неумолимую смерть и казнь непокорнымъ. На изъявленіе покорности данъ мѣсяцъ срока. Въ примѣръ другимъ подвергнуты были осужденію главные зачинщики возстанія: герцоги Инфантадо, Гиханъ, Медина-Целли, Осунья, маркизъ Санта-Круцъ, графы Нунецъ и Алтамара, князь Кастель-Франко, Цеваллосъ и епископъ Сантандерскій. Ихъ велѣно судить военнымъ судомъ, если они будутъ пойманы; имѣнія ихъ были конфискованы. Ноября 30-го Французы приблизились къ Сомо-Сіеррскимъ дефилеямъ. Неприступныя горы были здѣсь защищаемы резервомъ, 12,000-ми Испанцовъ, подъ начальствомъ генерала Санъ-Жуана. Аттака пѣхоты была отбита. Наполеонъ осмотрѣлъ мѣстоположеніе, стоя подъ картечами и пулями, и велѣлъ Польскимъ уланамъ объѣхать позицію Испанцовъ по горнымъ тропинкамъ. Удальцы пробрались неприступными стремнинами, и взлетѣли на баттареи. Испанцы смѣшались, бѣжали, разсыпались, и въ бѣгствѣ убили своего несчастнаго начальника, обвиняя его въ измѣнѣ. Декабря 2-го Французы стали передъ Мадритомъ. Наполеонъ остановился въ замкѣ Чамартинскомъ. Главная юнта бѣжала изъ Арангуэза и укрылась въ Бадахозѣ. Мадритъ защищали 6000 войска, съ генераломъ Кастелларомъ, готовыя сдаться, ибо видѣли невозможность защиты. Но власть въ столицѣ не принадлежала правительству. Мадритомъ управляло скопище черни, предводимой монахами. Они били въ набатъ, призывали жителей къ защитѣ, устроивали баррикады на

улицахъ, защиту въ домахъ, и едва могли вырвать изъ рукъ ихъ Французскаго офицера, посланнаго съ предложеніемъ о сдачѣ Мадрита. Осмотрѣвъ мѣсто-положеніе, Наполеонъ поставилъ 30 орудій близъ дворца Буенъ-Ретиро, къ коему примыкали обсерваторія, казармы, фабрика королевская, и великолѣпные чертоги герцога Медина-Целли, такъ, что все вмѣстѣ составляло родъ цитадели. Вскорѣ ядрами осадныхъ орудій пробили проломъ. Французы на штыкахъ вторглись во дворецъ Медина-Целли и другія зданія. Генералъ Брюйеръ палъ въ битвѣ, но картечи разсѣяли народныя толпы. Мятежники побѣжали въ безпорядкѣ изъ города. Графъ Морла, членъ Хунты, и Иріарте, депутатъ города, явились къ Наполеону, и просили дать имъ время уговорить народъ на капитуляцію. Морла былъ товарищъ Кастаньоса, и главный виновникъ нарушенія Байленской капитуляціи. «Что вы мнѣ говорите о народѣ?» грозно воскликнулъ Наполеонъ. «Сами вы возбудили его безумную ярость, а теперь не знаете, какъ съ нимъ управиться! Выгоните изъ Мадрита негодяевъ, соберите людей порядочныхъ, и если завтра утромъ Мадритъ не покорится мнѣ — я сглажу его съ лица земли! А вы, графъ Морла, смѣете ли упоминать о капитуляціи послѣ вашего Байленскаго вѣроломства? Посмотрите, какъ поступаютъ даже Англичане, ваши друзья, ваши образцы. Нарушеніе военнаго договора все равно, что разбой. Идите — я прощаю всѣхъ васъ, но если еще осмѣлитесь вы явиться ко мнѣ безъ покор-

ности, я ни за что не отвѣчаю — казнь и погибель всѣмъ!» Утромъ на другой день Мадритъ покорился. Французы мирно заняли его. Только близъ Фуэнкаральской заставы рѣшился защищаться отрядъ, предводимый маркизомъ Сенъ-Симономъ. Его окружили и принудили сдаться. Сенъ-Симона, эмигранта Французскаго, судили и обрекли на смерть, но дочь осужденнаго умолила о прощеніи его. Кромѣ осужденныхъ Бургосскимъ декретомъ, Наполеонъ объявилъ виновными всѣхъ членовъ Кастильскаго Совѣта, дерзнувшихъ назвать недѣйствительными договоры Наполеона съ королемъ Карломъ и принцомъ Фердинандомъ. Тѣмъ прекратились всѣ осужденія. Объявлено всепрощеніе. Бельяръ опредѣленъ губернаторомъ Мадрита, и ему велѣно стараться поддержать тишину и порядокъ.

Послѣ покоренія Мадрита, Лефевру и Нею назначено идти къ столицѣ. Мортье, пришедшій тогда съ своимъ корпусомъ изъ Байонны, отряженъ былъ къ Сарагоссѣ, заблокированной Монсеемъ. Сульту приказано сдвинуться къ Леону, и наблюдать движенія Англичанъ изъ Португаліи, и войскъ Ла-Романа и Блака. Сюше и Газанъ двинулись отъ границы въ Галицію Жюно также явился съ своимъ Португальскимъ корпусомъ, нетерпѣливо желавшимъ расплатиться за безславіе Вимеиры и Цинтры.

Декабря 4-го обнародована была прокламація Наполеона. «Испанцы!» говорилъ онъ, «злые люди ввели васъ въ заблужденіе, заставили начать безразсудную

борьбу, и приняться за оружіе. Кто изъ васъ не убѣдится теперь, что вы были жертвою враговъ общаго спокойствія, радующихся пролитію крови? Какія могли быть слѣдствія даже успѣховъ вашихъ? Война безконечная и гибель неминуемая. Вы испытали всѣ ужасы междоусобій. Разбитіе вашихъ войскъ было для меня дѣломъ нѣсколькихъ дней. Я въ Мадритѣ, и права войны давали бы мнѣ право мстить возмездіемъ за оскорбленіе меня и моего народа, но я внимаю гласу милосердія. Наказаны будутъ только зачинщики зла. Скоро выгоню я изъ Испаніи Англійскія войска, присланныя, не помогать вамъ, но погубить васъ. Я говорилъ вамъ, что хочу быть вашимъ преобразователемъ. Къ правамъ, которыя передали мнѣ ваши государи, я присоединилъ теперь права побѣды. Но ни что не измѣняетъ моего кроткаго расположенія. Я даже хвалю то, что было великодушно исполнено въ вашихъ усиліяхъ, но васъ обманули, и теперь, Испанцы, жребій вашъ въ моихъ рукахъ. Отриньте ядъ, разлитый между вами Англіею, обратитесь съ любовью и довѣренностью къ вашему королю, и вы будете счастливы и могущественны. Я разрушилъ препятствія къ вашему благоденствію и величію. Но если вы не будете соотвѣтствовать моей довѣренности, я поступлю съ вами, какъ съ завоеваннымъ народомъ. Другой престолъ дамъ я моему брату, возложу корону Испанскую на мою голову, и заставлю уважать ее, ибо Богъ далъ мнѣ силу и волю преоборать всѣ препятствія.»

Въ день изданія прокламаціи Наполеонъ распорядился самовластительно: велѣно было закрыть двѣ трети монастырей; запрещено посвящать вновь монаховъ и монахинь, сверхъ опредѣленнаго числа, и приказано выслать изъ монастырей всѣхъ непостриженныхъ послушниковъ и послушницъ. Монахамъ, которые оставятъ монастыри и примутъ должности священниковъ, назначались жалованья, отъ 3-хъ до 4000 реаловъ. Имѣнія уничтожаемыхъ монастырей опредѣлялись на содержаніе священниковъ, такъ, чтобы изъ нихъ никто не имѣлъ жалованья менѣе 2400 реаловъ. Оставшіеся за тѣмъ имѣнія раздѣлялись на двѣ половины: одна назначалась на уплату государственныхъ долговъ, а другая на уплату содержанія Французовъ и вознагражденіе потерпѣвшихъ отъ войны Испанцовъ. Другимъ декретомъ уничтожена инквизиція, и ея имѣнія обращены на уплату государственнаго долга. Третій декретъ уничтожилъ всѣ феодальныя привилегіи какъ-то: права помѣщиковъ на рыбную и звѣриную ловлю, владѣніе ярмарками, постоялыми дворами, мельницами, сборы съ разныхъ отраслей торговли и промышленности. Наконецъ, четвертымъ декретомъ объявлено уничтоженіе таможенныхъ заставъ внутри Испаніи; торговлѣ внутренней предоставлена полная свобода. Черезъ недѣлю потомъ, уничтожены всѣ сборы и подати въ пользу духовенства и владѣтелей земли, и всѣ права мѣстнаго суда, предоставляемые помѣщикамъ.

Всѣ сіи измѣненія исчислилъ Наполеонъ въ про-

долингельной рѣчи, которую говорилъ депутатамъ Мадрита, явившимся въ Самартинъ, въ числѣ 1200 человѣкъ, подъ предводительствомъ Коррехидора. «Принимаю чувства, изъявляемыя мнѣ городомъ Мадритомъ, скорблю о причиненныхъ вамъ бѣдствіяхъ, и постараюсь отвратить ихъ въ будущемъ,» говорилъ онъ. «Я уменьшилъ число монастырей и монаховъ, и излишнимъ имѣніемъ ихъ облегчилъ участь бѣднаго духовенства. Я уничтожилъ трибуналъ инквизиціи. Дѣло священниковъ руководить совѣстью, но не судить своихъ согражданъ. Мщеніе мое пало на немногихъ виновниковъ. Я уничтожилъ исключительныя права областей и помѣщиковъ, и открылъ свободные пути промышленности и труду. Какъ единъ Богъ, такъ должно быть едино правосудіе, и я уничтожилъ всѣ частныя права суда. Всякій видитъ, чего онъ долженъ бояться и чего надѣяться. Я прогоню Англичанъ, покорю неповинующихся и ничто не задержитъ исполненія моей воли. Но не въ моей власти создать изъ васъ націю, если вы будете слѣдовать правиламъ раздора и ненависти, если не обратитесь съ любовію и довѣренностью къ вашему королю. Бурбоны не могутъ царствовать въ Испаніи. Они предавали васъ Англичанамъ. Мнѣ легко теперь и я принужденъ буду обратить васъ въ область Французскую при неповиновеніи. Но я готовъ уступить мои права побѣды, если вы дадите примѣръ повиновенія вашему королю. Идите, присягните ему въ вѣрности, дайте клятву, не только устами, но и сердца-

ми — тогда, Испанцы, вы увидите во мнѣ друга и покровителя, и потомство благословитъ меня. Таковы мои чувства. Увижу, соотвѣтствуете ли вы имъ!»

Смиренно преклоняясь предъ Наполеономъ, депутаты просили «осчастливить ихъ возвращеніемъ въ Мадритъ Е. К. В. короля Іосифа, дабы даровать спокойствіе и благоденствіе Испаніи, которыя могутъ упрочить только благость и могущество Наполеона.»

Іосифъ находился въ Прадо, вблизи Мадрита, когда Наполеонъ оставилъ свои занятія преобразованіями Испаніи и самъ снова поспѣшилъ въ битвы. — Надлежало исполнить данное слово: «прогнать Англичанъ.»

Послѣ отзыва въ Англію Веллеслея и его товарищей, начальство надъ Англійскими войсками въ Португаліи предоставлено было генералу Джону Муру, прибывшему съ войсками, бывшими въ Швеціи. Ни онъ, ни генералъ Краддокъ, генералъ-губернаторъ Англійскій въ Лиссабонѣ, не знали что имъ дѣлать. Кастлеригъ приказывалъ имъ занять Португалію, и дѣйствовать совокупно съ Испанцами, обѣщая вскорѣ прислать еще корпусъ войскъ генерала Берда, но Испанскія юнты и начальники Испанцовъ отказывались отъ ихъ помощи. Муръ употребилъ въ пользу время, образуя всеобщее возстаніе Португаліи. Строгія повелѣнія присланы были изъ Бразиліи принцомъ регентомъ. Генералъ Бересфордъ, объявленный фельдмаршаломъ и главнокомандующимъ Португальской арміи, долженъ былъ управлять Португалі-

сію, вмѣстѣ съ Лиссабонскимъ патріархомъ, маркизомъ Ласъ-Минасомъ и Монтекро-Моромъ, и генераломъ Краддокомъ. Велѣно вооружить поголовно всѣхъ Португальцовъ, отъ 18 до 60-ти лѣтъ, составивъ изъ нихъ милицію. Селеніе или городъ, сдавшіеся непріятелю безъ боя, приказано было опустошать и жечь Каждаго, отказавшагося отъ военной службы, положено безъ суда разстрѣливать. Изъ милиціи должно было составить регулярные полки. Англичане доставляли одежду и вооруженіе войскамъ, и начальниками полковъ, до ранга капитановъ, опредѣлены были Англичане. Такимъ образомъ успѣли образовать 12 регулярныхъ полковъ Португальскихъ, и вся Португалія явилась боевымъ станомъ. Въ Октябрѣ Муръ получилъ строгій приказъ идти немедленно въ Испанію. Его увѣдомляли, что генералъ Бердъ, съ 15,000, посланъ туда прямо, и долженъ выйдти на берегъ въ Коруньѣ. Опасность сближенія войскъ Наполеоновыхъ заставила наконецъ юнты согласиться на помощь Англичанъ. Муръ перешелъ границу Португальскую Ноября 11-го, и 13-го вступилъ въ Саламанку. Отрядъ Англійскій явился даже близъ Эскуріала. Бердъ, высадившій войска въ Коруньѣ, прошелъ Галицію и Астурію, и сталъ въ Асторгѣ. Положеніе Англичанъ было самое странное. Вопреки приказу юнтъ, народъ встрѣчалъ ихъ какъ враговъ. Запасы надлежало отнимать у жителей силою. Вскорѣ успѣхи Наполеоновы отняли у Мура всякую возможность дѣйствовать. Онъ хотѣлъ обратиться на

помощь Бельведера и Ларомана, и получилъ извѣстіе объ ихъ разбитіи. Такимъ же извѣстіемъ остановлено было намѣреніе соединиться съ Ла-Романою. Третьимъ извѣстіемъ, о разбитіи Кастаньоса, уничтожено было покушеніе подкрѣпить его. Послѣднимъ распоряженіемъ Мура былъ походъ на Мадритъ, когда пришла вѣсть о взятіи Мадрита. Муръ увидѣлъ опасность своего положенія, рѣшился отступать, соединился съ Бердомъ, и обратился въ Галицію, уже не смѣя отступать на Саламанку. Положеніе корпуса Сультова дало ему мысль воспользоваться его отдѣльностью и разбить его. Приказывая Лароману и Бланку отрѣзать Сульту отступленіе въ Сальданьо, Муръ устремился на Сагагунъ, имѣя до 30,000 войска. Узнавъ о походѣ его, Наполеонъ увидѣлъ возможность уничтожить Англичанъ. Въ ужасную погоду, при снѣгѣ, дождѣ и вѣтрѣ, онъ быстро двинулся съ гвардіею, корпусомъ Нея, и дивизіею Дессона на Тардезиллась. Декабря 22-го, имѣя до 50,000 онъ достигъ цѣпи Сіерра-Гвадаррамскихъ горъ, огромныхъ, какъ Пиренеи, и покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ. Страшная выюга встрѣтила войска; отъ порывовъ метели ничего не было видно; вѣтеръ былъ столь силенъ, что сшибалъ съ ногъ. Конница спѣшилась и вела лошадей; пѣхотѣ велѣно идти плотными колоннами. Наполеонъ шелъ пѣшкомъ, опираясь на палку, и держась за руку Савари. Онъ перешелъ Дуеро въ Таро, и хотѣлъ занять Беневентъ. Лаборду велѣно изъ Бургоса идти на Валладолидъ. Для обезопасенія

Мадрита, Виктору приказано стать на югъ отъ него, на берегахъ Таго, занимая Толедо и Талаверу Ла-Реину. Опасеніе за Сульта заставило Наполеона изъ Торъ идти правѣе Беневента, на Медину дель-Секко. Онъ прибылъ туда Декабря 27-го, и симъ обходнымъ движеніемъ спасъ Англичанъ. Муръ узналъ о приближеніи Наполеона, и помышлялъ только объ отступленіи, а не о битвахъ и побѣдахъ. Поспѣшно бросился онъ изъ Сагагуна въ Беневентъ, успѣлъ дойдти сюда, и 27-го Декабря сталъ за рѣкою Узлою, истребивъ мосты и переправы. Нетерпѣливо погналъ за нимъ полки свои Наполеонъ. Сульту и Нею велѣно, сколько возможно, спѣшить и догонять бѣглецовъ, ибо отступленіе Мура вскорѣ обратилось въ настоящее бѣгство. Онъ бросалъ пушки, обозы, лошадей, раненыхъ, больныхъ, умирающихъ. Приведенные въ отчаяніе, солдаты его жгли, грабили по дорогѣ, рѣзали жителей, и гибли подъ ихъ ножами. Каждый разъ, когда Французамъ удавалось догнать какой нибудь Англійскій отрядъ, начиналась битва безпощадная. Въ одной изъ нихъ палъ храбрый Колбертъ; въ другой попался въ плѣнъ Лефевръ-Денуэтъ, съ 3-мя эскадронами егерей, окруженный всею Англійскою конницею, подъ начальствомъ Лорда Наджета и генерала Стуарта. Такъ достигли Астуріи. Здѣсь привезли Наполеону портфейль писемъ изъ Парижа. Онъ поспѣшно перебралъ всѣ письма и депеши, призвалъ къ себѣ Сульта, и мрачно сказалъ, что препоручаетъ ему преслѣдовать Англичанъ, а самъ

долженъ остаться въ Асторгѣ. «Здѣсь пробуду я дня два и столько же въ Беневентѣ, гдѣ дождусь вашихъ донесеній. Изъ Валладолида вы получите мои дальнѣйшія приказанія, а я поѣду во Францію!» Сультъ продолжалъ погоню за Англичанами. Къ досадѣ его, они успѣли войдти въ дефилеи, занимающіе пространство отъ Астарги до Луго, миль на тридцать, гдѣ слабый отрядъ могъ остановить цѣлую армію. Но Англичане не думали сражаться. Сультъ и Ней прошли безъ боя дефилеи. Англичане достигли между тѣмъ Коруньи, и ждали ихъ здѣсь въ боевомъ порядкѣ. Войско Мура было совершенно разстроено, и уменьшилось до 20,000, но Англичане дрались упорно. Генералу Берду оторвало руку. Главнокомандующій, генералъ Джонъ Муръ былъ убитъ ядромъ. Ночь разлучила сражавшихся. Но Англичане сражались только для прикрытія своей переправы на суда, совершившейся ночью. Января 17-го Сультъ ворвался въ Корунью, и видѣлъ, какъ Англичане удалялись отъ береговъ, въ бурное время, на корабляхъ, прибывшихъ изъ Леро. Въ городѣ найдено было множество запасовъ, 1500 застрѣленныхъ лошадей, большое число больныхъ и раненыхъ. Весь уцѣлѣвшій остатокъ Англичанъ составлялъ не болѣе 15,000. Нѣсколько часовъ противнаго вѣтра могли передать ихъ безъ остатка Французамъ. Бѣдствія преслѣдовали Англійскія войска и при переѣздѣ моремъ. Часть ихъ потерпѣла кораблекрушеніе на пути; другая погибла у береговъ Англійскихъ. Многіе при переѣздѣ

сдѣлались жертвою заразительныхъ болѣзней. Всеобщій ропотъ на Мура, Берда и Гопа, товарища ихъ, встрѣтилъ бѣглецовъ въ отчизнѣ, но благоразумные соотечественники извиняли уступившихъ необходимости обстоятельствъ и превозмогающей силѣ Наполеона. Поэзія почтила память Мура. (*) Сультъ занялъ Ферроль и Луго. Въ первомъ изъ сихъ городовъ захватили 5 линѣйныхъ кораблей, 3 фрегата и множество разныхъ судовъ. Ларомана бѣжалъ въ Астурійскія горы.

Предосторожность Наполеона, заградившаго Мадритъ отрядами Виктора и Лефевра, оправдалась. Едва узнали о выходѣ его изъ Мадрита, туда устремились, изъ Трухиля генералъ Галуццо, съ остаткомъ корпуса Бельведера, и изъ Куэнсы герцогъ Инфантадо, съ бывшими Кастаньосовыми войсками. Оба они усилили свои арміи новыми рекрутами. Лефевръ разбилъ Галуццо, прогналъ его на Мериду, и принудилъ убраться за Гвадіану. Главная юнта не смѣла остаться въ Бадахозѣ, и укрылась въ Севиллу. Еще рѣшительнѣе было пораженіе Инфантадо. Въ битвѣ при Уклезѣ, Января 13-го, онъ потерялъ до 10,000 убитыми и ранеными, и 30 пушекъ. Только недостатокъ конницы у Французовъ далъ возможность Инфантадо спастись за Сіерра-Мореною.

(*) Not a Drum was heard, not a funeral note — элегія Томаса Мура, прекрасно переведенная Козловымъ: *«Не билъ барабанъ передъ смутнымъ полкомъ,»* и проч.

Когда Наполеонъ и Сультъ гнали Англичанъ, Сенъ-Сиръ сражался въ Каталоніи, а Ланнъ бился съ Аррагонцами.

Назначеніе Сенъ-Сира представляло особенныя трудности, по мѣстному положенію страны, и по характеру ея жителей. Каталонію составляетъ приморская, гористая область Испаніи, отъ Пиренейскихъ горъ до Эбро, отдѣляемая отъ Аррагоніи теченіемъ рѣки Сегры. Горные жители и приморскіе контрабандисты Каталонскіе привычны къ ружью и считаются лучшими Испанскими солдатами. Приморье, гдѣ расположены города Розесъ, Жирона, Гостахрихъ, Барцелона, Таррагона, давали средства сообщенія моремъ. Трудность сообщенія и переходовъ умножали недоступныя горы, гдѣ небольшое селеніе дѣлалось мѣстомъ защиты. Мы говорили о Дюгемѣ, занимавшемъ Барцелону. При началѣ возстанія Испанцовъ, онъ почелъ необходимымъ овладѣть Жироною, стараясь сохранить сообщенія съ Франціею. Покушеніе было неудачно, и отступленіе Дюгема воспламенило Аррагонцовъ. Онъ едва могъ опять добраться до Барцелоны. Изъ Минорки, Гренады, Валенціи присланы были туда войска. Микелеты, или горцы Аррагонскіе, составили 40 батальоновъ стрѣлковыхъ. Эскадра Коллингвуда приблизилась къ Аррагонскимъ берегамъ. Генералъ Вывесъ принялъ начальство въ Аррагоніи, и вообще полагали число вооруженныхъ защитниковъ ея до 70,000. Наполеонъ предписалъ Сенъ-Сиру освободить Дюгема, стѣсненнаго въ Бар-

целлонѣ. Корпусъ Сенъ-Сира состоялъ изъ Итальянской дивизіи генерала Пино, и Французской Сугама, всего не болѣе 20 тысячь. Сенъ-Сиръ перешелъ Пиренеи и овладѣлъ Розесомъ. Маркизъ Лузанъ, съ 12,000, у Жероны и Вивесъ, съ 30,000, у Барцеллоны, ожидали его, когда Горцы разсыпаны были повсюду. Преодолѣвая всѣ препятствія, и оставя за собою Лузана, и не взятыми Гирону и Госталрихъ, Сенъ-Сиръ обошелъ горными дорогами, внезапно напалъ на Вивеса, разбилъ его, Декабря 11-го, и освободилъ Барцеллону. Вивесъ отступилъ къ Таррагонѣ, и 21-го былъ снова разбитъ, оставилъ всѣ свои пушки и бѣжалъ. Таррагонская юнта бросила его, какъ измѣнника, въ тюрьму, и поручила начальство генералу Редингу. Усиливъ войско свое за 30 тысячъ, Редингъ отважился на наступательныя дѣйствія, въ началѣ Февраля, но трижды разбитый, едва успѣлъ онъ укрыться въ Таррагону. Французовъ не столько занимало сопротивленіе Испанцовъ, сколько пресѣченіе всѣхъ сообщеній, недостатокъ запасовъ и лишенія всѣхъ родовъ.

Другаго рода трудности представлялись Ланну — надлежало овладѣть Саррагоссою, гдѣ снова затворился Палафоксъ. Послѣ первой, оставленной Французами осады, Испанцы считали Саррагоссу непобѣдимою, особливо укрѣпивъ ее, снабдивъ громадною артиллеріею и множествомъ запасовъ. Городъ былъ объявленъ находящимся подъ покровомъ чудотворнаго образа Пиларской Богородицы. Тысячи сбѣжались

защищать Саррагоссу, считая святымъ дѣломъ умереть на ея развалинахъ. Французы скоро разбили стѣны и ворвались въ городъ, но здѣсь возобновились въ усиленномъ видѣ всѣ ужасы первой осады. Ярость съ обѣихъ сторонъ была не человѣческая. Надлежало брать приступомъ каждый домъ, ломать стѣны, своды, погреба бомбами и ядрами, взрывать зданія подкопами. Французамъ доставались груды обломковъ и трупы. Ланнъ и Палафохсъ казались двумя неистовыми Ляксами. «Воины! во имя Бога, на посрамленіе ада!» восклицали съ одной стороны. «Солдаты! императоръ ждетъ отъ насъ побѣды!» кричали съ другой. Осажденные собирались въ церквахъ, заживо отпѣвали себя и шли умирать. Тѣхъ, кто уступалъ порученное ему на защиту зданіе, и оставался живъ, разстрѣливали. Женщины дрались наряду съ мужчинами. Въ городѣ начались болѣзни и оказался голодъ. Жители умирали сотнями. Трупы валялись непогребенные и заражали воздухъ, но Саррагосса не уступала. Наконецъ Палафохсъ сдѣлался боленъ, не могъ ободрять своимъ присутствіемъ, и Саррагосса сдалась, Февраля 21-го, послѣ трехмѣсячной осады. Не болѣе 12,000 уцѣлѣвшихъ жителей ея было взято въ плѣнъ. Палафохса увезли во Францію, и заключили въ Венсенскій замокъ близъ Парижа. Число Испанцовъ, погибшихъ во время осады, полагали болѣе 50,000, не считая 13,000 найденныхъ въ госпиталяхъ, раненыхъ и больныхъ. Потерю Французовъ считали въ 5000, но вѣроятно, она была вдвое болѣе.

Адъютантъ Наполеона, Лакасъ былъ убитъ. Ланнъ, Мортье, Сюше, Газанъ сражались наряду съ солдатами. Зрѣлище покоренной Саррагоссы было ужасно. Она казалась обширною могилою, городомъ, который разрушило землетрясеніе.

Наполеонъ уже не дожидался, ни окончательныхъ дѣлъ въ Каталоніи, ни паденія Саррагоссы. Онъ прожилъ въ Валладолидѣ до 16-го Января, распоряжаясь военными дѣйствіями и учрежденіемъ правленія, въ Испаніи. Главнѣйшимъ дѣломъ его былъ походъ въ Португалію, гдѣ Краддокъ подкрѣпленъ былъ вновь прибывшимъ корпусомъ Англичанъ, подъ начальствомъ генерала Маккензи. Испанцы не пустили его въ Кадиксъ и, послѣ бѣгства Мура и Берда, Краддокъ вытребовалъ его въ Лиссабонъ. Наполеонъ полагалъ, что до прибытія болѣе сильнаго подкрѣпленія, достаточно отправиться Сульту, съ 35,000, изъ Галиціи, и Виктору подкрѣплять его, спускаясь по теченію Таго. Дивизія Лаписа должна была идти на Алгиниду изъ Саламанки. Ней оставался въ Галиціи, Сенъ-Сиръ въ Каталоніи, Жюно въ Саррагоссѣ, Келлерманъ въ Валладолидѣ, Мортье отправленъ былъ къ Мадриту; Себастіани поручено охранять берега Таго и Гвадіаны. Отряды Французскіе находились отдѣльно въ Бискаіи, Наваррѣ, Кастиліи и Леонѣ. Наполеонъ чрезвычайно затруднялся въ томъ, кому передать главное распоряженіе войною въ Испаніи? Пока былъ здѣсь онъ, его волѣ повиновалось все, его умъ руководилъ всѣмъ. Но онъ предчувствовалъ, что по-

слѣ отъѣзда его не будетъ единства въ дѣйствіяхъ, и если никакія подробныя наставленія не могли передать маршаламъ плановъ его генія, надлежало опасаться несогласія и честолюбія ихъ, ибо никто изъ нихъ не хотѣлъ повиноваться другому. Оставалось выставить куклу и облечь ее верховною властью, придавши ей тайнаго добраго совѣтника. Іосифъ, какъ братъ Наполеона и король Испаніи, получилъ начальство надъ всѣми маршалами, и послѣ долгихъ соображеній, Наполеонъ придалъ ему наставникомъ маршала Журдана. Побѣдитель Флерусскій съ 1806 года былъ генералъ-губернаторомъ въ Неаполѣ, и вмѣстѣ съ Іосифомъ пріѣхалъ въ Испанію. Наполеонъ видѣлъ въ Журданѣ опытнаго, хладнокровнаго генерала, и старшинство его передъ всѣми не допускало притязаній честолюбія. Онъ получилъ титулъ маіора-генерала, и намѣстника его католическаго величества, короля Испанскаго Іосифа Наполеона.

Послѣ отъѣзда Наполеона изъ Мадрита, Іосифъ также переѣхавъ въ Витторію, и Наполеонъ полагалъ, что всего лучше было оставаться ему здѣсь, избѣгая случайностей вторичнаго бѣгства изъ столицы. Но въ Валладолидѣ явились депутаты Мадрита, и представили просьбу, подписанную 24,000 человѣкъ, о возвращеніи Іосифа въ Испанскую столицу. Долго разговаривалъ съ депутатами Наполеонъ, излагая имъ свои мысли и намѣренія, изъясняя свое желаніе добра Испанцамъ. Въ Доминиканскомъ монастырѣ нашли тогда тѣло убитаго Француза. Монастырь

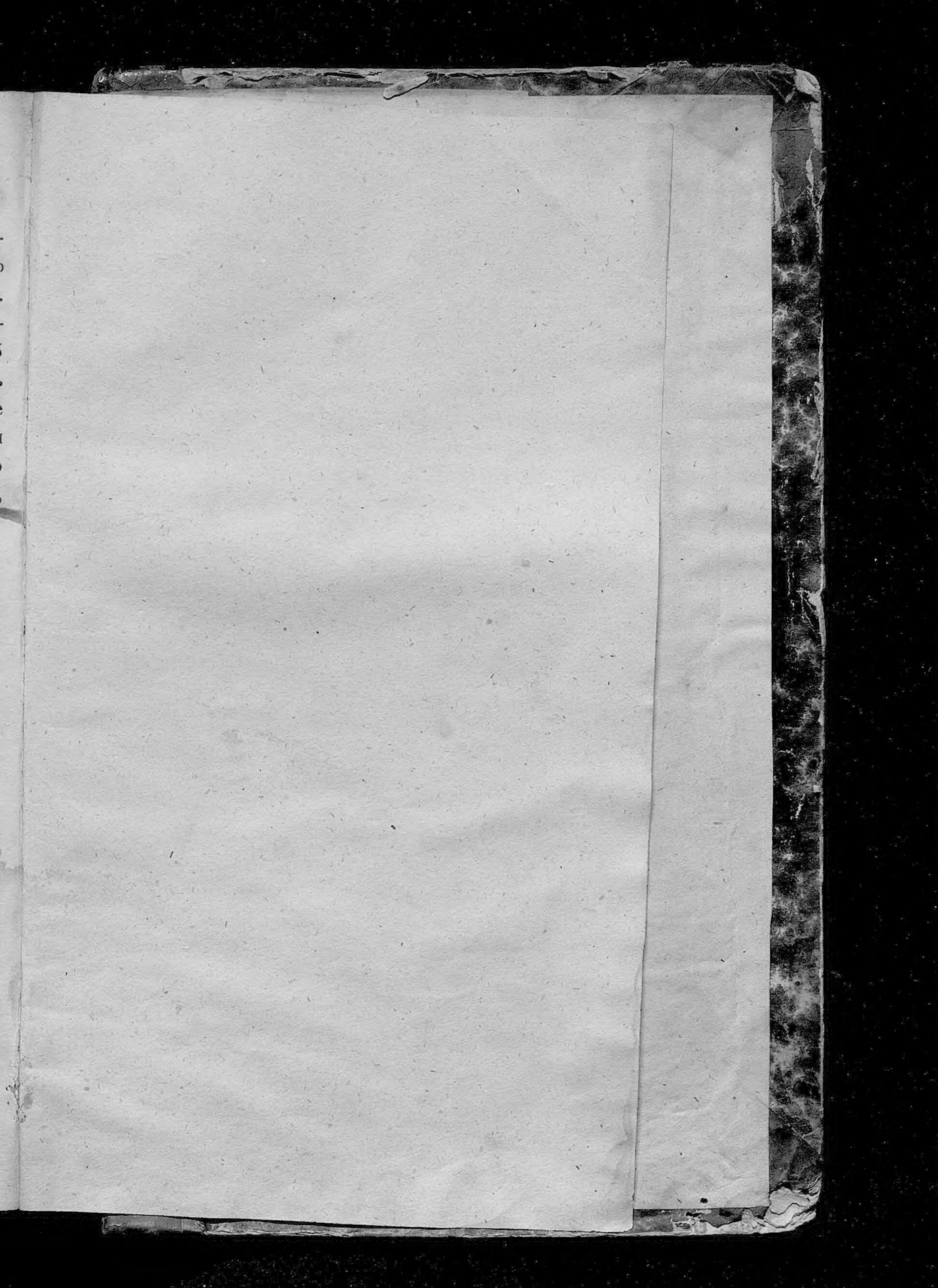
велѣно было уничтожить. Наполеонъ призвалъ къ себѣ главныхъ монаховъ и аббатовъ изъ всѣхъ другихъ монастырей Валладолидскихъ; ихъ явилось сорокъ человѣкъ. Безмолвно слушали они наставленія Наполеона, при которомъ во время разговора находились только Боссе и Гедувиль. Еслибы изувѣрство вложило тогда въ руку одного изъ слушателей Наполеоновыхъ кинжалъ, ничто не спасло бы повелителя милльоновъ отъ гибели.

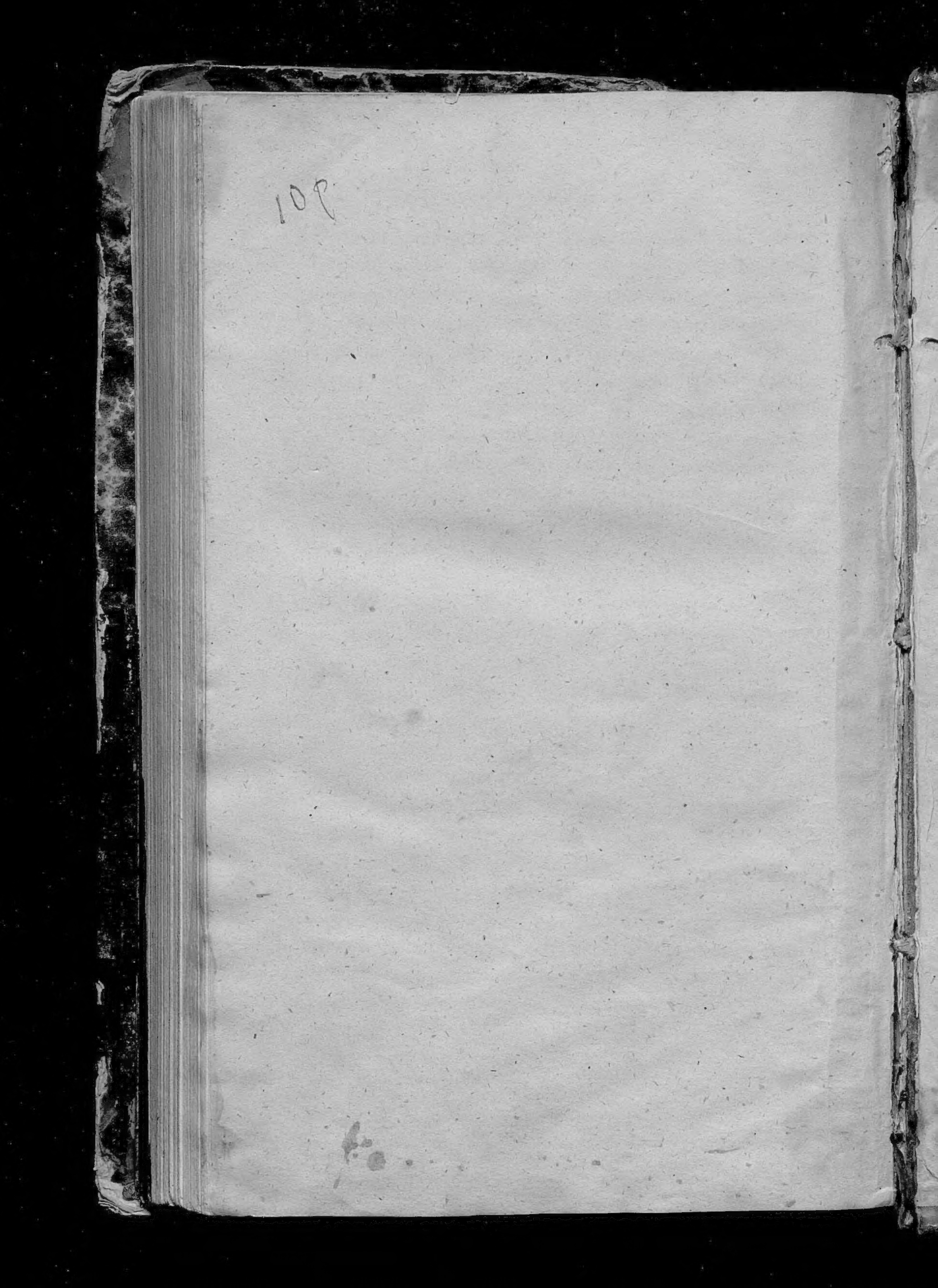
Въ ночь хотѣлъ отправиться Наполеонъ, но ужасная погода мѣшала его отъѣзду. Онъ не спалъ, и разговаривалъ съ Прадтомъ, пріѣхавшимъ изъ Мадрита, безпрестанно отворяя окно, и нетерпѣливо смотря не прояснилось ли небо? Прадтъ не скрывалъ замѣченнаго имъ, непріязненнаго расположенія, жителей Мадрита. Наполеонъ былъ словоохотенъ, краснорѣчивъ, доказывалъ, что нельзя Испанцамъ не признать благодѣяній, коими онъ ознаменовалъ свою власть — уничтоженія золъ, каковы были инквизиціи, феодальныя привиллегіи, монахи, пожиравшіе трудъ и богатство жителей. Прадтъ замѣтилъ, что Испанцы не понимали сихъ золъ, и были похожи на жену Сганареля, которая бранилась на тѣхъ, кто не давалъ мужу колотить ее. Наполеонъ захохоталъ. «Я не знаю Испаніи,» сказалъ онъ. «Испанія такъ хороша, что я никакъ не воображалъ всей ея прелести, и сдѣлалъ Іосифу слишкомъ богатый подарокъ. Но, погодите! Испанцы сдѣлаютъ еще какую нибудь глупость — я возму ихъ себѣ, раздѣлю на пять вице-королевствъ,

и тогда...» Порывъ вѣтра, потрясшаго окна комнаты, прервалъ слова Наполеона. «Ужасная погода!» сказалъ онъ, и задумчиво началъ ходить по комнатѣ.

Къ утру буря стихла. Наполеонъ поѣхалъ верхомъ, и разстояніе отъ Валладолида до Бургоса, 35 Испанскихъ миль (около ста верстъ) промчался въ пять часовъ, перемѣняя нѣсколько разъ лошадей. Не останавливаясь спѣшилъ онъ во Францію. Января 23-го уже привѣтствовали его въ Тюльери съ его новыми побѣдами, и онъ мыслилъ о новыхъ битвахъ, какъ будто забывая на время Испанію.

Конецъ третьяго тома.




10p